

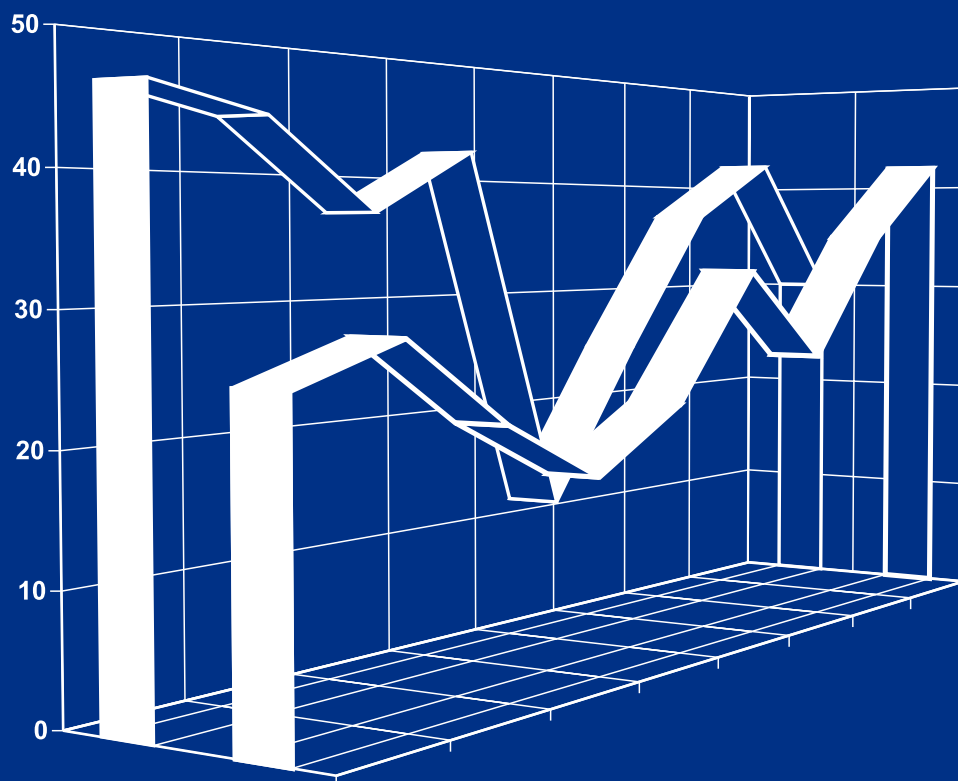
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

1-2 (126)

ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 2018

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(126)

Выходит 2 раз в год. Год издания 25-й

Январь–июнь 2018

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И НЕРАВЕНСТВА	
Наталья ТИХОНОВА. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика	17
Светлана МАРЕЕВА, Екатерина СЛОБОДЕНЮК. Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности	30
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. О чем говорят индексы? Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения	47
ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ	
Клаус ГЕСТВА. Советский человек. История одного собирательного понятия	58
АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	
Владимир (Зеэв) ХАНИН. Выборы Президента РФ в Израиле: социально-политические аспекты	76
Лев ГУДКОВ. Патриотическая мобилизация и ее следствия	81
Сергей НИКОЛЮК. Настя Рыбка и столкновение цивилизаций	124
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГОВ	
Татьяна ЛЫСОВА. Пользование Интернет-услугами и факторы, влияющие на их разнообразие	133
Есения БОНДАРИК. Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе	145
Елена БЕРДЫШЕВА, Анна СОКОЛОВА. Измерения страдания в социальных науках: случай онкологических заболеваний	153
К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ	
Александр ЧЕПУРЕНКО. О Грушине, Арндт и Леваде. Вступительное слово на 12-й ежегодной конференции имени Юрия Левады	166
«...Потенциальная революция, которая в XX веке ожидала бы Россию, это не Горбачев, не перестройка, а оттепель». Беседа Алексея Левинсона с профессором Пал Тамашем	169
Борис ОРЛОВ. Как пускали под нож «Лекции» Левады	178
Авторы номера	181
SUMMARY	182

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(126)

Quarterly

January–June 2018

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Editor*)

CONTENTS

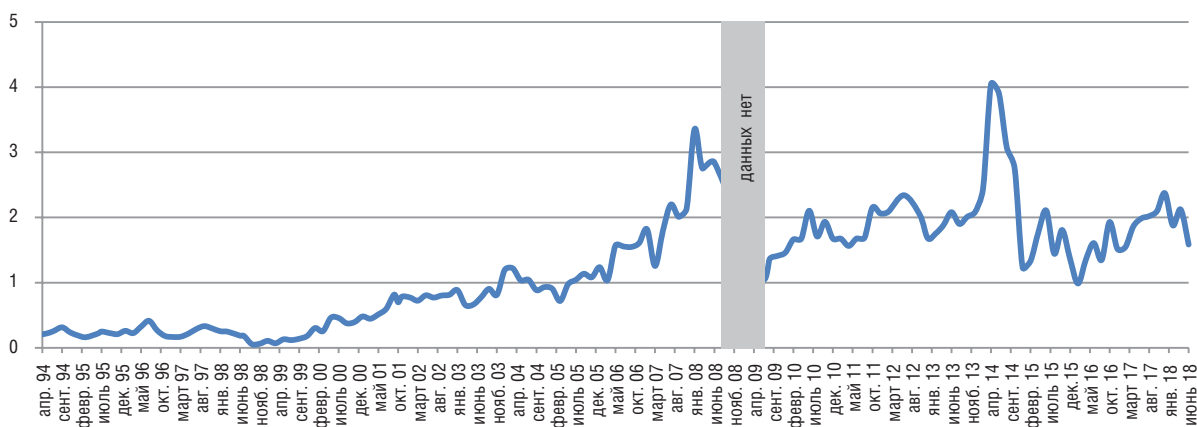
MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
SOCIAL STRUCTURE AND INEQUALITY PROBLEMS	
Subjective stratification of Russian society model and its dynamic (by Natalia Tichonova)	17
Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities (by Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyk)	30
What do indexes speak of? Potential and limitations of public opinion survey data dynamic comparisons (by Marina Krasilnikova)	47
HISTORY OF IDEAS AND TERMS	
Soviet man. The History and ambivalence surrounding a collective singular form (Klaus Gestwa)	58
CURRENT SOCIO-POLITICAL PROCESSES	
Presidential elections in Russia and Israel: sociopolitical aspects (by Zeev Hanin)	76
Patriotic mobilization and the consequences thereof (by Lev Gudkov)	81
Nastya Rybka and the collision of civilizations (by Sergey Nikolyuk)	124
FROM THE DESK OF RESEARCHERS	
Use of Internet services and factors affecting the variety thereof (by Tatiana Lysova)	133
Freedom of information: informal practices of mass-media regulation in contemporary political process in Russia (by Eseniya Bondarik)	145
Measuring suffering in social sciences: the case of oncology diseases (by Elena Berdysheva, Anna Sokolova)	153
TO THE HISTORY OF SOCIOLOGICAL THOUGHT IN RUSSIA	
On Grushin, Arendt and Levada. Opening remarks at the 12th Yury Levada yearly conference (by Alexandr Chepurenko)	166
Interview with Pal Tamash (by Alexey Levinson)	169
How Levada's «Lectures» were scuttled (by Boris Orlov)	178
Authors of the issue	181
SUMMARY	182

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»

«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

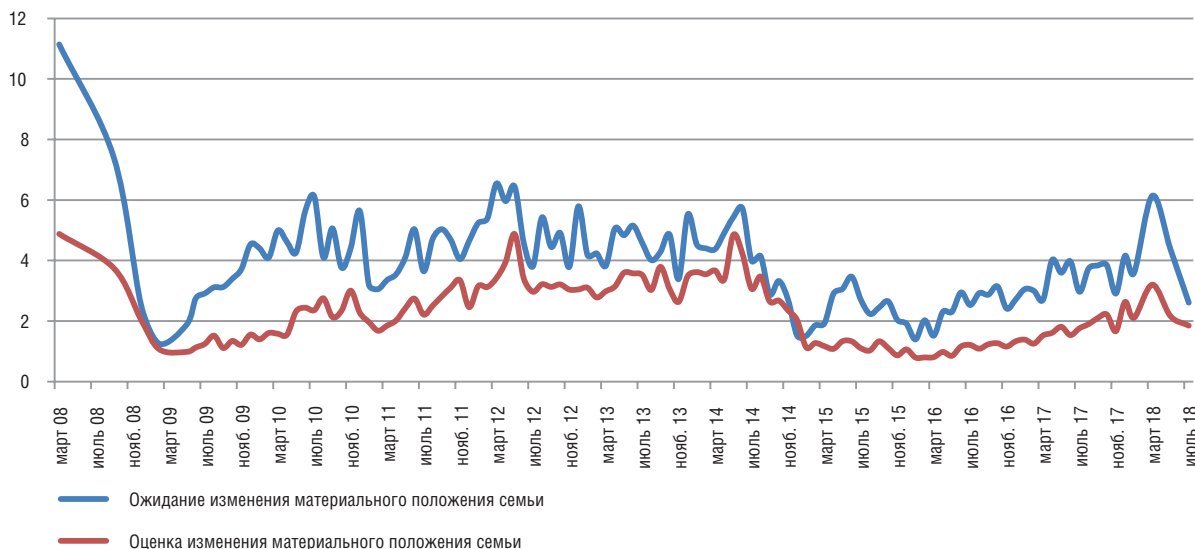

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

«Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?»

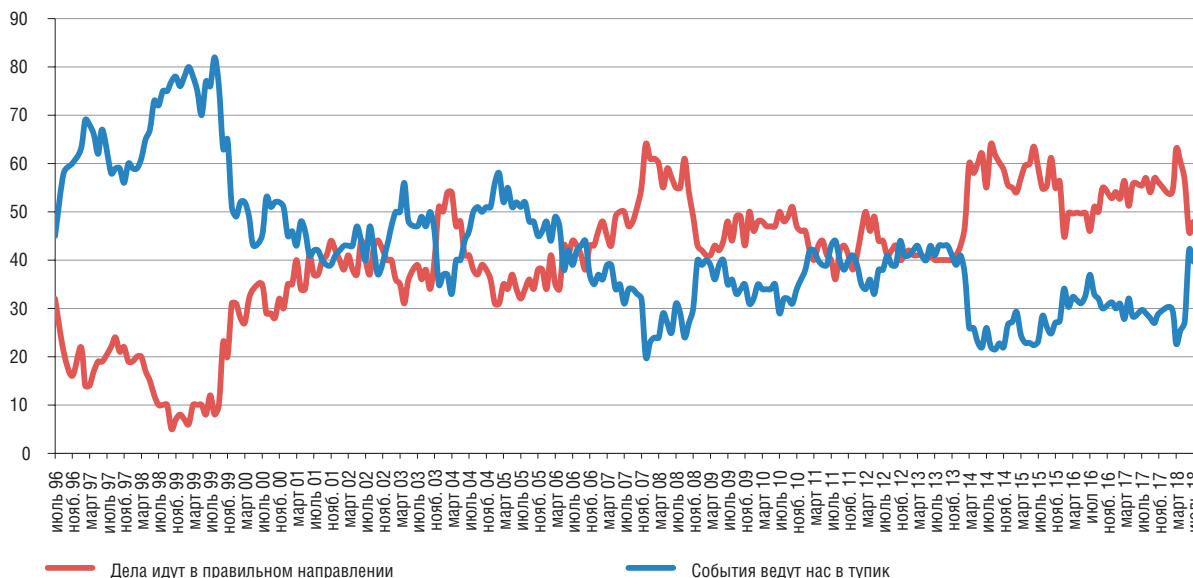
«Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?»

(отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

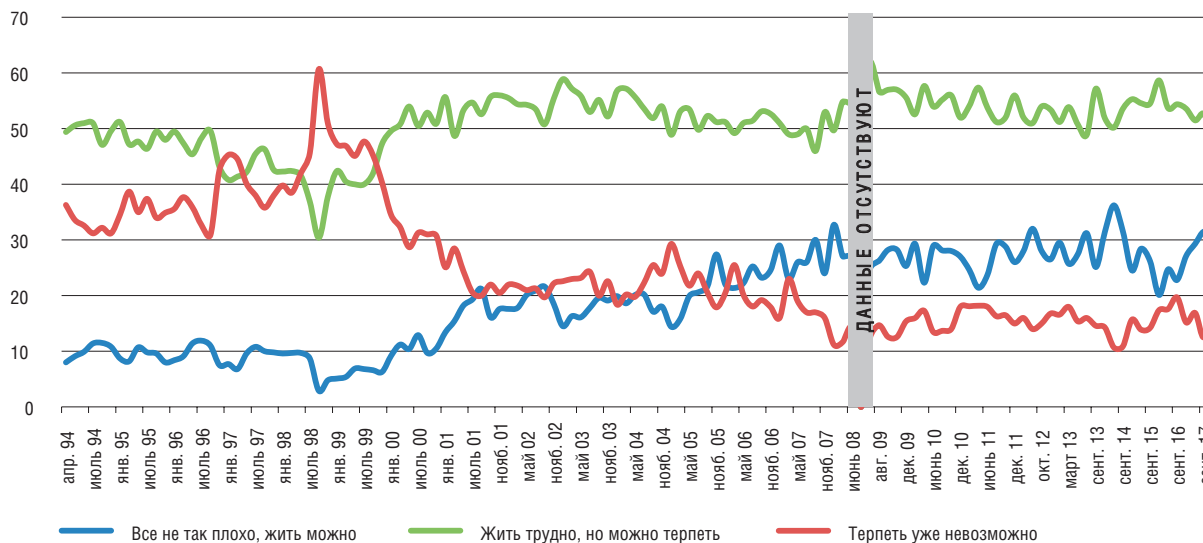

N=1600.

С весны 2017 года общие позитивные оценки начали медленно расти, что можно рассматривать как определенную адаптацию к кризису и надежду на выход из него, однако после объявления о начале пенсионной реформы индексы резко снизились.

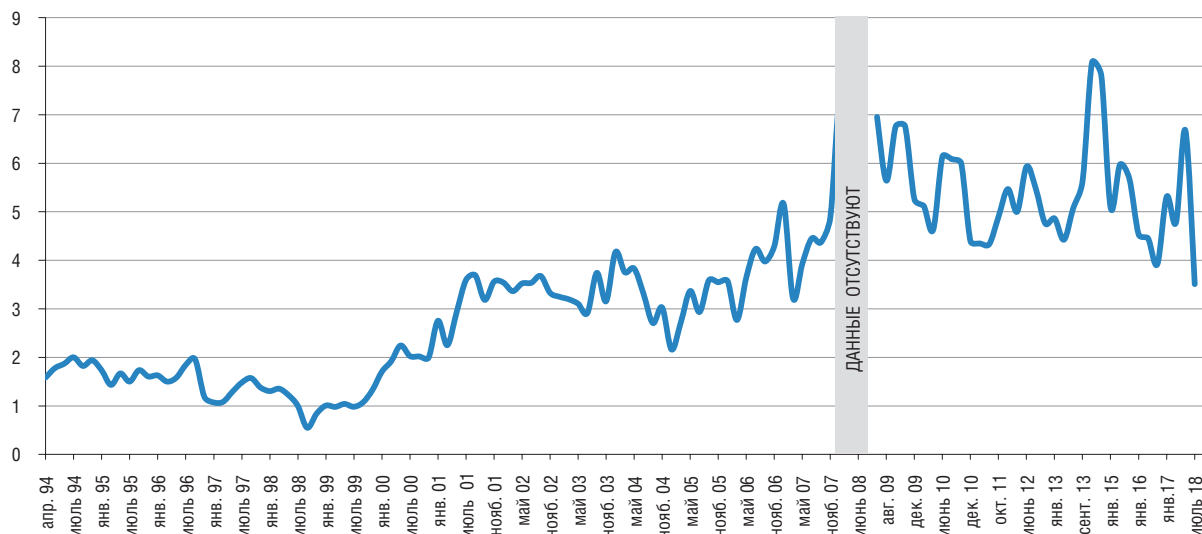
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся с ответом не учитываются)

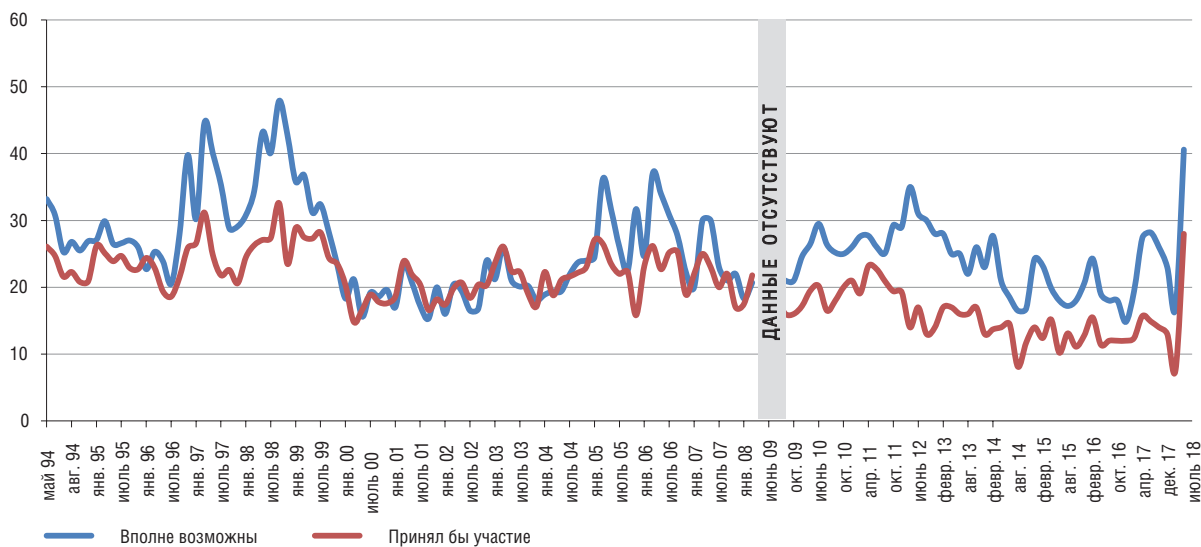

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

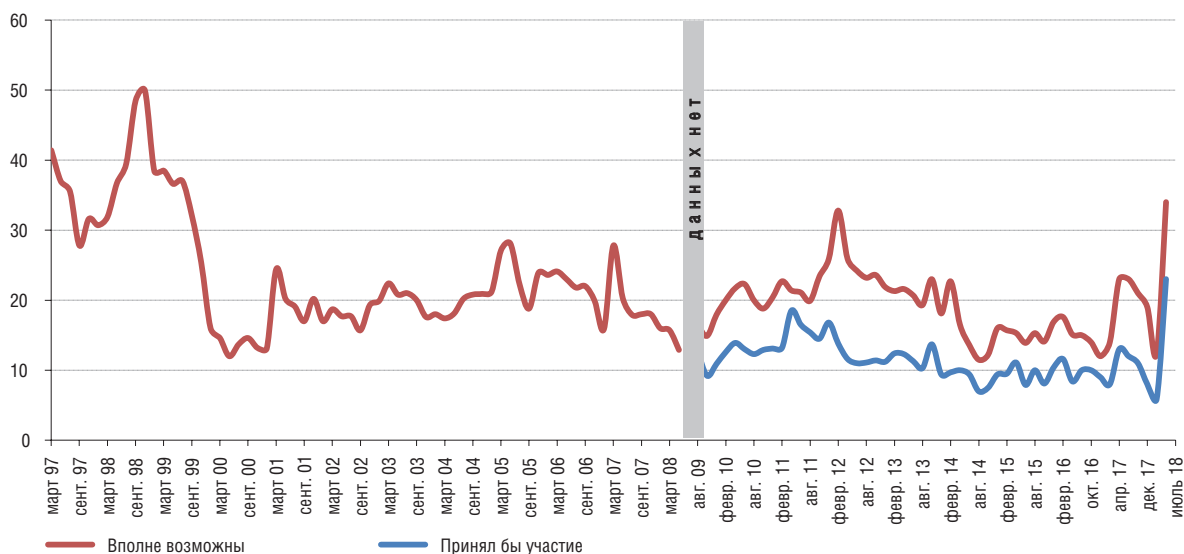

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*;
«Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

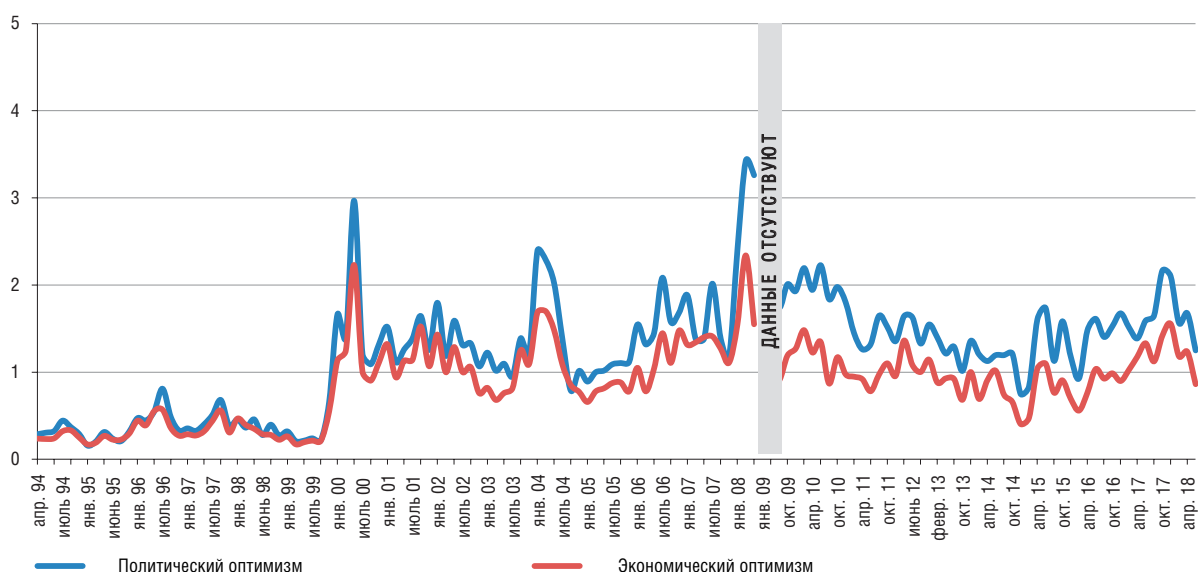

В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

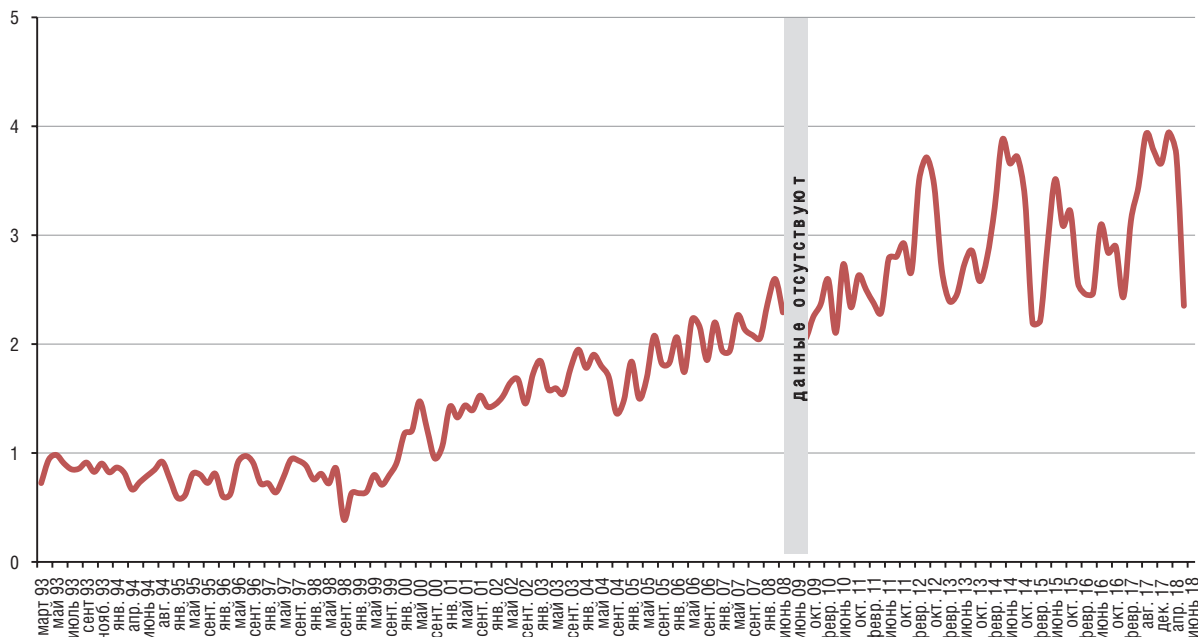
(отношение положительных оценок — «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным — «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

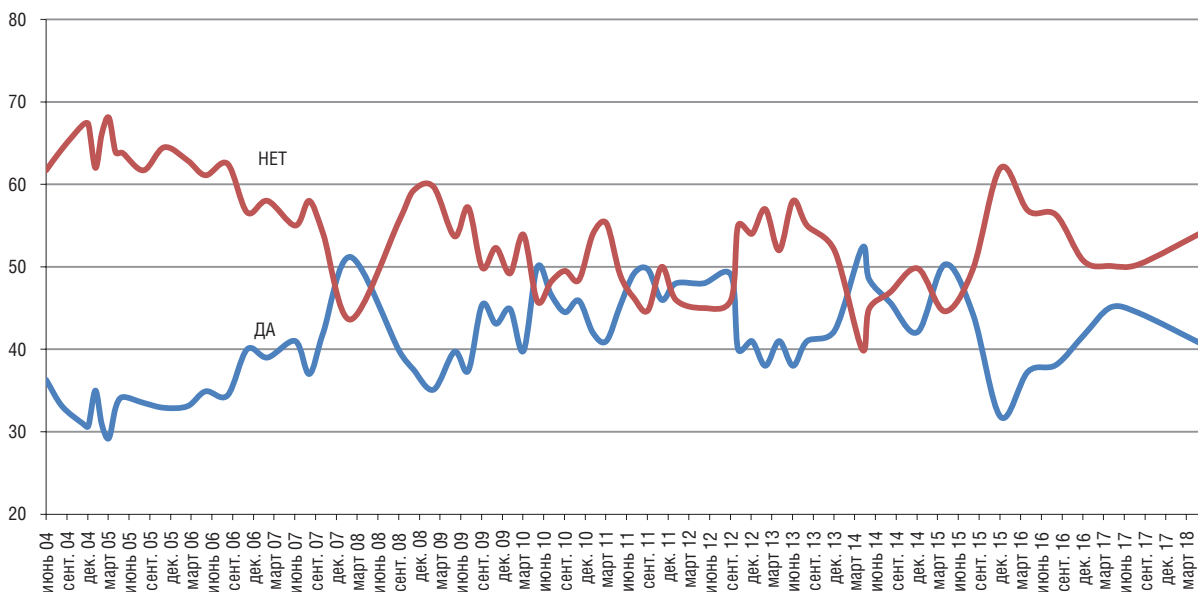
«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

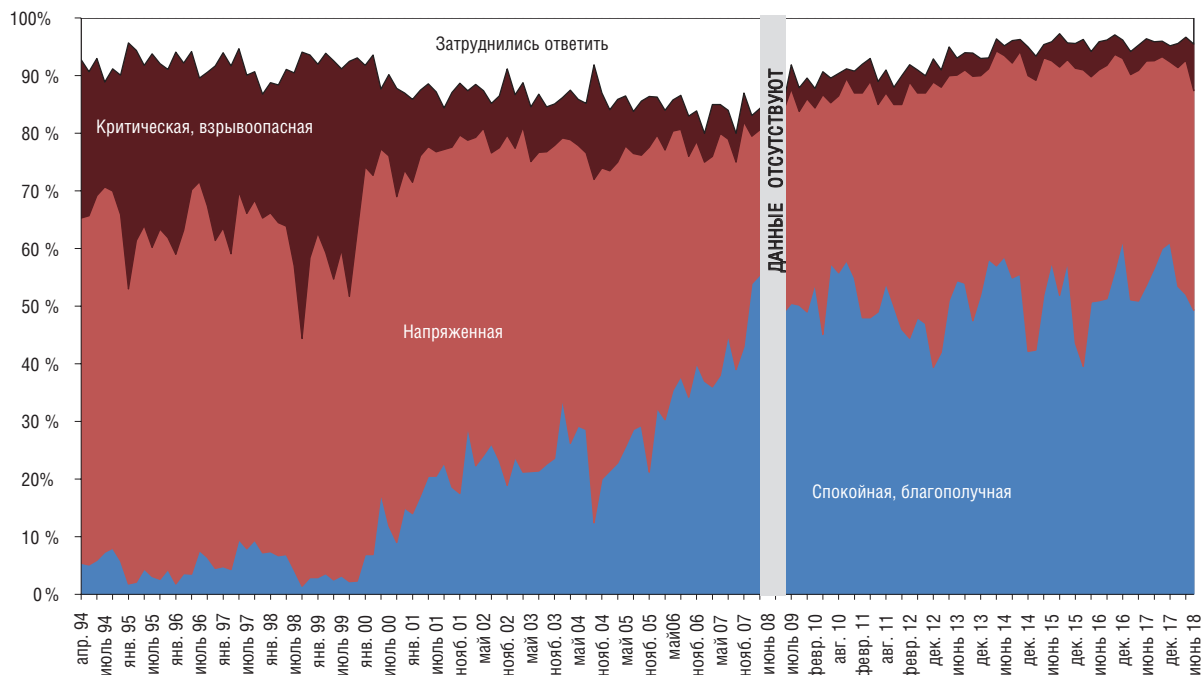
$N=1600$.

«Крымский синдром» и патриотическая мобилизация закончились, но уверенности в будущем нет.

8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

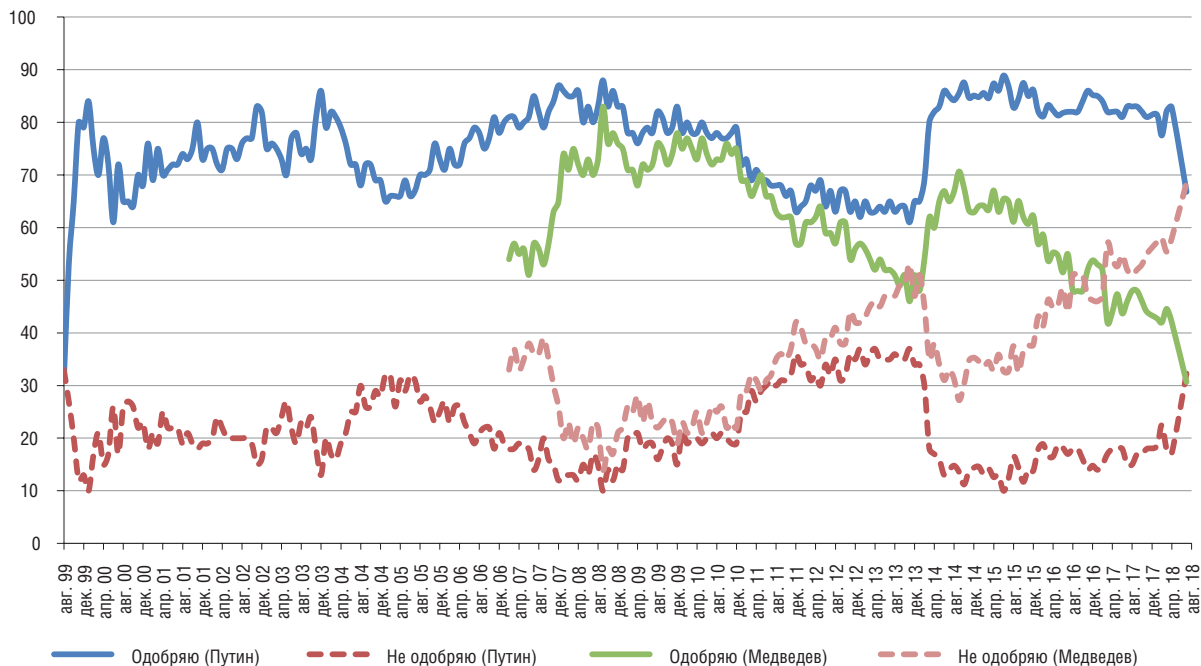

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

9. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

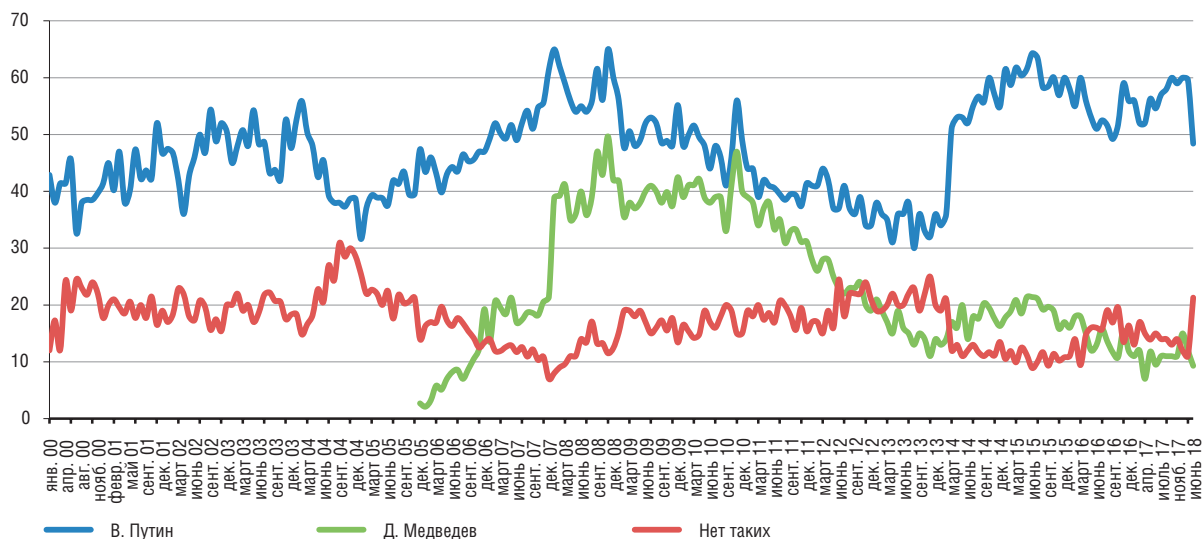
А. 1. «Одобрите ли Вы деятельность Владимира Путина?»;

А. 2. «Одобрите ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

$N=1600$.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса: «Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете»)

N=1600.

10. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

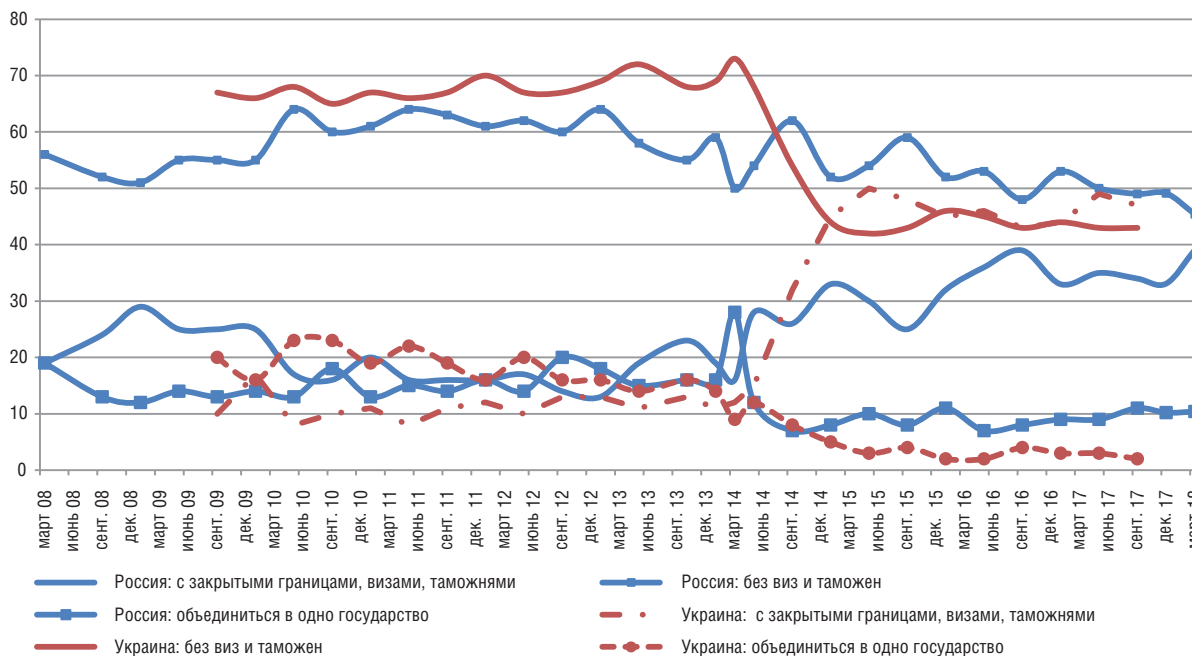
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравших от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса)

Вариант ответа	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	XII	VII	I VI**	
Грудинин Павел	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	7
Жириновский Владимир	11	10	14	10	9	11	14	13	12	15	14
Захарова Мария	-	-	-	-	-	-	-	3	4	3	1
Зюганов Геннадий	9	9	11	11	10	10	11	9	7	8	7
Кадыров Рамзан	-	-	2	-	-	-	3	3	4	5	1
Кудрин Алексей	3	3	2	3	3	2	2	2	2	2	1
Лавров Сергей	6	6	8	4	4	16	16	20	21	25	14
Лукашенко Александр	4	2	2	1	2	4	4	3	2	3	-
Матвиенко Валентина	6	3	8	3	4	5	6	3	3	5	2
Медведев Дмитрий	41	39	35	22	15	18	21	12	11	12	9
Миронов Сергей	3	3	5	4	3	3	3	4	3	2	2
Навальный Алексей	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	2
Патриарх Кирилл	-	-	7	3	5	4	4	4	4	4	-
Песков Дмитрий	-	-	-	-	-	-	-	2	4	4	1
Путин Владимир	53	48	40	41	38	55	64	56	57	60	48
Рогозин Дмитрий	2	2	1	1	2	2	3	2	1	2	1
Собянин Сергей	-	-	4	3	4	4	5	4	3	7	4
Собчак Ксения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1
Шойгу Сергей	16	15	21	11	18	22	1	23	25	31	19
Нет таких	15	16	21	18	18	13	13	16	14	11	21
Не интересуюсь политиками, политикой	13	17	15	16	22	14	10	12	10	14	-
Затрудняюсь ответить	6	6	5	7	4	6	4	5	7	3	12

N=1600, ** – вопрос задавался без прекодификатора.

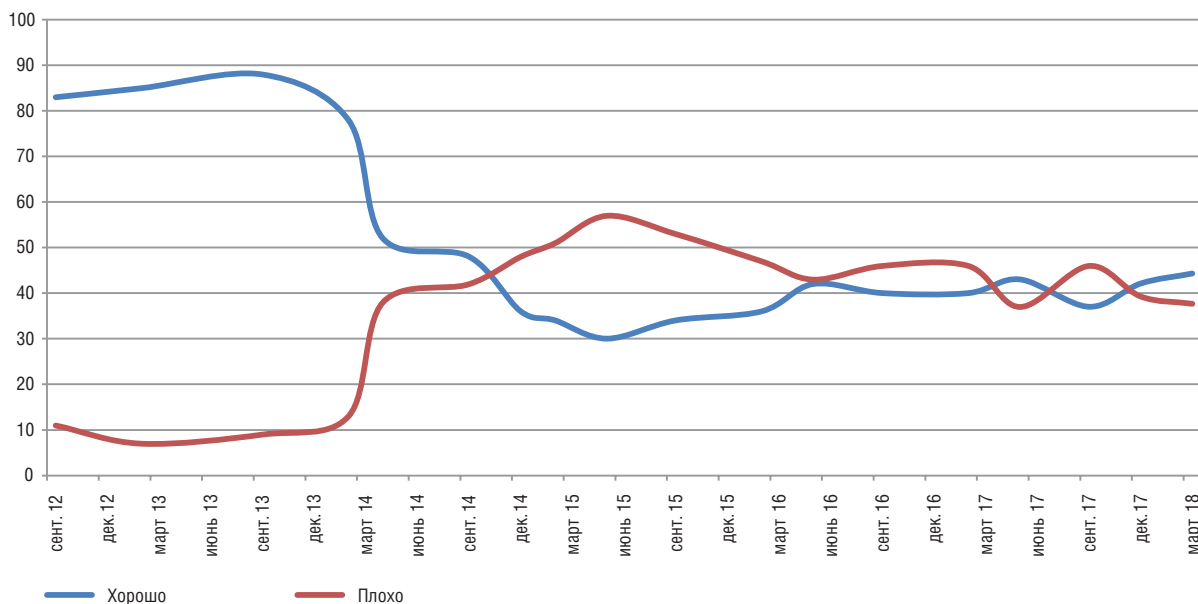
11. РОССИЯ И УКРАИНА

А. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные Левада-центра и КМИС)

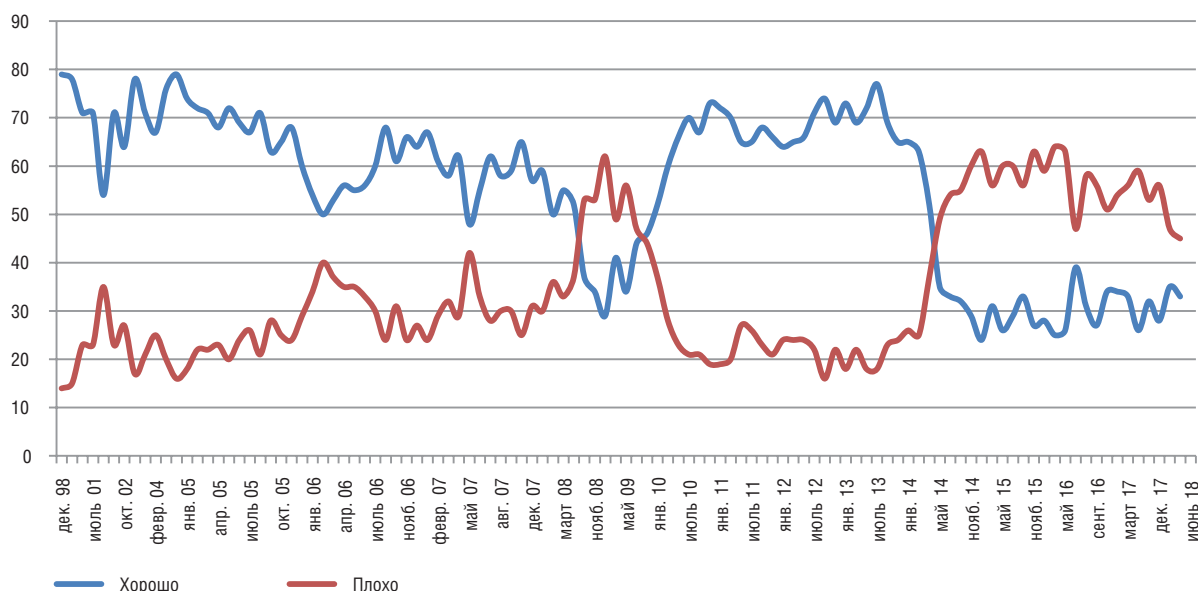
КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N = 1600$

Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к России»? Мнение жителей Украины – данные КМИС. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

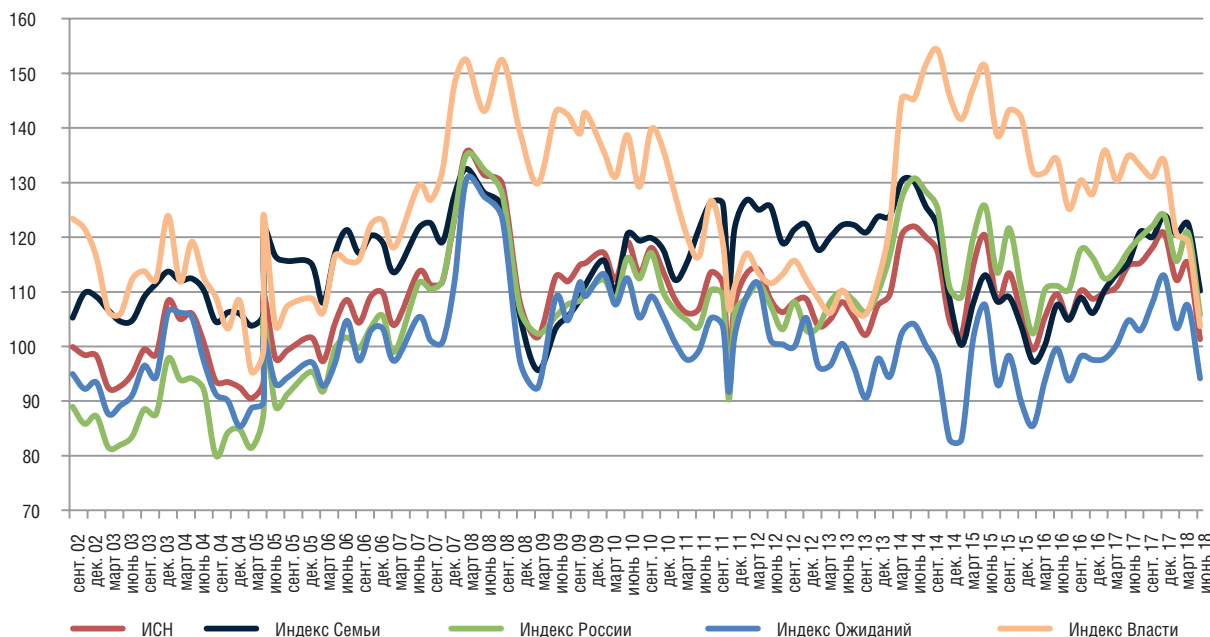
КМИС, $N = 2000$.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине»? Мнение россиян – данные Левада-центра. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

Левада-центр, N=1600

12. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Послевыборное снижение рейтингов президента широко обсуждалось экспертами. Но весной – в начале лета нынешнего года, несмотря на состоявшийся футбольный праздник, заметно ухудшились не только рейтинги власти, но и в целом настроения и ожидания людей. В начале лета, по сравнению с концом зимы (июнь к февралю), усилился пессимизм в оценках не только ситуации в стране в целом, но и положения своих семей; возросли опасения относительно будущего развития экономики страны и собственных возможностей обеспечивать хотя бы привычный уровень жизни для себя

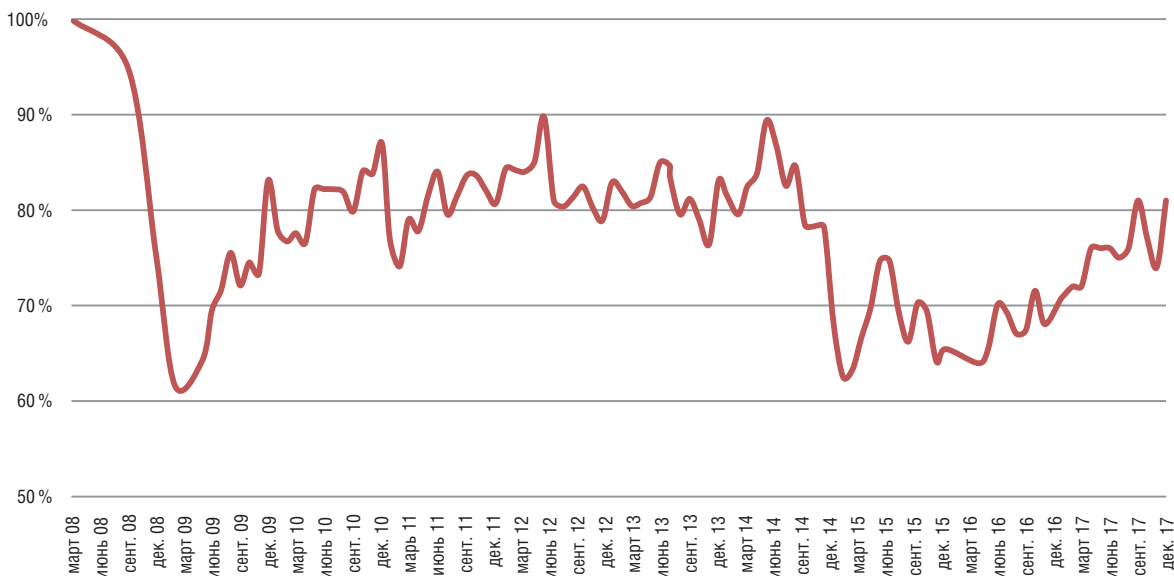
и своих близких. За эти несколько месяцев примерно на 10% выросла доля негативных оценок материального положения семей и экономического положения страны в целом. На этом фоне ожидания на будущее ухудшились в разы сильнее – примерно в полтора раза увеличилась доля негативных прогнозов изменения положения своих семей и ситуации в стране. И пока трудно сказать, в какой сфере жизни – политической или экономической, люди ожидают в будущем больше бед – доля негативных оценок изменения ситуации в обеих этих сферах увеличилась примерно на четверть. Пока же оценки текущей политической ситуации ухудшились менее всего – доля людей, оценивающих ее как «напряженную» или даже «взрывоопасную», увеличилась на 9%.

Население все больше разочаровывается в способности власти решать текущие проблемы и налаживать нормальную жизнь в стране. В июне нынешнего года опять, как и в 2011-2013 годах, оценки действий властей оказываются ниже, чем другие составляющие ИСН – оценки личного положения и ситуации в стране в целом. Более половины опрошенных (58%) считают, что правительство не сможет улучшить положение дел в стране в ближайший год, и доля таких ответов по сравнению с февралем увеличилась на 17%.

Процесс снижения влияния на настроения в обществе фактора «отношения к власти» (в том числе, тех самых рейтингов), который начался года три назад, подошел к своему логическому завершению. Формирование общественных настроений опять все больше зависит не от информационного фона, абстрактных надежд на неконтролируемые обстоятельства, а от личного повседневного опыта граждан. Это более надежный источник общественного оптимизма, но и более требовательный к властям.

Серьезным вызовом для динамики общественных настроений стало известие о повышении пенсионного возраста, а также об увеличении НДС. И все это происходило на фоне уже состоявшегося всплеска цен на бензин.

13. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

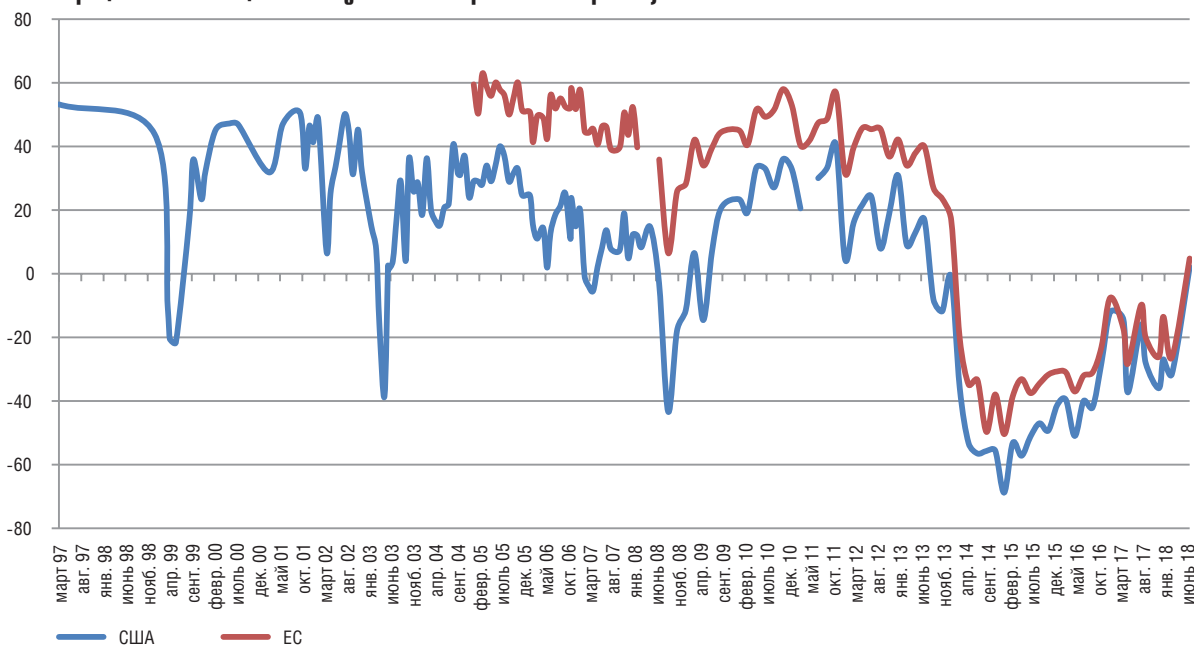

14. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

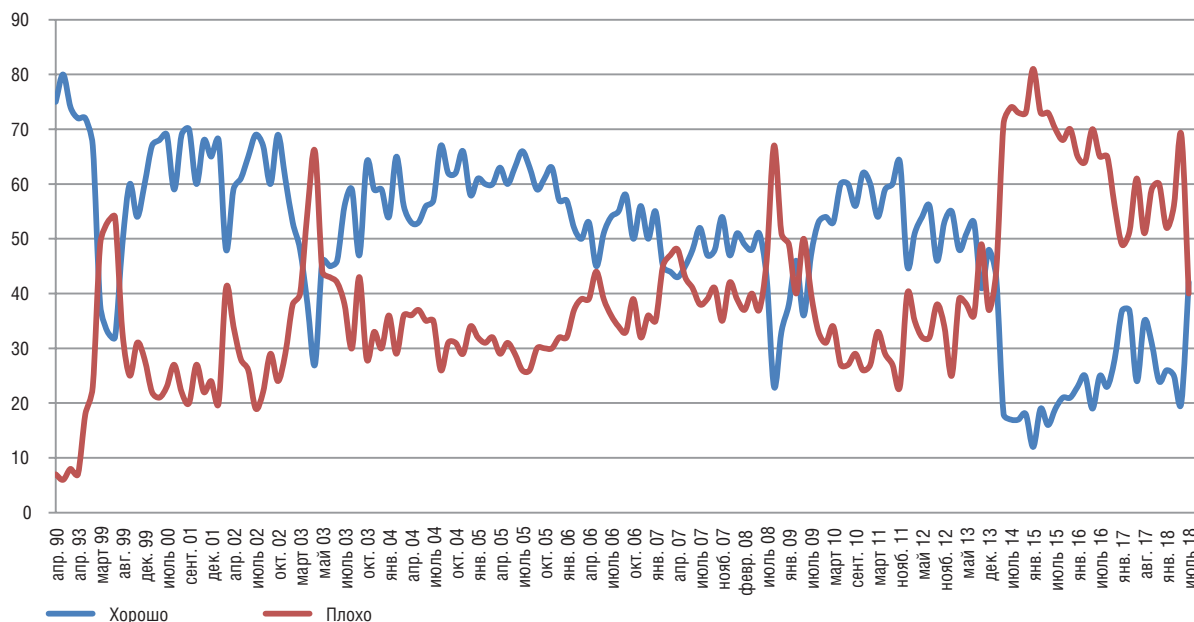
«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (разница положительных и отрицательных оценок по данным закрытых вопросов)

N=1600.

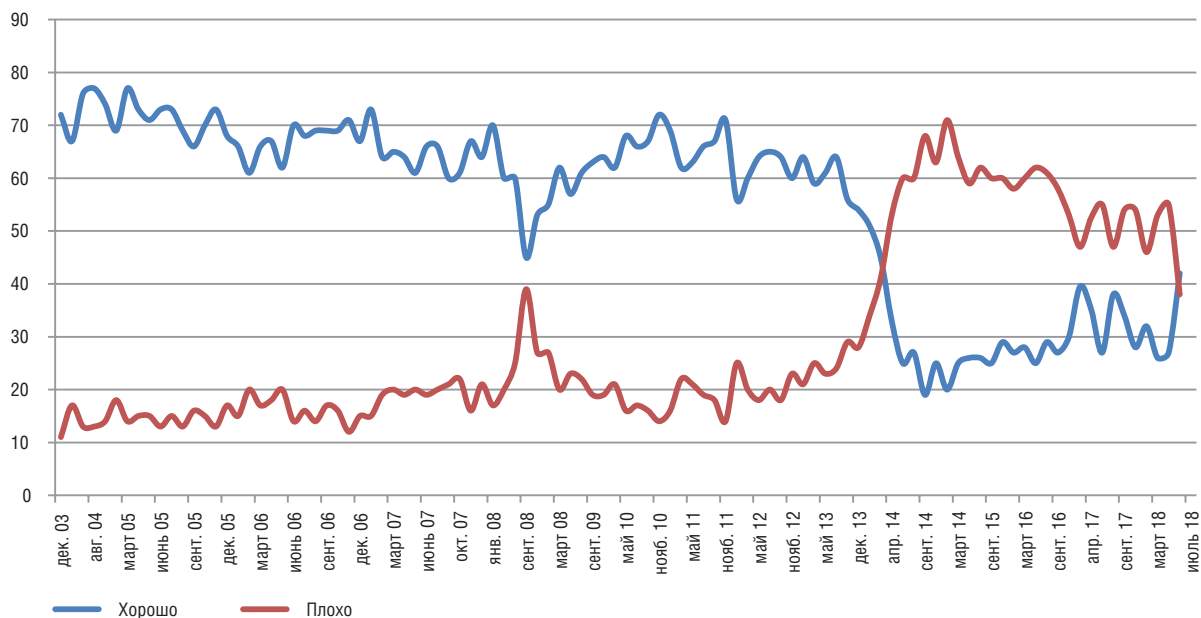
Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

(отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

Г. «Назовите пять стран, которые вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних двух замерах, открытый вопрос, данные ранжированы по последнему замеру; всего стран набравших до 2% упоминаний)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46	49
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39	40
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34	32
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15	21
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14	19
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12	11
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11	11
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9	11
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8	8
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9	8
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9	7
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4	7
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5	6
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4	5
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2	5
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3	4
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3	4
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2	4
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3	4
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2	4
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8	4
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4	3
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4	3
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4	3
Бразилия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3	3
Чехия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	2	2
Нет таких/Затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26	20

N=1600.

Г. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних двух замерах, открытый вопрос; ответы ранжированы по последнему замеру; всего стран набравших до 2% упоминаний)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8	8
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3	8
Израиль	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3	4
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	4
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6	3
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3	3
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8	3
Северная Корея	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2	2
Румыния	2	2	2	3	3	3	1	2	2	3	2	2	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14	12

N=1600.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И НЕРАВЕНСТВА

Наталья ТИХОНОВА

Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика¹

Наряду с объективно существующими моделями стратификации общества большое значение для принятия решений в рамках государственной социальной политики имеет также субъективная стратификация, отражающая представления индивидов о том, какое место в обществе, в соотношении с другими его членами, они занимают. Более того, субъективная реальность, которая формируется на основе самооценок людьми своего статуса и их представлений о моделях стратификации общества, в котором они живут, может даже в большей степени влиять на их социальное самочувствие и поведение, чем уровень их жизни. Это связано с тем, что статус отражает восприятие человека окружающими, а восприятие для индивидов обычно² является большей ценностью, чем чисто экономические аспекты их жизни, и играет решающую роль в формировании их поведенческих установок. Соответственно, если объективные показатели иерархии неравенств отражают в первую очередь особенности социально-экономического развития страны, то учет субъективной стратификации, отражающей личностное восприятие людьми своего общественного положения и степень удовлетворенности им, значим в первую очередь для обеспечения социально-политической стабильности, оценки легитимности существующей в стране власти в глазах населения, а также прогнозирования поведения людей в той или иной ситуации.

¹ В статье использованы результаты проектов «Социальная политика, социальная стратификация, компоненты благосостояния населения и проявления неравенства в России: анализ взаимосвязей на различных этапах жизненного цикла» и «Денежные и немонетарные неравенства в современных обществах: объективное состояние и субъективное восприятие населением», выполняемых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

² Исключения возможны в условиях глубокого падения у конкретного индивида уровня жизни, сопряженного с угрозой его выживанию.

Неудивительно, учитывая значимость для устойчивости и стабильности общественно-го развития этой проблематики, что ее анализ имеет достаточно длительную традицию. Первые исследования субъективной стратификации начались около 80 лет назад в Великобритании и Канаде, а с середины 1940-х годов стали проводиться и в США³. С тех пор в социологии⁴ накоплен огромный материал, позволяющий проводить как кросс-страновые сопоставления, так и динамический анализ этой проблематики в рамках одного общества. Особое значение такой анализ имеет для России, где всего лишь поколение назад существовало общество социальной однородности, а задача «жить не хуже других», отражающая запрос на соответствие своего положения стандарту жизни, доминирующему в обществе, входит в число приоритетных жизненных целей подавляющего большинства (96%⁵) населения. При этом, хотя анализ

³ Warner W. L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. New Haven, 1947.

⁴ Учитывая, что субъективная стратификация – это компонент общественного сознания, данная проблематика традиционно изучается именно в рамках социологической науки.

⁵ Эмпирической основой анализа здесь и далее обычно выступают данные восьмой волны мониторингового репрезентативного общероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (март – апрель 2018 г., N = 4000). Использованы в тексте и данные других волн мониторинга, также созданные при финансовой поддержке РФФИ. Подробнее о модели его выборки см.: Российское общество и вызовы времени: Кн. 5 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. В случае если использованы данные восьмой волны мониторинга, ссылки на источник данных в тексте не даются. Кроме того, в анализе использовались также данные ряда других исследований, которые имели ту же модель выборки, что и мониторинг ФНИСЦ РАН. На каждое из них по ходу изложения даются специальные ссылки, как и на международные исследования, данные которых автор получил в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ, директору которого Л.Б. Косовой он также выражает свою благодарность.

субъективной стратификации начался в России гораздо позже, чем в развитых странах, за более чем четверть века проведения исследований по данной проблематике в нашей стране также накоплен значительный материал, получивший свое осмысление в ряде научных работ¹.

Факторы и особенности самооценок населением своего социального статуса

Многолетний анализ проблематики субъективной стратификации в разных странах, в том числе и в России, выявил некоторые социально-психологические особенности, сказывающиеся на самооценках людьми своего статуса. В частности, было установлено, что при его определении человек обычно соотносит себя с представителями сходных статусных позиций, т.е. ориентируется на окружение с тем же уровнем образования, родом деятельности, служебными полномочиями и доходами. В результате даже граждане с очень высоким статусом обычно не ставят себя на верхние позиции в статусной иерархии, в то время как люди с очень низким статусом учитывают при его определении существование людей с еще более низким статусом². В результате такого смещения горизонта оценки с учетом границ своего окружения представители любых слоев чаще видят себя ближе к середине статусной иерархии, чем к верхней или нижней ее части.

Если же говорить о вербальной слоевой или классовой самоидентификации, а не просто о самооценке собственного статуса на вертикальной шкале статусной иерархии³, то, как прави-

ло, представители всех групп населения чаще относят себя к среднему или нижнему среднему классу (слою), при этом очень мало кто идентифицирует себя с высшим или низшим классами (слоями) независимо от собственного объективного положения⁴. В полной мере эти выводы применимы и к России, где при попытках идентифицировать свой статус в вербальных тестах об их месте в обществе свыше 60% респондентов все последние годы идентифицировали собственный статус как средний, относя себя в зависимости от формулировки вопроса к «средним слоям», «среднему классу» и т.д. В случае если средние слои или средний класс были разделены в анкете на подгруппы, наиболее массовой группой оказывался «средний-средний» слой или класс (рис. 1).

Однако «срединная» оценка своего статуса даже при вербальной его идентификации не означает, что ей обязательно сопутствует соответствующая идентичность, означающая принятие на себя индивидом определенных ролей. Например, осенью 2015 года, в разгар кризиса, большинство населения при определении своего места в обществе относилось к средним слоям, но лишь каждый пятый среди значимых для себя идентичностей выбирал самоидентификацию с представителями среднего класса (рис. 2).

Второй важный факт, который был установлен в ходе исследований данной проблематики и тоже имеющий социально-психологическую природу, заключается в том, что отнесение себя к той или иной социальной позиции или нахождение своего места на условной «лестнице социальных статусов» во многом зависит от уровня притязаний индивида. На последний, а через него и на самооценки человеком своего статуса и его представления о существующих в обществе в целом моделях стратификации, влияет множество факторов. Среди ключевых следует назвать доход человека и домохозяйства; динамику уровня индивидуального и среднего душевого дохода; возможности улучшить личную ситуацию (так называемый туннельный

¹ См., в частности: *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 28–41; *Зудина А.А.* Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. № 3 (14). С. 27–63; *Гимпельсон В., Монусова Г.* Отношение к неравенству: существует ли «туннельный эффект»? // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 2 (18). 2014. С. 216–226; *Косова Л.Б.* Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4. С. 118–127; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999; *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Ин-т социологии РАН, 2014; *Тихонова Н.Е.* Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 23–35; *Мареева С.В.* Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119; «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, П.М. Козырева, Ли Пей Линь. М.: Новый хронограф, 2016 и др.

² *Bottero W.* Class Identities and the Identity of Class // Sociology. 2004. Vol. 38. No 5. P. 985–1003.

³ Для измерения субъективного социального статуса конкретного индивида обычно используют графические или вербальные тесты. И те,

и другие насчитывают массу вариаций, но наиболее распространены графическая девятиступенчатая или десятиступенчатая шкалы социальных статусов (лестница социальных статусов, или социальная лестница) и вербальные тесты на самоидентификацию с пятью или шестью слоями или классами.

⁴ *Kelley J., Evans M.D.R.* Class and Class Conflict in Six Western Nations // American Sociological Review. 1995. No 60 (2). P. 157–178; *Тихонова Н.Е.* Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весть Мир, 2016. С. 310–336 и др.

Рисунок 1
САМООЦЕНКИ РОССИЯНАМИ СВОЕГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ВЕРБАЛЬНОМ ТЕСТЕ ОБ ИХ ПОЛОЖЕНИИ В ОБЩЕСТВЕ, 2016 г. (%)¹

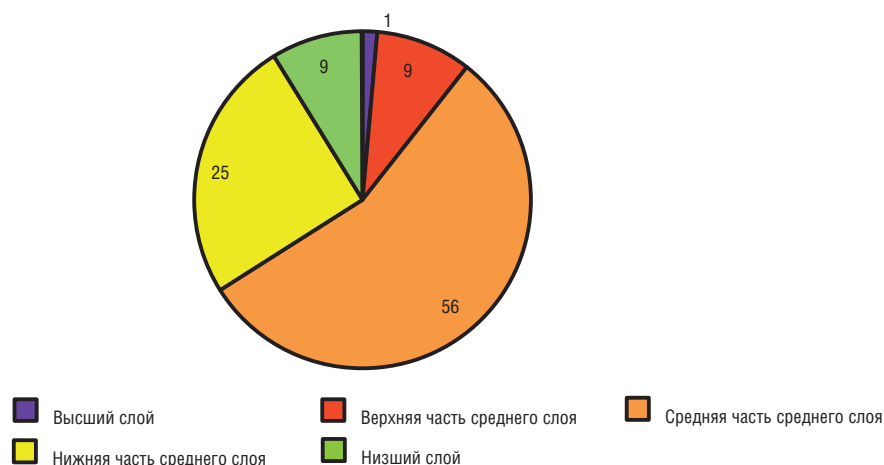
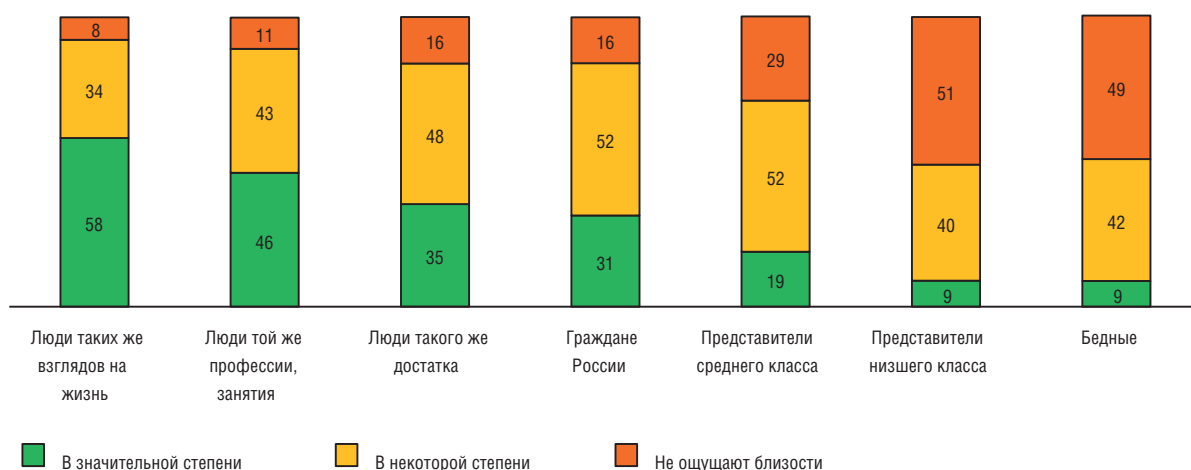

Рисунок 2
С КЕМ И В КАКОЙ СТЕПЕНИ РОССИЯНЕ ОЩУЩАЮТ ВНУТРЕННЮЮ БЛИЗОСТЬ (С КАКОЙ ГРУППОЙ СЕБЯ ИДЕНТИФИЦИРУЮТ), 2015 г., (%)²

эффект Хиршмана³); соотнесение самим человеком достигнутого им с его представлениями о «стандартном», нормальном образе жизни в данной стране и даже в других странах (если они рассматриваются как референтные); наличие у человека ценимых (по его мнению) в определенном сообществе качеств (от возраст-

та и внешности до образования и имущества) и т.д.⁴ Причем в каждом обществе, слое и даже у разных индивидов в этих слоях роль таких факторов различна.

Чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше разрыв между его самооценками своего места на социальной лестнице

¹ Использованы данные опроса, выполненного в сентябре 2016 года ГК «Русь» по заказу Института социальной политики НИУ ВШЭ по общероссийской репрезентативной выборке численностью 2103 человека.

² Использованы данные третьей волны мониторинга ФНИСЦ РАН, проведенной в октябре 2015 года ($N = 4000$).

³ *Hirschman A., Rothschild M.* The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. P. 544–566.

⁴ *Alesina A., Giuliano P.* Preferences for Redistribution // *Handbook of Social Economics*. 2011. Vol. 1. P. 93–131; *Benabou R., Ok E.* Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis // *The*

Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. No 2. P. 447–487; *Corneo G., Gruner H.* Individual Preferences for Political Redistribution // *Journal of Public Economics*. 2002. Vol. 83. No 1. P. 83–107; *Kenworthy L., McCall L.* Inequality, Public Opinion and Redistribution // *Socio-Economic Review*. 2008. Vol. 6. No 1. P. 35–68; *Гудков Л.* Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 1. С. 39–47; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999; *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014; *Тихонова Н.Е.* Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // *Социологические исследования*. 2014. № 10. С. 23–35.

и той ее ступенью, на которой он хотел бы находиться. Так, весной 2018 года среди представителей социального дна (две нижние ступени) свыше половины хотели бы находиться, судя по результатам использования 10-балльной вертикальной шкалы социального статуса в восьмой волне Мониторинга ФНИСЦ РАН, на четыре и более ступени выше, и лишь 5,8% готовы были оставаться на своем месте или подняться лишь на одну ступень¹. У тех, кто находился на третьей ступени снизу, доля готовых удовлетворяться своим нынешним статусом была почти в полтора раза выше, но также была очень мала (8,4%), и еще 7,3% хотели бы подняться лишь на одну ступень социальной лестницы. Зато не менее чем на четыре ступени среди них хотели бы подняться свыше 40% группы. Схожие тенденции наблюдаются и у тех, кто ставил себя на четвертую снизу ступень социальной лестницы, только перескочить через четыре и более ступеней хотели бы среди них заметно реже – в трети случаев. Кроме того, во всех группах россиян очень популярным является желание подняться на две-три ступени социальной лестницы, даже у тех, кто находился на седьмой или восьмой ее ступенях, оно характеризовало более 50%.

Таким образом, хотя субъективная стратификация, с одной стороны, по данным всех исследований, связана с объективной картиной распределения людей по вертикальной лестнице социальных статусов, с другой – из-за влияния на оценки людьми своего статуса их уровня притязаний это отражение предстает как бы в кривом зеркале. В России этот искажающий фактор просматривается особенно четко. Сказывается и то, что в общественном сознании пока отсутствует система маркеров образа жизни и поведения представителей различных классов и слоев, в том числе и в области их профессиональной деятельности, веками складывавшаяся в странах с рыночной экономикой.

В результате главным маркером, определяющим их собственный статус в обществе, на протяжении всего постсоветского периода для россиян выступает их материальное благосостояние. При этом по мере роста благосостояния все большую роль начинает играть и такой признак этого статуса, как образ жизни, по сути тоже говорящий об уровне благосостояния, но характеризующий его под несколько

¹ Это наиболее вероятная дистанция продвижения в рамках восходящей социальной мобильности в современной России, во всяком случае, за последние 10 лет три четверти россиян либо сохранили свой субъективный статус, либо их перемещение по социальной лестнице по их самооценке не превышало одной ступени.

ным углом зрения: если представители низкодоходных слоев среди критериев, на основе которых они определяют свой (обычно низкий) статус в обществе, чаще упоминают просто о материальном благосостоянии (как бы говоря: «Мы ставим себя в общественной иерархии так низко, потому что у нас очень мало денег»), то представители высокодоходных слоев говорят в этом контексте о материальном благосостоянии относительно реже, зато чаще упоминают в данной роли собственный образ жизни («Мы ставим себя так высоко, так как можем себе позволить вести образ жизни, соответствующий наиболее благополучным слоям общества») (рис. 3). При этом с середины 2000-х до середины 2010-х роль образа жизни как основания для отнесения себя к определенной позиции в статусной иерархии заметно выросла при неизменности роли материального благосостояния. В контексте теории культурной динамики, описывающей процесс перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения по мере повышения уровня жизни населения², это хорошо объясняется ростом благосостояния населения России в 2000-х – начале 2010-х годов.

В то же время нельзя не отметить, что, как видно из рис. 3, материальное положение – не единственный критерий, которым население России руководствуется при самооценке собственного социального статуса. В число наиболее распространенных оснований для такой самооценки входят также уважение окружающих, должность, престиж профессии. При этом традиционные для развитых стран основания статуса, связанные с высоко значимыми в современной экономике видами капитала – человеческим (уровень образования и уровень квалификации) и социальным в его сетевой трактовке (связи и знакомства), – упоминаются россиянами в контексте оснований для определения своего социального статуса довольно редко даже теми, у кого эти виды капитала наличествуют обычно в достаточно большом объеме (т.е. представителями верхних статусных позиций). Более того, если говорить о динамике самооценок россиянами факторов своего социального статуса, критерии благосостояния (материальная обеспеченность и образ жизни) стали играть с середины 2000-х до середины 2010-х годов заметно большую роль, а ключевые для западных обществ факторы стратификации

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Рисунок 3

Динамика представлений россиян о том, чем они руководствуются, оценивая свой социальный статус, 2003–2014 гг.¹
(%, допускаясь до трех ответов)

(образование, квалификация, должность, престиж профессии) сохранили второстепенный статус.

Таким образом, если говорить о специфике действия в России хорошо изученных на примере развитых стран особенностей субъективной самоидентификации своего статуса населением, то в их числе следует назвать прежде всего:

- отсутствие устойчивых идентичностей со средним классом, даже несмотря на характерное для россиян, как и для жителей других стран, тяготение к определению собственного места в обществе как среднего. Прямым следствием этой несформированности групповых идентичностей выступает и аморфность российского среднего класса как актора социальных преобразований;
- все большее завышение роли в общественном сознании материального благосостояния и образа жизни как детерминант социального статуса с одновременной прини-

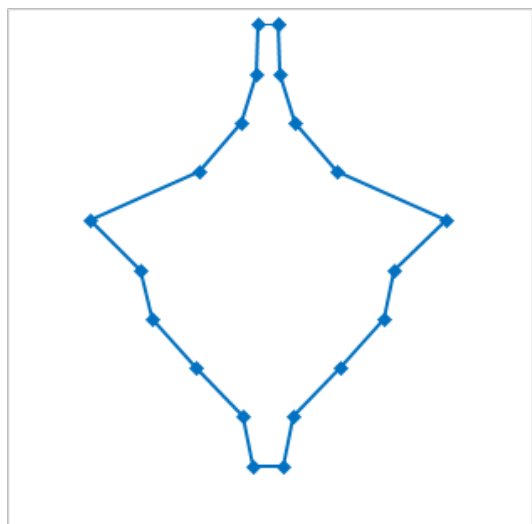
женностью роли престижа профессии, должности, образования и тому подобных факторов.

Динамика модели субъективной стратификации российского общества

Учитывая выше сказанное об общих особенностях самоопределения своего статуса россиянами, рассмотрим теперь, как выглядела в апреле 2018 года сформированная под их влиянием модель субъективной стратификации современного российского общества (рис. 4). Наиболее точным способом получения для этого информации из всех тестов на самоидентификацию является уже упоминавшаяся вертикальная десятибалльная графическая шкала, на которой респонденту надо отметить свое место в обществе. При этом тот факт, что шкала, широко используемая в международных сравнительных исследованиях, начала применяться в России с 1992 года, позволяет проводить как динамический, так и кросс-национальный анализ ее особенностей. Она, в отличие от вербальных тестов на слоевую/классовую самоидентификацию, позволяет также построить модель субъективной стратификации общества, в максимальной степени очищенную от семантических ассоциаций, конформистских установок и т.д.

¹ Использованы данные общероссийских репрезентативных исследований: Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 года, N = 2106, подробнее о нем см.: Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004) и Института социологии РАН (ИС РАН) «Средний класс в современной России» (февраль 2014 года, N = 1600; подробнее о нем см.: Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой, А. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 1999).

Рисунок 4
МОДЕЛЬ¹ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСТРОЕННАЯ НА ОСНОВЕ САМООЦЕНОК РОССИЯНАМИ СВОЕГО СТАТУСА, 2018 г. (%)²

Представленная на рис. 4 модель субъективной социальной структуры России в целом характеризуется тем, что основная часть населения, даже несмотря на последствия недавно пережитого экономического кризиса, концентрируется на средних позициях. Наиболее популярной является при этом пятая позиция сверху, а медиана проходит по пятой позиции снизу. Это позволяет говорить о том, что фактически с точки зрения статусных самоидентификаций самих россиян российское общество является сейчас обществом массового среднего класса. И это не случайно — в его социальной структуре и объективно, причем с большим перевесом, доминируют сейчас средние слои, о чем свидетельствует модель его доходной стратификации³. Таким образом,

¹ Модель основана на результатах применения графического теста самооценки социального статуса с 10-балльной вертикальной шкалой. Строилась она следующим образом: по оси ординат (поскольку статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл на шкале социального статуса, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Нижней позиции соответствовали 10 баллов, а верхней — 1 балл. Строго говоря, для сохранения пропорций модель должна была быть после этого ужата по оси абсцисс вдвое, но для облегчения восприятия ее специфики эта операция нами не проводилась.

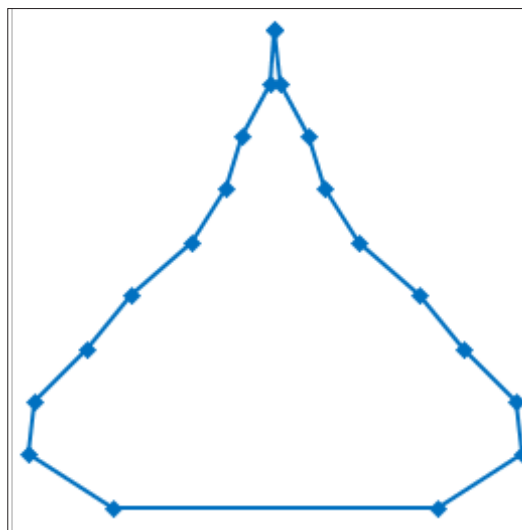
² Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 1,5%; 2-я позиция — 1,7%; 3-я позиция — 4,2%; 4-я позиция — 10,5%; 5-я позиция — 27,4%; 6-я позиция — 19,5%; 7-я позиция — 17,8%; 8-я позиция — 11,2%; 9-я позиция — 3,9%; 10-я (низшая) позиция — 2,4%.

³ Модель доходной стратификации российского общества: состояние, динамика, факторы / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Нестор-История, 2018.

в основе сформировавшейся к настоящему времени субъективной модели стратификации лежат определенные объективные причины, а не только простое тяготение к средним позициям.

Однако обращение к более ранним результатам применения графического теста измерения субъективного статуса в новейшей истории России свидетельствует о том, что в последние 20 лет это тяготение проявлялось далеко не всегда. За это время неоднократно бывали ситуации, когда распространенность отнесения себя к средним слоям резко снижалась. Обычно это были периоды бурных общественных трансформаций, когда уровень жизни населения не просто падал, но падал глубоко, резко и, главное, нелегитимно в глазах населения, что влекло за собой массовую статусную фрустрацию. Именно в такие периоды доля считающих себя представителями средних слоев резко сокращалась, опускаясь ниже 50%. Так было, например, в конце 1990-х, причем даже до кризиса 1998—1999 годов (рис. 5).

Рисунок 5
МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСТРОЕННАЯ НА ОСНОВЕ САМООЦЕНОК РОССИЯНАМИ СВОЕГО СТАТУСА, 1998 г., (%)⁴

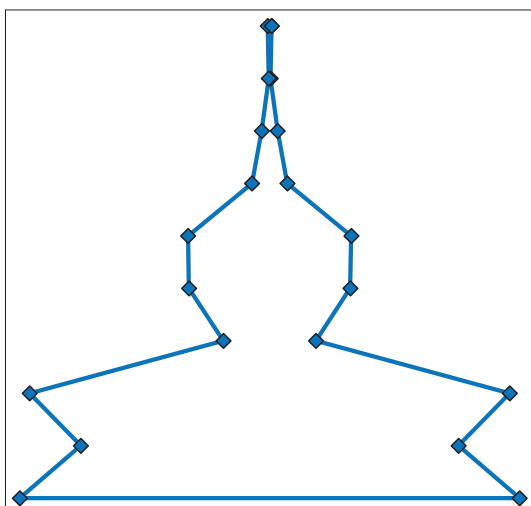
Однако и такая версия модели субъективной стратификации российского общества — далеко не худший ее вариант, который фиксировался

⁴ Использованы данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) (июнь 1998 года, N = 1750). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0%; 2-я позиция — 0,5%; 3-я позиция — 2,8%; 4-я позиция — 4,3%; 5-я позиция — 7,3%; 6-я позиция — 12,4%; 7-я позиция — 16,3%; 8-я позиция — 20,9%; 9-я позиция — 21,4%; 10-я (низшая) позиция — 14,1%.

в последнюю четверть века наблюдений. Так, после дефолта 1998 года и последовавшего за ним кризиса модель субъективной стратификации россиян приобрела совершенно невероятную форму, поскольку почти три четверти населения стала относить себя к социальным низам, в том числе почти половина — к социальному дну (рис. 6).

Рисунок 6

МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСТРОЕННАЯ НА ОСНОВЕ САМООЦЕНОК РОССИЯНАМИ СВОЕГО СТАТУСА, 1999 г. (%)¹

Кроме того, именно в 1999 году, в пик тяжелейшего кризиса в новейшей истории России, стало наиболее наглядным деление массовых слоев российского общества на четыре крупные группы/страты. Одна из них — социальное дно. Вторая — представители низов, но все же не социального дна, поскольку типичным для этой группы является определение себя с точки зрения своего места в обществе на третьей позиции снизу из десяти возможных. Третья может быть охарактеризована как субъективный средний класс (учитывая крайне тяжелую экономическую обстановку в стране в 1999 году, наличие такой статусной идентификации означало в тот момент обычно принадлежность к ядру этого класса, что подтверждал и анализ его состава²). Наконец, четвертая, очень немногочисленная в составе респондентов массовых опросов, — верхний средний класс.

¹ Использованы данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования РНИСиНП (июнь 1999 года, $N = 1751$). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,2%; 2-я позиция — 0,1%; 3-я позиция — 0,8%; 4-я позиция — 1,8%; 5-я позиция — 8,3%; 6-я позиция — 8,2%; 7-я позиция — 4,7%; 8-я позиция — 24,4%; 9-я позиция — 19,2%; 10-я (низшая) позиция — 25,4%.

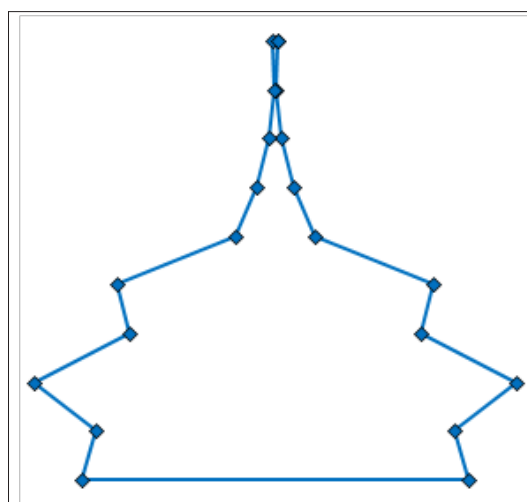
² Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой, А. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 1999.

численная в составе респондентов массовых опросов, — верхний средний класс.

С началом выхода из кризиса 1998–1999 годов и приходом Владимира Путина к руководству страной картина субъективной стратификации российского населения заметно улучшилась. Однако и в 2000 году типичным для населения в целом было отнесение себя скорее к низам, чем к субъективному среднему классу, а модальной была третья позиция снизу (рис. 7). При этом на срединных пятой и шестой позициях находилась лишь пятая часть населения страны, а на верхних четырех позициях социальной лестницы были сосредоточены считанные проценты всех россиян.

Рисунок 7

МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСТРОЕННАЯ НА ОСНОВЕ САМООЦЕНОК РОССИЯНАМИ СВОЕГО СТАТУСА, 2000 г. (%)³

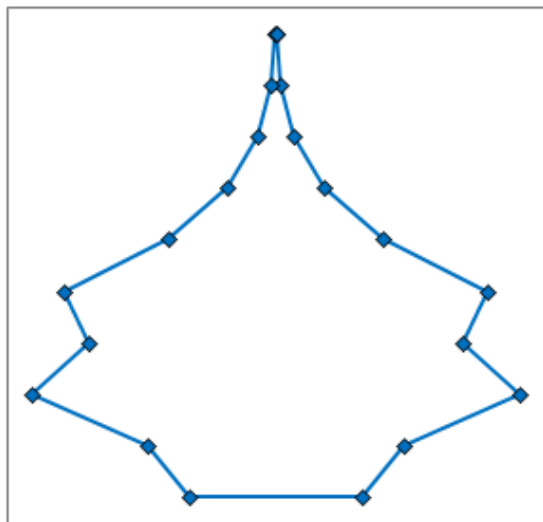

В последующем, в первые годы «путинской эпохи», тенденция постепенного улучшения восприятия россиянами своего места в обществе сохранилась. Уже в 2003 году на две срединные позиции себя ставили около 30%, т.е. в полтора раза больше, чем за три года до того, а представителями социального дна себя ощущала лишь пятая часть населения (рис. 8). Однако и в тот момент наиболее часто россияне ставили себя лишь на третью снизу ступеньку социальной лестницы.

³ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИКСИ РАН «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (март 2000 года, $N = 1776$). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция — 0,2%; 2-я позиция — 0,1%; 3-я позиция — 0,7%; 4-я позиция — 1,8%; 5-я позиция — 4,1%; 6-я позиция — 16,1%; 7-я позиция — 14,8%; 8-я позиция — 24,4%; 9-я позиция — 18,2%; 10-я (низшая) позиция — 19,6%.

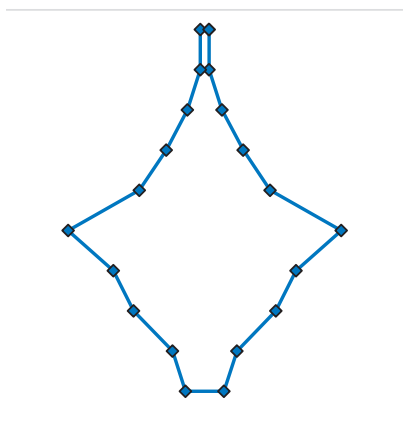

Рисунок 8
МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСТРОЕННАЯ НА ОСНОВЕ САМООЦЕНОК РОССИЯНАМИ СВОЕГО СТАТУСА, 2003 г. (%)¹

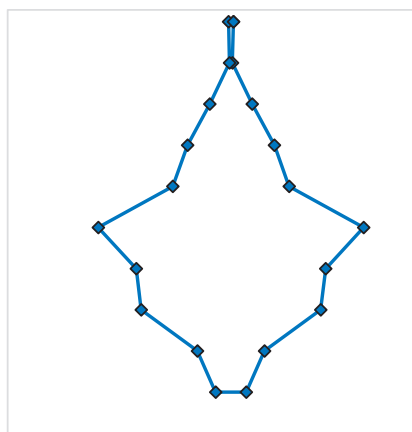

Динамика модели субъективной стратификации российского общества в последующие годы многое объясняет в отношении населения к президенту страны и в сохранении в стране

Рисунок 9
ДИНАМИКА МОДЕЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ КРИЗИСА 2008–2009 гг. (%)

Март 2008 г.²

Март 2010 г.³

¹ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России». Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция – 0,1%; 2-я позиция – 0,4%; 3-я позиция – 1,7%; 4-я позиция – 4,6%; 5-я позиция – 10,4%; 6-я позиция – 20,4%; 7-я позиция – 18,1%; 8-я позиция – 23,0%; 9-я позиция – 12,4%; 10-я (низшая) позиция – 8,3%.

² Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Малообеспеченные в современной России» (март 2008 года, N = 1750). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция – 0,9%; 2-я позиция – 0,9%;

социально-политической стабильности, несмотря на неоднозначность экономического развития России в последние 15 лет. Всего за пять последующих лет модель субъективной стратификации массовых слоев населения постепенно улучшалась и к началу кризиса 2008–2009 годов стала демонстрировать все особенности этих моделей в обществах массового среднего класса, хотя и с доминированием нижнего сегмента этой социальной группы. Наиболее массовым стало отнесение себя к пятой позиции снизу, определение же себя как представителя социального дна, т.е. отнесение себя к двум нижним ступеням социальной лестницы, стало встречаться достаточно редко (рис. 9). И, хотя кризис 2008–2009 годов заметно ударил по оценкам россиянами своего статуса, эти изменения были очень непродолжительными, и уже к началу 2010-х модель субъективной социальной структуры России вернулась к виду, характерному для первой половины 2008 года (рис. 9). Таким образом, россияне массово переместились в их собственном восприятии за первое десятилетие «путинской эпохи» из социальных аутсайдеров, представителей социального дна, в состав среднего класса, пусть

3-я позиция – 3,6%; 4-я позиция – 8,0%; 5-я позиция – 13,6%; 6-я позиция – 28,4%; 7-я позиция – 19,0%; 8-я позиция – 14,8%; 9-я позиция – 6,7%; 10-я (низшая) позиция – 4,0%.

³ Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (март 2010 года, N = 1734). Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1-я (высшая) позиция – 0,5%; 2-я позиция – 0,3%; 3-я позиция – 4,3%; 4-я позиция – 8,8%; 5-я позиция – 11,8%; 6-я позиция – 26,9%; 7-я позиция – 19,2%; 8-я позиция – 18,2%; 9-я позиция – 6,8%; 10-я (низшая) позиция – 3,1%.

в основном и нижнего среднего. И это принципиальное изменение их самооощущения не могло не сказаться на их оценке деятельности президента страны и отношении к нему.

Следующий экономический кризис (2014–2016) повлиял на модель субъективной стратификации российского общества еще в меньшей степени, чем кризис 2008–2009 годов. Во всяком случае, осенью 2015 года, т.е. в разгар последнего экономического кризиса, общие контуры модели субъективной стратификации российского общества очень мало расходились с теми, что были характерны для нее до начала кризиса. Это кардинально отличало ситуацию с субъективной стратификацией россиян в ходе кризиса 2014–2016 годов от той, что была в 1999-м и, хотя в гораздо меньшей степени, в 2009-м. Более того, уменьшение примерно на шесть п.п. численности тех, кто относил себя к пятой позиции снизу (а это было наиболее яркое изменение численности групп, находящихся на разных ступенях социальной лестницы в пик последнего экономического кризиса), компенсировалось не столько ростом числа представителей нижних статусных позиций, сколько

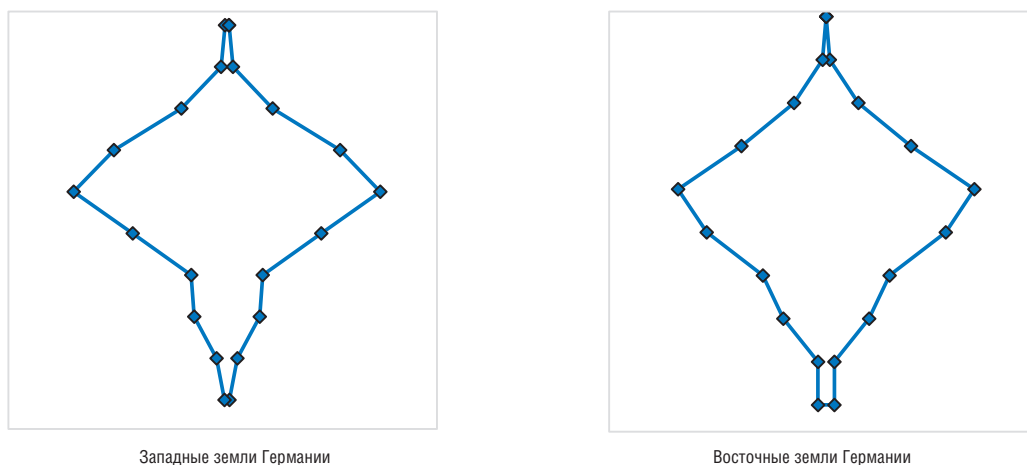
увеличением численности представителей верхних трех позиций. Этому, видимо, способствовало осознание прочности собственного положения даже в кризис наиболее благополучной частью населения, повлиявшее и на самооценку ее представителями своего статуса.

Такая динамика модели субъективной стратификации в 2010-е свидетельствует о том, что в России сложилась устойчивая к экономическим потрясениям модель субъективной стратификации. Безусловное большинство россиян в рамках этой модели уже не считают себя социальными аутсайдерами, а само российское общество является, судя по контурам этой модели, обществом массового среднего (хотя скорее нижнего среднего, чем собственно среднего) класса.

О корректности такого его определения свидетельствует тот факт, что сейчас модель субъективной стратификации российского общества стала уже во многом напоминать аналогичные модели в развитых странах, например в Германии (рис. 10). В то же время она имеет и четко прослеживающееся отличие — для них, в отличие от России, характерна концентрация

Рисунок 10

МОДЕЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ ГЕРМАНИИ¹, ISSP-2009 г. (%)²

¹ Рассмотрение их в отдельности позволяет учесть как культурные и исторические, так и институциональные факторы, влияющие на самооценку своего статуса или другие компоненты мировоззрения и идентичностей населения. Кроме того, оно позволяет сравнить ситуацию с субъективной стратификацией в двух постсоциалистических обществах. При таком сравнении видна большая численность нижнего среднего класса и социальных низов в восточных землях Германии, по сравнению с западными, что сближает ее с Россией.

² International Social Survey Programme (ISSP) – ежегодная международная программа исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования меняется, но раз в 8–10 лет в рамках этой программы проводятся опросы, посвященные проблематике социальной структуры (подробнее см.: [Электронный

ресурс]. <http://www.issp.org>). Нами использовались данные волны ISSP-2009/2010 – последней из проведенных по этой тематике, данные которой доступны. Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Западной Германии: 1-я (высшая) позиция – 0,4%; 2-я позиция – 1,2%; 3-я позиция – 9,2%; 4-я позиция – 22,8%; 5-я позиция – 30,9%; 6-я позиция – 19,0%; 7-я позиция – 7,2%; 8-я позиция – 6,6%; 9-я позиция – 2,1%; 10-я (низшая) позиция – 0,5%. Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Восточной Германии: 1-я (высшая) позиция – 0%; 2-я позиция – 0,7%; 3-я позиция – 6,3%; 4-я позиция – 16,6%; 5-я позиция – 29,0%; 6-я позиция – 23,4%; 7-я позиция – 12,4%; 8-я позиция – 8,4%; 9-я позиция – 1,6%; 10-я (низшая) позиция – 1,6%.

наибольшей доли граждан на шестой, а не пятой позиции снизу, в результате чего средний балл самооценки своего социального статуса в этих странах заметно выше.

Такая разница в моделях субъективной социальной структуры России и Германии естественна и обуславливается различиями в уровне развития их экономик, сказывающимися и на их профессиональной структуре, и на уровне благосостояния их граждан, и на их самооощущении своего места в обществе. В России, например, относительно ниже, чем в Германии, доля в составе работающего населения профессионалов и предпринимателей, а именно у них средний балл самооенок социального статуса наиболее высок¹. В результате и о России, и о Германии можно говорить как об обществах массового среднего класса, но в Германии это общество собственно среднего класса, а в России – нижнего среднего.

Итак, динамика модели субъективной стратификации общества за последние 20 лет говорит о том, что в России к настоящему времени сложилось общество массового нижнего среднего класса.

Модель субъективной стратификации российского общества сейчас весьма устойчива, и на нее мало влияют даже серьезные экономические кризисы, хотя в новейшей истории страны были периоды, когда эта модель выглядела совершенно иначе.

Нынешнее состояние и динамика модели говорят об отсутствии в данный момент в российском обществе предпосылок для серьезного роста социальной напряженности из-за распространенности ощущения себя социальными аутсайдерами. Даже в условиях снизившегося за годы последнего экономического кризиса уровня жизни населения доля ощущающих

себя представителями социальных низов сейчас относительно невелика, и в целом россияне скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, своим местом в обществе.

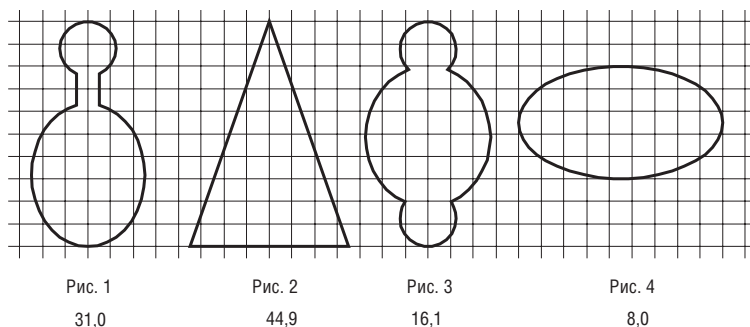
Представления населения о реальной и идеальной моделях социальной структуры России

Если от анализа модели субъективной стратификации российского общества и ее динамики перейти к видению населением страны модели социальной структуры России, что также является одной из разновидностей субъективных моделей стратификации, то, как видно на рис. 11, среди россиян сейчас доминирует мнение об этой структуре как о пирамиде. Хотя население страны массово (44,9%) считает, что российское общество состоит в основном из низов пирамиды, это не создает никакой угрозы для социально-политической стабильности: даже если человек относит себя к слоям чуть ниже среднего (а именно так, как было показано выше, россияне чаще всего оценивают собственный статус), но при этом убежден, что значительная часть населения страны находится в статусной иерархии еще ниже, то и относительную приниженность собственного статуса он не переживает особенно остро. Таким образом, распространенность представлений о пирамидальности социальной структуры России не генерирует никаких рисков, поскольку не отражает личные переживания людей по поводу своего места в этой структуре.

Гораздо более серьезной проблемой выступает распространенность (31,0%) среди россиян представлений о социальной структуре российского общества как о такой, в которой население страны далеко отстоит от оторванной от него небольшой верхушки. В этой модели отображаются как бы два параллельно существу-

Рисунок 11

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН, 2018 г. (%)

¹ Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. С. 317.

ющих в одном обществе и не связанных между собой мира – верхи и все остальные (модель 1 на рис. 11). Противопоставляя оторванные друг

от друга верхи и народ, эта модель создает идеологическую базу для социальной напряженности, поскольку приходит в противоречие с теми представлениями россиян о должном и справедливом, которые устойчиво сохраняются у населения нашей страны¹.

Доля сторонников такой точки зрения на структуру российского общества очень устойчива и уже 20 лет держится на уровне 31–32%, а возрастной, профессиональный, образовательный и т.д. состав их² практически идентичен составу населения в целом. Единственными, хотя и незначительными отличиями сторонников таких представлений о сложившейся структуре российского общества выступают чуть большая концентрация их в столицах и областных центрах, а также чуть большая доля среди них выходцев из семей, где оба родителя имели высшее образование.

Что же касается приверженцев взглядов на модель социальной структуры российского общества как на общество массового среднего класса (модель 3 на рис. 11) или же общества социальной однородности (модель 4 на том же рисунке), их доля относительно невелика и составляет в совокупности сейчас всего 24,1%.

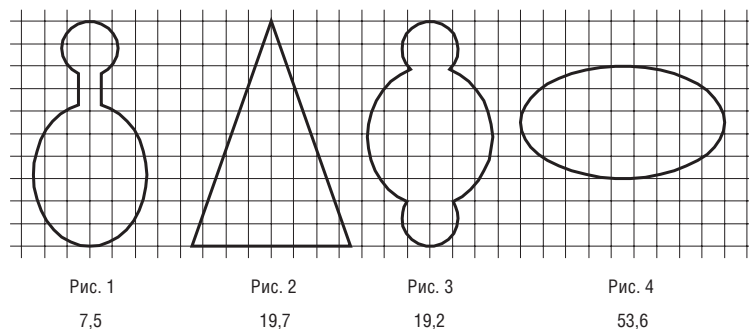
Более полно показать, что стоит за такими представлениями россиян о социальной структуре российского общества, позволяет анализ мнений россиян о том, какую стратификационную модель они считают для России

идеальной. Как видно на рис. 12, наиболее популярной идеальной моделью российского общества для массовых слоев населения страны выступает сейчас модель общества социальной однородности. Это свидетельствует об очень серьезных изменениях во взглядах россиян за последние 20 лет под влиянием существующих в стране избыточных неравенств. Весь 25-летний период наблюдений около 60% населения России выбирали как идеальные для нее, хотя и разные, модели стратификации, но в любом случае предполагающие глубокие социальные неравенства (т.е. первые три модели на рис. 12). И только сейчас большинство россиян отказались от желательности для России глубоких социальных неравенств и оказались в числе сторонников общества социальной однородности. В совокупности с тем, что именно в последние годы в общественном сознании произошел еще один чрезвычайно важный скачок и к настоящему моменту впервые в новейшей истории страны норма о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека утратила доминирование³, это говорит об очень серьезных по масштабам, глубине и социально-политическим последствиям сдвигах, которые происходят в сознании населения.

Если говорить о составе тех, кто выбирает как идеальную для России модель общества социальной однородности, то этот состав очень близок к показателям по населению в целом,

Рисунок 12

ИДЕАЛЬНАЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН, 2018 г. (%)

¹ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. С. 54–74; «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, П.М. Козырева, Ли Пей Линь. М.: Новый хронограф, 2016. С. 152–174; *Марева С.В.* Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // *Journal of Institutional Studies*. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119.

² При анализе учитывались возраст, профессиональный статус, место жительства, социальное происхождение, уровень дохода, образование, характер влияния экономического кризиса 2014–2016 годов на положение человека и ряд других показателей.

хотя сторонников общества социальной однородности как идеальной модели стратификации для России чуть реже можно встретить среди представителей Московского региона и Санкт-Петербурга, при том что чаще всего они встречаются среди жителей областных центров

³ *Тихонова Н.Е.* Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // *Политические исследования (ПОЛИС)*. 2018. № 5.

(56,7%). Кроме того, наличие родителей с высшим образованием также несколько снижает вероятность оказаться в числе приверженцев модели общества социальной однородности как идеальной для России. Такая размытость портрета сторонников общества социальной однородности говорит о том, что рост их числа — это не следствие каких-то объективных особенностей их положения, а результат имманентных и глубинных процессов эволюции самого общественного сознания, повлиять на которые исключительно сложно.¹

Отдельно стоит отметить, что представления о реальной и идеальной моделях структуры российского общества, судя по результатам корреляционного анализа, очень слабо связаны между собой. Практически не связаны и представления россиян об идеальной и реальной моделях структуры российского общества с их собственным социальным статусом или удовлетворенностью им. Достаточно сказать, что модель общества социальной однородности как идеальную для России выбирают 51,4% тех, кто оценивает свой статус как хороший, и 56,8% тех, кто оценивает его как плохой, а пирамидальную модель или модель с противостоянием верхушки и масс, как характеризующую реальную ситуацию в стране, выбирают 71,1% первых и 78,9% вторых. В то же время, если спуститься с уровня нормативно-ценностных систем россиян в целом на уровень оценки ими собственной ситуации, сравнив показатели их удовлетворенности своим социальным статусом и их оценки этого статуса, то, как видно из табл. 1, они тесно связаны между собой. Об этом же говорят и показатели коэффициента Спирмена (0,357).

Как видно из табл. 1, сегодня довольны своим местом в обществе (т.е. оценивают ситуацию с ним как хорошую) лишь 26,4% всех россиян. При этом однозначно довольны им сейчас, как правило, те, кто ставит себя на четыре верх-

ние ступени лестницы социальных статусов, а остальные в массе своей оценивают его как удовлетворительный (табл. 2). Однако рассматривать удовлетворенность россиян собственным социальным статусом как низкую тоже было бы неверно. Во-первых, однозначно недовольны им лишь 8,5%, а остальные оценивают ситуацию с ним как удовлетворительную или даже хорошую. Во-вторых, среди населения в целом в четыре раза больше оценивающих его как хороший, чем как плохой. А в-третьих, всего 15 лет назад, в 2003 году, характеризовавшемся быстрым экономическим ростом и оптимизмом населения, доля оценивающих собственный статус как хороший составляла 18,0%, а как плохой — 15,1%, т.е. соответствующие показатели выглядели тогда заметно хуже, чем весной 2018 года, когда экономика страны еще не полностью преодолела последствия кризиса 2014–2016 годов.

Таким образом, большинство россиян видят сложившуюся в России модель стратификации как такую, где большинство населения сосредоточено в нижних слоях или слоях ниже среднего. В качестве идеальной же модели стратификации для них выступает сейчас модель общества социальной однородности, и это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от характерной для всего периода новейшей истории России, когда большинство считало оптимальными для страны различные модели, предполагающие глубокую социальную дифференциацию.

Выводы

За последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения: большинство россиян перестали считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. Это принципиально отлича-

Таблица 1

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СВОИМ МЕСТОМ В ОБЩЕСТВЕ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОЗИЦИЙ НА СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ, 2018 г. (%)¹

Оценивают свой статус (место в обществе) как:	Верхние (1–4-е) ступени	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Нижние (9–10-е) ступени	Население в целом
Хороший	52,8	33,9	19,4	12,9	10,0	7,6	26,4
Удовлетворительный	42,7	62,3	73,9	76,8	69,7	72,5	65,1
Плохой	4,5	3,8	6,7	10,3	20,3	19,9	8,5

¹ Серым фоном и жирным шрифтом выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%.

ет ситуацию с субъективной стратификацией в современной России, с одной стороны, от картины с ней в 1990-х и начале 2000-х, а с другой – от моделей субъективной стратификации обществ развитых стран, в которых доминирует не нижний средний, а собственно средний класс. Эти особенности социальной структуры российского общества очень устойчивы и практически не меняются под влиянием резкого ухудшения ситуации в экономике.

Характерной особенностью модели субъективной стратификации в России выступает также растущее завышение в общественном сознании роли материального благосостояния в определении социального статуса с одновременным принижением в этом качестве престижа профессии, должности, образования и других факторов, обычно более значимых в обществах современного типа. В результате главным маркером, определяющим их статус в обществе, выступают для россиян материальное благосостояние и образ жизни. Именно поэтому, хотя российское общество было и остается обществом смещенных вниз статусных пози-

ций, в 2000-е по мере роста уровня благосостояния населения самоощущение россиянами своего статуса в обществе заметно улучшалось.

Несмотря на то что в области самоощущения статуса россиянами есть отдельные проблемы, в целом ситуацию с ним можно считать относительно благополучной. Число россиян, безусловно недовольных собственным местом в обществе или относящих себя к его низам, сейчас относительно невелико, а в среднесрочной ретроспективе численность их заметно сократилась. Однако впервые за последнюю четверть века в общественном сознании начала доминировать убежденность в том, что оптимальной для России моделью стратификации является модель общества социальной однородности. В сочетании с тем, что именно сейчас в сознании россиян утверждается также приоритет прав человека по отношению к интересам государства, это знаменует кардинальные перемены в общественном сознании и чревато запросом на серьезные потенциальные изменения в общественных институтах, как формальных, так и неформальных.

Светлана МАРЕЕВА
Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности¹

В последнее время, особенно после кризиса 2008-2009 годов, неравенство все чаще оказывается в центре внимания не только научного сообщества, но и политических кругов, а также широкой общественности. Проблема неравенства обсуждается как на уровне отдельных стран, так и в контексте общемирового развития, выступая одним из ключевых его вызовов; рассматриваются подходы к измерению неравенства, тренды его изменения, основания, факторы и последствия углубления неравенств, а также легитимность различных неравенств в глазах населения. Эти обсуждения ведутся в контексте дискуссий об экономической эффективности, устойчивом развитии, о политической и социальной стабильности, новых вызовах для социально-экономической политики; оценивается уровень неравенства, при котором оно перестает играть стимулирующую роль и становится «избыточным», препятствующим экономическому росту и повышению благосостояния населения.

Новой волне интереса к данной проблематике способствовал выход нескольких крупных работ в последние годы, среди которых, прежде всего, нужно назвать работы Т. Пикетти, Дж. Стиглица, Б. Милановича, Э. Аткинсона и др.² (хотя, по оценке известного социолога Д. Груски³, сдвиг отношения к проблеме нера-

венства начал происходить после 1960-1970 годов — до этого неравенство рассматривалось как побочный эффект капитализма и социализма, предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведет к снижению неравенства, что не подтвердилось на практике). Проблематике неравенства были посвящены многие ключевые международные конференции последних лет, в частности Международный социологический конгресс 2014 года («Сталкиваясь с неравным миром: вызовы для глобальной социологии»), конференция Европейской социологической ассоциации 2015 года («Различия, неравенства и социологическое воображение») и др. Обсуждение неравенства активно ведется и в российской научной среде, причем с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи⁴.

Обеспокоенность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними вошло в Цели устойчивого развития ООН 2015 года. Целый ряд докладов международных организаций последнее время был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире — его масштабах, различиях между странами, тенденциях изменений, негативных последствиях растущего неравенства и разработке рекомендаций по управлению им. Среди таких работ — доклад неправительственной некоммерческой организации Oxfam International, подготовленный для Всемирно-

¹ В статье использованы результаты проектов «Социальная политика, социальная стратификация, компоненты благосостояния населения и проявления неравенства в России: анализ взаимосвязей на различных этапах жизненного цикла» и «Денежные и немонетарные неравенства в современных обществах: объективное состояние и субъективное восприятие населением», выполняемых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

² См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015; Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018; Миланович М. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

³ Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press, 2011. P. 1–13.

⁴ Для примера приведем лишь несколько недавних работ: Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки). Препринт WP3/2016/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудбер А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3(31). С. 170–185; Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–114; Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 25 (2). С. 37–67; Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 58–71.

го экономического форума в Давосе, опубликованный в 2016 году, — «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству и как это можно остановить» (к сожалению, отдельное внимание России в нем не уделяется); доклад 2016 года Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016-2017 годы, впервые посвященный именно проблемам неравенства, ежегодные доклады Credit Suisse о распределении мирового богатства. Ряд других организаций постоянно работает с оценками неравенства, как со статистическими данными о неравенстве доходов в странах мира (Всемирный банк), так и с оценками концентрации доходов и богатства (Всемирная база данных о неравенстве и пр.).

Оценки неравенства, представленные в аналитических материалах, имеющих сравнительный международный характер, основываются на различных источниках данных и разных методиках расчета. В фокусе внимания при этом обычно оказывается неравенство не только доходов, но и благосостояния (богатства); в ряде случаев монетарные неравенства также дополняются рассмотрением немонетарного аспекта — неравенства возможностей. Важно оценить, *какое место занимает Россия в мире в контексте сравнительных оценок неравенства, полученных с помощью различных методик.* Анализ этих вопросов на базе статистических данных и аналитических докладов международных организаций, перечисленных выше, и посвящена данная статья.

Всемирный банк: статистические оценки неравенства и доклад «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством» (2016)

С оценками глобального неравенства активно работает Всемирный банк, причем анализ проводится в рамках разных подходов — рассматривается как глобальное неравенство между всеми индивидами, проживающими во всех странах мира, без учета страновых границ, так и неравенство между странами. Всемирный банк определяет степень глобального неравенства, зоны концентрации бедных по универсальным линиям бедности и т.п. На данных Всемирного банка возможно проводить и сравнение стран между собой по уровню неравенства доходов: в его базах представлены значения индекса Джини по доходам и различные показатели концентрации доходов.

По показателю *доли доходов населения, приходящейся на верхний дециль* (10% наиболее богатого населения), в 2015 году наибольшей концентрацией доходов (38% и более) характеризовались Замбия, Бразилия, Колумбия, Панама и Чили, а наименьшей — Словакия, Словения, Косово и Украина (менее 22% в каждой¹). *Верхний дециль российского населения в 2015 году владел 29,7% всех доходов страны*, что определило Россию на 22-ю позицию среди стран, упорядоченных по убыванию показателя (табл. 1). Схожие позиции занимали Филиппины и Уругвай, Гамбия и Литва. Таким образом, *Россия примыкает к верхней трети стран, доходы в которых распределены с сильным уклоном в сторону благополучных слоев населения.*

Положение России в этом отношении достаточно стабильно: в 2004 году среди 70 стран, данные по которым доступны, Россия также примыкала к верхней трети рейтинга (26-я позиция с концентрацией доходов 30,5%). Однако при сравнении динамики показателей России с Бразилией и Украиной, попадающих в начало и конец рейтинга, видно, что по абсолютной величине показателя положение России скорее срединное.

Из таблицы 1 видно, что в стабильные периоды экономического развития верхние 10% российского населения получают еще большие доли дохода, а во время кризисов и после них доходы по населению несколько выравниваются.

Показатель *доли доходов населения, принадлежащей нижнему (беднейшему) децилю*, также может служить показателем доходного неравенства в обществе, хотя сам по себе в аналитических обзорах и исследованиях он практически не встречается. Согласно этому показателю, наименьшей долей доходов, приходящихся на нижний дециль, характеризуются такие страны, как Бенин и Замбия, а наибольшей — Киргизская Республика, Молдавия, Украина и Казахстан. Россия находится в середине списка, отранжированного по возрастанию показателя (29-я позиция; 2,8%). Схожие с ней позиции занимают Хорватия, Филиппины, Великобритания и Австрия. Ситуация с беднейшими 10% российского общества еще более стабильна — показатель не превышал 2,8% и не спускался ниже 2,3% за период с 2000 по 2016 год.

¹ Отметим, что одной из проблем статистики Всемирного банка является низкое качество данных для ряда стран, связанное с формированием репрезентативной выборки, доступом к высокообеспеченным слоям населения, контролем качества работы интервьюеров и др., в связи с чем данные по ряду стран (особенно тех, которые условно можно отнести к развивающимся) могут вызывать определенные сомнения и вопросы.

Одним из широко распространенных показателей для оценки неравенств выступает индекс Джини, который показывает, в какой степени распределение доходов по населению отклоняется от абсолютно равномерного. Динамика индекса Джини подтверждает отме-

ченные выше тенденции о чувствительности уровня доходного неравенства в России к экономической обстановке в стране, а также демонстрирует постепенное снижение доходного неравенства в странах с максимальным неравенством по доходам (табл. 2).

Таблица 1

ДОЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ, ПРИХОДЯЩАЯСЯ НА ВЕРХНИЕ 10% ДОХОДНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2007-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 Замбия				45,2					44,4	
2 Бразилия	43,2	42,5	42,2		41,7	41,6	41,7	40,6	40,4	
3 Колумбия		43,7	43,1	43,5	42,4	41,4	41,6	41,6	40,0	40,0
4 Панама	39,9	41,1	40,2	39,8	39,7	39,8	39,6	38,6	39,0	37,9
5 Чили			39,7		38,5		38,4		38,0	
20 Филиппины			32,7			32,9			31,3	
21 Уругвай	35,5	34,4	34,7	33,7	31,7	29,3	30,2	29,9	29,9	29,7
22 Россия	32,8	32,5	31,1	30,6	31,1	32,2	32,4	31,9	29,7	
23 Гамбия				34,9					28,7	
24 Литва	26,7	27,6	27,6	24,8	24,5	26,8	27,1	28,9	28,6	
54 Чешская Респ.	22,3	22,9	22,3	22,4	22,2	22,1	22,6	22,1	22,1	
55 Украина	22,0	21,9	21,2	21,0	20,7	20,8	21,1	20,6	21,6	21,2
56 Косово			25,0	25,7	22,3	23,5	21,9	22,0	21,5	
57 Словения	20,4	20,1	20,6	20,7	20,7	21,1	21,4	21,1	21,0	
58 Словацкая Респ.	20,7	21,3	21,8	21,8	20,9	20,5	22,1	20,3	20,9	

Источник. Официальная статистика Всемирного банка.

Примечание. В таблице представлена лишь часть стран из общего списка, упорядоченных по убыванию показателя в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Таблица 2

ИНДЕКС ДЖИНИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2007-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 Словения	24,4	23,7	24,8	24,9	24,9	25,6	26,2	25,7	25,4	
2 Украина	27,0	26,6	25,3	24,8	24,6	24,7	24,6	24,0	25,5	25,0
3 Чешская Респ.	26,0	26,3	26,2	26,6	26,4	26,1	26,5	25,9	25,9	
4 Косово			31,8	33,3	27,8	29,0	26,3	27,3	26,4	
5 Словацкая Респ.	24,7	26,0	27,2	27,3	26,5	26,1	28,1	26,1	26,5	
35 Грузия	38,3	38,2	38,1	40,1	39,5	38,8	38,4	37,3	36,4	36,5
36 Литва	34,8	35,7	37,2	33,6	32,5	35,1	35,3	37,7	37,4	
37 Россия	42,3	41,6	39,8	39,5	39,7	40,7	40,9	39,9	37,7	
38 Мьянма									38,1	
39 Эфиопия				33,2					39,1	
54 Гондурас	55,8	55,5	51,3	53,1	56,2	56,1	52,6	50,4	49,6	50,0
55 Панама	52,8	53,4	51,9	51,7	51,4	51,8	51,5	50,6	50,8	50,4
56 Колумбия		55,4	54,5	54,8	53,6	52,9	52,9	52,8	51,1	50,8
57 Бразилия	54,9	54,0	53,7		52,9	52,6	52,8	51,5	51,3	
58 Замбия				55,6					57,1	

Источник. Официальная статистика Всемирного банка.

Примечание. В таблице представлена лишь часть стран из общего списка, упорядоченных по возрастанию индекса Джини в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

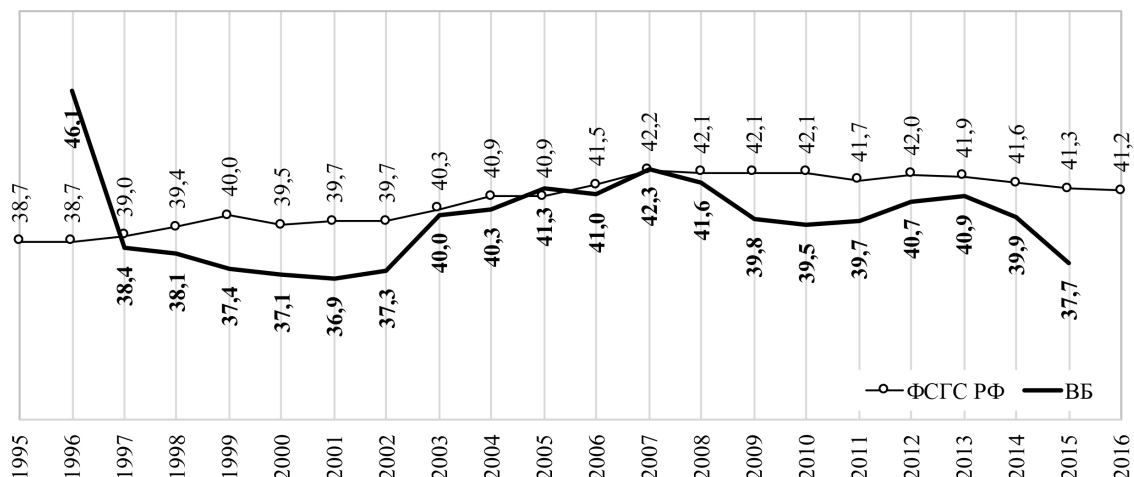
Судя по статистике Всемирного банка, положение России в этом отношении также скорее срединное – хотя неравенство в стране и заметно выше континентальных европейских стран, оно ниже мировых максимальных границ, которые задают развивающиеся страны. Однако важно отметить, что, по данным исследований Всемирного банка, *индекс Джини на уровне 38-40% означает избыточный уровень неравенства, негативно влияющий на экономический рост*. Судя по представленным оценкам, *доходное неравенство в России находится около этой границы*. При этом в исследованиях было показано, что влияние неравенства на экономический рост отличается в зависимости от уровня доходов в рассматриваемых странах: в странах с низкими доходами рост уровня неравенства негативно влияет на темпы экономического роста, а в странах с высоким уровнем доходов негативного влияния нет¹.

База для расчета индекса Джини собирается представительствами Банка в странах мира, а также национальными статистическими службами. В этой связи интересно сопоставить данные Всемирного банка с данными Федеральной службы государственной статистики России (ФСГС РФ) (рис. 1).

Согласно данным ФСГС РФ, индекс Джини за последние 20 лет увеличился: с 38,7% в 1995 году до 41,2% в 2016.

Рисунок 1

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ДЖИНИ В РОССИИ, 1995-2016 гг. (%)

Источник. Официальная статистика ФСГС РФ² и Всемирного банка.

¹ Barro R. Inequality, growth and investment / NBER working paper, 1999, No. 7038.

² ФСГС РФ (2017). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (доступно: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

му он достиг в 2007 году (42,2%), после чего наблюдалась тенденция к снижению показателя. Как видно из рисунка 1, наблюдаются расхождения оценок индекса Джини у Всемирного банка и ФСГС РФ, связанные с процедурами дооценки доходов, которые использует ФСГС РФ и не использует при расчетах Всемирный банк. Эти различия преимущественно возрастали в посткризисные годы – разница превышала 2% в 1999-2002, 2009-2011 и 2014-2015 годах. Иначе говоря, согласно официальной российской статистике, сглаживания доходных неравенств в условиях экономических рецессий не происходило.

Подводя итог краткому обращению к статистическим данным Всемирного банка можно заключить, что в сопоставлении со странами мира они определяют Россию в группу с высокими, но не чрезмерными неравенствами по доходам.

Остановимся еще на одном тематическом материале Всемирного банка – докладе 2016 года «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»³. Специалисты Всемирного банка подчеркивают, что задача поддержания темпов сокращения бедности, характерных для последних 25 лет, при наблюдающемся снижении темпов экономического роста подразумевает сокращение неравенства и более равномерное распределение доходов в глобальном масштабе. *Динамика неравенства –*

³ World Bank . Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, 2016.

как глобального, так и для оценки ситуации в отдельных странах — при этом оценивается в докладе с помощью универсального индикатора — *изменения доли доходов / потребления*¹, *приходящихся на 40% беднейшего населения*. Эта граница установлена на основании экспертных оценок.

Если говорить о глобальном неравенстве (между населением всех стран), то оно, согласно данным Всемирного банка, демонстрировало тенденцию к сокращению с 1990-х годов — впервые со времен Промышленной революции. До этого, в 1820-1990 годах, неравенство демонстрировало устойчивый рост. Его снижение было связано с быстрым ростом средних доходов в странах с высокой численностью населения (Китай, Индия). В результате вклад межстранового неравенства в общий уровень неравенства сократился, в то время как вклад внутривостранового неравенства, наоборот, возрос (с 20% в 1988 году до 35% в 2013 году).

Что же касается рассмотрения ситуации отдельно по странам, то в 60 из 83 отслеживаемых странах за период с 2008 по 2013 год доходы беднейших 40% росли, при этом в 49 странах темпы роста доходов у нижних 40% населения были выше, чем у верхних 60%, что свидетельствует о сокращении неравенства (население этих стран составляет 2/3 всего мирового населения). Однако данный процесс происходил неравномерно в разных странах и регионах — наиболее ярко он проявился в странах Восточной Азии и Латинской Америки, в то время как высокодоходные страны Европы и Центральной Азии в этом отношении отставали. Кроме того, специалисты Всемирного банка подчеркивают, что сокращение неравенства происходит достаточно медленно — средний ежегодный рост доходов нижних 40% по всем странам составлял в 2008-2013 годах 2%, что лишь на 0,5 п.п. выше среднего темпа роста доходов всего населения всех стран в этот период.

В России нижние 40% населения с точки зрения доходного распределения, по оценке Всемирного банка, выиграли от экономического роста 2008-2013 годов в большей степени, чем население в целом, и, таким образом, Россия оказалась в числе стран, где степень «всеобщего процветания», выступающего в противовес неравенству,

в этот период увеличилась. Для России средне-годовые темпы роста потребления составили в 2008-2013 годах 5,86% для нижних 40% населения при 5,27% для населения в целом.

По оценкам специалистов организации, снижение неравенства в России за счет роста благосостояния нижних 40% в 2008-2013 годах явилось следствием, прежде всего, роста пенсий и зарплат бюджетного сектора, которые являются важными источниками доходов именно для низкодоходного населения. Меры социальной поддержки играли при этом ограниченную роль, поскольку многие из них не являются адресными и их получателями выступают представители разных слоев населения. Увеличение адресности программ социальной поддержки, по мнению авторов доклада, способствовало бы повышению влияния фискальной политики на сокращение неравенства, измеряемого таким образом.

Обновленные оценки Всемирного банка, опирающиеся на данные 2010-2015 годов, показывают продолжение этой тенденции в России — *снижение неравенства за счет опережающего роста потребления среди 40% наиболее низкодоходного населения по сравнению с населением в целом, хотя темпы роста при этом заметно упали в результате развернувшегося в 2014 году экономического кризиса* (табл. 3).

В прогнозах специалисты Всемирного банка предполагают, что неравенство в России в будущем скорее будет возрастать, поскольку в последние годы индексация пенсий и зарплат бюджетникам происходила на уровне ниже инфляции, и степень сокращения доходов нижних 40% населения за счет этого окажется выше, чем у верхних 60%, однако расчеты за последние годы ими пока не представлены.

Отчет о глобальном богатстве (Credit Suisse)

Одним из широко цитируемых источников в сфере анализа неравенств в странах мира выступает ежегодный отчет *Credit Suisse о распределении богатства между жителями планеты* и в отдельных странах (8 отчетов за 2010-2017 годы, охватывающих статистику с 2000 года). В основу анализа заложен показатель богатства (или благосостояния), рассчитываемый как рыночная стоимость финансовых и нефинансовых (жилье и земля) активов за вычетом долгов, характеризующих положение индивида. Его оценка производится в три этапа: 1) расчет уровня благосостояния на основе данных бухгалтерского баланса домашних хозяйств (HBS,

¹ В зависимости от особенностей имеющихся эмпирических данных для разных стран используется либо показатель дохода, либо показатель потребления.

Таблица 3

ТЕМПЫ РОСТА СРЕДНИХ ДОХОДОВ / ПОТРЕБЛЕНИЯ НИЖНИХ 40% НАСЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕЛОМ, РОССИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ СТРАН (2010-2015 гг.)

Страна	Период	Тип: доход / потребление	Среднегодовые темпы роста среднего дохода / потребления на душу населения	
			Нижние 40%	Все население
			%	%
Франция	2010-2015	доход	0,74	0,21
Россия	2010-2015	потребление	1,62	0,48
Финляндия	2010-2015	доход	0,53	0,17
Великобритания	2010-2015	доход	0,26	0,11
Бразилия	2011-2015	доход	3,8	2,19
Австрия	2010-2015	доход	-0,47	-0,28
Грузия	2011-2016	потребление	6,44	4,32
Испания	2010-2015	доход	-2,16	-1,53
Словения	2010-2015	доход	-0,78	-0,56
Чехия	2010-2015	доход	1,42	1,03
Италия	2009-2014	доход	-2,6	-1,9
Швейцария	2009-2014	доход	1,22	0,99
Украина	2011-2016	потребление	-0,85	-0,69
Польша	2010-2015	доход	2,52	2,07
Греция	2010-2015	доход	-8,35	-6,98
Казахстан	2010-2015	потребление	4,09	3,47
Белоруссия	2011-2016	потребление	4,06	3,46
Латвия	2010-2015	доход	7,52	6,47
Китай	2008-2012	потребление	8,87	8,23
Словакия	2010-2015	доход	-0,62	-0,61
Эстония	2010-2015	доход	6,15	6,62
США	2010-2016	доход	1,33	1,65
Турция	2011-2016	потребление	2,53	3,47
Норвегия	2010-2015	доход	2,11	2,95
Венгрия	2010-2015	доход	1,19	1,73
Швеция	2010-2015	доход	0,62	1,91
Болгария	2009-2014	доход	0,43	2,11
Румыния	2010-2015	доход	0,06	1,14
Германия	2007-2011	доход	0,82	-0,29

Примечание. Упорядочено по соотношению показателей темпов роста нижних 40% и всего населения. Серым фоном выделены страны, где степень неравенства по методике оценки Всемирного банка сокращалась.

Источник. Global Database of Shared Prosperity, circa 2010-2015¹.

доступных по 52 странам)² и восполнение пробелов в данных эконометрическими методами; 2) оценка связи распределения совокупного

¹ Global Database of Shared Prosperity, circa 2010-2015. World Bank 2018 [Электронный ресурс]. <http://pubdocs.worldbank.org/en/280281524500540582/GDSP-circa-2010-2015-Apr-12-2018.pdf>.

² Данные охватывают, согласно оценкам исследователей, 96% мирового богатства и 65% населения мира. Данные по России неполны, доступны исключительно финансовые данные HBS. Согласно приведенной в Databook информации, источником статистики по бюджетам домашних хозяйств в России является Unicredit: CEE Households' Wealth and Debt Monitor and Central Bank of the Russian Federation (более подробно об использованных данных см.: Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland, p. 5, 11).

богатства с распределением доходов (доступной по 31 стране) и составление на этой основе приблизительных оценок по остальным 137 странам; 3) дополнение статистики данными Forbes о численности долларовых миллиардеров в анализируемых странах (доступными по 44 странам) и присвоение остальным средним значений тех регионов, к которым они принадлежат.

Глубину неравенств внутри отдельных стран можно оценить по показателю *индекса Джини по богатству* (при этом необходимо учитывать, что в силу проблем с доступностью

качественных данных показатели распределения богатства по большинству стран являются оценочными — для стран, не имеющих данных о распределении богатства, они основываются на расчетах по аналогии со странами, где такие данные представлены). Индекс Джини по богатству оказывается значимо выше, чем более привычный индекс Джини по доходам — его значения, исключая выбросы, колеблются от 42,8 до 94,2% (рис. 2).

По данному показателю Россия находится на 20-м месте среди стран, упорядоченных по его убыванию, а величина индекса Джини по богатству в России составляет 82,6%. Учитывая то, что данный показатель рассчитывается для 171 страны, Россия оказывается в числе стран-лидеров, распределение богатства в которых наиболее неравномерно, и значительно опережает в этом отношении практически все развитые страны, за исключением США.

Обращение к показателям концентрации богатства (доли совокупного богатства, находящегося в собственности у 1%, 5% и 10% богатейших жителей стран) еще в большей степени позиционирует Россию как страну с чрезмерным неравенством (рис. 3).

Так, в собственности 10% богатейших жителей России находятся, по оценкам аналитиков,

77% совокупного богатства страны. По этому показателю Россия уступает только Таиланду и Швеции (79% и 78%). По показателю концентрации у 5% и 1% богатейших Россия выходит на 2-е место (71% и 56%), уступая только лишь Таиланду, различия с которым колеблются в пределах статистической погрешности. Таким образом, Россия является одним из двух бесспорных лидеров по неравенству, опережая даже такие страны, как США, ЮАР, Китай.

Столь неутешительная картина объясняется аналитиками Credit Suisse особенностями реализации в России процессов приватизации и характерной для страны институциональной среды:

«На момент перехода еще были надежды на то, что Россия перейдет в высококвалифицированную и высокодоходную экономику с сильными программами социальной защиты, унаследованными со времен Советского Союза. Это почти пародия на то, что произошло на деле. С самого начала были предприняты усилия по справедливому распределению государственных активов: большая часть жилищного фонда была передана резидентам, а акции "Газпрома" были выделены гражданам России. Но другие активы в богатых ресурсами компаниях попали к избранным немногим, и последующие события в стране, славящей-

Рисунок 2

ВЕЛИЧИНА ИНДЕКСА ДЖИНИ ПО БОГАТСТВУ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА, 2017 г. (%)

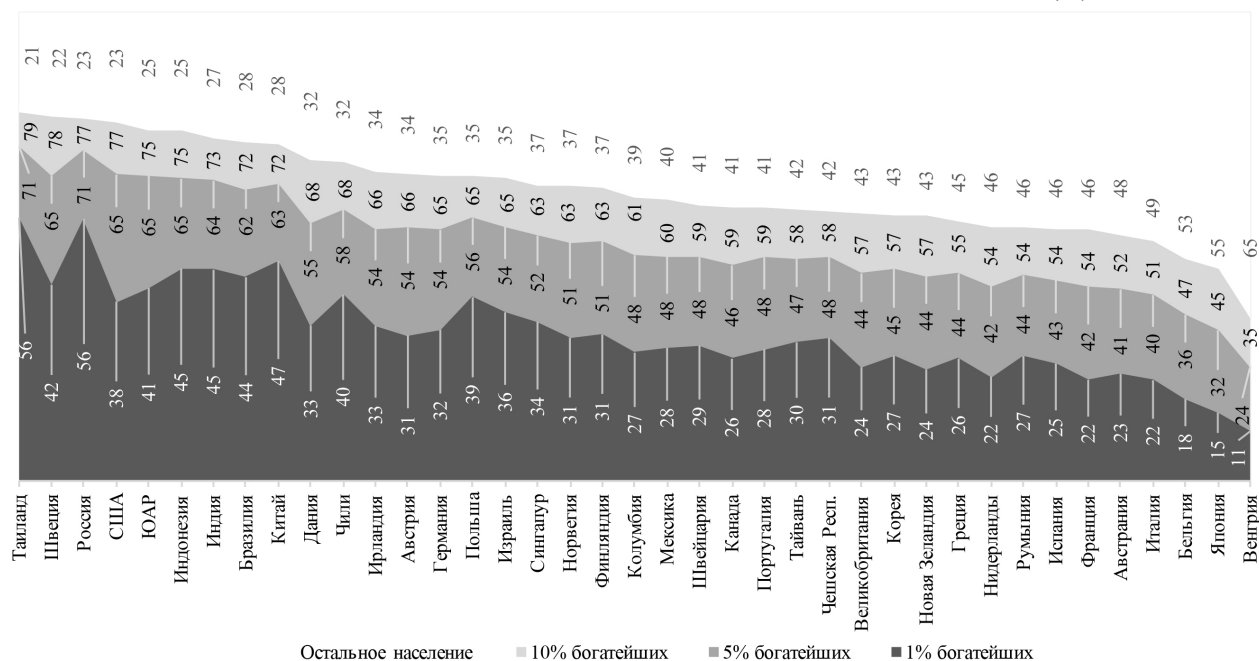
Примечание. На рисунке представлена лишь часть стран из общего списка, медианное значение — 70,9 (Португалия).

Источник. Статистический сборник Credit Suisse¹

¹ Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland, p. 113-115, 159.

Рисунок 3

КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА У 1%, 5% И 10% БОГАТЕЙШИХ ЖИТЕЛЕЙ КАЖДОЙ ИЗ СТРАН, 2017 г. (%)

Примечание. Страны упорядочены по уменьшению показателя концентрации богатства у верхнего дециля.

Источник. Статистический сборник Credit Suisse¹.

ся слабыми институтами, усилили важность политических связей, а не предпринимательских талантов»².

С целью уточнения ситуации в России в последний год исследователями, предоставляющими данные в Credit Suisse, была проведена работа по повышению качества данных, поскольку оно оценивалось специалистами как неоднозначное. Прделанная работа отразилась в том, что по сравнению с отчетами 2012–2016 годов структура российского общества, представленная в новом отчете, изменилась — сместилась «вверх» по общей вертикали богатства (т.е. увеличилась доля более обеспеченных и снизилась доля наименее обеспеченных слоев населения); изменились и другие показатели, причем некоторые из них — в разы (в полтора, два, четыре раза и т.д.). По этой причине предоставляемая в отчетах аналитика для России воспринимается неоднозначно, вопрос о доверии к ней дискутируется. Однако методологические сложности с измерением богатства и несовершенством данных пока не удалось преодолеть ни в одном из реализуемых международных исследовательско-аналитических проектов, по-

этому оценки Credit Suisse дают важные точки отсчета для оценки неравенства богатства в стране на общемировом фоне, что отмечают и российские экономисты³.

Всемирная база данных о неравенстве и доклад о мировом неравенстве

Еще одним крупным проектом, работающим с проблематикой неравенства в международной перспективе и сосредоточенным на монетарном аспекте неравенства, прежде всего, концентрации доходов и богатства⁴, является *Всемирная база данных о неравенстве* (World Inequality Database⁵). Ее целью является обеспечение открытого доступа к данным об исторической эволюции распределения доходов и богатства в мире — как в рамках отдельных стран, так и в международной сравнительной перспективе. Проект объединяет ключевых ученых, работающих с проблематикой монетарного неравенства в мире в последние годы (Т. Пикетти, Э. Саец, Э. Аткинсон и др.).

³ Гуриев С., Цивинский О. Россия — лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости. № 210 (3224). 2012. 6 нояб.

⁴ В первоисточнике используется понятие wealth; в переводах используются термины «имущество», «активы» и пр. Здесь и далее мы используем термин «богатство».

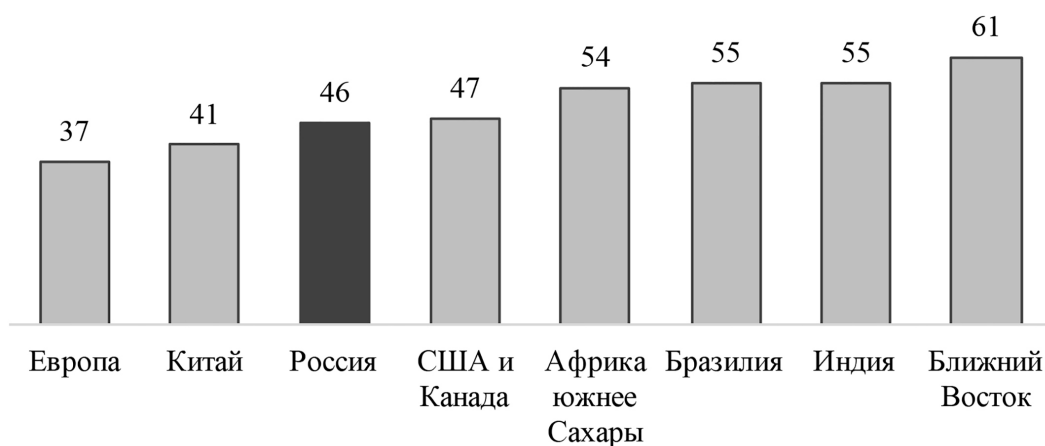
⁵ Подробнее см. на официальном сайте (доступно: <http://wid.world/>).

Оценки неравенства проводятся на основании совмещения данных из различных источников, среди которых: оценки совокупных доходов и имущества в национальной статистике (включая оценки имущества, выведенного за рубеж), выборочные обследования по доходам и имуществу домохозяйств; фискальные и административные данные по подоходным налогам, данные о наследовании, рейтинги по уровню богатства. Методы расчетов включают техники интерполяции и конструирование поправочных коэффициентов для верхних процентилей доходного распределения. Методология, используемая при расчетах, едина для всех стран, входящих в базу данных, что позволяет проводить межстрановые сравнения.

Результаты, изложенные в последнем на данный момент докладе о неравенстве в мире (2018)¹, свидетельствуют о том, что в последние десятилетия неравенство в доходах росло практически во всех странах мира, но разными темпами. Выше всего неравенство в доходах на Ближнем Востоке, ниже всего – в Европе; Россия находится в этом отношении ближе к Европе, но опережает и ее, и Китай. Так, по оценкам авторов, в 2016 году доля национального дохода, приходящегося на 10% населения с наиболее высоким уровнем дохода, составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде (рис. 4).

Рисунок 4

ДОЛЯ ВЕРХНЕГО ДЕЦИЛЯ (10%) ПО ДОХОДАМ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ МИРА В 2016 г.

Источник. Доклад о неравенстве в мире³.

Работающие с базой данных исследователи отмечают, что официальные оценки неравенства в России значительно недооценивают его рост с 1990-х годов. Доля доходов, приходящаяся на верхний процент населения, сейчас составляет около 20-22%, что примерно соответствует или оказывается даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в Китае и других посткоммунистических странах Восточной Европы, где доли верхнего процента по доходам находятся в интервале 10-14%².

Авторы объясняют этот факт особенностями той стратегии перехода к рыночной экономике, которая была использована в России, – особенно резкой «шоковой терапией» и стратегией приватизации, которая позволила небольшим группам индивидов приобрести значительные объемы приватизационных чеков (ваучеров) по низкой цене. Утверждается также, что институциональные условия, сложившиеся в России, позволили крупным собственникам влиять на «правила игры», в то время как в других странах Восточной Европы складывался иной институциональный контекст – с более весомой ролью закона, защитой прав собственности и более успешным созданием институтов рыночной экономики. Все это привело к высоким уровням концентрации доходов и богатства в России по сравнению с другими странами Восточной Европы. Авторы отмечают, что

¹ Alvarado F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary (Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. Русская версия). World Inequality Lab.

² Novokmet F., Piketty T. & Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016 (No. w23712). National Bureau of Economic Research 2017.

³ Alvarado F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary (Доклад о неравенстве в мире – 2018. Основные положения. Русская версия). World Inequality Lab. С. 6.

важную роль могло играть и неравенство трудовых доходов, и особенности рынка труда, однако данные, которые они используют, не позволяют отдельно выделить и проанализировать влияние этих факторов.

В итоге рост неравенства в России после 1980 года считается авторами доклада высоким (как и в Северной Америке, Китае, Индии; рост неравенства в Европе оценивается ими как умеренный). Мировой «рубеж» неравенства представлен странами Ближнего Востока, Южной Африки и Бразилии — в этих регионах неравенство характеризуется очень высоким, но стабильным уровнем.

Безусловно, переходный период привел к значительному росту не только неравенства, но и общего уровня доходов населения и сближению в этом отношении России с Западной Европой. По оценкам авторов (хотя они и были уже подвергнуты критике со стороны некоторых российских исследователей), уровень жизни в России в 1989-1990 годы соответствовал 60-65% от типичного для Западной Европы и возрос до 70-75% к 2010 году, однако этот рост был неравномерным и отразился в усилении неравенства в стране. *Рост неравенства после распада СССР был стремительным: доля доходов верхнего 1% выросла с менее чем 6% в 1989 году до 16% в 1996 и более чем 26% — в 2008-м. После кризиса 2008-2009 годов она сократилась и стабилизировалась на уровне 20-22% после 2010 года.* Доля доходов верхних 10% также демонстрировала достаточно резкое увеличение — с менее чем 25% в 1990-1991 годы до более чем 46% в 1996, дальше происходил ряд колебаний, но сейчас она находится на этом же уровне.

Этот рост доли доходов верхних групп сопровождался резким снижением доли нижних 50% по доходам — с 30% в 1990-1991 годы до менее чем 10% в 1996-м, восстановившись затем до 15% в 1998-м и до 18% в 2015-м. В развитие этой тенденции сыграла гиперинфляция, происходившая в 1990-1996 годы и значительно повлиявшая на положение нижних 50%, в составе которых была высока доля пенсионеров и низкооплачиваемых работников, чьи номинальные зарплаты не в полной мере индексировались в соответствии с ростом цен, что привело к масштабному перераспределению и росту бедности. Рост зарплат и пенсий в 1996-2015 годы несколько компенсировал это падение, но доля нижних 50% так и не вернулась к показателям 1990-1991 годов.

Если рассматривать период 1989-2016 годов в целом, то средний национальный доход в рас-

чете на одного взрослого возрос на 41%, однако эффект того роста по-разному распределился на разные доходные группы — для нижних 50% он был низким или даже отрицательным, для средних 40% — положительным, но очень сдержанным, а для верхних 10% темпы роста были очень высоки.

Оценивая доли наиболее благополучных по доходам россиян, авторы подчеркивают, что данные по налогам, даже не являясь полными и требующими введения при работе с ними определенных предпосылок, при любом сценарии дают гораздо более высокие оценки числа россиян с наиболее высокими доходами, чем данные обследований бюджетов домашних хозяйств, поэтому оценки неравенства — в частности, доли верхних 1% и 10% в доходном распределении — оказываются гораздо выше, чем следует из данных исследований.

Если же говорить о *неравенстве по богатству среди населения*, то в России оно значительно выросло при переходе к рынку — *доля верхнего 1% в общем богатстве всех домохозяйств увеличилась с 22% в 1995 году до 43% в 2015 году.* Эта доля выше, чем в США (39% в 2014-м), Китае (30% в 2015-м), Франции и Великобритании (в двух последних странах рост концентрации богатства был более умеренным за счет роста недвижимого имущества среднего класса).

Исследователи отмечают, что в этом отношении оценки по России отличаются высокой долей неопределенности. Число российских миллиардеров, включенных в международные рейтинги — например, Forbes, — очень велико по международным стандартам. По данным Forbes, *совокупное богатство миллиардеров* (также отражающее неравенство в стране) было очень низким в России в 1990-е, резко выросло в 2000-е и стабилизировалось на уровне 25-40% национального богатства между 2000 и 2015 годами (с вариациями в связи с экономическими кризисами). Эти доли значительно выше, чем характерные для западных стран, — совокупное богатство миллиардеров, по оценкам Forbes, составляло от 5 до 15% национального богатства в США, Германии и Франции в 2005-2015 годы, несмотря на то что средние доходы и среднее богатство населения в этих странах гораздо выше, чем в России¹, и это подчеркивает экстремальную концентрацию богатства в России. Проблема, однако, состоит в том, что эти данные относятся лишь к очень небольшой группе

¹ Novokmet F., Piketty T. & Zucman G. (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 (No. w23712). National Bureau of Economic Research. P. 13.

россиян (около 100 миллиардеров – граждане России), и переход к оценкам доли богатства верхних 10%, 1% или даже 0,1% требует введения определенных допущений и предположений.

Европейский банк реконструкции и развития: Доклад о переходном процессе 2016-2017 годов «Реформы для всех. Равные возможности в мире неравенства»

Европейский банк реконструкции и развития ежегодно, начиная с 1994 года, готовит доклад о переходном процессе (EBRD Transition Report), в котором рассматриваются происходящие в бывших странах коммунистического лагеря экономические трансформации (на фоне стран Западной Европы, а также других стран, в которых работает ЕБРР). Доклад за 2016-2017 годы «Реформы для всех. Равные возможности в мире неравенства»¹ впервые был посвящен вопросам неравенства и экономической инклюзии, причем в нем рассматривалось не только монетарное измерение неравенства, но и *проблема неравенства возможностей – влияния обстоятельств рождения (пол, этническая принадлежность, место рождения, характеристики родительской семьи) на возможности получить образование, хорошую работу, добиться высокого уровня дохода*. Авторы доклада отмечают, что неравенство возможностей является неэффективным и несправедливым – оно не дает населению полностью реализовать свой потенциал и может негативно влиять на долгосрочное развитие страны в целом. Неравенство возможностей также способно ослабить поддержку ключевых экономических и политических институтов, поддерживающих демократию и рыночную экономику, так, эконометрический анализ показывает, что неравенство возможностей в этом отношении значит больше, чем неравенство доходов. Эмпирической базой для анализа выступают данные Всемирного банка и ОЭСР, а также очередного раунда обследования «Жизнь во время реформ» (Life in Transition Survey), проведенного ЕБРР и Всемирным банком в 34 странах в 2015-2016 годы (объем выборки – более 51 000 домохозяйств).

В главе, посвященной монетарному аспекту неравенства (неравенству по доходам) и тенденциям его изменений, приводятся данные по соотношению темпов роста доходов у населения из разных процентилей по доходам со средним темпом роста доходов по стране в

период 1989-2016 годов. Только 27% населения посткоммунистических стран в этот период характеризовались темпом роста доходов не ниже среднего, в то время как для остальных 73% темпы роста их доходов были ниже среднего по стране. Для России это соотношение составляет 23% к 77%. Таким образом, *темпы роста не ниже среднего в период 1989-2016 годов характеризовали положение тех россиян, кто находится в 77-м процентиле доходного распределения и выше*, а оказавшиеся в верхних 10% доходного распределения характеризовались ростом доходов, в более чем 6 раз превышающим медианный рост доходов по стране. По этому показателю Россия оказывается близка к Белоруссии, Молдавии, Эстонии.

При этом сами темпы роста для разных стран отличаются. В ряде стран показатели роста доходов для всего населения не превысили аналогичных средних показателей стран «Большой семерки», в некоторых странах, наоборот, рост доходов у населения, независимо от их положения в доходном распределении, превысил эти средние показатели (что означает сокращение дистанции между данными странами и странами «Большой семерки»). Россия в этом отношении занимает промежуточное положение – почти для 60% населения рост доходов оказался ниже, чем средний показатель «Большой семерки», а для верхних 40% доходного распределения он оказался выше. «Соседями» России в этом отношении оказываются Хорватия и Латвия.

Другая часть доклада посвящена *неравенству возможностей – в частности, различиям в доходах, возникших в результате влияния обстоятельств рождения (пол, место рождения – город или село, этническая принадлежность, уровень образования отца и матери, принадлежность отца и матери к коммунистической партии)*. Эти индикаторы используются для построения регрессионной модели, предсказывающей индивидуальные доходы исключительно на основании данных аскриптивных характеристик. Далее, предсказанные доходы используются для оценки *индекса Джини по возможностям – рассчитанный таким образом индекс показывает неравенство доходов, которое связано с различием обстоятельств рождения и может считаться неравенством возможностей*. Этот индекс всегда ниже, чем индекс Джини для неравенства доходов в целом, поскольку только часть дохода (и, соответственно, доходного неравенства) объясняется обстоятельствами, в то время как другая часть связана с индивидуаль-

¹ EBRD (2017). Transition Report 2016-2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. European Bank for Reconstruction and Development, London.

ными усилиями, а также обстоятельствами, не учтенными в анализе.

В России неравенство возможностей оказывается заметно выше не только по сравнению со странами Западной Европы, но и со многими странами Центральной Европы и Балтии (Хорватии, Словении, Польши, Венгрии), Юго-Восточной Европы, Украины и Белоруссии, странами Центральной Азии. Индекс Джини, измеряющий неравенство возможностей, превышает российский только в нескольких из рассматриваемых ЕБРР стран – Казахстане, Армении, Молдавии, Грузии, Турции, Косово, Латвии, Эстонии (рис. 5, левая ось).

Кроме индекса Джини для неравенства возможностей, интерес представляет и показатель относительного неравенства возможностей, который показывает, какая доля общего неравенства доходов объясняется неравенством возможностей (рис. 5, правая ось). В России этот показатель превышает 30%, что ставит страну в один ряд с Турцией, Румынией, Хорватией, и означает, что более трети доходного неравен-

ства в стране объясняется аскриптивными характеристиками, связанными с обстоятельствами рождения. Основная причина неравенства возможностей – образовательные характеристики родителей, затем следуют пол и место рождения.

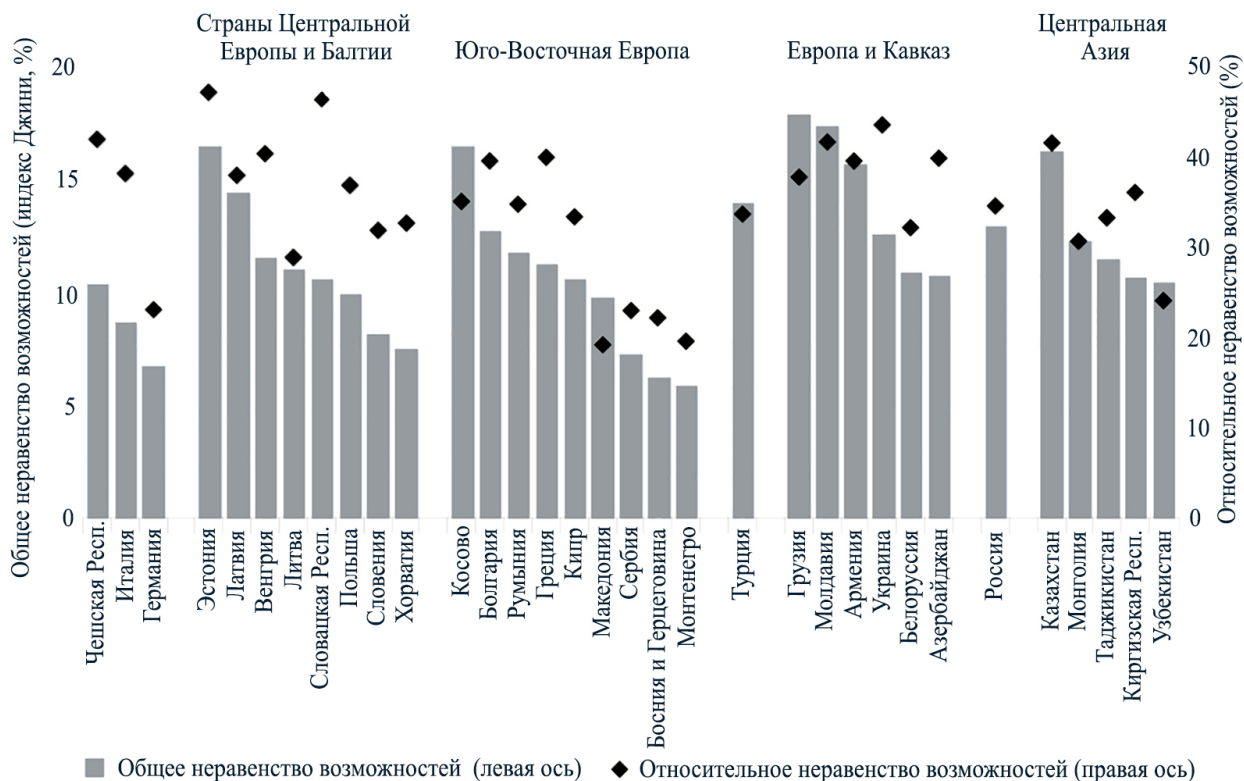
В докладе отмечается, что, как правило, чем выше неравенство возможностей в стране, тем выше и доходное неравенство. Эта взаимосвязь выше в странах в высоком неравенстве и ниже среди стран с меньшим неравенством. В частности, в Германии и ряде стран Юго-Восточной Европы неравенство возможностей относительно низкое по сравнению с индексом Джини для неравенства доходов (рис. 6). Среди рассматриваемых стран Россия занимает срединное положение, но находится все же ближе к полюсу высоких неравенств и по доходам, и по возможностям.

ООН: Индекс человеческого развития

Существует еще одна методика измерения неравенства, также включающая в себя не только доходные, но и немонетарные не-

Рисунок 5

ОБЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ (ИНДЕКС ДЖИНИ) И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

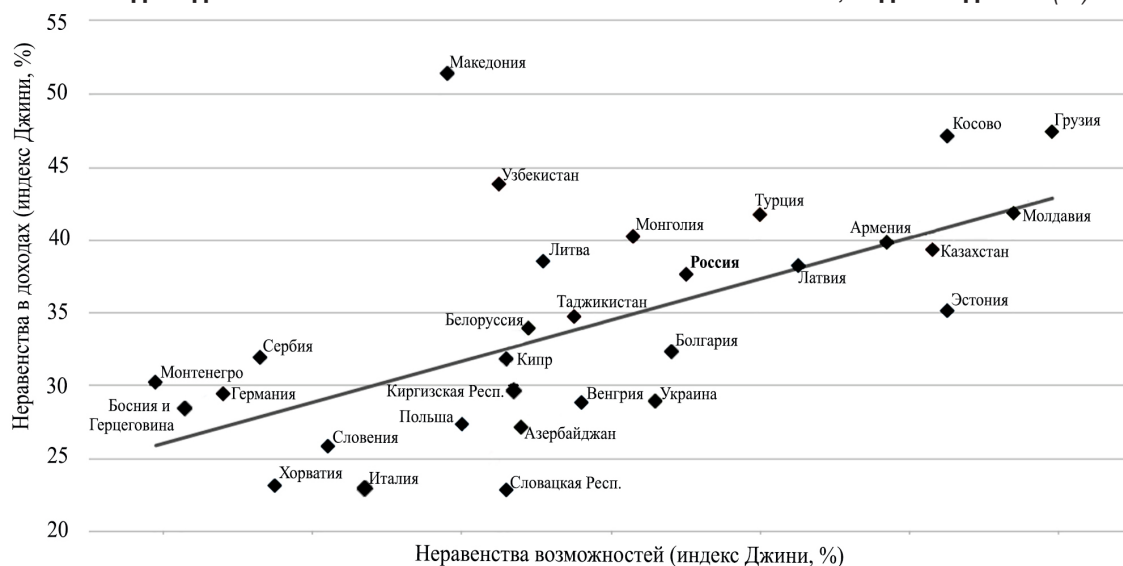

Источник. EBRD Transition Report 2016–2017¹.

¹ EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. P. 46.

Рисунок 6

НЕРАВЕНСТВО ПО ДОХОДАМ И НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ИНДЕКСЫ ДЖИНИ (%)

Источник. EBRD Transition Report 2016-2017¹.

равенства, которая используется начиная с 1990 года Организацией Объединенных Наций в рамках подготовки ежегодных докладов о человеческом развитии. Последний доклад, данные которого будут представлены далее², был опубликован в 2016 году и представляет статистику вплоть до 2015-го по 188 странам мира. Ключевым фокусом докладов выступает сопоставление индексов человеческого развития (ИЧР) стран – участников исследования. В основе индекса заложены три статистических макропоказателя – ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемое и среднее количество лет обучения и валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения, которые запрашиваются у международных организаций³.

Макропоказатели, заложенные в основу расчета индекса, являются агрегированными и не учитывают глубины неравенства по ним у представителей населения стран. По этой причине в рамках доклада уделяется большое внимание *корректировке ИЧР с применением коэффициентов неравенства*, которые основыва-

ются на выборочных обследованиях⁴ и позволяют учесть дисперсию во внутристрановых показателях. Степень неравенства анализируется как для каждой из трех сфер (*коэффициенты неравенства в ожидаемой продолжительности жизни, образовании и доходах*), так и в целом для ИЧР (*коэффициент неравенства людей*, который является средним арифметическим трех предыдущих). ИЧР, скорректированный на неравенство (ИЧРН), тем сильнее отличается от ИЧР в меньшую сторону («дисконтируется»), чем выше неравенства в стране. Для углубления анализа используется также расчет ИРЧ для мужчин и женщин с сопутствующими показателями, среди которых присутствует индекс гендерного неравенства, а также индекс многомерной бедности, основанный на немонетарных показателях. Таким образом, ООН использует пять показателей неравенств для всесторонней оценки человеческого развития стран. Остановимся подробнее на первых четырех, используемых для корректировки ключевого показателя (ИЧР).

Способ расчета степени неравенств по трем сферам (образованию, продолжительности жизни и доходу⁵) единообразен и основан

¹ EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. P. 47.

² ООН. Доклад о человеческом развитии – 2016. Человеческое развитие для всех и каждого (доступно: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf), является источником данных для табл. 3-5.

³ Для данных по 1) ожидаемой продолжительности жизни – UNDESA, 2) по ожидаемой и средней продолжительности обучения – у UNESCO, UNICEF и ICF, 3) по ВНП – у IMF, UNSD и Всемирного банка.

⁴ Подробно об использованных базах данных и методике расчетов индексов см. на официальном сайте исследования (доступно по ссылке: <http://hdr.undp.org/en/statistics/ihdi/>).

⁵ При расчете степени неравенства в доходах проблема присутствия чрезвычайно высоких, а также нулевых и отрицательных доходов решается в первом случае путем отсеивания верхних 0,5% значений доходного распределения, а во втором – заменой их на минимальное значение нижних 0,5% распределения.

на методиках построения составных индексов, чувствительных к распределению, предложенных Фостером, Лопес-Кальвой и Секели¹, которые, в свою очередь, восходят к семейству неравенств, разработанных Аткинсоном². Мера неравенства рассчитывается через соотношение среднего геометрического к среднему арифметическому. Для простоты восприятия показатель переводится в процентный вид. Корректировка ИЧР с учетом существующих в обществе неравенств производится путем умножения ИЧР на геометрическое среднее всех трех неравенств. Коэффициент неравенства между людьми рассчитывается как арифметическое среднее трех показателей неравенств и также переводится в процентный вид.

Согласно расчетам, неравенства в России преимущественно (за исключением доходных) невысоки. Наименьшее неравенство среди трех ключевых сфер наблюдалось в России в 2015 году по показателю ожидаемой (и средней) продолжительности обучения. Несмотря на то что в материалах не приводятся как таковые

рейтинги по показателям неравенств, упорядочивание возможно произвести по имеющимся данным. Если упорядочить страны по этому показателю на 2015 год от минимальной величины неравенств до максимальной, Россия попадает на 6-7-ю позицию (2,2% у России и Грузии). Меньших неравенств в образовании на момент оценки добились лишь Чехия, Узбекистан и Словацкая Республика, Австралия и Финляндия (табл. 4). Причем с 2010 года Россия совершила значимый рывок с 55-й позиции, снизив степень неравенств с 11,2% в 2010-2011 годы. Таким образом, в 2015 году Россия оказывается среди верхних 5% стран мира с наименьшими неравенствами по этому показателю. На последних позициях в 2015 году расположились страны, неравенства в которых по этому показателю существенно превышают российские: Восточный Тимор, Коморские Острова, Йемен и Гвинея.

В области ожидаемой продолжительности жизни российские позиции не так хороши, но устойчивы (табл. 5). Так, если упорядочить

Таблица 4

НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Чешская Респ.	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4
2 Узбекистан	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
3 Словацкая Респ.	1,7	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4
4 Австралия	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,9
5 Финляндия	4,7	2,1	2,4	2,1	2,1	2,0
6 Грузия	4,9	3,3	3,3	3,3	3,3	2,2
7 Россия	11,2	11,2		2,1	2,3	2,2
8 Эстония	3,1	2,7	2,6	2,5	2,4	2,3
9 Норвегия	2,4	2,2	2,2	2,4	2,3	2,4
10 Исландия	2,6	2,6	2,5	2,5	2,4	2,5
11 Германия	2,3	1,8	1,8	2,4	2,4	2,6
12 Словения	4,0	3,1	3,3	2,7	2,6	2,6
13 Великобритания	2,1	2,2	2,6	2,6	2,8	2,8
14 Дания	3,0	3,1	3,1	3,1	3,0	3,0
156 Сьерра-Леоне	48,2	47,4	47,4	48,7	49,6	47,3
157 Восточный Тимор	44,3	47,4	47,6	47,6	47,6	47,6
158 Коморские Острова	47,4	47,4	47,4	47,4	47,6	47,6
159 Йемен	49,8	49,8	49,8	47,2	48,1	48,1
160 Гвинея	42,6	42,0	42,0	42,0	48,3	48,3

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

¹ Foster J., Lopez-Calva L., Szekely M. (2005). Measuring the Distribution of Human Development: Methodology and an Application in Mexico. *Journal of Human Development and Capabilities*, 6(1): 5–25.

² Atkinson A. (1970). On the Measurement of Economic Inequality. *Journal of Economic Theory* 2(3): 244–263.

страны аналогичным образом (от минимальных неравенств до максимальных), Россия оказывается на 63-й позиции как в 2010 году, так и в 2015-м. При этом глубина неравенств за эти

годы снизилась с 11,5 до 8,8% соответственно. Позиция России на общемировом фоне не изменилась потому, что остальные страны мира, характеризующиеся меньшими неравенствами в продолжительности жизни, добились схожих успехов по их снижению за эти годы. Например, страны, занимающие первые пять позиций в 2015 году (Люсембург, Гонгконг, Исландия,

Сингапур и Италия), смогли снизить неравенства в этой области приблизительно в полтора-два раза. Последние позиции рейтинга 2015 года заняли такие страны, как Центрально-Африканская Республика, Ангола и Чад.

Неравенства по доходам с 2010 по 2015 год выросли с 11,9 до 17,7% (табл. 6). Несмотря на, казалось бы, относительно невысокий при-

Таблица 5

НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Люсембург	4,8	3,5	3,5	3,3	3,3	2,6
2 Гонгконг	4,1	2,9	2,9	2,8	2,8	2,8
3 Исландия	3,5	3	3	2,8	2,8	2,9
4 Сингапур	3,8	2,9	2,9	2,8	2,8	3
5 Италия	4,3	3,9	3,9	3,4	3,4	3
61 Украина	11	10,5	10,5	10,4	10,4	8,7
62 Гренада		9,6	9,6	8,4	8,4	8,7
63 Россия	11,5	10,8	10,8	9,8	9,8	8,8
64 Китай	15,6	13,5	13,5	9,8	9,8	8,9
65 Молдавия	13,1	11,2	11,2	11	11	9
181 Сьерра-Леоне	44,5	45,3	45,3	51,2	51,2	43,4
182 Гвинея-Бисау	52,5	50,1	50,1	45,3	45,3	44,6
183 Центрально-Африканская Респ.	49,8	46	46	45,7	45,7	45,7
184 Ангола	53,7	46,1	46,1	46,2	46,2	46,2
185 Чад	54,5	52	52	46,1	46,1	46,2

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

Таблица 6

НЕРАВЕНСТВА В ДОХОДАХ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Азербайджан	4,4	4,5	4,5	4,5	8,9	8,9
2 Украина	10,4	10,9	10,9	10,9	9,2	9,2
3 Эфиопия	20,8	20,8	20,8	9,5	9,5	9,5
4 Белоруссия	11,1	12,1	12,1	11,1	10,8	9,7
5 Норвегия	13,1	10,6	12,8	10,7	10,2	10,4
48 Австралия	16,6	16,6	16,6	16,6	17,7	17,7
49 Хорватия	27,8	27,8	27,8	17,6	17,2	17,7
50 Россия	11,9	11,9	11,9	22,9	18,7	17,7
51 Киргизия	12,2	12,2	24,1	24,1	17,7	17,7
52 Восточный Тимор	19,2	17,8	17,8	17,8	17,8	17,8
150 Центрально-Африканская Респ.	28,1	28,1	28,1	28,1	49,2	49,2
151 Намибия	68,3	68,3	68,3	68,3	68,3	53,6
152 Ботсвана				55,5	55,5	55,5
153 Коморские Острова	54				56	56
154 Южная Африка	40,9				57,3	56,4

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии, ООН, 2016.

рост показателя, положение России на фоне других стран значительно ухудшилось – с 8-й позиции в 2010 году Россия опустилась на 47-50-е позиции, разделив их с такими странами, как Австралия, Хорватия и Киргизия. Описанный рост степени неравенства по доходам был неравномерным – в 2013 году наблюдался максимальный скачок в значениях (до 22,9%), что определило Россию в 2013-м на 82-ю позицию среди 154 стран, упорядоченных по убыванию доходного неравенства, данные по которым были доступны для исследования. Таким образом, *неравенства в доходах россиян наименее стабильны по сравнению с неравенствами в образовании и продолжительности жизни и наиболее негативно отражаются на позиционировании России на общемировой арене.* Страной с наибольшей глубиной неравенств по доходам в 2015 году согласно этой методике расчета была ЮАР (56,4%).

Успехи России в области образования и продолжительности жизни частично нивелируют негативные тенденции в области доходных неравенств, в результате чего Россию можно оценить как страну с достаточно невысокими совокупными неравенствами между людьми. Среди 151 страны мира, ранжированной по данным 2015 года по возрастанию совокупного неравенства, Россия находится на 29-м месте со значением неравенства равным 9,6% (табл. 7). Таким образом, *по совокупному показателю неравенств*

Россия попадает в верхние 20% стран с небольшими неравенствами. Отметим, что динамика совокупных неравенств была положительной – в 2010 году Россия занимала 39-ю позицию со значением совокупных неравенств равным 11,5%. Наименьшее неравенство в 2015 году наблюдалось у Чешской Республики (5,3%), Норвегии (5,4%), Исландии и Финляндии (5,7%), а наибольшее – в таких странах, как Чад (39,6%), Центрально-Африканская Республика (43,1%) и на Коморских Островах (44,8%).

Таким образом, учет не только монетарного, но и *немонетарных измерений неравенств, т.е. дополнение картины неравенства по доходам неравенствами в ожидаемой продолжительности жизни и образовании, значительно улучшает позиционирование России на общемировой арене.*

Основные выводы

Измерение неравенства связано с рядом методологических и методических вопросов, различия в решении которых, в совокупности с использованием тех или иных источников данных, приводят к разным оценкам его степени и глубины. В статье нами были рассмотрены прежде всего оценки монетарного неравенства в России (неравенства доходов и неравенства богатства) в сравнении с другими странами мира.

Оценки неравенства доходов, связанные с распределением доходов по населению в целом

Таблица 7
НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В СТРАНАХ МИРА, 2010-2016 гг. (%)

Позиция* страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1 Чешская Респ.	5,9	4,9	5,3	5,5	5,4	5,3
2 Норвегия	6,5	5,5	6,2	5,5	5,3	5,4
3 Исландия	6,5	5,8	6,2	5,6	5,8	5,7
4 Финляндия	7,4	5,5	5,9	5,5	5,5	5,7
5 Словения	6,8	5,2	5,8	5,7	5,8	5,8
27 Франция	9,2	9,1	9	8,9	8,6	9,3
28 Польша	10,6	9,6	9,7	9,7	9,6	9,3
29 Россия	11,5	11,3		11,6	10,3	9,6
30 Испания	9,5	8,8	9,8	10,5	11,0	10,1
31 Португалия	11,5	9,9	10,4	9,8	10,0	10,1
147 Гвинея-Бисау	41,8	41,0	41,0	39,4	39,4	39,1
148 Гаити	40,5	39,8	39,8	38,9	38,2	39,2
149 Чад	37,7	38,8	38,8	36,8	39,6	39,6
150 Центрально-Африканская Респ.	41,3	40,0	40,0	39,9	43,1	43,1
151 Коморские Острова	42,8				45,9	44,8

Примечание. В таблице представлены выборочные страны, данные по которым доступны на 2015 г., упорядоченные по возрастанию неравенства в 2015 г. (*позиция в 2015 г.).

Источник. Доклад о человеческом развитии (ООН, 2016).

(измеряемые обычно с помощью индекса Джини), показывают для России картину высокого, особенно на фоне западноевропейских стран, но не максимального неравенства (данные ФСГС РФ, Всемирного банка). Более того, данные Всемирного банка показывают, что неравенство в России в последние годы (2009-2013) сокращалось, поскольку доходы нижних 40% населения росли быстрее, чем в среднем, но к 2015 году этот процесс замедлился в результате экономического кризиса. Однако данные других организаций, рассматривающих более длительный период новейшей истории России (начиная с 1990-х), говорят о росте неравенства в стране.

Измерение неравенства через показатели концентрации доходов дает качественно иную картину. На общемировом фоне Россия характеризуется очень высокими показателями концентрации доходов в руках верхних 1-10% населения; еще выше показатели концентрации богатства, по которым Россия оказывается мировым лидером (оценки доли доходов и богатства в руках наиболее обеспеченного населения при этом достаточно сильно расходятся — например, разные данные дают Credit Suisse и Всемирная база данных о неравенствах, — что вызвано различиями методик и используемых данных). Экстремальная концентрация доходов и богатства в России обычно связывается аналитиками международных организаций с особенностями выбранного пути перехода к рыночной экономике и спецификой институциональных условий, сложившихся в стране.

Однако с точки зрения разработки мер социально-экономической политики для борьбы с неравенством нужно учитывать, что концентрация доходов/богатства и монетарное неравенство в массовых слоях населения, хотя и характеризуют с разных сторон степень неравенства в стране в целом, представляют собой все же разные явления, требующие различных механизмов для управления ими. Для борьбы с высокой концентрацией богатства такими механизмами могут быть налоги на сверхдоходы и богатство, на наследство, на получаемые ренты, а также, в случае России, изменение институциональных условий (повышение прозрачности и стандартов управления) и диверсификация экономики для снижения роли сырьевого сектора. На решение проблемы неравенства в массовых

слоях населения направлены механизмы перераспределения (в частности, прогрессивные системы налогообложения) и адресные меры социальной поддержки, позволяющие сократить отрыв нижних слоев населения от средних и высших, а также различные механизмы, направленные на обеспечение равенства возможностей — прежде всего в доступе к образованию и рабочим местам, — что позволяет укрепить позиции нижних слоев населения.

В статье также показано, что в международной практике предпринимаются попытки провести сравнительный анализ неравенства возможностей в разных странах, однако неравенство возможностей также обычно связывается с монетарным неравенством и оценивается через влияние индивидуальных обстоятельств рождения (пол, социально-экономический статус родителей, место рождения) на доходы. Согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, индекс Джини по неравенству возможностей в России на общемировом фоне достаточно высок; кроме того, более трети доходного неравенства в стране объясняется аскриптивными характеристиками, связанными с обстоятельствами рождения.

Если же обратиться к оценкам немонетарных аспектов неравенства, то оценки неравенства в доступе к образованию и ожидаемой продолжительности жизни, которые использует ООН для корректировки индекса человеческого развития, классифицируют неравенства в этих областях в России как относительно менее глубокие, особенно в сфере образования (в отношении доходного неравенства эти оценки, однако, гораздо менее оптимистичны).

В целом неравенство действительно представляет собой один из ключевых вызовов для нового этапа развития России, однако возможности ответа на него требуют серьезного подхода к его определению, измерению и формулировке целей, которых необходимо добиться, сокращение ли это доходного неравенства в массовых слоях, снижение концентрации богатства, выравнивание неравенства стартовых возможностей, стабилизация положения нижних слоев населения, изменение оснований неравенства или легитимизация неравенств в глазах населения для реализации их стимулирующей, продуктивной функции.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

О чем говорят индексы?

Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения¹

Измерение общественного мнения на основе массовых опросов населения прочно вошло в набор инструментов, которыми экспертное сообщество, исследователи, аналитики и чиновники пользуются для социально-политического и социально-экономического исследования и анализа состояния общества, аргументации принятия управленческих решений на самых разных уровнях. В том числе, следуя международному опыту, в России проводятся динамические измерения разного рода индикаторов, характеризующих условия функционирования общества и текущую ситуацию в стране. Наибольшую известность среди широкой публики имеют политические и электоральные показатели, рейтинги одобрения и доверия институтам власти и конкретным политикам, общественным деятелям, публичным фигурам. Менее известны, но международно признаны индексы, характеризующие экономическую ситуацию в стране – уровень предпринимательской активности, ситуацию на рынке труда (динамику безработицы), уровень потребительского доверия населения. Подобные показатели также измеряются на основе инструментария выборочных исследований мнений всего населения или его отдельных категорий (например, предпринимателей или иных экспертов).

Подобного рода экономические индикаторы являются показателями, за динамикой которых пристально следят эксперты и аналитики, по опыту зная о ценности предоставляемой ими информации с точки зрения предвидения ближайших изменений в поведении соответствующих экономических агентов и, следовательно, на рынках, в экономике в целом. Сам факт наличия огромного и постоянно обновляемого опыта измерения не только в отдельных странах, но и на уровне межгосударственных

объединений делает несомненной полезность подобных измерений².

В «Левада-Центре» накоплен многолетний опыт измерения различных индексов. В данной статье будет подробно проанализирована динамика двух из них – индекса потребительских настроений (ИПН) и индекса социальных настроений (ИСН). Методика построения обоих показателей не раз подробно описана³, а в контексте данной статьи важно напомнить, что область изменения обоих показателей невелика (от 0 до 200), причем граничные и близкие к ним значения на практике достижимы лишь теоретически, поскольку означают полное единство мнений всех опрошенных. То есть, что сколь бы ни были различны общественные условия (политические, экономические, социальные), в которых осуществляются измерения соответствующих индексов (проводятся опросы населения), отражение этих различий в рассматриваемых индексах по определению должно быть ограничено весьма узким диапазоном значений. В разные периоды времени положение дел в той или иной области общественной жизни будет описываться респондентами в терминах «лучше» – «хуже», «хорошо» – «плохо», причем положительные (или отрицательные) оценки будут одинаково даваться, возможно, очень разным состояниям (в разные периоды времени). И в периоды тяжелейших кризисов, и в дни процветания

² Один из практически ежедневных примеров – даже в российской прессе пишут о последних результатах измерений потребительских настроений в США: «Индекс доверия потребителей в мае вырос. Исследователи ждут ускорения роста экономики США». Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. <https://quote.rbc.ru/news/article/5b0e9b5d9a794710095a1a4c>. Просмотрено 30 мая 2018 года.

³ Краткое изложение методик можно найти на сайте «Левада-Центра» [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/indeks-potrebitelskikh-nastroenii/> и <https://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn/>. Просмотрено 30 мая 2018 года.

¹ Статья написана по материалам выступления на ежегодной конференции «Левада-Центра» в феврале 2018 года.

всегда будут присутствовать полярные мнения о текущем положении. Очевидно, дело в пропорциях, долях присутствия позитивных и негативных мнений в обществе.

Именно это соотношение положительных и отрицательных оценок является предметом измерения рассматриваемых показателей ИПН и ИСН, а их позитивная или негативная динамика рассматривается как индикатор ожидаемых в ближайшее время перемен в экономике страны (в случае ИПН) или в обществе в целом (ИСН). Накопленный в «Левада-Центре» опыт измерения этих индексов позволяет проанализировать их динамику в разные периоды истории страны, сравнить отраженные в общественном мнении мироощущение и субъективные оценки людей в годы благополучного развития страны и в кризисные периоды. Оговоримся, что определения «благополучия» и «кризиса» в данном контексте основаны исключительно на экономических показателях. Далее в статье в основном будет рассмотрено соотношение, взаимное положение двух типов индикаторов – традиционных макроэкономических показателей состояния экономики страны и субъективных оценок населения.

Прошедший, 2017 год стал третьим в череде лет, когда государственная статистика сообщает о снижении денежных доходов населения в реальном выражении, то есть скорректированных с учетом инфляции. Несмотря на непрерывно звучащие заявления официальных лиц о том, что экономика страны опять начинает расти, ситуация до сих пор не выглядит слишком оптимистично. Именно трехлетний период, 2015–2017, мы возьмем в качестве примера неблагоприятного (кризисного) состояния экономики страны.

Напротив, трехлетний период десятилетней давности (2005–2007) был отмечен максимально высокими в новейшей истории России темпами роста денежных доходов семей. И этот период будет вторым для сравнения.

Далее будет показано, как воспринимались людьми столь разные по экономическим показателям обстоятельства жизни. Это своего рода методический эксперимент по проверке того, как работают традиционно измеряемые показатели общественного мнения при благоприятном и неблагоприятном положении дел в экономике страны, в объективных условиях жизни российских семей.

Поскольку сравниваемые периоды времени выбраны в первую очередь по экономическим критериям, в основном сосредоточимся на ин-

дикаторе потребительских настроений – ИПН, но не только.

Общая характеристика сравниваемых периодов

С точки зрения задач настоящего исследования (сравнение «объективных» и «субъективных» показателей развития страны) важнейшее различие рассматриваемых двух временных периодов, 2005–2007 и 2015–2017 (с точки зрения «объективных» показателей, наиболее близко затрагивающих интересы обычных людей), состоит в темпах изменения денежных доходов населения. Согласно данным Росстата, в 2005–2007 годы реальные денежные доходы российских семей увеличивались на 12–14% ежегодно, а их снижение в 2015–2017-е составило около 5% в начале периода и снизилось до 1% в последний год.

Другим важнейшим для населения индикатором состояния дел в стране является динамика потребительских цен. На протяжении всех лет новейшей истории России озабоченность ростом цен стоит на первом месте в списке наиболее острых, по мнению населения, проблем нашего общества¹. Сравнимые временные периоды разительно отличаются и по этому показателю: в 2005–2007 годы ежегодный рост цен составлял порядка 10% по индексу потребительских цен (ИПЦ), измеряемому Росстатом, а в 2015–2017-е происходило беспрецедентное снижение инфляции – в годовом выражении цены снижались с 12% в 2015 году до 2,5% по итогам 2017 года. Динамика важнейших с точки зрения населения экономических показателей по данным Росстата приведена на рис. 1.

Личные денежные доходы населения и цены на потребительском рынке являются основными для населения критериями уровня благополучия в стране.

В начале обоих анализируемых временных периодов происходили знаковые события, будоражившие общественное мнение. В 2005 году прошли неожиданные для руководства страны массовые протестные выступления против монетизации льгот – по преимуществу пенсионеры выступили с невиданными до того акциями (перекрытия дорог и пр.). Эти события заставили руководство страны пересмотреть ранее принятые программы реформирования экономики и перейти к точечным мерам. Появились национальные проекты в здравоохранении, об-

¹ См., напр., пресс-выпуск «Левада-Центра» [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2018/04/24/naibolee-trevozhashhie-problemy-3/> Просмотрено 30 мая 2018 года.

Рисунок 1
ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (данные Росстата)

разовании, жилье и сельском хозяйстве, в рамках которых в эти сектора экономики были направлены значительные государственные ресурсы. Начавшее разрастаться социальное недовольство было успокоено.

Накануне второго периода, в конце 2014 года, произошла очередная (и все же не ожидаемая населением) девальвация рубля, спровоцировавшая рост потребительских цен. Этот период называют кризисом 2014 года, и именно он привел к затяжному снижению уровня жизни населения. Однако еще до этого, в начале 2014-го, произошли украинские события, которые стали для населения страны источником позитивной патриотической мобилизации.

В обоих случаях можно говорить скорее о позитивном состоянии общественного сознания (помимо экономических условий) уже в первый год анализируемых трехлеток, однако во втором периоде это определение кажется избыточно скромным, следует констатировать всплеск патриотической мобилизации.

Динамика субъективных оценок в сравниваемые периоды

Поскольку отправная точка сравнения — это изменения в денежных доходах семей, прежде всего посмотрим, как люди оценивали столь разные объективные условия (рис. 2).

В обоих периодах доля жалующихся на ухудшение уровня жизни преобладает над теми, кто готов признать улучшения. Только в конце 2007 года, после многих лет неуклонного улучшения благосостояния, наметилось изменение

соотношения в пользу позитивных оценок. Это хорошая иллюстрация консерватизма общественного мнения — многолетний негативный опыт еще долго довлеет и провоцирует медленные перемены в субъективных оценках.

Текущий позитивный опыт скорее выразится в позитивных ожиданиях на будущее. Оценки текущего материального положения в благоприятный период трансформируются в более благоприятные ожидания на будущее, относительно которого начинают преобладать позитивные настроения. При снижающихся доходах этого не происходит, и ожидания на будущее остаются также в негативной области.

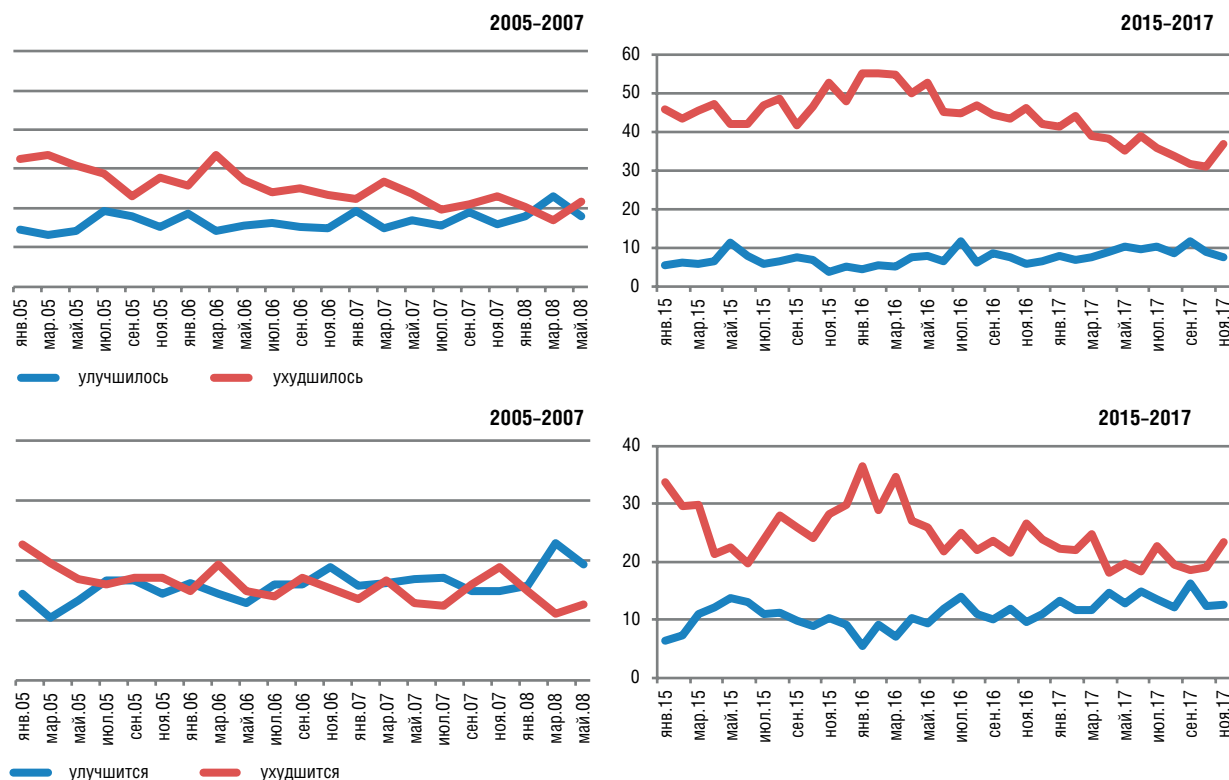
Консерватизм субъективного восприятия перемен в условиях жизни особенно наглядно демонстрируется на примере инфляционных ожиданий (рис. 3).

Динамика потребительских цен в сравниваемые периоды была очень разная. В первом случае — рост порядка 10% ежегодно, причем это было на тот момент достижение, поскольку в предыдущие годы рост цен колебался примерно 20% в год. Во втором случае — беспрецедентно низкий темп роста цен, менее 3% к концу 2017 года, и тоже после не так давно существовавшего принципиально более высокого инфляционного фона.

В России, как и в других странах, инфляционные ожидания инерционны, и люди с большим недоверием воспринимают информацию о снижении темпов роста цен. В обоих сравниваемых периодах половина и более опрошенных не собираются пересматривать свои инфляционные ожидания и отвечают: «Цены будут ра-

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ СЕМЬИ В ТЕКУЩЕМ ПЕРИОДЕ И НАДЕЖДЫ НА ПРЕДСТОЯЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

сти теми же темпами, что и сейчас». Как большое достижение нужно рассматривать и то, что доля ожидающих замедления роста цен начинает преобладать к концу второго временного интервала сравнения¹.

В более точных цифрах это выражается в том, что за два года (2016–2017) модальная оценка годового роста цен снизилась с диапазона 30–50% до интервала 15–30% (рис. 4). Опросы уже фиксируют настрой населения на замедление темпов инфляции. Именно он является залогом формирования количественных ожиданий на более низком уровне. Но пока (рис. 5) субъективные количественные оценки темпов роста цен, которые дает население, на порядок превышают официальные расчеты Росстата².

¹ Если не указано иначе, здесь и далее – данные всероссийских опросов населения в возрасте 18 лет и старше (N = 1600); % к числу опрошенных.

² Надо оговориться, что субъективные оценки темпов инфляции, которые собираются на основе опросов населения, существенно зависят от применяемых методик сбора и обработки информации. «Растягивание» шкалы ответов, которые предлагаются респондентам, использование в качестве индикаторов не средних, а медианных или модальных показателей – все это заметно влияет на результирующие показатели. Пример – регулярные измерения инфляционных ожиданий ИнфоМ, которые показывают более низкие оценки. Представляется вполне надежным и достаточным определение направления изменения оценок инфляционных ожиданий и степени их устойчивости, сохранения на

В отношении потребительских расходов общественное мнение в благоприятный и неблагоприятный периоды различается принципиально (рис. 6).

В 2005–2007 годы уверенно преобладали покупательские настроения. Как правило, доля ответов, что сейчас хорошее время для потребительских расходов, превышала долю отрицательных оценок. В условия сжимающихся доходов (2015–2017) люди стараются воздерживаться от расходов (в макроэкономической статистике это выражалось в снижении товарооборота). Субъективные оценки того, является ли время хорошим для покупок, оставались в этот второй период отрицательными. Это и есть выражение/отражение «режима экономии», о котором уже много было сказано в последние годы.

2005–2007 годы были периодом экспансии потребительского кредитования, агрессивного захвата банками рынка, постепенного процесса привыкания потребителей к этому новому источнику получения средств для семейных нужд протяжении длительного промежутка времени. В последние год-два в России устойчиво сохраняется тенденция снижения инфляционных ожиданий населения, которые, однако, остаются довольно высокими по сравнению с фактически достигнутыми уровнями роста потребительских цен.

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БУДУТ МЕНЯТЬСЯ ЦЕНЫ НА ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ И УСЛУГИ В БЛИЖАЙШИЕ ОДИН-ДВА МЕСЯЦА?»

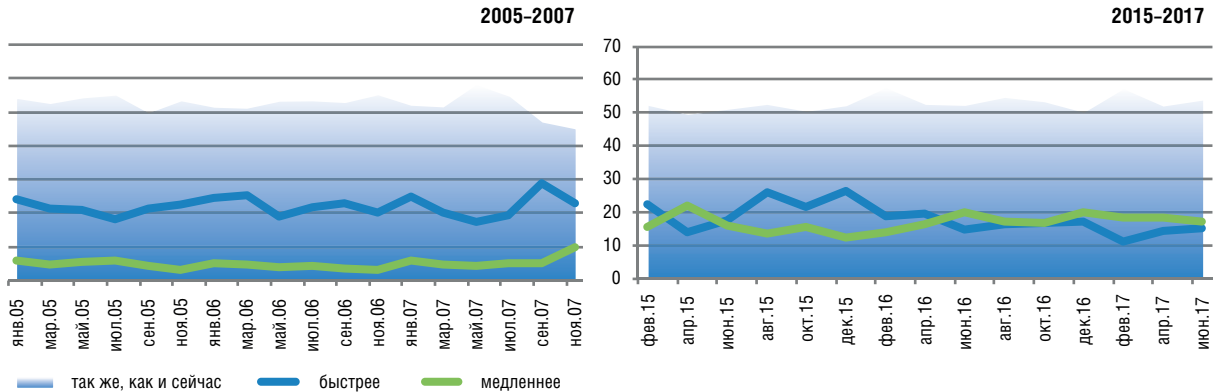

Рисунок 4

ИЗМЕНЕНИЯ ИНТЕРВАЛЬНЫХ ОЦЕНОК ТЕМПОВ РОСТА ЦЕН (по данным опросов населения)

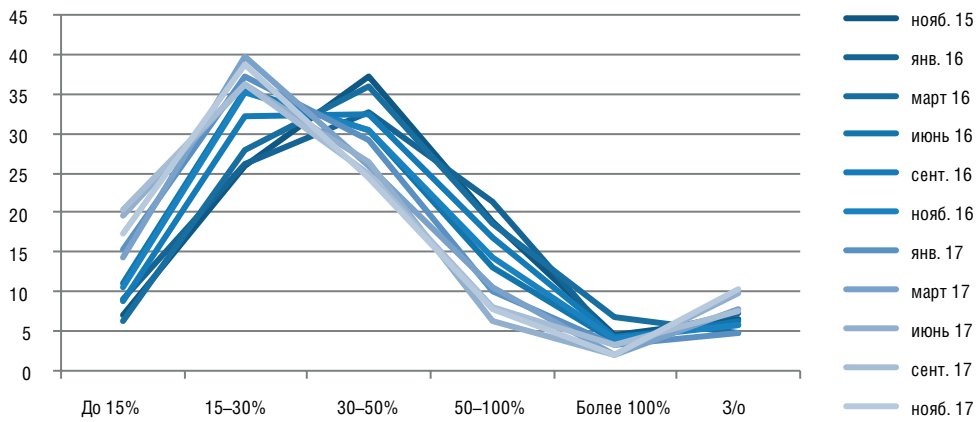
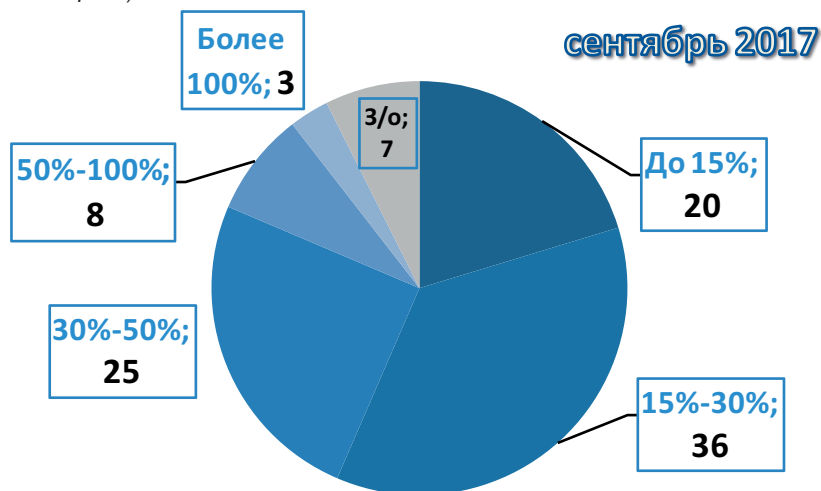

Рисунок 5

ИНТЕРВАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ТЕМПОВ ИНФЛЯЦИИ (черные цифры в квадратных выносках – доля респондентов, выбравших соответствующий интервал)

(рис. 7). Но настороженное отношение к кредитам превалировало и тогда. Это выражалось в том, что отрицательное отношение к покуп-

кам в кредит преобладало над положительным. Более того, к концу периода разрыв в оценках (преобладание отрицательных) даже усилил-

ся. И это был хороший пример того, как мониторинг потребительских настроений может быть полезен для экономической политики, поскольку дает сигналы о возможных в ближайшем будущем переломах тенденций и проблемах: к 2008 году стали скромнее темпы роста кредитной задолженности.

В 2015–2017 годы привлекательность кредитования стремительно снизилась, и разрыв в числе сторонников и противников наращивания долгов существенно вырос. Однако еще в конце 2016-го появились признаки перемен

в кредитных настроениях потребителей в ответ на активную работу банков по привлечению заемщиков. Это и произошло в первой половине 2017 года, когда привлекательность кредитования стала расти и начала увеличиваться кредитная задолженность населения.

В России семейные сбережения не являются приоритетной стратегией для большинства населения в любых экономических условиях (рис. 8). Но, как оказалось, экономические трудности лучше способствуют формированию сберегательных настроений, чем времена про-

Рисунок 6

ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ – ПОДХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ПОКУПОК ИЛИ ЛУЧШЕ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ НИХ?

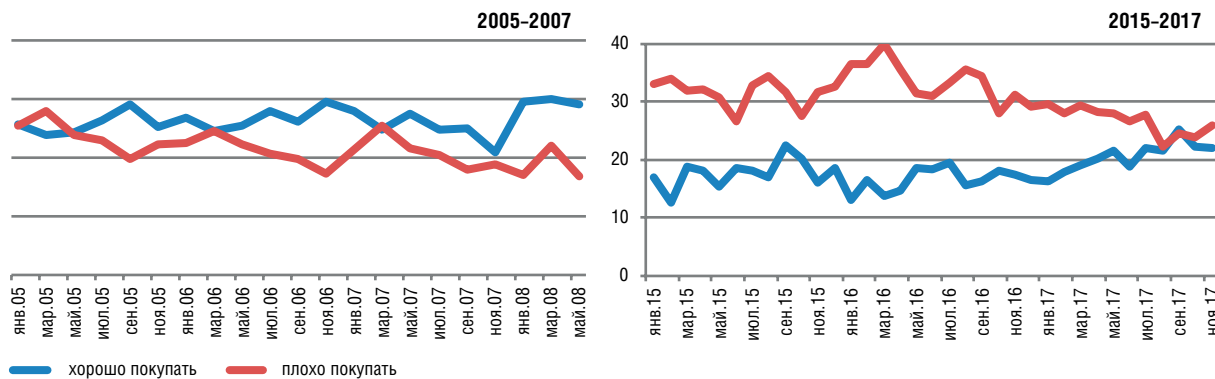

Рисунок 7

ОЦЕНКИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПОКУПОК В КРЕДИТ

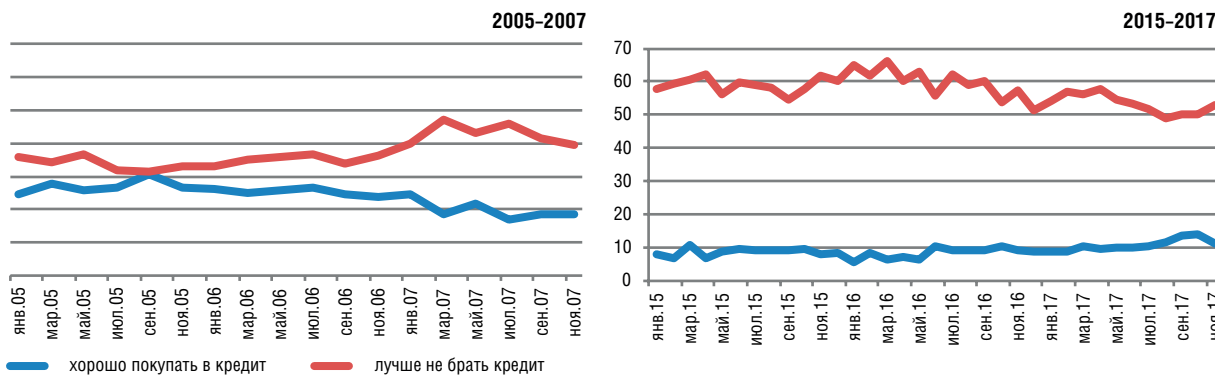
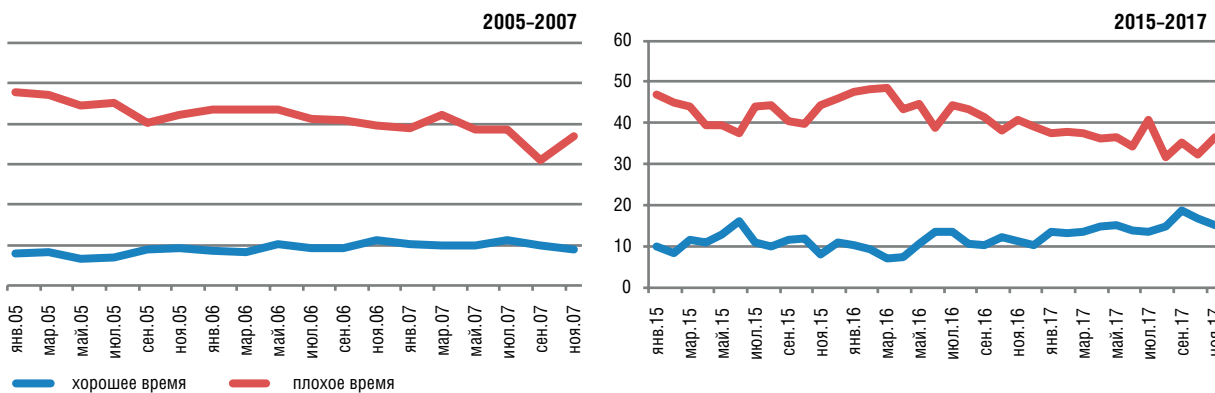

Рисунок 8

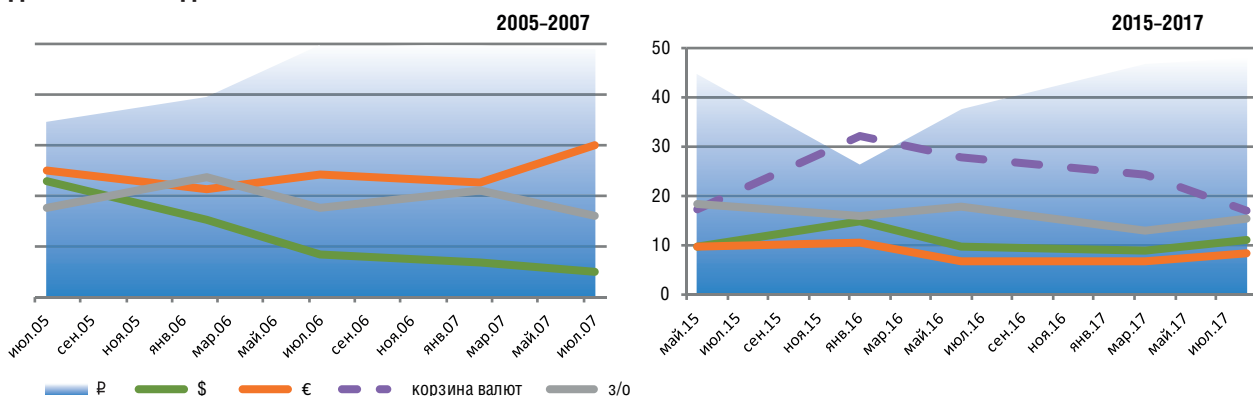
ОЦЕНКИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

цветания и роста доходов. Особенно это проявилось в 2017 году, думается, в значительной мере в связи с замедлением роста потребительских цен. Несмотря на ухудшение институциональных условия для накопления сбережений (снижение банковских ставок), не говоря уже о сокращении денежных доходов, люди чаще говорят сейчас о необходимости делать сбережения, чем 10 лет назад.

С точки зрения форм хранения сбережений особых перемен не произошло (рис. 9). Рубль был и остается наиболее часто упоминаемой формой сбережений. Валютные сбережения

Рисунок 9
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИОРИТЕТНЫХ ФОРМАХ ХРАНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

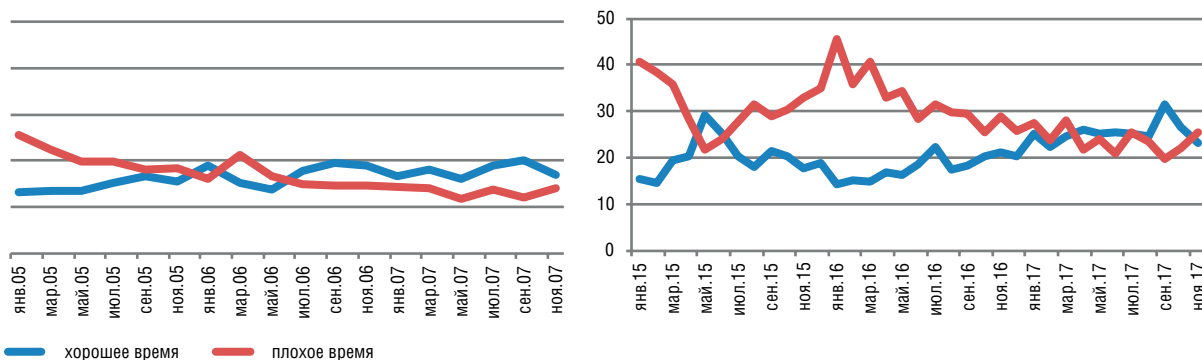

также важны, их конкретное воплощение — доллар или евро — зависит от внешних условий (позиций этих валют на мировых рынках). Уровень доверия населения к отечественной банковской системе остается довольно высоким, и сейчас люди чаще всего говорят о целесообразности хранения семейных накоплений именно в банках.

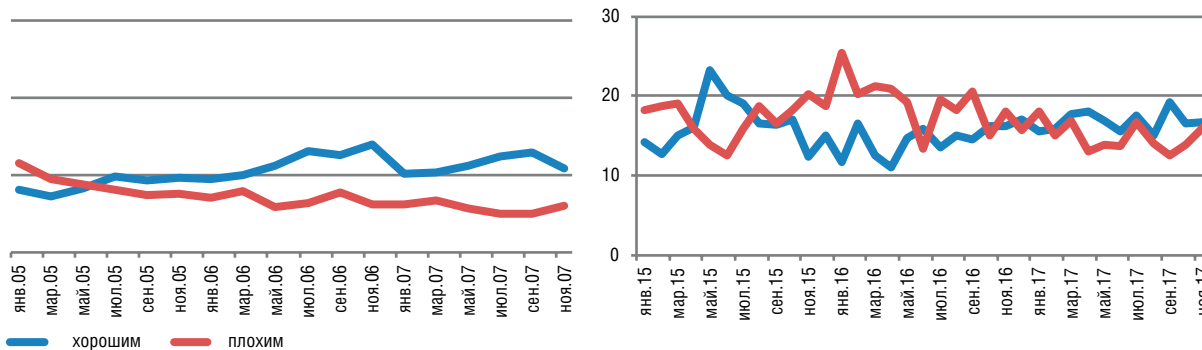
Теперь перейдем к более общим показателям динамики настроений потребителей — индексу потребительских настроений, который, помимо субъективных оценок личных обстоятельств потребителей, учитывает еще

Рисунок 10
СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ В БУДУЩЕМ (ЧЕРЕЗ 1 ГОД И ЧЕРЕЗ 5 ЛЕТ)

1 год

5 лет

и их представления о развитии экономики страны в целом. На рис. 10 видно, что, с одной стороны, в благоприятный период (2005–2007) преобладают позитивные оценки, а в неблагоприятный (2015–2017) — негативные, а с другой — в абсолютном выражении доля положительных ожиданий во втором периоде в среднем чуть выше, чем в первом. Оказывается, в неблагоприятных экономических условиях люди чаще склонны верить в радужные перспективы, особенно если речь идет об отдаленном времени.

Все эти отдельные рассуждения в обобщенном виде хорошо демонстрируются сопоставлением частных компонент индекса потребительских настроений, то есть вкладом разных факторов в совокупную оценку потребительских настроений (рис. 11).

В обоих трехлетних периодах отмечался рост ИПН. При этом в первый период, 10 лет назад, рост показателя происходил на несколько более высоких уровнях (примерно на 15% выше, и это на первый взгляд все, в чем выражаются принципиальные различия между двумя рассматриваемыми периодами).

Но есть существенные различия в структуре, факторах формирования роста потребительских настроений в разные периоды времени. В благоприятные годы потребительский оптимизм прежде всего опирается на позитивные оценки условий на потребительском рынке (соответствующая кривая расположена на самом вершине графика), а оценки собственных возможностей для активного потребления (оценки материаль-

из очевидно гипотетических¹ надежд на будущее. А усиливающийся разрыв между прагматическими оценками собственных обстоятельств и ожиданиями экономического чуда, основанными во многом на информации из СМИ, отражает нарастание ощущения беспомощности и бессилия, утери контроля над обстоятельствами собственной жизни.

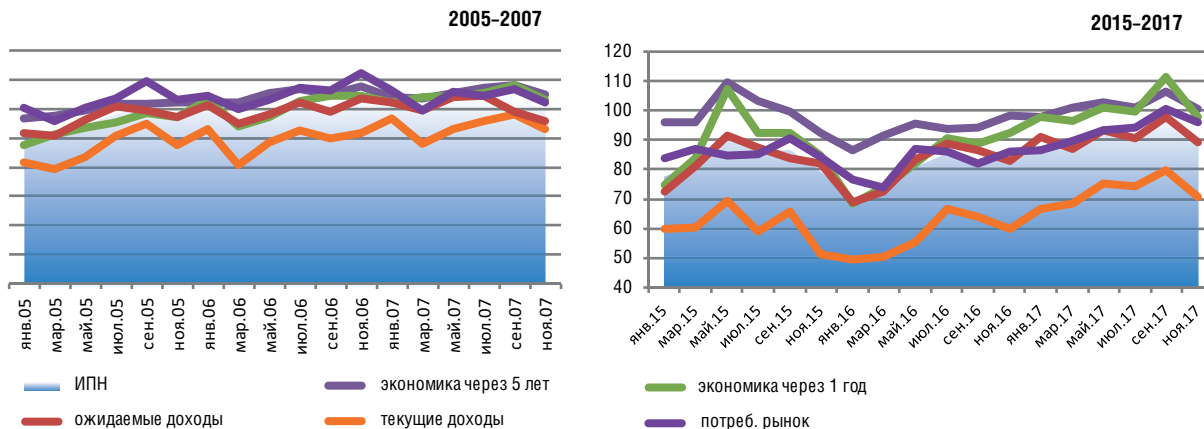
При этом происходит заметный рост сводного показателя потребительского оптимизма, который действительно влияет на «объективные» экономические показатели. Положительный вклад потребительских настроений (измеряемых ИПН) в динамику суммы фактических потребительских расходов населения на товары и услуги подтверждается модельными расчетами². Настроения, более чем в благоприятных экономических условиях основанные на неопределенных надеждах, заставляют людей покупать — это не обязательно плохо, потому что конечное потребление (а именно его формируют потребительские расходы населения) — это надежный фактор экономического роста.

До сих пор уровень потребительского оптимизма остается ниже исторического максимума, достигнутого в начале 2008 года. Но по показателю более общему — динамике социальных настроений — мы наблюдаем продолжающиеся улучшения: уровень общественного оптимизма выше периода десятилетней давности, а динамика в последний год, бесспорно, положительная.

Структура формирования этого более высокого уровня общественного оптимизма тоже во

Рисунок 11

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН) И ЕГО КОМПОНЕНТ

ного положения семьи) не слишком отстают от общего уровня ИПН. В периоды экономических неурядиц потребительский оптимизм черпается

¹ Оценки положения дел в экономике страны в наименьшей степени опираются на личный опыт респондента и в наибольшей мере основаны на информации, транслируемой СМИ.

² См.: Красильникова М. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. № 2. 2003. С. 123–133.

многим иная, чем была 10 лет назад, и, похоже, дает указание на то, в каком источнике потребители черпают оптимизм относительно будущего страны. Самые высокие оценки население дает деятельности руководства страны. Второй по значимости положительный вклад связан с представлениями о ситуации в стране в целом, которые, очевидно, есть лишь отражение надежд опять же на власть, за все отвечающую и все обеспечивающую. В целом же ожидания относительно будущего как раз самые скромные. И здесь тоже важно отличие от структуры формирования общественного оптимизма в благополучных экономических условиях. В 2005–2007 годы люди, похоже, весьма трезво оценивали качество, природу благополучия страны – оценки ситуации дел в стране в целом были весьма скромными, особенно в начале периода.

Похоже, в нашем обществе экономические трудности не приводят к мобилизации собственных ресурсов, напротив, на фоне распространения пессимизма одновременно происходит формирование утопического образа будущего и перекладывание ответственности за это будущее «наверх» – на государство, президента, цены на нефть и пр. А если не получается, то заранее культивируется образ врага (это обратная сторона утопии, ее необходимый элемент).

Как это происходит, можно проиллюстрировать результатами исследования представлений людей об организации обеспечения медицинской помощи. За последние пять лет заметно увеличился объем требований к государству по обеспечению гарантий охраны здоровья. На фоне широко распространенной уве-

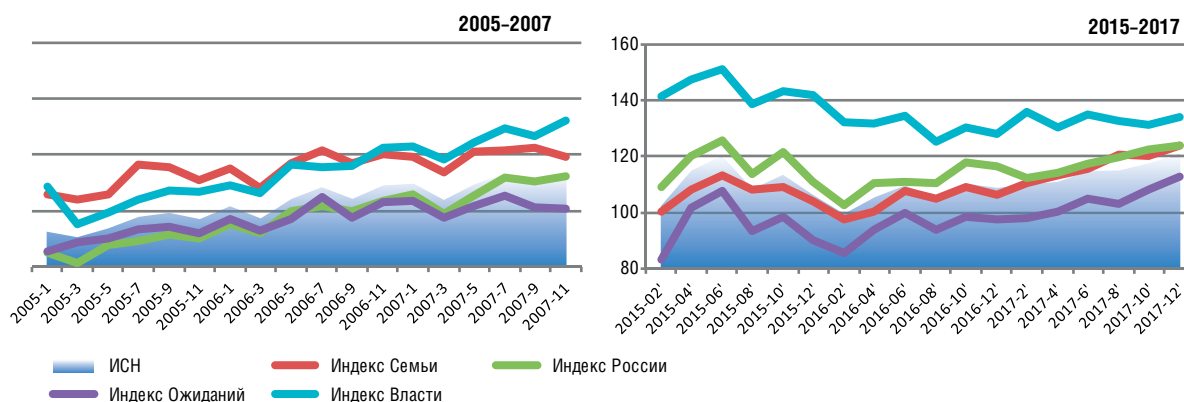
ренности в невыполнении государством этих обязательств рост ожиданий (претензий) следует оценивать как свидетельство усиливающейся незащищенности людей, признания невозможности самостоятельно решать важнейшие задачи жизнеобеспечения своих семей и в результате перекладывание ответственности вовне, наверх.

Еще одним обстоятельством, существенно влияющим на формирование субъективных оценок и отражающим характер восприятия населением текущей ситуации, являются уровень и структура нормативных представлений об обстоятельствах повседневной жизни. Применительно к анализу потребительских настроений важно понимать характер представлений людей о нормальном уровне жизни. Что это значит – жить нормально, какие денежные доходы нужны для этого, на что они должны тратиться, какие потребности удовлетворять?

Количественные оценки денежных доходов, достаточных для нормальной жизни семьи, регулярно измеряются в опросах «Левада-Центра». Дважды за последние годы (в 2007-м и 2017-м) количественные оценки величины нормального дохода семьи были дополнены измерением потребительской его структуры – респондентам предлагалось в свободной форме («открытый» вопрос) рассказать, на какие нужды должно хватать этого нормального дохода семьи¹.

Оказалось, что за 10 лет, прошедших между замерами, не изменилась структура потребительских расходов, ассоциируемых с нормальным уровнем жизни, но в рамках той же структуры произошли другие важные перемены.

Рисунок 12
ДИНАМИКА ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ И ЕГО КОМПОНЕНТ

¹ Предполагается, что, отвечая на такой вопрос, респондент прежде всего вспоминает «знаковые» потребности, удовлетворение которых наилучшим образом демонстрирует уровень потребления, который, по его мнению, является нормальным.

Например, стали скромнее запросы в целом. Об этом свидетельствует сокращение разрыва между оценками «нормального» дохода и фактическими доходами семей, о которых они сообщают в ходе опроса. В 2005–2007 годы они отличались примерно в 3 раза, а в 2015–2017-е – в два с половиной. Произошло это не потому, что появляется все больше семей, доходы которых приблизились к этой нормативной оценке, а, напротив, представления о норме стали скромнее. Представления о норме приблизились не только к фактическому доходу, но и к оценкам черты бедности – уровню доходов, ниже которого семью можно назвать бедной. Десять лет назад разрыв между субъективными оценками бедности и нормального дохода был почти четырехкратным, а сейчас он составляет примерно 3,3.

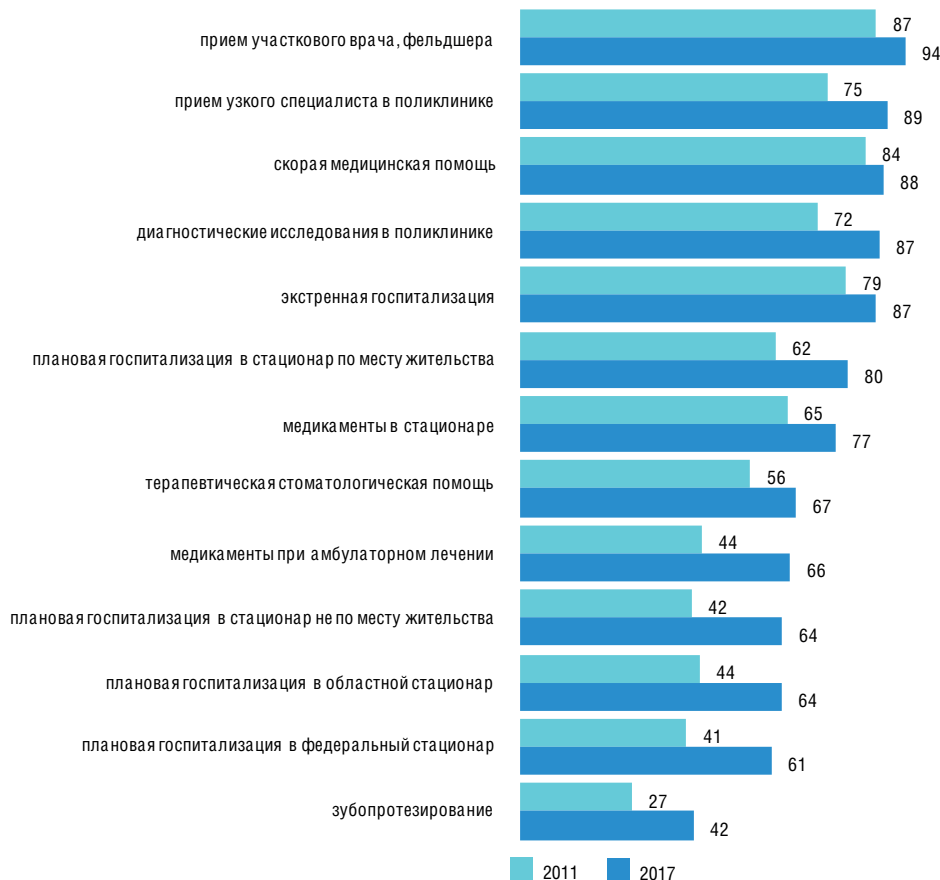
При отсутствии структурных перемен это сближение оценок может говорить только о готовности «быть скромнее» в ожиданиях. Такие перемены в нормативных представлениях как раз и способствуют возникновению роста потребительских настроений в периоды со-

кращающихся фактических денежных доходов наряду с переключением ответственности, о чем говорилось ранее. Более скромные ожидания заставляют людей лучше оценивать текущую ситуацию, не надеясь на ее существенное улучшение. В совокупности все эти изменения в мировосприятии людей выражаются в росте субъективных настроений (измеряемых индексами типа ИПН и ИСН) даже в неблагоприятных экономических условиях.

Анализ изменений субъективных оценок населением социально-экономических условий жизни в разные периоды времени, как минимум существенно отличающиеся характером экономической динамики, показывает значительную степень схожести субъективных показателей. При этом процессы, которые стоят за довольно схожими цифрами, оказываются существенно разными: позитивные ожидания могут формироваться как за счет преобладания уверенности в собственных возможностях, так и за счет усиления надежд на внешние обстоятельства, как результат относительно высоких

Рисунок 13

РОСТ ТРЕБОВАНИЙ БЕСПЛАТНОГО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ (% от числа всех опрошенных; данные опросов населения России в возрасте 16 лет и старше, проведенных «Левада-Центром» по заказу НИУ ВШЭ в 2011 и в 2017 годах (N = 4000 в каждом исследовании))

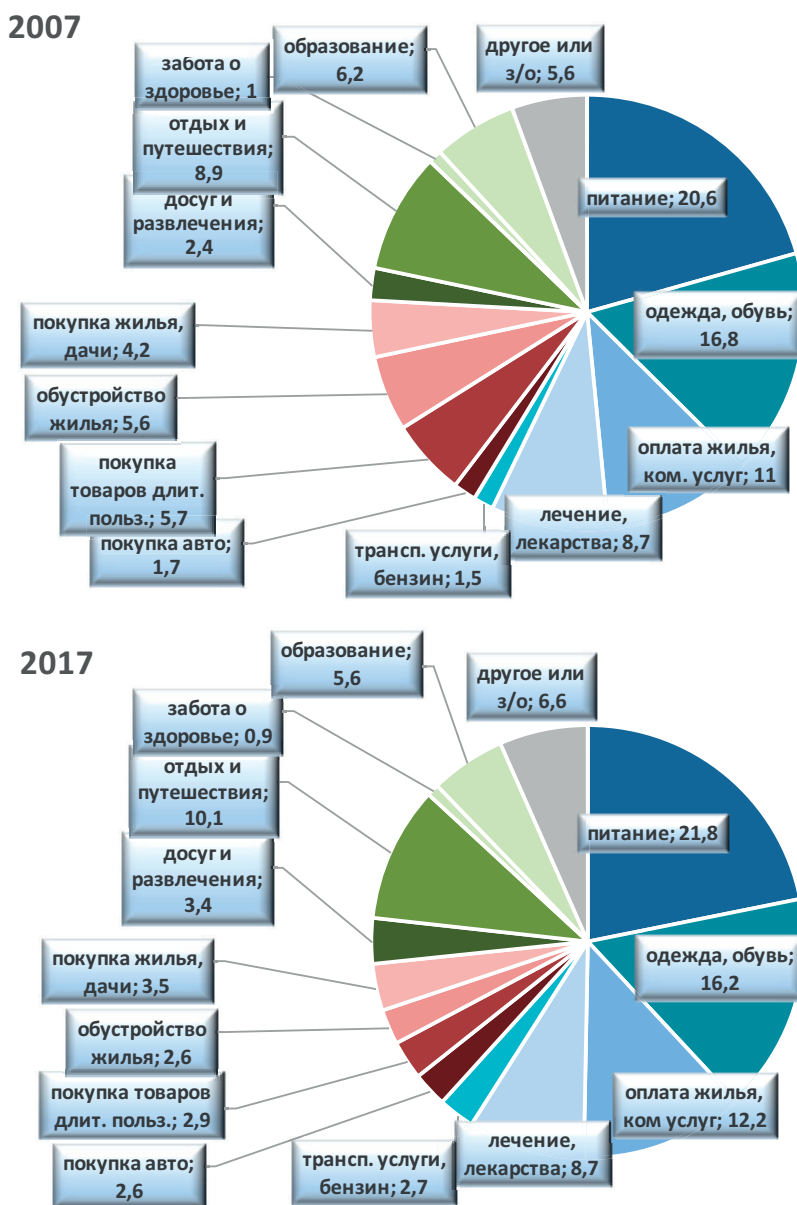
или относительно низких горизонтов представлений о желаемом развитии событий. Это обстоятельство, как представляется, указывает на важную особенность аналитических возможностей изучения динамики субъективных оценок населения: данные всегда конкретно-исторические, привязаны и существенно зависят от тех общественных обстоятельств, в которых сформированы. Несмотря на привлекательность аналитической работы с «длинными» рядами данных, которые накапливаются в ходе многолетних измерений общественного мнения и построения различных индексов, их историческая сопоставимость имеет ограниченный потенциал. Это еще одно ограничение в дополнение

к тому, о котором говорилось в начале статьи (ограничению шкалы значений). В определенном смысле эти два ограничения взаимосвязанны, поскольку короткая шкала возможных значений не оставляет места для учета исторических перемен.

Все сказанное выше не умаляет значимости данных массовых опросов населения для изучения общества и предвидения его ближайших перемен. Они являются незаменимым и в этом смысле уникальным источником знаний о текущем состоянии умов, которое лежит в основе формирования социальных действий и тем самым создания социальных событий и функционирования общества.

Рисунок 14

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАЛЬНОМ УРОВНЕ ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА СЕМЬИ (цифры в квадратных выносах – доля респондентов, выбравших соответствующее направление семейных расходов)

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ

Клаус ГЕСТВА

Советский человек¹

История одного собирательного понятия

Произведения Светланы Алексиевич — это попытка построения литературной антропологии советского человека. С середины 1980-х годов социологи из группы Юрия Левады описали совсем иными методами социограмму homo sovieticus. Оба начинания достойные, в первом случае благодаря впечатляющим литературным достижениям, во втором — эмпирической основательности. Но все же и писатель, и социологи постулируют некий антропологический тип, вменяя при этом представление о его гомогенности, что не соответствует многообразию и открытости человеческого и общественного развития в СССР и его государств-наследников. Невзирая на некоторые константы, способы мышления и образы жизни людей значительно менялись в потоке времени. Дополнить эту картину — задача историков.

«Юбилеи подобны ковровым бомбардировкам»². Они забрасывают политику и общественность уроками из истории, описывая дугу между прошлым и настоящим. Сколь велико бы ни было пресыщение неизбежным юбилейным бумом, пристрастие культурного производства к памятным датам дает еще и повод к тому, чтобы пристальнее присмотреться к определенным событиям и задать вопросы, как и почему они решающим образом повлияли на ход истории. В 2017 году интерес историков в особой форме пробудило столетие русской революции. Книжные магазины, библиотеки, семинары и газетные фельетоны заполнили компактные исторические работы, а также мо-

нументальные труды. Их авторы повествуют не только о событиях, произошедших в 1917 году в Петрограде. Они также ставят вопрос, какой исторической формации проложили путь большевики своим государственным переворотом и что из нее сохраняет свое действие и после распада советской империи³.

Алексиевич: *Homo sovieticus* как конструкция, основанная на памяти

После крушения в 1989–1991 годы государственного режима социализма, многие видели в коммунизме, канувшем в небытие, величайшее освободительное движение и одновременно с этим преступление против человечества под маской освободительной утопии. Карл Шлэгель не подводит в своей книге *Archäologie einer untergegangenen Welt* («Археология одного погибшего мира») итог режима. Для него советская история ни в коем случае не закончилась в 1991 году, но кончилась, «пожалуй, лишь империя, время которой истекло». Советский Союз, как считает Шлэгель, был «чем-то большим, чем только политическая система с датировемыми началом и концом», это была «форма жизни». Из-за протяженности существования СССР в пространстве и времени Шлэгель возвышает его (со всеми ее различными формами проявления и степенями развития) до «советской цивилизации», которая со всеми ее различными форма-

¹ Статья опубликована в журнале Osteuropa (*Gestwa. K. Der Sovjetmensch. Geschichte eines Kollektivsingulars*// Osteuropa, Jg. 68, H. 1-2. 2018. S. 55-82) Выражаем благодарность автору и редакции журнала за разрешение опубликовать перевод статьи.

² *Krastev I. Analogie zum Jahr 1917? Was uns die Russische Revolution über Donald Trump sagen kann* // Aus Politik und Zeitgeschichte, 34–35/2017. S. 4–8. C. 4.

³ *Aust M. Die Russische Revolution. Vom Zarenreich zum Sowjetimperium. München 2017. — Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München 2017. — Koenen G. Die Farbe Rot. Ursprünge und Geschichte des Kommunismus. München 2017. — Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford 2017. — Smith S.A. Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford 2017. — Slezkine Y. House of Government. A Saga of the Russian Revolution. Princeton 2017. — Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford 2017.*

ми проявления и ступенями развития не может быть постигнута с помощью одних лишь текстов. Помимо них она «читается с помощью истории вещей, с помощью анализа знаков и форм передвижения, мест обитания и заведенных порядков; целое вырастает из детали»¹. Преимущество истории цивилизации для Шлэгеля заключается в том, что она *постоянно охватывает все сферы, это не история политики или повседневности, террора или восторженного одобрения, культуры или варварства, но и то, и другое, и более того — часто в одно и то же время и в том же месте*².

«Языки, стиль административных и школьных зданий, инфраструктура, пути получения образования и биографии, ненависть или сентиментальная привязанность к хозяевам прежних времен» в качестве материальных фрагментов и идеальных «осколков империи»³ оставляют свои следы в постсоветском мире⁴.

Впечатляющая попытка Шлэгеля реконструировать в постсоветском ландшафте и в головах людей дрящущее влияние советской цивилизации в ее тотальности очень близка ангажированной документальной прозе Светланы Алексиевич. Если Шлэгель захвачен методом «панорамной открытости»⁵, а также интересом к заведенным порядкам и местам повседневной жизни, то Алексиевич увлечена⁶ приближением (посредством литературы) к «истории “домашнего”, “внутреннего” социализма»⁷. Алексиевич выступает и как очевидец, и как слуша-

тель-свидетель, чтобы вытащить «маленького человека» из забвения вместе с его переживаниями и опытом, подобного «песчинке истории»⁸, и дать ему право обрести голос в мировой литературе.

Белорусский лауреат Нобелевской премии понимает себя как летописца жизни тех людей, в которой запечатлелось придонное течение экзистенциальных потрясений и разочарований. В фокусе ее произведений не масса, но отдельный человек, весь жизненный план которого опрокидывается из-за войны и катастрофы, террора и распада, и он вынужден строить новую жизнь на руинах своего прежнего существования. Решающими выступают не великие общественные изменения, не поворотные пункты и вехи истории, а личные моменты, в которые горе и страдание, мужество и упорство выражают суть тягостного, сбивающего с толку опыта.

Алексиевич в своей захватывающей панораме человеческих жизней не делает различия между жертвами и виновниками; вместо этого она показывает индивидов, которые, попав во власть невообразимых, хаотичных обстоятельств, часто оказываются и теми, и другими. Литературно сгущенные коллажи трагических единичных судеб, несущих на себе печать исторических цезур, противостоят любому мастерскому героическому повествованию, которые так нравятся политике, медиа и культуре, использующих их для обоснования своего собственного смысла, единства и легитимности. Ставшее уже давно политически неудобным в Белоруссии и России изображение советской цивилизации как неизбежного злого рока и огромного Абсурдистана сделало Алексиевич для мировой общественности носителем «моральной памяти распавшейся советской империи»⁹.

Своими многоголосыми произведениями Алексиевич стремится писать историю. Но, назвав себя «исследователем человека», она осознанно отмежевывается от профессиональных историков, неверно считая, что их интересовали только факты, но не чувства людей¹⁰.

¹ Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert [Сн. 2]. S. 21.

² Ibid. S. 22. Шлэгель воздерживается от цивилизационно-теоретических рассуждений. Он коротко ссылается на Фернана Броделя — Braudel F. Die Geschichte der Zivilisation. 15. Bis 18. Jahrhundert. Zürich 1971. [рус. изд. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. 1-е изд., Прогресс. Т. 1. 1986. 624 с. Т. 2. 1988. 632 с. Т. 3. 1992. 679 с.]. Но ясно, что понимание Шлэгеля не имеет ничего общего с сопоставительными концептами цивилизации Освальда Шпенглера и Самюэля Ф. Хантингтона. Сходным образом о «советской цивилизации» уже говорили Андрей Синявский и Стив Коткин. Sinjawschij A. Der Traum vom neuen Menschen oder Die Sowjetzivilisation. Frankfurt/Main 1989. — Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley 1995.

³ Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert [Сн. 2]. S. 27.

⁴ Ibid. S. 20.

⁵ Ibid. S. 22.

⁶ Во время вручения премии мира Немецкой книготорговли (Friedenspreises des Deutschen Buchhandels) Шлэгель произнес в честь Алексиевич похвальный реч и назвал ее «археологом коммунистического жизненного мира». Schlögel K. Stimmen im Chor: eine Epoche zur Sprache bringen. Laudatio auf Swetlana Alexijewitsch // Reden anlässlich der Verleihung des Friedenspreises des Deutschen Buchhandels 2013. S. 5–10, здесь S. 9, <www.friedenspreis-des-deutschen-buchhandels.de/sixcms/media.php/1290/Friedenspreis_2013_Reden_deutsch.pdf>.

⁷ Alexijewitsch S. Secondhand-Zeit. Leben auf den Trümmern des Sozialismus. München 2013. S. 10. [Алексиевич С. Время секунд хэнд. Время. М., 2016.]

⁸ Swetlana Alexijewitsch: Warum bin ich in die Hölle hinabgestiegen? Dankesrede // Reden anlässlich der Verleihung des Friedenspreises des Deutschen Buchhandels. S. 11–15, здесь S. 11.

⁹ Так говорилось об Алексиевич по Немецкому радио (Deutschlandfunk), когда 8 ноября 2015 года стало известно, что она получает Нобелевскую премию по литературе, <www.deutschlandfunkkultur.de/weissrussische-autorin-literatur-nobelpreis-fuer-swetlana.1895.de.html?dram:article_id=333314>.

¹⁰ Alexijewitsch S. Secondhand-Zeit [Сн. 8]. S. 13. Чувства уже давно стали предметом исторических исследований. Plamper J. Geschichte und Gefühl. Grundlagen der Emotionsgeschichte. München 2012. — Rosenwein B., Cristiani R. What is the History of Emotions? Cambridge 2018.

Ей важна не простая история событий, а реконструкция всего ужаса, но также и притягательной силы советской цивилизации, открывающихся в индивидуальных высказываниях. Эмпирическая основа, на которой Алексиевич конструирует свое человековедение, — это многочисленные биографические интервью, в которых субъективные потрясения облекаются в слова, чтобы через этот акт говорения восстановить, как кажется, разорванную взаимосвязь времен¹.

Алексиевич хорошо осознает, что воспоминания — «прихотливая штука», потому что прошлое постоянно заново открывается через настоящее, так что прежде пережитое всякий раз толкуется по-иному, сквозь неизбежно меняющиеся фильтры². Способ, которым рассказывается история, это со своей стороны всегда только история³. В собеседниках Алексиевич видит не аутентичных свидетелей, а «скорее актеров и изобретателей историй». Хотя они постоянно во всей красе рассказывают собственную версию истории, но «из их совокупности и множества пересечений возникает образ времени и людей, которые в нем жили»⁴.

Алексиевич считает, что все, «участвовавшие в социалистической драме», разделяют опыт неустанного воздействия на их души социализма, ставшего государственным. Даже сегодня советские люди все еще узнаваемы «с полуслова» своими очень «характерными представлениями о добре и зле, о героях и мучениках», а также в своем особом отношении к жизни и смерти. Из их насыщенных воспоминаний о близости со своими прежними советскими согражданами и из вспоминаемых ими аспектов советских реальностей, представляющихся существенными, Алексиевич конструирует антропологическую модель *homo sovieticus*, который как «новый человеческий тип» представляет собой то неповторимое, что «могло получиться на советской земле в лаборатории марксизма-ленинизма»⁵.

В книгах и интервью Алексиевич называет отдельные признаки своего *homo sovieticus*. Но она не сводит их вместе в систематизированный каталог дефиниций. Поэтому остается неясным, идет ли речь в ее «пессимисти-

ческой ностальгии»⁶ только лишь о чистой игре мысли, подкупающей ее литературным изяществом, или все же о продуктивной исторической конструкции, обладающей научным объяснительным потенциалом. Литературная конструкция Алексиевич *homo sovieticus*, опирающаяся на память, стоит в одном ряду с другими известными проектами идеально-типических конструкций советского человека, пересматривавшими амбициозную претензию партийного государства осуществить не только политико-экономическую, но и антропологическую революцию и создать тем самым лучший мир.

Социалистическое строительство новой жизни и советский «Парк людей»⁷

Издавна люди, исполненные страстным желанием и фантазиями о всемогуществе, стремятся к тому, чтобы стать иными или новыми, чтобы подняться благодаря самотрансценденции над отталкивающим их миром. Так что мечта о «новом человеке» существует с незапамятных времен, это не советское изобретение⁸. Она наложила печать на выходящие за пределы границ и систем «наваждения XX века»⁹. Однако ни в одной другой стране эта мечта все же не имела столь сильного влияния на политическое действие и социальное формирование идентичности, как в Советском Союзе. Формирование «нового человека», его обработка и дисциплинирование были в центре предвещаний социалистически-коммунистической эсхатологии. В советском партийном государстве 1920–1930-х годов проект был возведен в ранг центральной идеологемы. Для этого на службу большевистской миссии освобождения и покорения мира были поставлены экспериментально-эстетические поиски культурного авангарда. «Новый человек» должен был отречься от всякого эгоизма и индивидуализма и целиком проникнуться коллективным этосом. Самореализоваться он мог, только полностью пожертвовав собой, влившись в новый нарождающийся пролетариат, слившись воедино с этим сообществом,

¹ Hartsock J.C. Literary Journalism and the Aesthetics of Experience. Amherst, Boston 2016.

² Alexijewitsch S. Warum [Сн. 10]. S. 13.

³ Об устной истории (Oral History) как методе см.: Obertreis J. Polyphonie auf den Trümmern des Sozialismus Aleksievičs Werk and Oral History // Osteuropa H.1–2, 2018. S. 117–134.

⁴ Alexijewitsch S. Warum [Сн. 10]. S. 13.

⁵ Ibid. S. 9.

⁶ Lee A. Portrait of the Author as a Historian: Svetlana Alexievich // History Today, 6/2016. P. 86.

⁷ Автор использует метафору общества как парка, за которым ухаживают, который формируют, нормируют те, кто за ним следит.

⁸ Küenzlen G. Der Neue Mensch. Zur säkularen Religionsgeschichte der Moderne. München 1994, S. 25–56. — Ders. Der alte Traum vom Neuen Menschen. Ideengeschichtliche Perspektiven // Aus Politik und Zeitgeschichte, 37–38/2016. S. 4–9.

⁹ Der Neue Mensch. Obsessionen des 20. Jahrhunderts. Lepp N., Roth M., Vogel K. (Hg.): Dresden 1999.

новым в мировой истории, и отбросив все старые образцы идентичности и ложные формы сознания.

В вихре мощнейших из всех революций, в пучине общественного прогресса «новый человек», как громогласно провозглашал Лев Троцкий в 1924 году, будет стремиться к цели «стать хозяином своих собственных чувств, возвысить свои инстинкты до высоты сознания», чтобы сотворить более «высокий общественно-биологический тип» на уровне «Аристотеля, Гёте и Маркса»¹. «Советский народ», формирующийся из такого замечательного «человеческого материала», сможет положить конец всякой эксплуатации и угнетению и наряду со свободой проложить дорогу для осуществления идеалов равенства и братства².

С самого начала для большевизма и сталинизма базовой духовно-моральной составляющей была «комбинация этического ригоризма и революционной практики»³. Политика большевиков построения нового общества из «новых людей» приняла форму воспитательной дрессуры. Советское партийное государство навязало «новым людям», освобожденным от унаследованных традиций и зависимостей, культ вождя, утверждавшийся посредством социальной инфантилизации и подчинения. Так, ради «построения социализма» людям вменялось в обязанность переносить все лишения и одновременно участвовать в доносах и репрессиях против «бывших». Эти мнимые или действительные симпатизанты «прошлого мира» потеряли свое право на существование в первом социалистическом государстве. Они должны были либо через социальный катарсис целиком отдаться революционному строительству, либо быть надолго устранены из советского «Парка людей»⁴.

В то время как великие промышленные стройки, советские массовые праздники и мо-

сковский парк Горького служили инсценированными социального плавильного котла и культовых мест эффективной социализации⁵, бесчеловечная система ГУЛАГа, депортации и принудительный труд представляли обратную сторону сталинистского *landscaping the human garden*⁶. Сегодня исторические исследования исходят из того, что между 1917 и 1956 годами прямым и косвенным репрессиям тоталитарного партийного государства были подвергнуты свыше 50 миллионов человек⁷. Как эти бездны советской промышленной цивилизации, так и мощь всемирно-исторического разлома, повлекли за собой глубокие психологические последствия. Радужные символы советской современности, подобно витринам будущего, передавали – и не только партийным вождям – захватывающее впечатление, что на их стороне не только история, но и наука, и технология. Пропаганда продуцировала нескончаемый поток мнимых политических истин, а также и научных достижений; она постоянно предупреждала о воображаемой вездесущности внутренних и внешних врагов. Перед лицом этого непрекращающегося медийного огня даже те, кто по своему происхождению или из-за своих сомнений испытывал трудности с этим принуждением к вере, едва ли могли противиться мощи изобилующей обещаниями идеологии⁸.

В мобилизованном, милитаризованном и репрессивном обществе люди вынуждены были, усваивая советский жаргон, учиться языку, в центре которого были трудовой энтузиазм и вера в изменчивый курс партийного государства⁹. В публичном пространстве многие люди придерживались официальных язы-

¹ *Trotsky L.* Literatur und Revolution. Berlin 1968 (1924). S. 214.

² *Sinjawskij.* Traum [Fn. 4]. – Müller D. Der Topos des Neuen Menschen in der russischen und sowjetrussischen Geistesgeschichte. Bern 1998. – Der Neue Mensch. Aufbruch und Alltag im revolutionären Russland. Kommentar, Filmografie und Materialien. Alexander Schwarz, Rainer Rother (Hg.). Bonn 2017.

³ *Riegel K.-G.* Der Marxismus-Leninismus als politische Religion / Hans Maier, Michael Schäfer (Hg.): „Totalitarismus“ und „Politische Religionen“. Konzepte des Diktaturvergleichs, Bd. 2. Paderborn u.a. 1997. S. 75–128, см. S. 83 и далее.

⁴ *Shearer D.R.* Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven 2009. – *Goldman W.Z.* Inventing the Enemy. Denunciation and Terror in Stalin's Russia. Cambridge 2011. – *Hoffmann D.* Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca 2011.

⁵ *Gestwa K.* Die „Stalinschen Großbauten des Kommunismus“. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte 1948–1967. München 2010. – *Rolf M.* Das sowjetische Massenfest. Hamburg 2006. – *Kucher K.* Der Gorki-Park. Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941. Köln 2007.

⁶ *Landscaping the Human Garden.* Twentieth Century Population Management in a Comparative Perspective. Amir Weiner (Hg.). Stanford 2003. – *Das Lager schreiben.* Varlam Šalamov und die Aufarbeitung des Gulag. Berlin 2007 [= Osteuropa, 6/2007]. – *Gulag: Texte und Dokumente 1929–1956.* Julia Landau, Irina Scherbakowa (Hg.). Göttingen 2014. – *Soviet Gulag.* Evidence, Interpretation, and Comparison. Michael David-Fox (Hg.). Pittsburgh 2016.

⁷ Эту цифру последним называл Лев Гудков. *Gudkov L.* Der Sowjetmensch. Genese und Reproduktion eines anthropologischen Typus / *Gudkov L.* Wahres Denken. Berlin 2017. S. 13. (В статье Л. Гудкова имеются в виду не только жертвы репрессий, но и Голодомора, Гражданской и Второй мировой войны и других военных конфликтов. – *Прим. пер.*)

⁸ *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin. Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton 2000. – *Brandenberger D.* Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven 2011.

⁹ *Kotkin.* Magnetic Mountain [Сн. 4]. S. 198–237.

ковых и поведенческих правил, но, по существу, они жили в своем частном мире, в языке повседневности. Приходилось скрывать мнения, убеждения и жизненные обстоятельства, которые отклонялись от официальных норм и ценностей. Замалчивание и шепот стали важными коммуникативными практиками¹. Поскольку никто не знал, что именно скрывалось за публичной маскировкой, доносы и сообщения о тайных врагах представлялись правдоподобными².

В стесненных условиях жизни бараков, общежитий и коммунальных квартир почти не было возможностей для уединения и интимности. В дурмане страха и недоверия люди часто теряли опоры и моральные ориентиры³. Они жили в постоянной раздвоенности, поскольку должны были выбирать между образцами поведения, навязываемыми им политикой и собственными желаниями, часто несовместимыми⁴. Тот, кто при тоталитарной мобилизационной диктатуре не мог с надлежащим энтузиазмом восторгаться далеко идущими целями советского общественного эксперимента, отгораживался от других, подвергая себя опасности. Одновременно социалистическое строительство государства предлагало всем заманчивые пути для самореализации и социального подъема. Вера в советский проект общества и участие в нем представляли модус выживания, помогавшего придать смысл собственным лишениям и не отчаиваться перед лицом постоянного чрезвычайного положения, связанного с войной, голодом, террором.

Впрочем, советское общество принуждения 1920–1930-х годов не представляло собой гомогенную социалистическую общность, объединенную единой верой. Наряду с энтузиазмом и оппортунизмом существовали многочисленные формы скрытого инакомыслия, девиантного поведения, а также уклонения

¹ *Figes O.* Die Flüsterer. Leben in Stalins Russland. Berlin 2008. S. 28 и сл.

² *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton 2005. – *Beyrau D.* Ketman oder „Worte sind Masken“ / Heidrun Hamersky u.a. (Hg.) Eine andere Welt? Kultur und Politik in Osteuropa 1945 bis heute. Festschrift für Wolfgang Eichwede. Stuttgart 2007. S. 71–85.

³ *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln 2004. – *Pott Ph.* Moskauer Kommunalwohnungen 1917 bis 1997. Materielle Kultur, Erfahrung, Erinnerung. Zürich 2009. – *Evans S.* Sowjetisch wohnen. Eine Literatur- und Kulturgeschichte der Kommunalka. Bielefeld 2011.

⁴ Такие диссонансы прогресса особенно ярко описал Андрей Платонов. *Platonov A.* Die Baugrube. Berlin 2016. [Андрей Платонов, Котлован.] – Утопия и Gewalt. Andrej Platonov: Die Moderne schreiben. Osteuropa, 8–10/2016. Berlin.

и протеста, которые задавали границы экспансии тоталитарного режима⁵. Режим глубоко проникал в жизнь отдельного человека, навязывая ему свои смыслы, системы поощрений. Характер господства влиял на структуру личности многих советских людей. Это была «революция в голове»⁶ и «террор в душе»⁷, как показала группа историков в конце 1990-х на основе тщательно отобранных дневников и других биографических документов⁸. Эти, нередко ошеломляющие, самосвидетельства красноречиво показали, какая чрезвычайная сила воли требовалась людям, чтобы сопротивляться индоктринации со стороны партийного государства. Особенно дневники, последнее прибежище индивидуальности, дают понять, как подло поступал большевистский социализм в своем попечительстве и опеке, разлагая ядом недоверия социальные и семейные связи и тем самым разрушая моральную сплоченность общества. Российский историк Михаил Гефтер констатировал, что неизбежное наследие советского террора 1920-х и 1930-х — «это сталинизм, который завладел всеми нами»⁹. Это глубоко усвоенное интернализированное, часто неосознанное приспособление превращало отдельного человека в продукт и в производителя тоталитарной системы принуждения.

Клаус Менерт: Новый советский и старый русский человек

С самого начала зарубежные наблюдатели демонстрировали восхищение усилиями советского партийного государства, целью которого было посредством кампаний, патетических инсценировок и грандиозных технологических проектов создать новый антропологический тип, для которого старый мир не должен был значить ничего, но завтрашний,

⁵ *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford 1996. – *Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in 1930s.* Ithaca 2002. – *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent. 1924–1941. Ders. (Hg.): Cambridge 1997. – *Gorsuch A.E.* Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington 2000.

⁶ *Hellbeck J.* Revolution on my Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge 2006.

⁷ *Halfin I.* Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge 2003.

⁸ *Halfin I.* From Darkness to Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh 1999. – *Ders.* Red Autobiographies. Initiating the Bolshevik Self. Seattle 2011. – *Tagebuch aus Moskau 1931–1939.* Hellbeck J. (Hg.). München 1996. – *Ders.* Fashioning the Stalinist Soul. The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–1939 / Stalinism. New Directions. Sheila Fitzpatrick (Hg.). London, New York 2000. P. 77–116.

⁹ Цит no: *Figes.* Die Flüsterer [сн. 30]. S. 30.

социалистический мир — все. Кремль не жалел средств на широкую пропаганду предполагаемых достижений своего общественного эксперимента. Знаменитые советские интеллектуалы, такие как Максим Горький, позволили вовлечь себя в историю восхваления первых сталинских пятилеток, отмеченных жестоким характером коллективизации и индустриализации, как в великую программу перевоспитания криминальных элементов, «паразитов» и «вредителей»¹.

Вместе с тем Кремль приглашал небольшие делегации западных интеллектуалов. Отчасти из симпатии, отчасти из любопытства Ромэн Роллан, Андре Жид, Артур Кёстлер, Лион Фейхтвангер, Джордж Бернард Шоу и другие «политические паломники»² объездили первую социалистическую страну, чтобы уже на месте получить представление об образцово-показательных проектах, о том, с каким рвением «новые люди» под мудрым руководством партии готовы возводить свой восточный социализм. Такой *showcasing the great experiment* достигал эффекта. Но не все приезжавшие с Запада позволяли ослепить себя «техникой и гостеприимством» и показными достижениями Советского Союза. Многие, напротив, обрели собственный, критический образ «новых людей»³.

Одним из тех, кто охотно пользовался возможностью посетить Советский Союз, был Клаус Менерт (1906—1984). Во время поездок и за почти трехлетнюю работу корреспондентом в Москве он обзавелся множеством контактов благодаря превосходному знанию русского языка. Он родился и рос в Москве в семье немецких предпринимателей и художников. В 1928 году в Берлине защитил диссертацию под руководством Отто Хёча (проложившего путь немецким исследованиям Восточной Европы), получил ученую степень и уже очень

скоро сделал себе имя в качестве немецкого эксперта по Советскому Союзу. Среди прочего он был редактором журнала *Osteuropa*. В 1936—1941 годы он в качестве профессора преподавал в университетах США — в Беркли и Гонолулу. Окольными путями он вернулся в 1946 году в Германию через Китай, чтобы продолжить там карьеру редактора, ученого и публициста⁴.

В 1955 году Менерт принял участие в привлекшей всеобщее внимание поездке канцлера Конрада Аденауэра в Москву, а затем совершил путешествие по Советскому Союзу. Свои впечатления о том, насколько страна изменилась после 1953 года при новом партийном главе Никите Хрущеве, он соотнес со своими прежними знаниями и опытом сталинской эпохи. За три года было продано полмиллиона экземпляров опубликованной им в 1958 году книги *Der Sowjetmensch* («Советский человек»)⁵. Этот бестселлер сформировал образ Советского Союза, сложившийся у западногерманской публики⁶. Менерт не только описал политическую систему и общественные структуры, но и рассмотрел отношение жителей Советского Союза, преимущественно русских, к семье, собственности, свободе и государству⁷. Для Менерта важна была попытка «добиться более четких контуров и конкретного образа для слишком туманного понятия “советский человек”»⁸. Для этого он соотнес пролетарско-коллективистский идеал «нового человека» с трудовой и повседневной жизнью, которую он мог наблюдать в Советском Союзе.

Описания Менерта не опираются на тщательно подобранный и проверенный источниками материал. Он полагался на собственные включенные наблюдения. Информацию он черпал из советской литературы и театра, а также из многочисленных бесед, которые вел со случайными знакомыми во время своих поездок. Он не делал тайны из того, что был про-

¹ Более всего ужасает сборник текстов 36 советских литераторов о Беломорско-Балтийском канале. Это была первая из великих строек, канал был построен в основном заключенными под надзором НКВД и стоил десятков тысяч жизней. Книга вышла на русском и английском: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Государственное издательство «История фабрик и заводов». Москва, 1934. Переиздание. Москва, 1998. — Belomor. An Account of the Construction of the New Canal between the White Sea and the Baltic Sea. New York 1935. Fischer von Weikersthal F. Die „inhaftierte“ Presse. Das Pressewesen sowjetischer Zwangsarbeitslager 1923–1937. Wiesbaden 2011. — Draskoczy J. Belomor. Criminality and Creativity in Stalin's Gulag. Brighton, MA 2014.

² Holland P. Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba 1928–1978. New York, Oxford 1981.

³ David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford 2011.

⁴ Kohlstruck M. Der Fall Mehnert / Helmut König (Hg.). Der Fall Schwerte im Kontext. Opladen 1998. S. 138–172. — Ders. „Salonbolschewist“ und Pionier der Sozialforschung. Klaus Mehnert und die Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas 1931–1934 // Osteuropa, 5/2005. S. 29–47. — Merk E. Klaus Mehnert. Publizist, Politologe, Professor // Osteuropa, 10/2006. S. 123–137.

⁵ Mehnert K. Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957. Stuttgart 1958. До 1981 г. выходило много переизданий [рус. Менерт К. Советский человек. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Рассылалась по специальному списку — Прим. пер.].

⁶ Schmid U. Wie bolschewistisch ist der „Sowjetmensch“? Klaus Mehnert erkundet die russische Mentalität // Zeithistorische Forschungen, 3/2007. S. 466–471, здесь S. 466.

⁷ Mehnert K. Sowjetmensch [сн. 43]. S. 10 и далее.

⁸ Ibid. S. 18.

тивником Советского Союза как политической системы; одновременно он настаивал на взаимопонимании, потому что видел в социалистическом партийном государстве «смирительную рубашку, которую большевики надели на в общем дружелюбный и открытый русский народ»¹. Менерт настойчиво предостерегал, что при успешной большевизации русских «перспективы того, что человечество живым и свободным войдет в третье тысячелетие после Рождества Христова [были бы] невелики»². Но все же, успокаивая читателя, он полагал, что советский человек 1950-х годов, несомненно, уже не тот, «каким был русский в прошлом»³. «Советам» не удавалось до сих пор «сделать из русского человека некое новое советское, коллективное существо, которое ведет себя, думает, чувствует, желает только так, как это было бы нужным партийным вождям и их советскому проекту»⁴.

Оценки Менерта не полностью совпадали с результатами работ исследовательской группы в Гарварде. Ее участники после 1945 года систематически опрашивали советских эмигрантов об их отношении к пропаганде. Было установлено, что даже в сознании тех, кто повернулся спиной к родине социализма, отложились главные пропагандистские политические послания⁵.

Менерт, как и исследовательская группа в Гарварде, диагностировал у советского населения, наряду с патриотизмом и доверием к властным авторитетам, сильную склонность к «обуржуазиванию и интеллектуальному развитию», которые противоречили диктаторскому проекту общества Кремля. Исходя из его стремления к свободе, приватности и духовному развитию, считал Менерт, советский человек — это прежде всего *человек*, «советский» лишь в определенном смысле. Этого человека больше заботит собственный достаток, а не коммунизм⁶. Как полагал Менерт, после того как в сталинской Конституции 1936 года с определенностью было закреплено право наследования частной собственности, отношение между индивидом и государством заметно изменилось. Менерт ни в коем случае не счи-

тает, что советское общество стало «бесклассовым», скорее оно вступило в свою «буржуазную эпоху»⁷.

У Менерта речь идет не о социологически подтверждаемом типе советского человека, а о модели существа, которое советское партийное государство хотело создать для своих целей установления мирового господства, но до тех пор без решительного успеха. Бестселлер Менерта можно читать и как источник представлений о советской повседневной жизни, и как документ эпохи коммуникативных угроз в разделенной Германии времен холодной войны. Мировой бестселлер Менерта вызвал резкую критику в Советском Союзе. Советская пресса, кипя от ярости, обвиняла автора в том, что во время своих поездок он посещал только «задворки и темные переулки», соединил совершенно искаженные впечатления в клеветническую книгу, написанную «по заказу своих господ, западногерманских империалистов»⁸.

«Великое отступление» или новое видение социализма?

Со своими наблюдениями о начавшихся уже в сталинскую эпоху процессах обуржуазивания и индивидуализации Менерт оказался в хорошей компании. В 1946 году социолог Николай Тимашев, русский эмигрант, преподававший в США, пришел к выводу, что Кремль с середины 1930-х пошел навстречу советскому населению, изнуренному и взбаламученному после насильственного, воинственного насаждения коллективизации и индустриализации. Компромиссные и умиротворяющие предложения делались для того, чтобы преодолеть расколы в обществе. Тимашев видел в этом «великое отступление». Он констатировал сознательный отход от социалистической доктрины и обращение к традиционным ценностям патриотизма, семьи, потребления, религии и собственности⁹. Позже Вера Данхэм (Vera Dunham) на основе тщательного анализа советской литературы вычленила присутствие в ней сильных «ценностей среднего класса». Она говорила о некоей *big deal* (большой

¹ Schmid. *Wie bolschewistisch ist der „Sowjetmensch“?* [сн. 44]. S. 469.

² *Mehnert. Sowjetmensch* [сн. 43]. S. 460.

³ *Ibid.* S. 10–11.

⁴ *Ibid.* S. 447.

⁵ Bauer R., Inkeles A., Kluckholm C. *How the Soviet System Works*. Cambridge, Mass. 1956. — Inkeles A. *Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion*. Cambridge, Mass. 1956.

⁶ *Mehnert. Sowjetmensch* [сн. 43]. S. 447–449.

⁷ Там же. S. 122. О значении предоставленных в 1936 году прав собственности см.: Cowley M.K. *The Right of Inheritance and the Stalinist Revolution* // *Kritika*, 1/2014. P. 103–123.

⁸ *Der Spiegel*, 44/1959. S. 94. — Bidder B. *Generation Putin. Das neue Russland verstehen*. München 2016. S. 218.

⁹ *Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York 1948.

делке) между возникшими в 1930-е функциональными элитами и позднесталинским партийным государством. Этот неформальный социальный пакт связал между собой обе стороны и заставил режим идти на материальные уступки, чтобы обеспечить политическую благонадежность¹.

Работы Тимашева и Данхэм дали импульс новым исследованиям². Из последнего выделим прежде всего Анну Крылову с ее исследованием советских образовательных реформ, педагогики, молодежной политики, журналистики, которое показало, что уже к концу 1930-х произошло заметное изменение в отношениях между индивидом, коллективом и классом. Крылова пишет, что, после того как Советский Союз одним мощным усилием преодолел индустриализацию и урбанизацию, антииндивидуалистический дискурс партийного государства хотя и не исчез, но утратил формирующую силу. Отныне индивид больше не должен был ориентироваться только на коллектив и отказываться от своей личности. Вместо уравниловки и переплавки теперь речь шла о том, чтобы целенаправленно поощрять таланты отдельного человека, укрепляя тем самым коллектив разными личностями. Принудительное единство индивида и коллектива размылось; теперь стали больше и глубже думать, как соотнести личное и общее блага, как их можно связать самым рациональным для партийного государства образом.

Эти меняющиеся процессы социализации и индивидуализации Крылова интерпретирует не так, как Менерт, Тимашев и Данхэм, т.е. не как остатки традиционных русских ценностей или же возвращение к ценностному канону XIX века. Она видит в этом не доказательство исторической непрерывности, но понимает это скорее как свидетельство прогресса и модерности. Советский общественный проект, меняющийся в ритме поступательного движения индустриализации и урбанизации, может предложить больше, чем одно только нормативное видение социализма. Как считает Крылова, наряду с большевистским энтузиазмом и аскетизмом, чаще всего воплощаемыми в образе рабо-

чего, в конце 1930-х в качестве нового образца идентификации появился советский индивид в целом. Усиление его роли связано со стремительно растущим числом служащих управленцев, техников, инженеров, ученых и других экспертов³. Меняющиеся структуры труда и знания, досуга и частной жизни сделали актуальными начало дебатов о социальной справедливости, об экономической ответственности и индивидуальной самореализации⁴.

После Сталина: С «полосы обгона» на «стойку» истории

Советский режим еще до смерти Сталина реагировал на ощутимо возросшую сложность общества. Но после 1953 года *Social engineering* изменился в решающей степени. Советский физик и диссидент Юрий Орлов с облегчением вспоминал об этой десталинизации: «Общество оставалось тоталитарным, но оно прекратило кататься в крови и блевотине»⁵. Теперь партийное руководство обратилось к продуктивным формам господства, усилив внимание к социальной сфере, чтобы посредством градостроения, потребительских, социальных и жилищных программ приобщить советских граждан к достижениям промышленного прогресса⁶. Политический террор сменился социальным контролем. Постсталинское государство предлагало людям новые возможности для участия в обустройстве своей повседневной и социальной жизни, в том числе и для того, чтобы вновь разжечь огонь революционной эйфории строительства страны. В новой программе партии 1961 года КПСС подчеркивала, что новый человек формируется «благодаря своему активному участию в строительстве коммунизма», а также «развитию коммунистических

¹ Dunham V. In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet fiction. Cambridge 1976. Об улучшении ситуации с потреблением в позднюю сталинскую эпоху см.: Gronow J. Caviar with Champagne. Common Luxury and the Ideals of Good Life in Stalin's Russia. Oxford 2003. – Randall A.E. The Soviet Dream World of Retail and Consumption in the 1930s. Basingstoke 2008.

² Hoffmann D.L. Was There a „Great Retreat“ from Soviet Socialism? Stalinist Culture Reconsidered // Kritika, 4/2004/ P. 651–674. – Lenoë M. In Defense of Timasheff's Great Ret. eat // Kritika, 5/2004. P. 721–730.

³ Между 1941 и 1983 годами число принадлежащих к этому новому советскому среднему классу утроилось, достигнув 35 млн человек. Lewin M. The Gorbachev Phenomenon. A Historical Interpretation. Berkeley 1988. P. 46.

⁴ Krylova A. Identity, Agency, and the „First Soviet Generation“ / Stephen Lovell (Hg.): Generations in Twentieth-Century Europe. Basingstoke 2007. P. 101–121. – Ders. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament // Contemporary European History, 2/2014. P. 167–192. – Ders. Imagining Socialism in the Soviet Century // Social History, 3/2017. P. 315–341.

⁵ Цит. по: Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München 2003. S. 258.

⁶ Reid S.E. Cold War in the Kitchen. Gender and the Destalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // Slavic Review, 2/2002. P. 211–252. – Harris S.E. Communism on Tomorrow Street. Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Baltimore 2013. – Ivanova G., Plaggenborg S. Entstalinisierung als Wohlfahrt: Sozialpolitik in der Sowjetunion 1953–1970. Frankfurt/Main 2015. – Varga-Harris Ch. Stories of House and Home. Soviet Apartment Life during the Khrushchev years. Ithaca 2015.

принципов в хозяйственной и общественной жизни»¹. Режим, используя общий символ политической оттепели, внушал населению идею сопричастности и социального участия, чтобы добиться лояльности и укрепить собственную легитимность².

Чтобы придать весомость новым формам общественного самовоспитания и связанной с этим *moral engineering*³, московские пропагандистские стратеги разыграли фигуру первого человека в космосе — космонавта Юрия Гагарина — как образцового *homo communisticus*⁴. Он якобы всю жизнь ровнялся на «Моральный кодекс строителя коммунизма», введенный после 1961 года (что не совсем соответствовало действительности), и тем самым давал всем советским гражданам ярчайший пример для подражания⁵. Никита Хрущев, воодушевленный свершениями пионеров советской космонавтики и достижениями «мирного атома», «ведущего к коммунизму»⁶, громко пообещал, что к 1980 году Советский Союз обгонит США по объему производства и уровню жизни, начав таким образом «переход к коммунизму»⁷.

Обещания Хрущева обернулись чистой демагогией. Героическая эра советской современности в 1970-е окончательно сменилась фазой потребительства. Авторитарный

государственный патернализм, заключив с населением хрупкий потребительский пакт, спасался от внутренних кризисов благодаря форсированному экспорту нефти и газа⁸. Советский социализм преодолел свой тоталитарный характер. И, сохраняя нормативную значимость с собственными ценностями и планами, он больше не воодушевлял, а вскоре стал объектом двусмысленного пародирования⁹. К тому моменту, когда коммунистическая партия наконец-то отказалась от заветной цели достичь коммунистического рая в обозримом будущем, социализм уже оказался расколдованным. Тем не менее в своей реально существовавшей форме он предлагал советским гражданам известные социальные гарантии и мало-мальски надежные общие условия для индивидуальных действий и решений. Советский народ особо не возражал против существующего общественного порядка и надеялся на его постепенное улучшение. Люди закрывали глаза на то, что политически они оставались недееспособными. Приспособление превратилось в привычку. Экономия и культура выживания в бедности определяли политический и социальный ход событий.

В отличие от своих предшественников Леонид Брежнев, правивший в Кремле с 1964 по 1982 год, был озабочен не коммунистическим счастьем, а прежде всего благополучием людей. Гордо — и не без основания — он провозглашал, что с началом его руководства жизнь советских людей «стала богаче как материально, так и духовно»¹⁰. Авторитарный дискурс о прогрессе и социализме, тщательно поддерживавшийся и далее, стал застывшим ритуалом, состоявшим из бюрократической рутины, лозунгов, плакатов и публичной инсценировки. Идеология превратилась в нечто перформативное. Патерналистский социализм стал политической декорацией и лишился общественной формообразующей силы¹¹.

Это предоставляло людям больше возможностей проявлять в частной жизни свою энергию и активность, тем более, что партийное государство вместо того, чтобы насаждать

¹ Programm und Statut der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. Berlin 1961. S. 111.

² Schröder H.-H. „Lebendige Verbindung mit den Massen“. Sowjetische Gesellschaftspolitik in der Ära Chruščev // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 34/1986/ S. 523–560. — Merl S. Entstalinisierung: Reformen und Wettlauf der Systeme // Stefan Plaggenborg (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 5, 1945–1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion. Stuttgart 2001. S. 175–318, особенно S. 238–272.

³ Kelly C. Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford 2001. P. 321–367. — Field D.A. Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia. New York u.a. 2007. — LaPierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia. Defining, Policing and Producing Deviance during the Thaw. Madison 2012.

⁴ Грушин Б. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. М., 2001. С. 545.

⁵ Gestwa K. „Kolumbus des Kosmos“. Der Kult um Jurij Gagarin // Osteuropa, 10/2009. S. 121–152. — Anding K. Agent des Fortschritts. Wissens- und Diskursstrukturen am Beispiel Jurij Gagarins. München 2012. — Jenks A.L. The Cosmonaut who couldn't stop smiling. The Life and Legend of Yuri Gagarin. Dekalb 2014.

⁶ Josephson P.R. Atomic-Powered Communism. Nuclear Culture in the Postwar USSR // Slavic Review, 2/1996. S. 297–324.

⁷ The Dilemmas of De-Stalinization. A Social and Cultural History of Reform in the Khrushchev Era. Polly Jones (Hg.). New York 2005. — Kozlov D., Eleonory Gilburd E. (Hg.). The Thaw. Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s. Toronto 2013. — De-Stalinisation Reconsidered. Persistence and Change in the Soviet Union. Bohn Th. M., Einax R., Abeßer M. (Hg.). Frankfurt/Main 2015.

⁸ Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas. Perović J. (Ed.): Basingstoke 2017.

⁹ Platt K.M.F., Nathans B. Socialist in Form, Indeterminate in Content: The Ins and Outs of Late Soviet Culture // Ab Imperio, 2/2011. P. 301–324.

¹⁰ Breschnew L. Rechenschaftsbericht des Zentralkomitees der KPdSU, in: Dokumente und Resolutionen. XXV. Parteitag der KPdSU. Moskau 1976. S. 4. — Schattenberg S. Leonid Breschnew. Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins. Eine Biographie. Köln u.a. 2017.

¹¹ Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton 2006.

унификацию приватной сферы, допускало растущее социокультурное многообразие. Советские граждане все больше уходили во внутреннюю эмиграцию. Дачи, автомобили и поездки в отпуск (впрочем, доступные не всем) позволяли пользоваться приятными новшествами индустриальной современности¹. С 1966 по 1977 год Советский Союз достиг «максимума того», на что был способен. Это была «вершина “советского”», потому что уже вскоре оказалось, что московское партийное государство хозяйствует не по средствам, и руководство, и население подстраивали свою жизнь под наступающий – после бурной фазы догоняющего развития – застой, жизнь на «стоянке» истории².

При «зрелом социализме» позднего Советского Союза общность и сплоченность людей основывались уже не на принадлежности к партии или классу, а на знакомствах и профессиональных, а также неформальных связях. Происходила дифференциация социальных сред и идентичностей³. К тому же культура и медиа все критичнее рассматривали противоречия и дефициты советской реальности. В 1970-е статус Советского Союза как супердержавы представлялся утвердившимся как никогда прежде, социалистический лагерь имел самую большую протяженность, однако уверенность в способности партийного государства к прогрессу и развитию уже начала разрушаться⁴.

¹ Lovell S. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca 2003. P. 163–208. – Gatejel L. Warten, hoffen und endlich fahren. Auto und Sozialismus in der Sowjetunion / Rumänien und der DDR (1956–1989/91). Frankfurt/Main 2014. – Gorsuch A.E. All this is your World. Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin. Oxford 2011. – Noack Ch. Brezhnev's „Little Freedoms“. Tourism, Individuality, and Mobility in the Late Soviet Period / Fainberg D., Kalinovsky A.M. (Hg.) Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era. Ideology and Exchange. Lanham 2016. P. 59–76.

² Dubin B. Gesellschaft der Angepassten. Die Brezhnev-Ära und ihre Aktualität // Он же. Das Unmögliche leben. Studien, Essays, Erinnerungen. Berlin 2013. S. 105–119.

³ Gorlicki Y. Too Much Trust. Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brezhnev // Slavica Review, 3/2010. S. 676–700. – Fürst J. Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s / Siegelbaum L.H. (Hg.) Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia. Basingstoke 2006. P. 229–249. – Он же. Josie McLellan (Hg.). Dropping out of Socialism: Alternative Cultures and Lifestyles in the Soviet Bloc. Lexington 2016. – Belge B. Klingende Sowjetmoderne. Eine Musik- und Gesellschaftsgeschichte des Spätsozialismus. Köln u.a. 2018.

⁴ Goldenes Zeitalter der Stagnation? Perspektiven auf die sowjetische Ordnung der Brezhnev-Ära. Belge B., Deuerlein M. (Hg.). Tübingen 2014. – Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era. Ideology and Exchange. Fainberg D., Kalinovsky A.M. (Hg.). Lanham 2016. – Trust and Distrust under State Socialism, 1953–1991. Tichomirov A. (Hg.) // Journal of Modern European History, 3/2017.

Взгляд диссидентов: От энтузиастов к оппортунистам

Хотя ученые продолжали распространяться на тему «личности социалистического типа»⁵, болтовня о «новом человеке» давно превратилось в клише. В 1982 году логик и социолог Александр Зиновьев (1922–2006), который за четыре года до этого был выдворен из Советского Союза, представил язвительный автобиографический роман-коллаж *Homo Sovieticus*. Его темы – противоречия советской реальности и сложное взаимодействие между авторитарной партийной властью и приспособлением отдельного человека.

Зиновьев, этот «дизайнер парадоксов» (Philipp Hanson), «беспощадной и бескомпромиссной критикой» (Лев Митрохин)⁶ самым решительным образом поставил вопрос: чем должен характеризоваться человеческий тип, который породило советское общество? В то время как сталинская эпоха с ее предписанным энтузиазмом представляла собой «беспрецедентный в истории культурный, духовный и творческий подъем огромных народных масс», когда каждому индивиду была предоставлена возможность «влииться в какую-нибудь речушку большой истории», тусклая нормальность позднего застойного социализма оказалась «убожеством, серой посредственностью, безнадегой»⁷.

Зиновьев демонстративно использует понятие *homo sovieticus* (в смысле, далеком от социальных утопий раннего Советского Союза) как знак негативной идентичности. Вместо «сверхчеловека» партийное государство создало народ оппортунистов, нытиков и циников, которые не чурались никаких средств, чтобы уклониться от чрезмерных несправедливых требований советской жизни и полностью отдался исполнению своих материальных желаний. Коррумпированные и деморализованные системой советские граждане поэтому без зазрения совести пользовались созданной постсталинским партийным государством системой социального обеспечения и здравоохранения, а также гарантиями работы, правом на отдых⁸.

⁵ Смирнов Г. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. Москва, 1971.

⁶ Hanson Ph. Alexander Zinoviev on Stalinism. Some Observations on „The Flight of Our Youth“ // Soviet Studies, 1/1988. P. 125–135, здесь P. 134. Fn. 1. – Mitrokhin L.N. On the Zinov'ev Phenomenon // Russian Social Science Review, 1/2009. P. 61–93, здесь P. 61.

⁷ Sinowjew A. Homo Sovieticus. Roman. Zürich 1984. S. 305f. [Зиновьев А. Гомо советикус. 1982 г.]

⁸ Müller. Topos des Neuen Menschen [сн. 22]. S. 251f., 298f. – Bauer S. Lenin spannt aus. Alexander Sinowjews „Homo sovieticus“ – eine mehrfache Provokation // Zeithistorische Forschungen, 11/2014. S. 485–492.

Гротескная и мозаичная проза Зиновьева изображает крайне изобретательную диалектику безделья и непокорности советского человека, которого он в полном восторге и в ужасе характеризует как «гомососа», то есть в буквальном смысле кровопийцу. *Homo sovieticus* у Зиновьева — несговорчивый и подобострастный, нетерпимый и самоуверенный, не требующий особого ухода и живучий. В своем социальном поведении он руководствуется преимущественно не убеждением и энтузиазмом, а собственным интересом, и это в конечном счете приводит его к «самозакрепощению»¹. Возникший таким образом «тоталитаризм снизу» позволяет Зиновьеву подчеркивать необратимость исторического развития Советского Союза, прогнозировать его долговечность. Его сведение счетов с реальным социализмом хорошо вписывалось в тогдашний образ советского общества на Западе. Он изобразил социалистическое партийное государство как систему, которая своими механизмами коллективизации и уравниловки подавляла индивидуальную волю к достижению, вырастив общество оппортунистов и бездельников, единственное в своем роде во всемирной истории².

Похожий критичный диагноз, укрепивший образ советского общества на Западе, высказал литературный критик Андрей Синявский (1925–1997), тоже советский диссидент, расправившийся как с анахронизмом с навязанным каноном социалистического реализма. Под псевдонимом Абрам Терц он опубликовал литературные произведения, вызвавшие большой интерес. За них Синявский в 1966 году был приговорен к семи годам трудовых лагерей. В 1973-м он эмигрировал в Париж. Там в большом труде, вышедшем в 1989-м, он рассмотрел историю советской мечты о «новом человеке», проследив ее вплоть до ее мнимой реализации, которая — таким был его вывод — превращается в «трагический фарс» из-за вечного дефицита, порождаемого советскими социальными структурами. Советский образ жизни «строится в безлюдной пустыне, где нет ни личности, ни общества, а только лишь — государство»³. Советский человек стал двуличным благодаря смещению лояльности, оппортунизма, неуве-

ренности, своенравия и цинизма, из-за смеси купленного или принудительного одобрения человека, сформированного как лояльностью и оппортунизмом, так и своенравием, неуверенностью и цинизмом. Синявский характеризовал Советский Союз как «государство ученых», в котором господствует маленькая группа специалистов и функционеров. В то же время он видел в партийном государстве «церковь без бога, оформленную соответствующей иерархией»⁴. Поскольку руководство СССР претендовало на то, чтобы осчастливить мир собственным стремлением к будущему господству, Синявский определял советскую цивилизацию как «самое провокативное и угрожающее явление двадцатого века»⁵.

Левая: *homo sovieticus* и распад СССР

Книга Синявского появилась, когда Михаил Горбачев, «генеральный диссидент»⁶, в 1985 году переместившийся в Кремль, начал сталкиваться со все большими трудностями в своей амбициозной политике реформ перестройки и гласности, во многих областях не имевшей успеха⁷. СМИ и деятели культуры, отпущенные с повода цензуры, заглянули за кулисы изолгавшейся политики. Они безжалостно обнажали общественные катастрофы и неурядицы. Сквозь советское общество прошел импульс такой силы, что оно политизировалось как никогда⁸. При этом многие советские граждане, оказавшиеся в головокружительном водовороте беспрестанных сенсационных разоблачений, перестали понимать, во что верить. Опыт политической и культурной шоковой терапии привел к тому, что, как вспоминает собеседница Светланы Алексиевич, многие перестали воспринимать критическую информацию, дистанцируясь от репортажей как от «невообразимого ужаса», зато стали воспринимать «правду как врага», все больше чувствуя «раздражение от свободы»⁹.

⁴ Там же. С. 376. В этом высказывании Синявский отталкивается от книги советского историка и диссидента Михаила Восленского. Он описывал Советский Союз как эксплуататорское общество, диктаторски управляемое паразитарной номенклатурой. *Voslenskij M.S. Nomenklatura. Die herrschende Klasse der Sowjetunion.* Wien 1980 [рус. *Восленский М.* Номенклатура. М.: МП «Октябрь» — Советская Россия, 1991; *Восленский М.* Номенклатура. М.: «Захаров», 2005. 640 с.].

⁵ *Sinawskij, Traum* [сн. 4]. С. 7.

⁶ *Ibid.* С. 383.

⁷ *Altrichte H. Russland 1989. Der Untergang des sowjetischen Imperiums.* München 2009.

⁸ *Gestwa K. Von der Perestroika zur Katastroika. Michail Gorbatschow und der Zerfall der Sowjetunion // Einsichten und Perspektiven,* 1/2016. S. 22–33 und 2/2016. S. 4–25.

⁹ *Alexijewitsch. Secondhand-Zeit* [сн. 8]. С. 11 и далее.

¹ *Hanson Ph. Soviet State and Society. Alexander Zinoviev: Totalitarianism from Below // Survey,* 1/1982. P. 29–48.

² *Alexander Zinoviev as Writer and Thinker.* Hanson Ph., Kirkwood M. (Hg.). Basingstoke 1988. — *Kirkwood M. Alexander Zinoviev. An Introduction to his Work.* Basingstoke 1993. — *Schmid U. Die Kritik der reinen Unvernunft. Zum Tod des sowjetischen Dissidenten Aleksandr Zinov'ev // OSTEUROPA,* 5/2006. S. 145–146.

³ *Sinjawskij. Der Traum* [сн. 4]. С. 272.

В стремительно нарастающем процессе унижения и фрустрации *homo sovieticus* мутировал в «совка». Это понятие, ставшее популярным в конце 1980-х, имело уничижительный смысл. Двойственный смысл подобной самохарактеристики буквально втапывал в грязь традиционную идентичность советского человека, вызывая острый аффект в форме мазохистского самоунижения¹.

В это время подъема и перемен, выходящих из-под контроля, многократно воспетый *wind of change* привел к позднему расцвету до тех пор хронически недофинансировавшейся социологии. Ему сопутствовало первое основательное научное исследование *homo sovieticus*². Основанный в 1987 году Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) должен был прежде всего проводить репрезентативные опросы общественного мнения, чтобы выявлять, насколько велика была готовность советского общества к демократическим переменам. Между 1989 и 1991 годами люди отвечали на вопросы анкет, включавшие более 100 вопросов (каждый раз по стандартной выборке: 2700 респондентов, представлявших регионы и республики Советского Союза), которые выявляли установки и ценностные ориентации в работе и семье, религии и традиции, любви и власти. Задавались и вопросы о политических убеждениях и ожиданиях. Тем самым впервые были получены социологические данные, репрезентативные для населения страны, что позволило построение эмпирически надежной социогаммы *homo sovieticus*³, выходящей за рамки суждений личного опыта, прочитанного и размытых оценок.

Анализ и интерпретация полученных данных были проделаны исследовательской командой Юрия Левады, а сделанные на их основе общественные прогнозы опубликованы в книге «Советский простой человек»⁴. Команда Левады обращалась к фатальным политическим ошибкам реформаторов, обнажала турбулент-

ность политики перестройки и констатировала, что, несмотря на все актуальные проблемы, другой альтернативы, кроме большей демократии, толерантности и эмансипации, нет⁵.

Команда Левады полагала, что длившаяся более семи десятилетий практика советского партийного государства сформировала особые личностные структуры. Для антропологического типа советского человека характерны «вынужденная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия и имперский синдром»⁶. Советский Союз рухнет не столько из-за внешних процессов и факторов, сколько из-за выхода на свет внутренних разломов своего государственного и общественного порядка⁷.

Незадолго до распада СССР команда Левады отметила, что исход демократического развития, запущенного политикой реформ Горбачева, носит открытый характер. Изначально группа исследователей исходила из того, что с крахом советского режима уйдет и *homo sovieticus*, потому что молодые люди лишь условно перенимают советские идеалы, нормы и установки. Они надеялись, что освободившийся от принуждения советского общества человек станет другим и будет формировать себя и другую действительность в соответствии со своими надеждами и ожиданиями перемен. Но скепсис перевешивал в социальных прогнозах уже в 1990-х, поскольку «официальные структуры [...] меняются быстрее, чем их фундамент»⁸. «Среднестатистический человек», выделяемый в опросах, со своими советскими способами жить и думать еще долгое время будет пытаться найти собственное место в быстро меняющемся мире. Как «глубоко фрустрированное существо» советский человек, пишут авторы, объединяет в себе чувство превосходства и исключительности с комплексом неполноценности и синдромом обиды.

Хотя он и отбрасывает «с радостной готовностью социалистическую фразеологию», но в собственной приверженности «патерналистско-тоталитарному порядку» настойчиво верит,

¹ Lewada J. Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls. Berlin 1993. S. 17. — Schumatsky B. Der neue Untertan. Populismus, Postmoderne, Putin. Salzburg, Wien 2016. S. 42.

² О переменчивой истории социологии в Советском Союзе см.: Ahlberg R. Sowjetgesellschaft im Epochenwandel. Studien zur Selbstaufklärung der sowjetischen Gesellschaft in der Zeit der Perestrojka, 1985–1990. Frankfurt/Main 1992. — Weinberg E. Sociology in the Soviet Union and Beyond. Social Inquiry and Social Change. London 2004.

³ Имеется в виду программа социологических исследований Центра «Советский человек», первая волна которых была проведена в 1989 году.

⁴ Левада Ю. и др. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

⁵ Lewada. Sowjetmenschen [сн. 90]. — Gestwa K. Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen // Zeithistorische Forschungen, 2/2013. S. 331–341. См. пер. на рус.: Гества К. Хомо советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4. С. 30–35.

⁶ Lewada. Sowjetmenschen [сн. 90]. S. 26.

⁷ Dubin B. Late Soviet Society in the Sociological Writings of Yuri Levada from the 1970s // Sociological Research, 4/2012. P. 28–43. — Gessen M. The Future is History. How Totalitarianism Reclaimed Russia, 2017. P. 58–66.

⁸ Lewada. Sowjetmenschen [сн. 90]. S. 300.

что сможет «возложить миссию спасения народа на лидеров новых политических течений»¹.

После распада Советского Союза Левада вынужден был констатировать, что многие из его скептических прогнозов оправдались. В апреле 2004 года он с большим разочарованием писал, что, когда советского человека освободили, он побежал назад, причем не только во вчерашний, но в позавчерашний день². Когда в 2006 году Левада умер, руководителем Центра по изучению общественного мнения («Левада-Центр») стал социолог и философ Лев Гудков. Невзирая на козни властных органов и политическую диффамацию в качестве «иностранный агента», «Левада-Центр» продолжает исследования, являясь важной трибуной общественно-го самопознания. В репрезентативных опросах исследователи общественного мнения раз за разом констатируют, что, хотя люди очень недовольны своим государством, жалуются на широко распространенную коррупцию, это недовольство не переходит в политическое действие. Очевидно, люди не избавились от каиновой печати советского авторитаризма. Структура их личности все еще несет отпечатки сильной зависимости от государства и социального инфантилизма, оппортунизма и цинизма, а также негативных мобилизации и идентичности. В связи с этой сохранившейся «верноподданнической культурой»³ *homo putinicus*⁴ во многих отношениях предстает как прямой наследник *homo sovieticus*. Советские нормы и практики, которые как ментальные и поведенческие свойства и привычки слоями отложились в сознании людей в России (включая тех, кто родился после 1991 года), оказываются причиной и следствием блокировок модернизации, которые не дают им разрушаться, а репродуцируются «путинским синдикатом» для удержания своей власти⁵.

Проблематика сопереживающих современников

Описанный Левадой антропологический тип советского человека как аналитическая категория и социальный диагноз вносит вклад

в понимание советского и российского общества. Произведение Светланы Алексиевич предлагает «литературно-эстетический» эквивалент этой работы⁶. Она тоже отмечает глубоко укорененные личностные структуры «людей, которые накрепко срослись с идеей социализма» «и лишь медленно просыпались от наркоза идеи»⁷. Поначалу все были «опьянены свободой», но «не готовы к свободе»⁸. Ни литературная антропология Алексиевич, ни социологическая аналитика «Левада-Центра» не прошли незамеченными исследовательским сообществом историков. Например, недавно историк из Майнца Ян Кусбер отметил, что советский социализм «утратил всякую привлекательность как модель политического устройства». При этом наблюдаемый с 2014 года сильнейший пропагандистский напор и форсированный патриотический накал свидетельствуют, что «наследием Красного октября [остаются] авторитарно-имперские институты и менталитет “советского человека”»⁹.

Суждения Алексиевич, Левады и Гудкова обретают особый вес благодаря тому, что их авторы – свидетели, и эти «исследователи человека» оказываются в привилегированной познавательной позиции. Алексиевич цитирует одного из своих собеседников: «Только советский человек может понять советского человека»¹⁰. Помимо этого особый ореол их заключениям придают нравственная безупречность и моральный авторитет: Алексиевич, Левада и Гудков сделали себе имя как борцы за демократическое общество. Восхищение, с которым их работы встречают именно за рубежом, не в последнюю очередь вызывает то, что социологически фундированный и литературно эстетизированный проекты во многом отвечают ожиданиям и оценкам западных читателей¹¹. В связи с этим публицист Соня Марголина критически отмечает, что работы Левады и его команды «скорее “заглатываются”, чем понимаются»¹². Миша Габович говорил даже о «вредящем познанию поклонении», потому что академический цех на Западе опасается подвер-

¹ Ibid.

² Цит. по: Mrowczynski R. Zum Tod von Juri Alexandrowitsch Lewada // Russland-Analysen, 119/2006. S. 15–16, здесь S. 16.

³ Makarenko B. Repressionsindolenz. Politische Kultur und autoritäre Herrschaft in Russland // Osteuropa, 8/2014. S. 113–120, здесь S. 115.

⁴ Eidman I. Die Russen werden sich nicht ewig ducken // NZZ, 22.11.2016, <<https://nzz.ch/meinung/kommentare/aufstieg-und-fall-des-homo-putinicus-die-russen-werden-sich-nicht-ewig-ducken-ld.129623>>.

⁵ Gudkov L. Wahres Denken [сн. 27]. – Mommssen M. Das Putin-Syndikat. Russland im Griff der Geheimdienstler. München 2017.

⁶ Schlögel K. Lev Gudkov oder die Schule der Soziologen / Gudkov, Wahres Denken [Fn. 27]. S. 289–294, hier S. 291.

⁷ Alexijewitsch, Secondhand-Zeit [Fn. 8]. S. 10 u. 12.

⁸ Ibid. S. 13.

⁹ Kusber J. Was nach hundert Jahren bleibt. Russland und der Rote Oktober 1917, in: Osteuropa, 6–8/2017. S. 231–241, hier S. 231 u. 241.

¹⁰ Alexijewitsch, Secondhand-Zeit [Fn. 8]. S. 11.

¹¹ Schröder H.-H. Tiefste Barbarei“, „höchste Civilization“. Stereotypen im deutschen Russlandbild // Osteuropa, 10/2010. S. 83–100.

¹² Margolina S. Dialogstörung als Norm. Levada & Co. als einsame Rufer in der Wüste // Osteuropa, 1/2008. S. 17–20, hier S. 20.

гать критической проверке безусловно впечатляющие с научной точки зрения определения советского человека, хотя именно в России они годами оживленно дебатуются¹.

Однако афоризм, что очевиден — злейший враг историка, не утратил значимости. Личный опыт может заострить взгляд, но может и исказить его. Он часто ведет в интерпретации объекта к смещению «эмпирических данных, теории общества и моральных ценностных суждений»². Включенность современника в само действие и пересечение разных плоскостей дискуссии должны с теоретико-познавательной точки зрения вновь и вновь подвергаться рефлексии, как это неоднократно делают сами Алексиевич, Левада и Гудков. Поэтому их произведения дают материал для существенных возражений против их же собственных интерпретаций, которые нельзя оставлять без внимания.

Грубая сетка и слепые зоны

Использование концепта советского человека в разных значениях представляется большой проблемой. Так, в одном случае речь идет об «антропологическом типе»; этому человеку приписывается сознание и ментальность. В другом, в перспективе общества, речь идет о «точке нормативной ориентации», а в следующем, эвристическом, смысле — об «идеально-типическом конструкте» в исследовательской перспективе³. Такая многозначность, связанная с различными методологическими подходами, ведет к недоразумениям и нечеткостям⁴.

Лучше всего, и на это в последнее время указывал Гудков, интерпретировать *homo sovieticus* как генерализирующую абстракцию в смысле диагноза общества, чтобы понимать социальное действие и мышление с точки зрения их культурного значения. Для этого Алексиевич, Левада и Гудков переводят наблюдаемые действия, позиции и установки в идеализированную, но логически когерентную систему высказываний. Они выделяют предполагаемое общее в многообразных, часто противоречивых эмпирических феноменах, чтобы лучше ухва-

тить в ходе описания и анализа неопределенность предмета, подлежащую изучению, его непрозрачность. Цель этого — упорядочить множественность опыта и таким образом преобразовать социальную и историческую вариативность в социологически или литературно релевантное значение.

Согласно Гудкову, приписанный советскому человеку типичный набор качеств обнаруживается у 35–40% населения России. Эта группа представляет твердое ядро описываемого типа и обеспечивает «нормозадающую релевантность». У 55–60% людей эти личностные характеристики выражены слабее, но они могут активизироваться «во времена общественного возбуждения и мобилизации, вызываемой агрессивной пропагандой». Созданный таким образом общественный консенсус повышает одобрение правительственного курса. Так, это происходит с 2014 года после аннексии Крыма. Гудков признает, что в российском обществе есть и другие антропологические типы, которые носят определяющий характер для конкретных институтов и социальных групп. Но они не обладают «фундаментальным значением» для общества в целом, поэтому остаются маргинальными и нишевыми феноменами, тем более что им не хватает привлекательной ролевой модели, на которую могли бы ориентироваться большие социальные группы⁵. Однако именно исторические исследования доказали, что подобные второстепенные явления и небольшие зоны разрыва часто оказываются превосходными средствами, стимулирующими понимание того, что же скрепляло общественную жизнь, а что ее разъединяло⁶.

Но, когда Левада и Гудков посредством макросоциологической абсолютизации объявляют типическими способы мышления и действия, установки и позиции, которые обнаруживают в советском и постсоветском обществе, они помещают своего «советского человека» в «функционалистскую смирительную рубашку»⁷ классических социальных исследо-

¹ Gabowitsch M. Wissenssoziologie statt Weihrauchschwenken. Selbstverschuldete Rezeptionshürden der Levada-Schule // OSTEUROPA, 2/2008. S. 33–52, HER S. 34.

² Ibid. S. 35.

³ Есть определенные привязки к концепту «авторитарной личности» Теодора В. Адорно. Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt/Main 1973. — *Fahrenberg J., M. Steiner J.M.* Adorno und die autoritäre Persönlichkeit // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 56/2004. S. 127–152.

⁴ Gabowitsch. Wissenssoziologie [сн. 108]. S. 43.

⁵ Gudkov. Der Sowjetmensch [Fn. 27]. S. 23f.

⁶ Fürst J. The Importance of Being Stylish. Youth, Culture and Identity in late Stalinism, Fürst J. (Hg.) Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention. London, New York 2006. S. 209–231. — Ders. Between Salvation and Liquidation: Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society // Slavonic and East European Review, 2/2008. P. 232–258. — На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики 1945–1960-е гг. / Под ред. Е. Зубковой, Т. Жуковой. Москва, 2010.

⁷ Gabowitsch. Wissenssoziologie [сн. 108]. S. 49.

ваний¹. Если взгляд направлен только на предположительно центральный *modus operandi* общества в целом, то скрываются разнообразие и неопределенность человеческого действия, а также принципиальная открытость исторических ситуаций и социальных процессов. Характерным для подобного познавательного интереса предстает обращение с данными собственных стандартных опросов. С конца 1980-х команда Левады в основном представляет результаты, полученные в опросах, для изучения их концепта советского человека в агрегированном, обобщенном виде. Слишком редко за этим следуют распределения по возрасту, профессии, региону, полу и другим параметрам². Поэтому нюансы и значимые полутона общественного мнения часто проскакивают сквозь грубую сетку репрезентативных для страны выборок³. Кроме того, не учитывается высокая доля людей, отказывающихся участвовать в опросах. Как следствие, закрепившийся с конца 1980-х образец сбора данных раз за разом дает весьма идентичные результаты обследования, а интересные процессы, которые намечаются в определенных средах и группах, захватываются столь же мало, как и другие содержательные, сложные и амбивалентные проявления мнений, требующие дальнейшего объяснения⁴.

Как известно, идеальный тип доказывает свою аналитическую пользу в особенности в том случае, когда нельзя достичь покрытия изучаемой социальной действительности, тождественного ей. Поэтому некоторые начали замерять «мертвый угол социологического зеркала заднего вида»⁵, которое внутренне присуще социогамме советского человека, ставшей самореференциальной. Вот почему Мария Липман подчеркивает относительность тезиса Гудкова об «инертности пассивного приспособления». Хотя и она подтверждает, что верноподданническая государственная политическая культура, насаждаемая сверху «репрессивная стабилизация»⁶ широко принимается снизу. Поэтому, особенно по сравнению с общим недовольством, таким невысоким

оказывается политическое участие и критика режима. Тем не менее, пишет Липман, российское общество ни в коем случае не бездейственно, даже если оно чаще всего избегает прямой конфронтации с политической системой. Протест и сопротивление проявляются среди российских граждан прежде всего тогда, когда собственное благополучие оказывается под угрозой из-за неправомерного вмешательства непосредственно в их жизненный мир. Беспрецедентное уничтожение парков, близлежащих мест отдыха, исторических зданий, принудительное городское планирование, строительные проекты и другие административные действия властей негативно воспринимаются населением, провоцируют все новые и новые протесты на местах. На этом фоне выстроенная Кремлем вертикаль власти не может и не хочет пресекать формирование горизонтальных сетей в обществе и политическую самостоятельность населения⁷.

Кроме того, пишет Липман, в России существует значительная культурная и социальная благотворительная активность, направленная на хотя бы частичное преодоление существующего неблагополучия. Периодически удается организовать общественное давление, чтобы склонить государственные учреждения к сотрудничеству и таким образом продвигать новые стандарты в здравоохранении, образовании и социальной работе. Вопреки политическим блокировкам и репрессиям «все же четверть века постсоветского развития не пропали втуне для социальной модернизации» в России, пишет Липман. «Сегодня население куда лучше владеет навыками социальной кооперации и общественной организации», чем прежде. Правда, население отстраняется от политической оппозиции, но оно все же не совсем отказалось от притязаний на участие в формировании судеб страны и лучших общественных условий. Поэтому речь может идти о приспособлении, но не о пассивности⁸.

Такое заключение об актуальной ситуации соответствует новейшим знаниям о постсталинском обществе. Частная, личная инициатива и изобретательное взаимодействие с государственными учреждениями демонстрировали социальную динамику, невзирая на стагнацию системы. В сегодняшней России, в отличие от позднего Советского Союза, жиз-

¹ Точно формулирует это Соня Марголина. Она указывает, что, «когда на Западе Вебер уже стоял в шкафу классиков», для Левады & Co. он был как «Руководство по применению». *Margolina. Dialogstörung* [сн. 107]. S. 19.

² *Gestwa. Homo Sovieticus* [сн. 92]. S. 341.

³ *Bidder. Generation Putin* [сн. 54]. S. 223 и далее и 231.

⁴ *Lipman M. Angepasst, aber nicht passiv. Anmerkungen zu Lev Gudkovs Gesellschaftsinterpretation / Gudkov L. Wahres Denken* [сн. 27]. S. 301–307, здесь S. 302.

⁵ *Gabowitsch. Wissenssoziologie* [сн. 108]. S. 50.

⁶ *Mommsen. Putin-Syndikat* [сн. 100]. S. 110.

⁷ *Gabowitsch M. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur*. Berlin 2013. – *Greene S.A. From Boom to Bust: Hardship, Mobilization and Russia's Social Contract // Daedalus* 2/2017. P. 113–127.

⁸ *Lipman. Angepasst* [сн. 118]. S. 307.

ненные стили не регламентированы, потребление свободно, а экономическая самостоятельность возможна. Благодаря новым формам коммуникации, информации и мобильности российское общество сегодня куда более открыто, чем до 1991 года, горизонт российских граждан намного шире, чем раньше. В настоящее время существуют гораздо больше возможностей обустроить свою частную жизнь по собственному желанию, не завися при этом от государства, чем прежде¹.

Кроме того, во время болезненной фазы трансформации 1990-х многие русские обрели опыт, показывающий, что они могут обустроить свою жизнь и без государственной помощи и в любой момент взять ее в свои руки. Это усиливало уверенность в себе и способствовало тому, что многие сегодня используют шанс, чтобы «освободиться от большой истории» и просто жить без «большой идеи», это, кстати, наблюдает и Алексиевич. Тем самым давно уже «малое стало большим»².

Таким образом, многое указывает на то, что фундаментальное изменение социальных институтов, последовавшее после структурного слома советской современности в 1991 году, не прошло бесследно для советского человека. Расширившиеся возможности социализации и индивидуализации смыкаются с давно идущими изменениями, развитием и усиливают их.

Проблематика собирательного понятия

В связи с нарастающей сложностью советского общества, которая обнаруживала себя еще до 1991 года в формировании множественных идентичностей и в культурном многообразии, Светлана Алексиевич обращает особое внимание на то, что *детали и свободы — это то, что делает нашу жизнь реальной [...]. Достоверность, аутентичность возникает благодаря множеству взглядов и пониманий*³.

Однако осознание этого не мешает Алексиевич пользоваться в интервью проблемным собирательным понятием, когда она подчеркивает, что в России «из индивидов испекли коллективное тело»⁴, и говорит о возвращении

«старого рабского сознания», «которое очевидно из нас не выбить»⁵.

Алексиевич сильнее интересуется структурами, чем изменениями. В своем мастерском повествовании о непрерывном авторитарном дискурсе она исходит из того, что, сколь бы ни развилась советская современность, индивид, проникнутый сталинистскими императивами и находящийся во власти жесткой системы ценностей, следует лишь одному социально-нормативному сценарию. Поэтому структура его личности, как представляется, осталась неизменной. Произшедшая (вместе с насильственной советской модернизацией) деформация общества и души предстает в таком случае неисцелимой⁶.

В марте 2015 года после аннексии Крыма и радикализации политических и общественных настроений в России Алексиевич обвинила Россию в «возвращении к губительным временам» и недоумевала, «с какой легкостью люди скатились назад к старым образцам жизни» и Россия со своим национализмом и милитаризмом вновь приняла «естественное состояние» воюющей супердержавы. Алексиевич использовала выражение «прошлое нас еще нагонит», чтобы подчеркнуть невозможность для русских выйти из колеи советской истории⁷.

Таким образом, макросоциологический конструкт советского человека превращается в телеологически направленный функционалистский подход и в эссенциалистское объяснение. Последнее раз за разом служит обоснованием тревожных процессов в российском обществе посредством «диагноза» врожденного дефекта советской современности⁸. Советскому человеку вместе с этими «догмами» о невозможности уйти от прошлого и его неизменяемости ставится «безнадежный диагноз»⁹.

Для исторической науки такой образец интерпретации представляется слишком упрощенным. Историки как эксперты по общественному изменению должны сфокусироваться на социальных и ментальных структурах, которые толкуются как неизменные, чтобы выявить допущения и упрощения, лежащие в основе этих интерпретаций. Исторические исследования выработали восприимчивость к тому,

¹ Ibid. S. 305.

² *Alexijewitsch*. Secondhand-Zeit [сн. 8]. S. 10.

³ *Alexijewitsch* S. Dank der Preisträgerin // Ilma Rakusa, Andreas Tretner: Leipziger Buchpreis zur Europäischen Verständigung 1998. Ansprachen aus Anlass der Verleihung. Frankfurt/Main 1998. S. 27–33, здесь S. 28 и далее.

⁴ Die Russen ertragen keine Freiheit. Ein Gespräch mit der Literaturnobelpreisträgerin Swetlana Alexijewitsch. FAZ, 30.11.2015, <<http://faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/autoren/literaturnobelpreistraegerin-swetlana-alexijewitsch-im-interview-13936028.html>>.

⁵ Rückfall in unselige Zeiten. Ein Gespräch mit der Schriftstellerin Swetlana Alexijewitsch. NZZ, 24.3.2015, <<https://nzz.ch/feuilleton/rueckfall-in-unselige-zeiten-1.18501579>>.

⁶ См. к этому критику: *Krylova*. Soviet Modernity [сн. 59]. P. 178. — Она же. Imagining Socialism [сн. 59]. P. 340.

⁷ Rückfall in unselige Zeiten [сн. 127].

⁸ *Gabowitsch*. Wissenssoziologie [сн. 108]. S. 41f.

⁹ *Bidder*. Generation Putin [сн. 54]. S. 217.

чтобы, рассматривая социальную реальность, учитывать ее многообразие и противоречивость, а также мимолетность и взрывной потенциал сопротивления. Наряду с этим историки в последнее время стараются преодолеть использование традиционных дихотомий, структурирующих мышление, но и ограничивающих его, чтобы освободиться от предпосылок, которые зачастую направляют их анализ¹.

В социограмме советского человека обращает на себя внимание внутренне присущий ей культурный бинарный код: авторитарному, оппортунистическому, ориентированному на коллектив человеку противостоит современный, ответственный индивидуалистичный тип личности². Эта дихотомия спорна. *Homo sovieticus*, следуя дефиниции, укоренен в цивилизационном дискурсе. В этой логике идеализированному Западу противопоставляется особое положение Советского Союза и России, тем самым актуализируется парадигма отсталости, унаследованная еще из XVIII и XIX веков³.

Это вызывает критику. Соня Марголина писала: «Ценности, которые московские “левадинцы” хотят видеть на Западе чистыми и неизменными во времени, “только на звездном небе представляются вечными”»⁴. Не в последнюю очередь свидетельствует тому — мощный подъем авторитарного правого популизма в Западной Европе и Северной Америке. Это наблюдение поднимает вопрос: только ли исторически обусловленные дефекты демократии российского общества и неуверенность, вызванная форсированной глобализацией, приводят к тому, что кремлевская патриотически-популистская повестка дня, осуществляемая сверхсовременными коммуникативными и манипулятивными средствами, находит в обществе активный отклик? Чтобы убедительно ответить на этот вопрос, требуются международные сравнительные исследования. Они помогают глубже объяснить, какую, собственно, роль играет зависимость от исторической колеи в соотношении с актуальными проблемами.

Пока не появятся систематические сравнительные исследования, отсылка к уникальности *homo sovieticus*, которая выводится из предпола-

гаемого исторически обусловленного особого положения советского и российского общества, будет оставаться «не фальсифицируемым догматом веры»⁵. Некоторые исследования дают повод не так уж настойчиво подчеркивать часто полагаемую пропасть между ценностями Востока и Запада. Если внимательно присмотреться, при международном сравнении для России можно констатировать догоняющее развитие, но не особый путь⁶.

Лежащая в основе социограммы дихотомия Восток — Запад таит опасность застрять в ловушке отсталости: если идеализированная ментальная зрелость западного либерального субъекта становится нормативной точкой соотнесения, служащей доказательством незрелости *homo sovieticus*, такой социологически выстроенный антропологический тип служит выявлению неполноценной модерности России и поиску причин этого в структуре личности людей. Однако и сам Левада критиковал эту дихотомию Восток — Запад как «миф конфронтации», деформирующий «культурный код восприятия реальности». Гудков сходным образом говорил о «невротическом сравнении», поскольку вместе с ним воспроизводится представление, что спасение России как отстающей страны состоит в том, чтобы повернуть на западный курс развития и твердо следовать указателям. Тогда кроме этого пути существует только путь собственный, ведущий в очевидный тупик⁷.

Критики указывают, что Левада и Гудков уделяют недостаточно внимания собственным размышлениям в ходе их исследовательской практики. Так, московский журналист Виталий Лейбин критикует социограмму «советский человек» за то, что она следует вместе со своим особым человеком, измеряемым по западной планке, тезису: начатая после 1991 года политика реформ в принципе хороша, но народ, к сожалению, оказался не тот. Кто ставит в центр рассмотрения тяжелое наследие прошлого советского человека (как причину неудачи политики трансформации), тот теряет из виду, насколько неудачными в действительности были реформы 1990-х, считает автор. Только этот политический провал привел к тому, что в России начался ментальный откат и не сложилась политическая культура «открытого общества»⁸.

Если команда Левады изучает только рос-

¹ Yurchak. Everything Was Forever [Fn. 72]. S. 4–8.

² Berelowitch A. Idealtyp und analytische Kategorie. Überlegungen zum „Sowjetmenschen“ // Gudkov. Wahres Denken [сн. 27]. S. 294–300, здесь S. 297. — Krylova A. The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 1/2000. P. 119–146.

³ Die Zukunft der Rückständigkeit. Chancen — Formen — Mehrwert. Festschrift für Manfred Hildermeier zum 65. Geburtstag. David Feest, Lutz Häfner (Hg.): Köln u.a. 2016.

⁴ Margolina. Dialogstörung [сн. 107]. S. 20.

⁵ Gabowitsch. Wissenssoziologie [сн. 108]. S. 46.

⁶ Schröder H-H. Ein Land wie jedes andere in Europa. Russland und Deutschland im Wertevergleich // OSTEUROPA, 6–8/2012. S. 101–123.

⁷ Цит. по: Gabowitsch. Wissenssoziologie [сн. 108]. S. 47.

⁸ См.: Bidder. Generation Putin [сн. 54]. S. 220f.

сийское общество, то Алексиевич претендует на литературное осмысление всей постсоветской цивилизации. Как бы ни отличались жизненные пути очень разных жителей советской империи, они предстают со своей «одинаковой памятью о коммунизме товарищами по воспоминаниям», считает Алексиевич¹. Это утверждение игнорирует тот факт, что живущие в постсоветских государствах люди уже более 25 лет подвергаются различным процессам формирования идентичности. Связанная с этим форсированная национализация исторического сознания, например, на Украине, привела вместе с «декоммунизацией» собственного прошлого к возникновению больших провалов в памяти². Последние не только раскалывают украинское общество, но и ведут к тому, что обращение к советской истории превратилось в поле боя конфликтующих, политически инструментализированных толкований и мнений между двумя государствами. Политики памяти постсоветских стран тесно соотносятся друг с другом, правда, благодаря и сложившейся общности, и объявленной вражде. Поэтому речь больше не может идти об одинаковой памяти. Сегодня конфронтация часто выступает связующим звеном для сотоварищей по культуре памяти.

Притягательность и вызов

Идея *homo sovieticus* вызывает сильное притяжение со времен Октябрьской революции. На свой лад она написала историю. Изначально чрезмерно оптимистический проект сверхчеловека (целиком в духе Ницше), который сам создает свой собственный мир, уверенно пренебрегая существующими ценностями и моральными представлениями, представлял собой заманчиво зияющую пробелами формулу, позволяющую заполнять эти пробелы мечтами и чаяниями. Пробуждение и освобождение «нового человека» способствовали использованию большевизмом и сталинизмом переживаний и обретения новой веры, будоражащих людей. И то, и другое служило для режима лишь средством для подчинения общества своим целям и достижения общественного одобрения.

В ходе дальнейшего развития советский человек утратил героически-коллективистский образ, отмеченный самопожертвованием и эн-

тузиазмом, и стал превращаться в оппортуниста, ориентированного на потребление. Наблюдатели приписывали *homo sovieticus* личность, характеризующуюся политическим притворством и покорностью, а также значительной способностью приспосабливаться, — личность, сохранившуюся и после распада Советского Союза.

Homo sovieticus как антропологический тип, каким его рисуют социологи «Левада-Центра» и нобелевский лауреат по литературе Светлана Алексиевич, представляется большим вызовом для исторической науки. Как академической дисциплине ей надлежит обеспечить аналитический баланс континуальности и изменения. С одной стороны, необходимо изучать с помощью научно-исторического инструментария процессы социализации и индивидуализации, не поддающиеся полному контролю даже со стороны партии-государства. Это позволяет лучше видеть, как, невзирая на все константы, изменялись в потоке времени способы мышления и образы жизни. С другой — нужно задаться вопросом об убедительности данных и предпосылок, на основе которых команда Левады и Алексиевич делают выводы о советском человеке. Такая проблематизация помогает переосмыслить и широко известные, устоявшиеся и принятые научно-исторические схемы интерпретации.

Использование собирательного понятия (советский человек. — *Прим. пер.*) всегда составляет проблему для историка, потому что сокрытыми оказываются многообразие, текучесть и открытость общественного развития. Сколь бы фундаментальными эмпирически и выразительными литературно ни были исследования о *homo sovieticus*, связанному с ними пониманию общества и образу человека присущ редуционизм и детерминизм. Поэтому необходим более сильный акцент на противоречиях, которые обнаруживаются в трудах Юрии Левады, Льва Гудкова и Светланы Алексиевич. Они требуют объяснения. Только так можно предотвратить ситуацию, когда не критическая рецепция этих заслуживающих размышлений текстов, мастерское, но одномерное повествование о неистребимости в культуре верноподданничества утвердится в науке и публичном пространстве³.

Перевод Наталии Зоркой

¹ Alexijewitsch. Secondhand-Zeit [сн. 8]. S. 11.

² Peters F. Roter Mohn statt Rotem Stern. „Entkommunisierung“ der Geschichtskultur in der Ukraine // Osteuropa, 3/2016. S. 59–77. — Zhurzhenko T. Neuerfindung und Entsorgung. Ukraine: Die Revolution im Lichte des Majdan // Osteuropa, 6–8/21017. S. 273–289.

³ Gel'man V. Authoritarian Russia. Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh 2015.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Владимир (Зезв) ХАНИН

Выборы президента РФ в Израиле: социально-политические аспекты

По итогам состоявшихся 18 марта 2018 года выборов президента Российской Федерации вновь (во второй раз в рамках нынешнего варианта Конституции и в четвертый раз за его политическую карьеру) был переизбран действующий глава РФ Владимир Путин. Наряду с почти 109 миллионами зарегистрированных избирателей в самой России право принять участие в этих выборах имели еще 1,8 миллиона граждан РФ, постоянно проживающих за рубежом, в том числе в Израиле.

«Израильский электорат» российских кандидатов

Очевидно, что голосование российских граждан, находящихся в Израиле — как, впрочем, и в любой другой стране «российской гражданской диаспоры», — почти никак не могло повлиять на итоги выборов. Но само по себе оно представляет несомненный социологический интерес.

Итак, на сегодняшний день в Израиле проживают 319,335 репатриантов, прибывших с территории России за 28 лет (т.е. с возобновления свободной еврейской эмиграции из СССР в сентябре 1989 года). В том числе 242,778 человек, репатрировавшихся после распада СССР, т.е. имевших возможность сохранить российское гражданство, немногим более 230 тысяч из которых в возрасте 18 лет и старше. Около 2/3 из них (примерно 154 тысяч по данным посольства РФ в Израиле) состоят на учете в российских консульствах в Тель-Авиве и Хайфе как обладающие активным избирательным правом и имеющие действующий российский паспорт.

На практике в день выборов на избирательные участки, развернутые в 14 израильских городах (Иерусалиме, Тель-Авиве, Араде, Ашдоде, Ашкелоне, Беэр-Шеве, Кармиэле, Нацрат-Илите, Нетании, Реховоте, Ришон ле-Ционе, Хадере, Хайфе и Эйлате), согласно данным, предоставленным посольством Россий-

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2018 ГОДУ

Кандидат	Голосование в РФ	Голосование в Израиле
Владимир Путин	77%	72,6%
Павел Грудинин (КПРФ)	12%	5,5%
Владимир Жириновский (ЛДПР)	6%	1,4%
Ксения Собчак («Гражданская инициатива»)	2%	13,4%
Григорий Явлинский («Яблоко»)	1%	5,7%,
Борис Титов («Партия РОСТа»)	0,76%	0,75%
Сергей Бабурин («Российский общенародный союз»)	0,65%	0,39%
Максим Сурайкин («Коммунисты России»)	0,68%	0,27%
Явка	67,5%	8%

ской Федерации в Израиле, явилось чуть более 12 тысяч человек (12,007 бюллетеней были признаны действительными). Таким образом, явка по Израилу составила около 8% – в 8 раз меньше, чем в России, и вчетверо меньше, чем в зарубежных избирательных «округах» в целом.

В процентном отношении либеральные кандидаты Ксения Собчак («Гражданская инициатива») и Григорий Явлинский («Яблоко») получили в Израиле в 6–7 раз больше голосов, чем в России, «рыночник» Борис Титов («Партия РОСТА») – примерно столько же, представитель КПРФ Павел Грудинин и «национал-популисты» Сергей Бабурин («Российский общенародный союз») и Максим Сурайкин («Коммунисты России») – вдвое меньше, а лидер ЛДПР Владимир Жириновский – более чем вчетверо меньше.

Все это практически соответствовало тенденции российских выборов в Израиле прошлых лет, за исключением одного, но весьма драматичного момента: в этот раз доля голосов, которые самовыдвиженец Владимир Путин получил от российских граждан, голосовавших в Израиле, была близка к доле голосов, которую он получил в самой России (соответственно 72,6 и 77%), что позволило ему радикально (почти в 5,5 раза) оторваться от ближайшего конкурента.

Более того, достаточно близкой оказалась доля проголосовавших за действующего президента и в географическом контексте: процент голосов, которые В. Путин собрал в Иерусалиме и Тель-Авиве, был немногим меньше, чем в Москве и Санкт-Петербурге, а в населенных пунктах прибрежных мегаполисов центра и севера Израиля эта доля сопоставима с полученной им в центральных областях европейской России, и, наконец, она на 10–12 процентных пунктов больше, чем в среднем по стране, в таких городах как Нацрат-Илит и Хедера (84,96 и 81,76%), что похоже на модели голосования в российской периферии.

Именно долей, а не абсолютной численностью голосов, полученных действующим российским президентом, и впечатлились израильские комментаторы, хотя больше всего реакций было в самой русскоязычной среде, где комментарии варьировались от сравнительно нейтральных заключений о том, что явившиеся на избирательные участки шли туда под лозунгом «За Путина и пенсии!» (имея в виду, что в Израиле живут около 42 тысяч человек, успевших до эмиграции заработать российские пенсии), и до определения голосовавших как представителей

«русского гетто, которые, несмотря на годы, прожитые в Израиле, интересами и ментально остались в стране исхода».

В пользу первой версии в израильских русскоязычных и ивритоязычных СМИ приводят оценки наблюдателей, согласно которым большинство голосовавших в Израиле как раз были людьми пенсионного возраста. Более того, до трети голосов в некоторых городах, по тем же данным, собирались по домам престарелых, куда выезжали представители избирательной комиссии. «Многие люди преклонного возраста, для которых сумма от нескольких сотен до тысячи шекелей (около 300 долларов США) в месяц – значимая, благодарны Путину за российские пенсии, – пишет в Facebook главный редактор обладающего высоким рейтингом русскоязычного израильского информационного сайта NewsRu.co.il Евгений Финкель, – именно ему. Даже если они об этом забывают, напомнить просто и это может стать стимулом для голосования».

Сторонники второй версии упоминали такие факты, как централизованное участие в досрочном голосовании 15–16 марта активистов «Конгресса российских соотечественников». Но чаще аналитики обосновывали свои выводы об упомянутом «русском гетто» рассуждениями на тему о высокой концентрации в нем «агрессивных совков и ватников», находящихся под влиянием бесконечного просмотра российских федеральных каналов.

В то время как первая версия выглядит вполне логичной (заметим, что если это так, то в выборах приняли участие не более 15% живущих в Израиле российских пенсионеров), то аргументы в пользу второй нуждаются, на наш взгляд, в дополнительном и скорее критическом рассмотрении. Если принять эту аргументацию, то в категорию членов «русского гетто», которых больше интересует российская, чем израильская действительность, следует занести и тех, кто проголосовал не за «консерватора» Путина или правых и левых националистов (соответственно Бабурина и Сурайкина), а за экономических, политических и гражданских либералов (Собчак, Явлинского и Титова), каковых, повторим, в процентном отношении было в разы больше, чем в России. А это, как представляется, несколько портит версию захвата избирательных участков членами израильского филиала «русского мира». Далее попробуем для чистоты эксперимента допустить, что все, кто голосовал за кандидатов оппозиции и противостоял «русским старожилам-ватни-

кам», были репатриантами последних 4–5 лет, чьим основным мотивом эмиграции из России, согласно популярной в израильских медиа версии, была неготовность мириться с ущемлением свобод в стране исхода. Сомнительно, что именно таковым было реальное размежевание голосов, но даже в таком, самом крайнем случае голосовать 15–18 марта в Израиле пришли не более 1,5–2% той самой «путинской алии». Разумеется, если не предположить, что «новенькие» составляли и большинство избирателей Путина, что по всем признакам не так. Да и в таком, почти фантастическом варианте это бы обеспечило явку не более пятой части репатриантов из России «путинского призыва». Все это очевидно ставит под вопрос всю версию «русского гетто».

Внутриполитический контекст

В качестве элегантно решения этой проблемы те, кто все же настаивает на версии успеха «русского мира» на выборах президента РФ в еврейском государстве, выдвигают концепцию, что итоги этих выборов – не российская, а израильская история. То есть итоги голосования следует сравнивать не с процентами голосов, поданных за Путина и его либеральных оппонентов в России, а исключительно друг с другом, причем интерпретировать их в контексте внутренней идеологической повестки дня в самом Израиле. Например, размежевания между левыми либералами и правыми консерваторами-националистами.

«Меня не столько смущает голосование израильских пенсионеров за В.В. Путина, – пишет левонастроенный израильский журналист и востребованный политтехнолог Давид Эйдельман, – сколько неуклонное сползание Израиля к путинской политической модели безальтернативного политического лидера, за которого будут голосовать, несмотря на ухудшение экономического положения, несмотря на коррупционные скандалы, несмотря на рост напряженности».¹

Заметим, что данный подход не нов. Еще в 1990-е в составе «свежих» тогда репатриантов была сравнительно небольшая группа, в основном из числа выходцев из крупных культурных центров бывшего СССР, идентифицировавших себя больше с собственно русской, чем еврейской или «русско-еврейской» культурой. И среди них доля сторонников израильского «левого» лагеря была существенно выше этой доли среди репатриантов в целом. (Впрочем, выход-

цами из тех же центров и столь же диспропорционально широко, по сравнению со средними значениями по общине, представленными были и их визави из русскоязычного сегмента правого светского и религиозно-сионистского лагеря страны.)

Для группы русскоязычных «левых либералов» нередко была характерна тенденция автоматического перенесения оценок этнополитической ситуации в постсоветских государствах, особенно после начала первой чеченской войны 1995–1996 годов, на противостояние Израиля с палестинскими арабами. Кроме того, среди этой категории было довольно много представителей художественной интеллигенции, для которой в принципе характерен определенный крен влево. И, поскольку подобные настроения абсолютно доминируют в творческих и гуманитарных кругах Израиля, левая идеология часто была «входным билетом» (или, по крайней мере, надеждой получить таковой) в эти круги и для интеллигенции из числа репатриантов. В этой связи показательны два витка дискуссии на тему «Может ли интеллигенция быть “правой”», имевшей место в определенных кругах общины и «русских» газетах Израиля в самом начале 1990-х и десятилетие спустя.

Нечто подобное, хотя и в минималистском и даже в каком-то смысле гротескном виде происходит и сегодня. В том числе благодаря усилиям некоторых из прибывших в Израиль в последние пару лет бывших российских медийных фигур, которые обнаружили здесь, как выразилась одна из них, «“русский мир” как способ опасного и заразного агрессивного мышления».

Понятно, что именно такая интерпретация событий укладывается в устоявшиеся представления части традиционного политического, академического и особенно информационного истеблишмента Израиля, который, несмотря на все контраргументы, продолжает рассматривать выходцев из СССР/СНГ в качестве носителей «советской и постсоветской тоталитарной идеологии». Поэтому неудивительно, что именно она оказалась востребована многими ивритоязычными медиа и сейчас (во всяком случае, таков был контекст первого или второго по частоте вопроса, который интервьюеры задавали автору этих строк, приглашая его прокомментировать итоги российских президентских выборов).

Сомнительность попыток делать столь драматичные выводы в отношении всего русско-еврейского сообщества Израиля на основании итогов голосования, которое профессор ВШЭ

¹ [Электронный ресурс]. <https://relevantinfo.co.il/golosuet-za-putina/>

Александр Шпунт небезосновательно назвал «сложно организованным соцопросом нерепрезентативной аудитории» (при явке ниже одной десятой любая цифра, по его мнению, находится на грани социологической погрешности), представляется очевидной. Но даже если принять гипотезу того, что отношение к российским выборам «русских израильтян» отражает политико-идеологическое размежевание в их среде, то в рамках этой логики им придется считать всех или большинство из 92–93% неявившихся на выборы российских граждан сторонниками либеральной оппозиции, принявших идею бойкота выборов как единственной эффективной формы выражения политического протеста авторитарному режиму. Это выглядит весьма обескураживающим выводом для по-прежнему непоколебимо уверенных в том, что выходцы из бывшего СССР и через два с половиной десятилетия в Израиле продолжают оставаться носителями советской и постсоветской нелиберальной политической культуры, в корне отличающейся от «демократической культуры» коренных израильтян ашкеназского (то есть европейского) происхождения

Что говорят опросы

Таким образом, реальные процессы, идущие в среде «русского Израиля», похоже, имеют мало общего с устоявшимися в определенных кругах негативистскими клише. Это вполне подтверждается многочисленными исследованиями разных лет, включая шесть масштабных репрезентативных опросов выходцев из (бывшего) СССР, проведенных по сходной методике под руководством или при участии автора этих строк. Все замеры показывают, что доминирующей формой гражданской идентичности этой группы является израильская, причем это характерно не только для этнических евреев, но и для членов семей репатриантов нееврейского и смешанного происхождения.

Так, последнее по времени (март 2017 года) исследование такого рода, проведенное по инициативе упомянутого портала NewsRu.co.il социологическим институтом ПОРИ по программе, предложенной автором этой статьи¹, по-

¹ Серия структурированных личных интервью 950 русскоязычных респондентов, прибывших в Израиль в 1989–2017 годах, отобранных в соответствии с базовыми социально-демографическими характеристиками генеральной совокупности – пол, возраст, стаж в Израиле, постсоветское государство исхода и место проживания (регион), характеристики были рассчитаны на основе статистических данных ЦСБ и Министерства алии и интеграции Израиля. Исследование также включало подвыборку 209 репатриантов 2014–2017 годов, чьи ответы были пропорционально учтены в итоговой выборке.

казало, что почти 70% русскоязычных граждан страны считают себя израильтянами «в большой степени» или «только израильтянами», и больше никем. Немногим более четверти опрошенных заявили, что ощущают себя израильтянами в «некоторой степени», и менее 5% признались в отсутствии у них израильской идентичности или затруднились ответить на этот вопрос. Понятно, что уровень устойчивости израильской идентичности, как и в прошлых замерах, оказался пропорционален жизненному стажу в Израиле, но среди респондентов, которые на момент опроса имели израильское гражданство не более трех лет, отсутствие идентификации с Израилем (что бы ни имелось при этом в виду) показали менее пятой части опрошенных в этой подгруппе.

В свете этих данных и представляется корректным оценивать отношение респондентов к идее израильско-российского стратегического партнерства, вопрос о котором также трижды был задан в ходе исследований последних лет. Итак, лишь около 7–8% репатриантов, прибывших в Израиль с начала «большой алии» за последние 28 лет из России, три четверти из которых, как было показано выше, сделали это после распада СССР и сохранили право на российское подданство, оказались индифферентны к данному вопросу. Но и тех из опрошенных, кто полагал, что «Израилю имеет смысл отказаться от односторонней ориентации на США и заняться поиском и других стратегических партнеров, включая Россию», оказалось немногим больше – около 10%. Примерно вдвое-втрое большей была доля тех, кто придерживался прямо противоположной точки зрения: «Интересы России всегда будут лежать преимущественно в арабском мире, потому надежность ее партнерства с Израилем всегда будет под вопросом». (Отметим, что среди выходцев из Москвы и Санкт-Петербурга доля сторонников такой точки зрения оказалась почти в полтора раза выше, чем среди репатриантов из российской провинции.)

Самым популярным суждением оказалась готовность поддержать «укрепление и расширение отношений Израиля с РФ, но не за счет его особых отношений с США». Как и в прошлом, «русские» израильтяне вполне понимают, что Израиль, будучи технологической сверхдержавой и важнейшим фактором региональной и отчасти мировой политики, тем не менее в существующем глобальном политическом контексте не может себе позволить принципа «постоянного нейтралитета» («изоляционистов»,

требующих «придерживаться политики равной удаленности от различных глобальных центров силы», среди респондентов – бывших россиян оказалось менее 15%). По нашему мнению, такое размежевание среди респондентов неплохо укладывается в модели избирательной явки и голосования российских граждан в Израиле на выборах президента РФ. Надо полагать, проголосовали в основном те, кто считает, что Израилю нужна Россия как стратегический партнер и союзник, причем проголосовали они в большинстве своем за того кандидата, который олицетворяет эту Россию в том виде, в котором она, по их мнению, Израилю и нужна, и еще некоторые из считающих, что с Россией нужно поддерживать нормальный диалог, коль скоро ее присутствие у северных границ Израиля (в Сирии) есть свершившийся факт и долгосрочный фактор. Причем часть из данной второй группы верит, что именно Путин является гарантом достигнутых в этой связи пониманий и договоренностей, но другие предпочли бы в качестве партнера для такого диалога одного из его оппонентов.

Остальные 90% выходцев из России, т.е. те, кто не явился на выборы, вероятнее всего либо считают, что Россия не союзник, но с ней нужно поддерживать корректные отношения, либо полагают, что от нее нужно держаться подаль-

ше, или вообще уже не считают для себя эту тему актуальной. Иными словами, итоги российских выборов в Израиле сегодня – это история об Израиле, а не о России, которая, как нам представляется, должна восприниматься не во внутреннем израильском политическом и идеологическом, а внешнеполитическом контексте, хотя и он, разумеется, является фактором внутривнутриполитического расклада.

В любом случае, как следует из приведенных данных, общине выходцев из бывшего СССР отнюдь не свойствен так называемый экспатриотизм политического сознания, т.е. ориентация на страну исхода, и идентификация с ее политическими интересами (феномен, зафиксированный, например, в среде многих групп мусульманских иммигрантов в Европе). За 20–30 лет, прошедших с начала «большой алии», русскоязычные репатрианты вполне интегрировались в местное общество и господствующую систему представлений и политических (в том числе внешнеполитических) ценностей. В этом смысле «русские израильтяне» являются таковыми с ударением на второе слово и вряд ли подпадают под популярную среди некоторых израильских социологов (и столь востребованную частью «старых» израильских элит) характеристику «хомо постсоветикус».

Лев ГУДКОВ

Патриотическая мобилизация и ее следствия

Период мобилизации и националистической эйфории (2014–2016), спровоцированный антизападной и антиукраинской пропагандой, закончился, но последствия этих событий – редукция к позднесоветским практикам господства, институциональное закрепление недемократической системы власти – останутся надолго¹. Опросы общественного мнения показывали, что на пике массовой консолидации (кампании «Пока мы едины, мы непобедимы») общность мнений (одобрение политики руководства, готовность дать отпор «врагам», единство понимания происходящего) демонстрировали 80–87% взрослого населения страны². Такое единодушие – максимально возможный консенсус, сигнал чрезвычайности положения.

Непосредственно переживаемая коллективная гордость от демонстрации силы российской державой угасла уже к концу 2015 года, после резкого падения доходов осенью того же года. Однако ухудшение материального положения после девальвации рубля и контрсанкционной политики властей само по себе не привело к отрезвлению общества и пониманию причин сложившегося положения дел. Значимость пережитого состояния патриотического энтузиазма и национального самоуважения была так высока, что перевешивала и искупала издержки начавшегося снижения уровня жизни.

Для социологии эта ситуация представляет особый интерес, более того, она становится теоретическим вызовом: каков смысл кон-

сервативной солидарности, лежащей в основе социально-политической реакции, поворота страны к неототалитаризму? В данной статье я, опираясь на идеи Ю. Левады (общественное мнение в спокойном и возбужденном состоянии общества и его теория многоуровневой структуры социокультурного воспроизводства), намерен разобрать механизмы патриотического «возбуждения»³.

Цикличность массовых настроений. Подымающиеся и падающие на протяжении ограниченного периода времени показатели массовых настроений – не новое явление; оно много раз описывалось и анализировалось в работах сотрудников «Левада-Центра». По большей части это были спонтанные реакции массы людей, недовольных положением дел в стране и политикой руководства. Волны массового напряжения, отличающиеся своей интенсивностью и длительностью, возникали по разным причинам в 1990–1991, 1993–1994, 1998–1999, 2001, 2003, 2005, 2008–2009, 2014–2016 годах. Фазы тревоги, страха, негативной мобилизации⁴ че-

³ Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях / Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство. 2006. С. 364–379; Там же. Перспективы человека, в особенности с. 275–276; Он же. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата); К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации. В кн.: Юрий Левада. Время перемен: предмет и позиция исследователя. М.: НЛО, 2016. С. 254–264, 243–253.

⁴ Институциональному развалу советской тоталитарной системы предшествовал длительный период эрозии и размывания, умирания идеологии «классовой борьбы, «противостояния двух мировых систем», режима закрытого общества – «осажденной крепости», требовавших постоянной готовности к защите отечества. Бесславное завершение (в действительности поражение супердержавы) десятилетней афганской войны, экономический крах социализма, полная дискредитация партийной номенклатуры и т.п. процессы парализовали ресурсы тоталитарной организации общества. Ход горбачевской перестройки казался концом существования «мобилизационного общества» (см.: Гудков Л., Дубин Б. Конец харизматической эпохи // Свободная мысль. М., 1993. № 5. С. 32–44. = The End of the Charismatic Epoch: The Press and Changes in Society's System of Values // Sociological research. Armonk, NY, 1994, march-april, vol. 33, N. 2, p. 23–41; Gudkov L. Das Ende der Mobilisierungsgesellschaft und die Politische Kultur ins Russland // Kommune, Frankfurt a.M., 12. Jg., 1994, № 12). Позже стало понятным, что идеологическая (тоталитарная) мобилизация – не единственный вид быстрой массовой консолидации, что есть разные механизмы

¹ В основе настоящей статьи – выступление автора на XXI ежегодной конференции «Левада-Центра» «После Крыма: общественное мнение в 2017 году» (15 февраля 2018 года). Текст доклада переработан и дополнен материалом последующих опросов.

² Пик всеобщего патриотического воодушевления пришелся на апрель – май 2014 года, слившегося воедино торжества по случаю присоединения Крыма с празднованием Дня Победы 9 мая, военные парады в Москве и Севастополе. Агрессивность по отношению к Украине и западным странам («...Победили в 1945-м, победим и сейчас», «Можем повторить») были компонентами и условиями этой мобилизации, но ее цель заключалась в дискредитации оппозиции и тем самым нейтрализации или стерилизации широко распространенного недовольства населения. Основным средством этого было разнообразие форм демонстрации единства россиян и поддержки действующего режима.

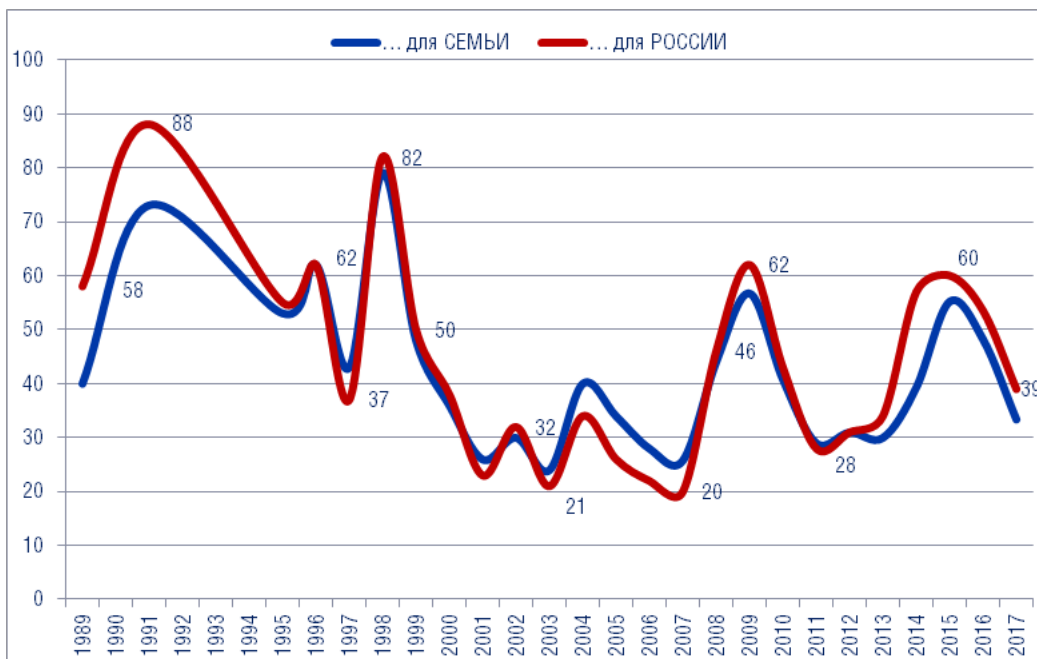
редуются с моментами подъема национальной гордости за «величие державы». За коллективным возбуждением обычно следует спад; в общественном мнении проступают признаки фрустрации, переживания, опустошенности, растерянности, астении или депрессии.

В конце горбачевской перестройки общество ждало перемен, ресурсы долготерпения подходили к концу, люди (по меньшей мере, на словах) были готовы к фундаментальным изменениям советской экономической и политической систем. Интересы и внимание людей были сосредоточены на процессах, происходящих внутри самой системы государственной власти. Работали главным образом факторы негативной консолидации, отталкивания от прошлого, в сочетании с чрезмерными ожиданиями чуда, разворота руководства страны от геополитики к политике, обеспечению национального благоденствия. Изменения к лучшему связывались не с собственными усилиями или участием в общественных движениях, а исключительно с доброй волей и действиями кого-нибудь из

начальства: последовательно — с новым генсеком, президентом, популистским лидером партийной оппозиции, фигурой решительного генерала, способного разрубить чеченский узел, и т.п. Нереализованные ожидания чуда (при собственной апатии и отчуждении от политики), силовое подавление оппозиции в 1993 году и совершенно ненужная, с точки зрения населения, чеченская война оборачивались глубоким разочарованием в проводимых реформах, массовой депрессией, социальным рессентиментом и низовой диффузной агрессией (ксенофобией). Не считая двухлетнего периода развала СССР, максимальные значения социальной напряженности приходятся на кризисные 1998–1999 годы ожидания прихода «сильной личности», способной навести порядок. Приход В. Путина к власти и удовлетворение от завершения «хаоса» ельцинской демократии вписываются в общую схему длительных процессов этого типа.

Напротив, мобилизация 2008 года (короткая победоносная война с Грузией) и в еще

График 1
2017 ГОД ОКАЗАЛСЯ «ТРУДНЕЕ, ЧЕМ ПРЕДЫДУЩИЙ»...

мобилизации, в том числе негативной, ставшей типичной для периода постсоветской трансформации. Самым значительным проявлением подобных процессов следует считать возмущенную реакцию на монетизацию льгот (Левада Ю. Восстание слабых. О значении волны социального протеста в 2005 году. — В кн.: Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 129–139). Несколько иными по форме, но по сути такими же «выступлениями слабых» оказались и массовые протесты 2011–2013 годов, не говоря уже о последующих антипутинских демонстрациях в крупных городах, организатором которых был А. Навальный.

большей степени крымская мобилизация (Олимпиада — Антимайдан — аннексия Крыма — конфронтация с Западом) были совершенно неожиданными для публики, «искусственными», возникшими как бы на пустом месте, без особых поводов и оснований. И та, и другая волны коллективного самодовольства обязаны работе мощной, согласованной (и то-

тальной по охвату информационного пространства) пропаганды, организованным действиям властей и направлены в первом случае против Грузии и США, во втором — против массового движения украинцев за интеграцию Украины с ЕС и другими западными организациями, включая НАТО. Если отвлечься от фантастических (в силу их пренебрежения реальностью) геополитических планов Кремля (СНГ, Новороссии и т.п.), которые к настоящему времени можно считать окончательно провалившимися, главная цель последней по времени политической кампании («Крымнаш») заключалась в дискредитации противников сложившегося авторитарного режима уже в самой России, сторонников демократии, правового государства, критиков коррупции власти и тем самым в обеспечении иммунитета действующей власти от любых попыток реформирования сложившейся политической системы. Как раз она-то и достигнута.

Как всякое состояние возбуждения, патриотический подъем в 2014–2015 годы не мог длиться долго, хотя в сравнении с предыдущим кризисом (2008–2009) этот цикл был более продолжительным (график 2). Непосредственным толчком к демобилизации в обоих случаях стали экономические кризисы и резкое обесценивание реальных доходов в конце 2008 года и осенью 2015 года, а также объявление о пенсионной реформе, рост налогов и т.п. в апреле — мае 2018 года.

Мобилизационный всплеск июля — августа 2008 года опирался на пятилетний период небывалого в истории России экономического процветания и роста потребления. Можно сказать, что консолидация 2008 года завершала «тучные годы». Напротив, фоном для последней кампании стал длительный период стагнации или рецессии экономики, начавшейся в конце 2009 года, и усиление антипутинских настроений, вылившихся в массовые движения протеста 2011–2012 годов. Ответом на них стал курс на подавление независимых общественных организаций и ужесточение законодательства для борьбы с «пятой колонной», чуждым идеологическим влиянием, создание множества прокремлевских организаций для противодействия оппозиции и критиков режима. Экономическая ситуация оставалась депрессивной, будущее воспринималось основной частью населения с тревогой. Даже после аннексии Крыма и наступившей национальной эйфории абсолютное большинство опрошенных (74–85%) полагали на протяжении

2014–2017 годов, что в стране развивается экономический кризис (лишь в самом конце 2017 года этот показатель снизился до 69%). Несколько меньшее, но все равно преобладающее большинство россиян считали, что он будет долгим, что надо привыкать жить в условиях снижения доходов¹.

Причины кризиса (исчерпанность ресурсов экономической системы, на которой базируется путинский режим) были непонятны для основной массы населения. Но и усилия пропаганды списать все проблемы, включая стагнацию в экономике, на происки Запада, особого успеха не имели: лишь немногие россияне относили причины кризиса на счет антироссийской политики санкций западных стран. Снижение реальных доходов населения идет уже четвертый год (кумулятивный итог его составляет минус 11–12%). Это болезненно, но не катастрофично. Постепенность этого падения не предполагает драмы «народного возмущения» властью, поскольку не затрагивает общий план коллективного понимания происходящего².

С весны 2017 года наблюдается рост позитивных настроений и ожиданий «лучшего», мотивированных, правда, не тем, что «кризис закончился» и «все стало хорошо», а тем, что «худшее» (которого ждали и боялись по аналогии с 1998 и 2008 годами) так и «не наступило». Рост цен на нефть позволил несколько увеличить казенные доходы, стало быть, и расходы на социальные цели для того, чтобы несколько ослабить негативное воздействие контрсанкций, которое беспокоило администрацию, готовившуюся к «переизбранию» Путина в 2018 году (график 2).

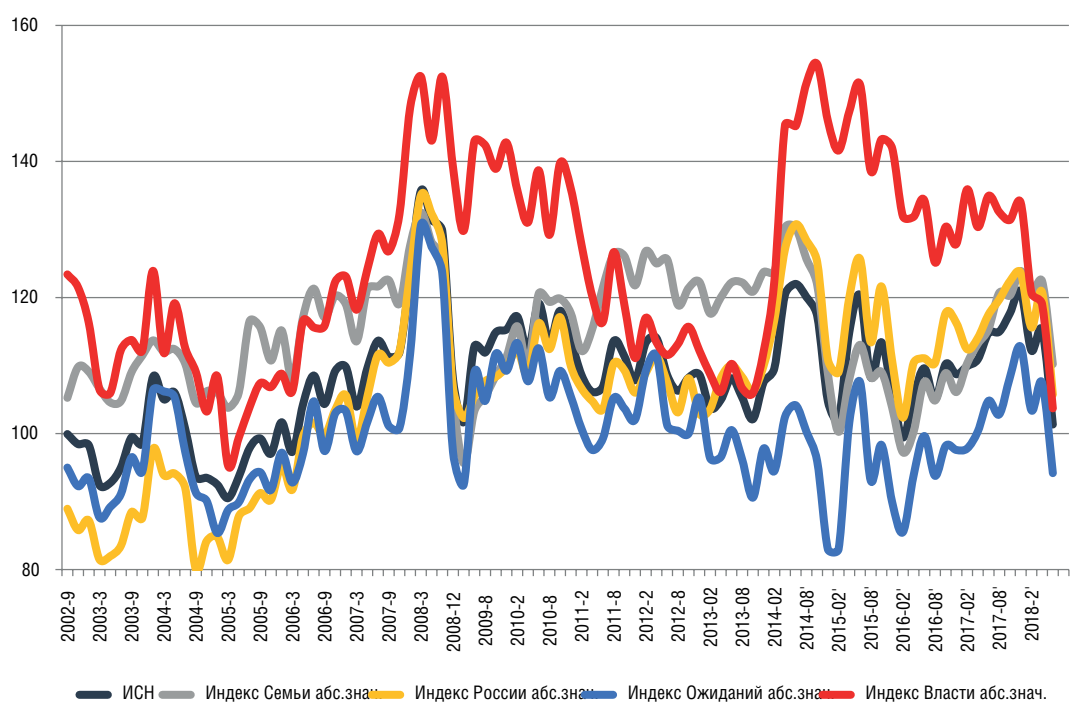
¹ Общественное мнение 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 190.

² Доля бедного населения (то есть тех, чьи денежные доходы были ниже их субъективных представлений о «бедности») в последние 10 лет не меняется, составляя примерно 30% взрослого населения. Однако лишь 3% опрошенных за последние год-два заявляли: «Нам не хватает денег даже на питание»; 16% отвечали: «На еду хватает, но на одежду уже нет». Основная масса респондентов (53%) терпит, поскольку деньги на неотложные или текущие нужды (на еду и одежду) у них есть, однако уже товары повседневного бытового назначения, такие как телевизор, холодильник или стиральная машина, оказываются труднодоступными для абсолютного большинства, необходимость заменить старую или вышедшую из строя бытовую технику новой составляет определенную проблему для этой категории населения. Это несложно понять, поскольку средний месячный семейный доход, согласно данным декабрьского опроса 2017 года, насчитывал 41,2 тысячи рублей (при двух работающих). Учитывая, что не все работают и не все пенсионеры, то получается, что среднедушевой доход россиян составляет всего 16,5 тысячи рублей. Понятно, что средние показатели скрывают за собой значительную дифференциацию семейных доходов населения.

График 2
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В СТРАНЕ

График 3
ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Индекс социальных настроений¹ указывал в начале 2018 года на действие противоречивых сил, определяющих состояние массовых оценок ситуации и ожиданий на будущее. Настроения заметно ухудшились, но, что интересно, не из-за изменений и падения доходов, а из-за снижения одобрения руководства страны и доверия к власти. Продолжение ожесточенной конфрон-

¹ Разработку ИСН и анализ его динамики ведет в «Левада-Центре» М.Д. Красильникова. См.: *Общественное мнение 2017*. С. 64.

тации с Западом и агрессивной пропаганды, предположения о неизбежности дальнейших санкций западных стран и тупой реакции на них российских властей, ограничивающих импорт товаров и продовольствия, способствовали пессимизму, неопределенности, боязни нищеты, потери работы и ожиданию роста цен. Стагнация в экономике поддерживала и усиливала пессимизм социально депримируемых групп, тянула агрегированный индекс вниз (см. гра-

фик 3); с 2015 года показатели отношения к власти снизились очень значительно, в то время как индекс ожиданий на будущее, оценки положения семьи и надежды на улучшение в ближайшем будущем росли, хотя и с большими колебаниями, отражающими сомнения и надежды респондентов. Однако приближающиеся в марте 2018 года выборы президента и обусловленная этим обстоятельством кампания политической рекламы и славословия Путина, срочные, однократные (и весьма значительные) показательные социальные выплаты отдельным категориям бюджетников и пенсионерам нейтрализовали негативный тренд.

Рейтинг одобрения или доверия В. Путину достигал всякий раз максимума в моменты военно-политического реванша, милитаристских и шовинистических кампаний (1999, 2004, 2008, 2014-й). Он снизился к концу 2013 года

до абсолютного минимума в 60–63% на фоне массовых антипутинских демонстраций протеста), но после аннексии Крыма вновь поднялся до максимума (87%) и на протяжении почти четырех лет не опускался ниже 80% одобрения и поддержки¹. Раздражение и недовольство канализируются на другие уровни и ветви власти; действует старый механизм перераспределения политической ответственности («добрый царь и худые бояре») – перенос ответственности за положение внутри страны с национального лидера, воплощающего в своем статусе символические ценности величия и мощи «Российской державы», на премьера, правительство, на Думу и депутатский корпус, губернаторов, некую «бюрократию» и т.п.

В июне 2018 года эффект электоральной накачки, пропаганды и административного давления на избирателей перед мартовскими вы-

График 4
ОДОБРЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

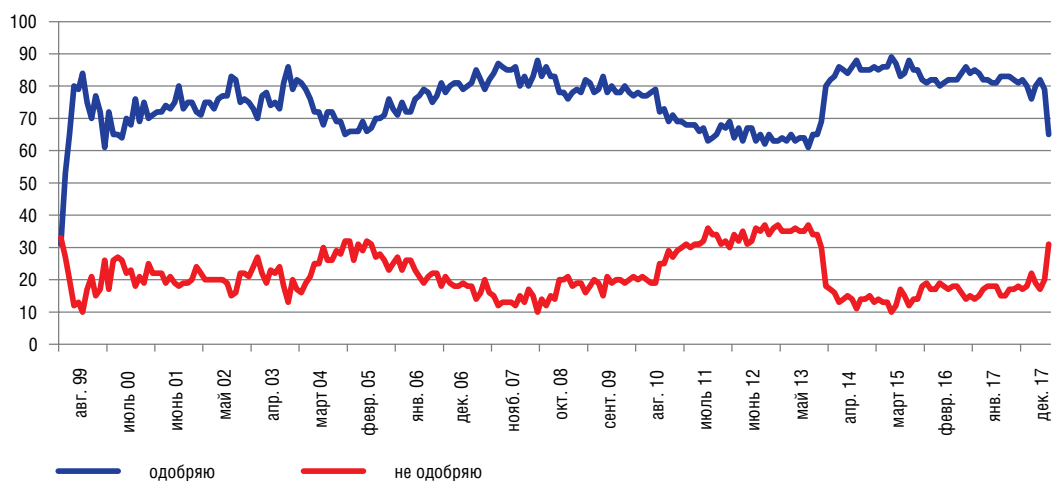
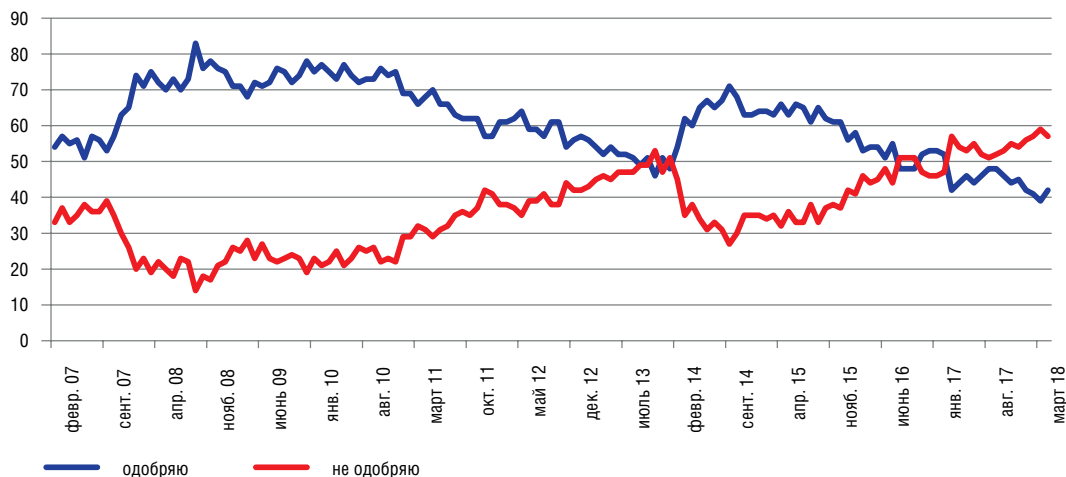

График 5
ОДОБРЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

¹ Зафиксированные в феврале и мае 2018 года снижения (76 и 79%) укладываются в допустимую стандартную статистическую ошибку.

борами закончился. Беспокорство, вызванное заявлением руководства страны о начале пенсионной реформы, крайне негативно воспринимаемой большинством населения, а также рост цен на бензин, перспектива роста налогов и т.п. стали причиной снижения всех социальных показателей. Рейтинг Путина за три месяца упал с 79 до 64% (графики 4 и 5).

Материальные проблемы, как бы важны они ни были, не определяют сами по себе динамику массовых настроений. Оценки удовлетворенности жизнью опосредуются структурой групповой идентичности, то есть проходят через призму представлений респондента о его социальном положении в сравнении с положением окружающих людей, значимых для него, — его партнеров, коллег, соседей, родственников,

а значит, характером и уровнем соотносимых с этим запросов, его ожиданиями ближайшего и отдаленного будущего, иллюзиями и опытом разочарования, сознанием справедливости/несправедливости существующего порядка, групповыми предрассудками и проч.

Двойственность структуры самоопределений. Основной тон массовых настроений в 2017 году, как и в предыдущие годы, описывается формулой пассивной, снижающей адаптации: «*Жить трудно, но можно терпеть*» (график 9). Такие ответы постоянно дают 55–60% респондентов (исключение — 1998 год, когда доля ответов «терпеть такое положение вещей уже невозможно» подскочила с 30–35% до 60%). Доля мнений «все не так плохо и жить можно» после 2009 года стабильно держится на уровне

График 6
ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

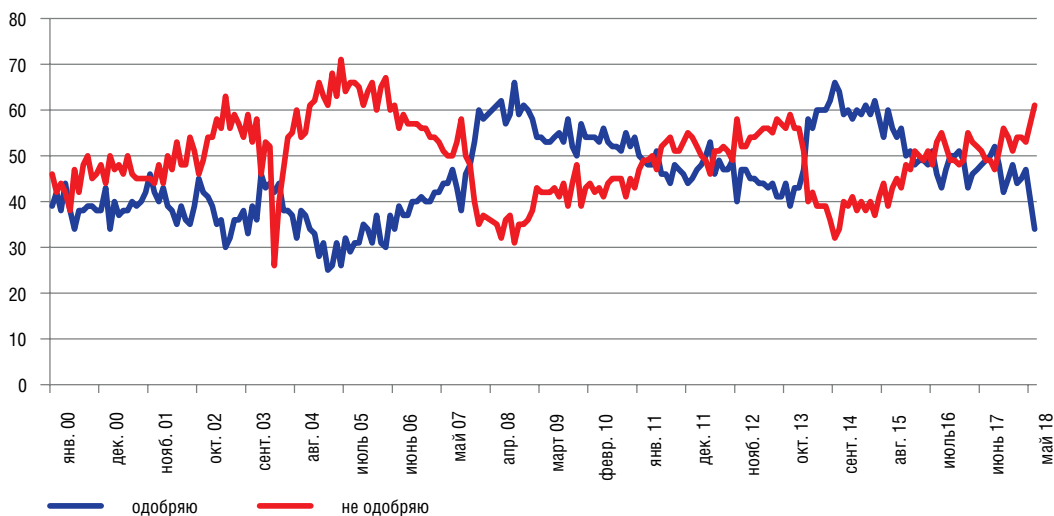
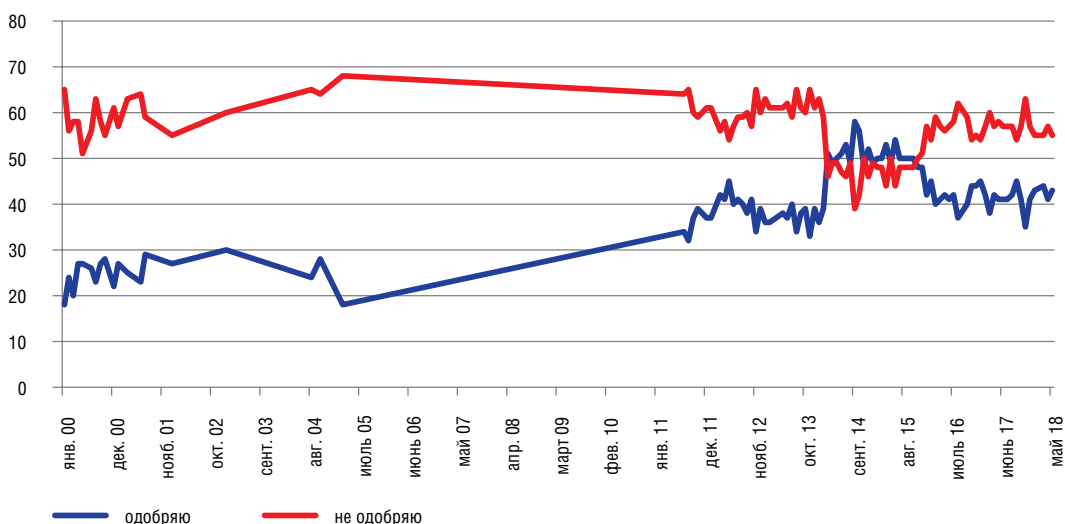

График 7
ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

26–27%, лишь на пике крымской эйфории она поднялась до 35%¹.

Обращаясь к динамике разных компонентов ИСН (график 3), мы видим периодический наступающий разрыв между одобрением действий власти и низкими (то есть негативными) ожиданиями ближайшего будущего (материального положения своей семьи и экономического положения страны в целом), причем это расхождение достигает своего максимума именно в фазах массовой националистической эйфории 2008–2009 и 2014–2015 годов (особенно в последнем случае).

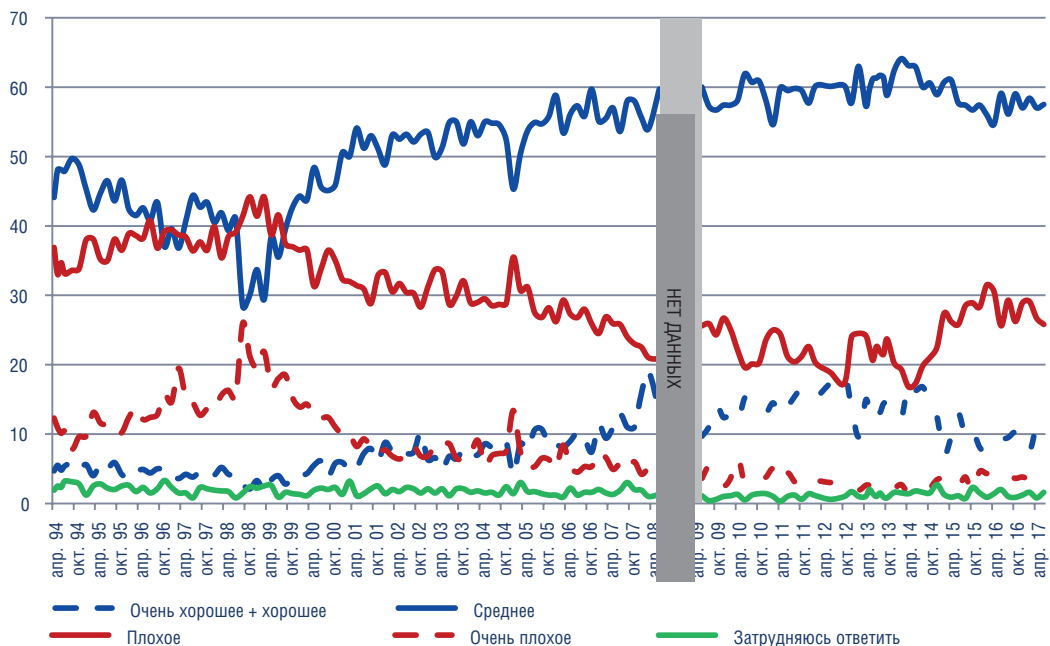
Такие расхождения в структуре массовых оценок респондентами своей жизни означают, что мы имеем дело с двойной системой координат или двойной рамкой восприятия положения вещей (frame of reference): один план – *это общие оценки и перспективы страны*, они заданы *безальтернативностью* государственно-патерналистских установок, символической значимостью деклараций («Россия встает с колен», «мы возрождаемся в качестве Великой державы») и верой в постоянные заверения властей в том, что все будет хорошо (обещаниям повышения уровня жизни в полтора раза, созданием 25 млн рабочих мест в инновационной экономике, увеличением продолжительности жизни в результате майских указов президента). Это не просто казенный оппортунизм; вера в луч-

шее будущее задана гораздо более глубокими слоями советской социалистической культуры и инерцией институтов массовой социализации. Другой план социальных определений ситуации обусловлен *практическими интересами частного существования*, трезвыми, лишенными иллюзий представлениями, касающимися конкретных текущих дел и забот обыденной жизни. Исходя из них, люди вынуждены считаться только с теми ресурсами, которыми они располагают сегодня, а не теми возможностями и благами, которые им посулили власти. В перспективе, заданной интересами повседневности, отношение к власти становится сугубо реалистичным, без иллюзий, а потому преимущественно негативным. Оно обусловлено и структурировано давним опытом целых поколений советских людей взаимодействия с советским же государством, частным бюрократическим произволом, сознанием, что коррумпированное начальство непременно тебя обманет, что государство живет отдельно от людей, выжимая из них все, что может².

При этом никаких социально-политических или социально-правовых, моральных механизмов соотнесения этих планов в российском настоящем нет – ни политические партии, ни профсоюзы, ни другие формы коммуникативных посредников разных уровней общественной жизни не предназначены для выполнения

График 8

«КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?»

¹ Примерно так же менялись эти показатели и во время войны с Грузией в 2008 году (тогда позитивные ответы составляли 38%).

² Общественное мнение 2017. С. 45. Раздел «Граждане и власть».

подобных функций. Напротив, все усилия действующей власти направлены на разрыв взаимосвязей подобного рода.

Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что волна патриотической мобилизации, вызванная конфронтацией с Западом, милитаристской пропагандой, присоединением Крыма, войной в Сирии, охотой на ведьм и пятую колонну, поднимала *поверхностные слои массового сознания*, не затрагивая более глубоких ценностно-нормативных пластов регуляции обычного человека, структуру фундаментальных установок повседневности, сложившихся в постсоветские или – что, видимо, правильнее, – в позднесоветские, брежневско-андроповские годы. Такой образ жизни привычен и понятен. Критическое или недоверчивое отношение к власти в практическом плане выступает стабильным негативным критерием оценки изменений, источником фобий нового, другими словами – фактором подавления ориентаций на будущее или стремления к новому, то есть фактором консервации положения вещей, несмотря на хроническое или привычное недовольство условиями повседневного существования. Но именно поэтому разочарование, вызванное нереализованностью ожиданий, поднятых патерналистским государством, обещаниями властей, не затрагивает статус и роль президента, который определяется другим – не повседневным, символическим – планом значений.

Такая структура определений реальности объясняет то обстоятельство, что вопреки ухудшению качества жизни в ответах респондентов (декабрь 2017 года – январь 2018 года) преобладают такие эмоциональные характеристики своих повседневных настроений,

как «ровное», «спокойное» состояние (64% опрошенных); кроме того, 12% респондентов отличает полная удовлетворенность своей жизнью, оптимизм (преимущественно такие ответы дают молодежь и чиновники). И лишь 21% опрошенных жалуется на хроническую депрессию, страх или внутреннюю, подавляемую агрессию и неприязнь к окружающим; среди них больше людей пожилых, жителей малых городов и сел (графики 8–11). Если материальное положение ухудшается, реальные доходы падают, то они падают у «всех», образующих не просто социальную среду, но и референтное окружение и основания для самооценки респондента. Недифференцированность этой системы референции не порождает значительных поражений в индивидуальных самооценках. Такое положение вещей является отражением одномерности «общества», отсутствия авторитетов и образцов, доступных для подражания. В роли последних выступают либо масскультурные, массмедийные образцы (с соответствующими разрывами дистанций и модусами идентификации), либо положение столь же далеких «других»: власти (региональной, центральной), олигархов, социально чужих и дистанцированных. А это значит, что идентификационные образцы, воспроизводимые институциональными средствами, контролируемые путинским режимом, не допускают групповой дифференциации, спецификации применительно к интересам и ценностям, идеям отдельных групп. Поэтому нет (они подавлены и стерилизованы) более сложных форм горизонтальной коммуникации «нового» типа, межгрупповых образов и отношений, нет образцов идентичности, которые

График 9

«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ?»

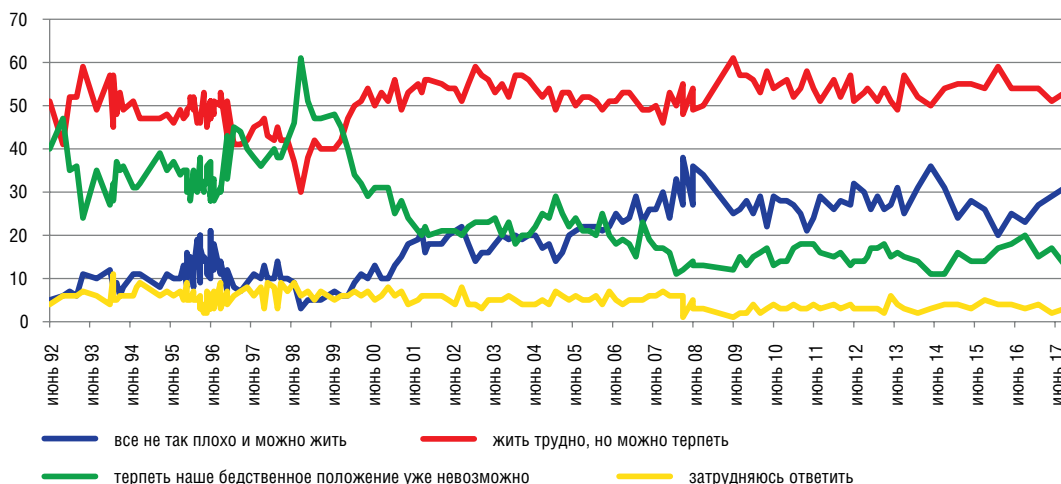

График 10

«КАКИЕ ЧУВСТВА ПОЯВИЛИСЬ, ОКРЕПЛИ У ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ?»

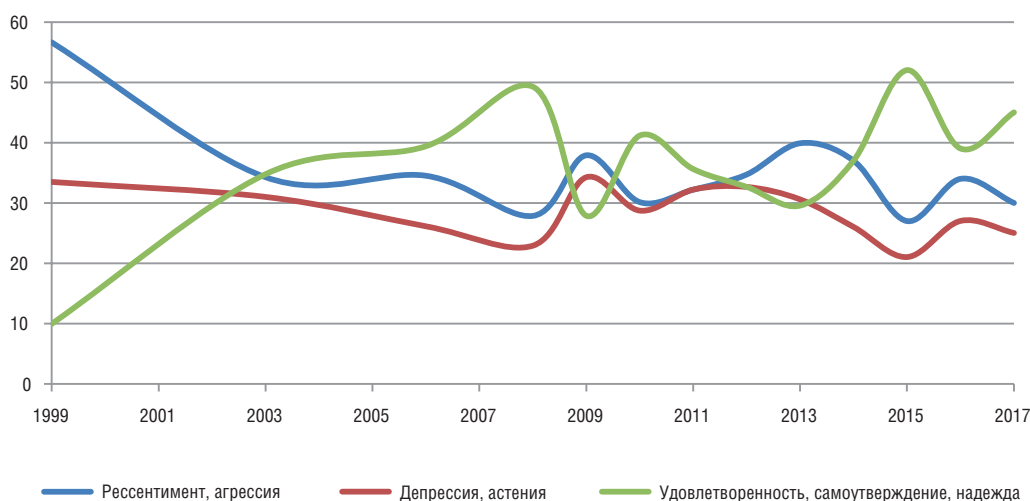
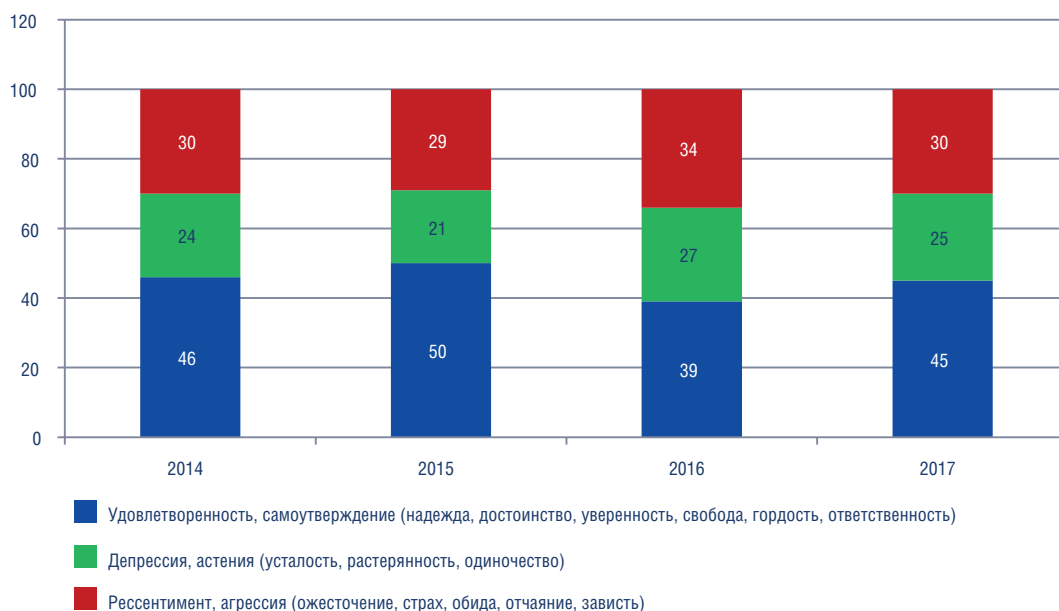

График 11

«КАКИЕ ЧУВСТВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОКРЕПЛИ У ВАС ЛИЧНО?»

Э. Паин записывает за «гражданской нацией». В итоге возникают лишь вертикальные связи между транслируемой государственной «коллективностью», спускаемой «сверху», и партикулярностью очень ограниченных по радиусу значимости образцов идентичности для «ближнего круга» («совсем своих»).

Описанное распределение мнений примерно соответствует оценке материального положения семьи, пониманию ее ресурсов, устойчивости, возможностей или надежд на улучшения жизни, страх перед непредвиденными ситуациями или угрозами. Как говорят сами респонденты, за по-

следний год (2017) материальное положение их семьи осталось «прежним», не изменившимся в ту или иную сторону (59%); «ухудшилось» — у 27%, «улучшилось» — у 13%. Но, оцениваемая «в целом», жизнь семей респондентов, по их мнениям, за этот же период стала «лучше» — у 19%, «хуже» — у 27%, «не изменилась» — у 52%. Через год все будет примерно так же, ничего не изменится (так считают 50% респондентов), будет «лучше» — 27%, будет «хуже» — 16%.

Почти 30 лет систематических замеров психологических характеристик респондентами своего состояния и состояний окружающих

людей (1989–2018) позволяют говорить о хроническом преобладании негативного фона восприятия происходящих событий. Сумма показателей «рессентимент, агрессия» и «депрессия, астения» составляет в среднем за все годы наблюдений 61% всех высказываний опрошенных (график 10). Максимум негативных переживаний приходится на 1998–1999 годы; именно тогда 90% опрошенных говорили о депрессии и фрустрации, охвативших окружающих их людей – близких, коллег по работе, членов семьи, друзей и т.п.; минимумы негативных высказываний фиксируются в 2007-м – первой половине 2008 года (до кризиса) и на период патриотической эйфории 2014–2015 годов (то же до падения доходов и обесценивания рубля).

Однако такое сочетание астении, безразличности, фрустрации и агрессии («синдром заключенного» по Б. Беттельхайму¹) респондентами приписывается главным образом *окружающим* людям, а не себе². Свое же собственное состояние представляется им не таким депрессивным, как у других³. Нормы, определяющие специфический характер проективного *обобщения* (при восприятии массовой жизни), заставляют респондентов оценивать происходящее в стране или жизнь окружающих более негативно, чем свою собственную жизнь в настоящем. Важно, что в конструкцию такого обобщения не входят компоненты идеологической коллективности, заданной специальными институтами, ассоциируемыми с властью, си-

стемой господства. Поэтому негативные оценки (другими словами, **массовый опыт** частного существования в прошлом) сильнее проявляются у людей старшего возраста, особенно в провинции – в селе или малых городах, в низовых слоях средних и крупных городов. Всякий раз при таком видении включаются представления об атомизированных индивидах или фрагментированных малых группах, иногда предполагающих оппозицию «мы – они», «обычные люди – начальство».

На этом фоне кажется явным противоречием, даже парадоксом, преобладание позитивных ответов в таком роде: «*В будущем году все будет лучше, чем в прошедшем*» (график 12). Такие установки как бы не согласуются с отсутствием уверенности в завтрашнем дне, характерным для большей части опрошенных. Это превышение «оптимистических» ожиданий над «пессимистическими» носит постоянный характер, хотя само превышение невелико. Надежды «на лучшее» не просто выражены сильнее, чем другие установки, они функционально дополняют восприятие текущих событий, они встроены в структуру понимания реальности, отношения к происходящему. Природа этих «надежд», точнее, *иллюзий*, другая, чем обычное практическое и рациональное поведение, базирующееся на трезвом учете своих возможностей, ресурсов и средств решения постоянно возникающих повседневных задач, удовлетворения материальных интересов. Эти «надежды» устойчивы, поскольку они слабо зависят от внешних факторов, от текущих событий и соответственно от колебаний настроений респондентов. В отличие от более приземленных ответов о «чувстве уверенности в завтрашнем дне»⁴ они не связаны с практическим действием. Такой тип установок можно назвать «авось-сознанием». Это не фатализм, а неспособность к рационализации времени и собственного поведения, обусловленные крайней ограниченностью ресурсов семьи у большей части населения и низким уровнем доверия, как *межличностного*, так и, в еще большей степени, *институционального*, не позволяющих планировать свое будущее и контролировать инвестиции в себя и своих детей (графики 13, 14, табл. 1–4). В свою очередь, такое положение вещей объясняется отсутствием или, более мягко, слабым развитием

¹ Синдром этого рода возникает из-за постоянного принуждения, результатом которого становится разрушение человеческой личности, распад идентичности. Для этого «надо»: 1) заставить человека заниматься бессмысленной работой; 2) вводить взаимоисключающие правила, нарушения которых неизбежны; 3) достигнуть размывания личной ответственности коллективной; 4) заставить людей делать вид, что они ничего не видят и не слышат; 5) заставить узников поверить в то, что от них ничего не зависит; 6) заставить людей переступить последнюю внутреннюю черту (переход через предельные моральные нормы и запреты). [Электронный ресурс]. https://royallib.com/book/bettelgeym_bruno/prosveshchennoe_serdtse.html.

² «Окружающие» респондента люди рассматриваются им в их частном, повседневном состоянии, не соединенным в виртуальное коллективное единство «мы».

³ Соотношение негативных и положительных мнений о собственном моральном самочувствии опрошенных и их характеристиках состояния окружающих в 2016 и 2017 годах равнялось 1.2 и 1.3 против 1.8 и 1.6. Само по себе это обстоятельство давно отмечено специалистами «Левада-Центра»: «положение дел в стране» респондентами всегда оценивается хуже, чем в своей семье. Такие же различия проявляются в характеристиках респондентами экономического положения своей семьи и экономической ситуации в стране в целом или в регионе проживания опрашиваемого. См.: Общественное мнение 2017. М., 2018. С. 7, графики 1.2; с. 23, графики 2.1, 2.2, 2.21.

⁴ Динамика показателей на графике 8 легко поддается причинно-следственной интерпретации: всплески негативных ответов всякий раз следуют за острой фазой кризисов, но с некоторой задержкой.

График 12
«КАКИМ ДЛЯ ВАС БУДЕТ СЛЕДУЮЩИЙ ГОД ПО СРАВНЕНИЮ С МИНУВШИМ?»

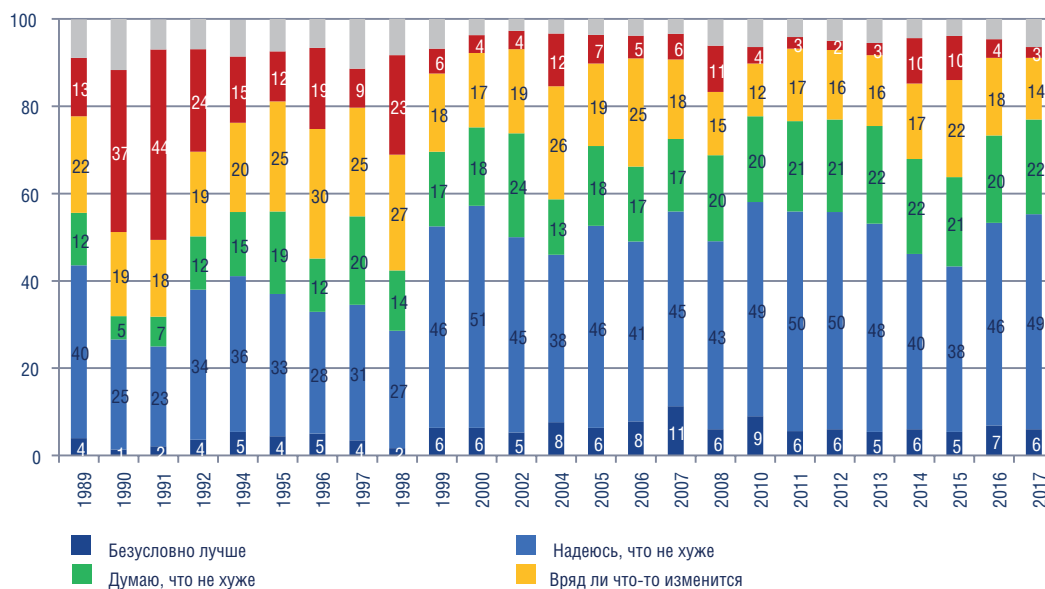
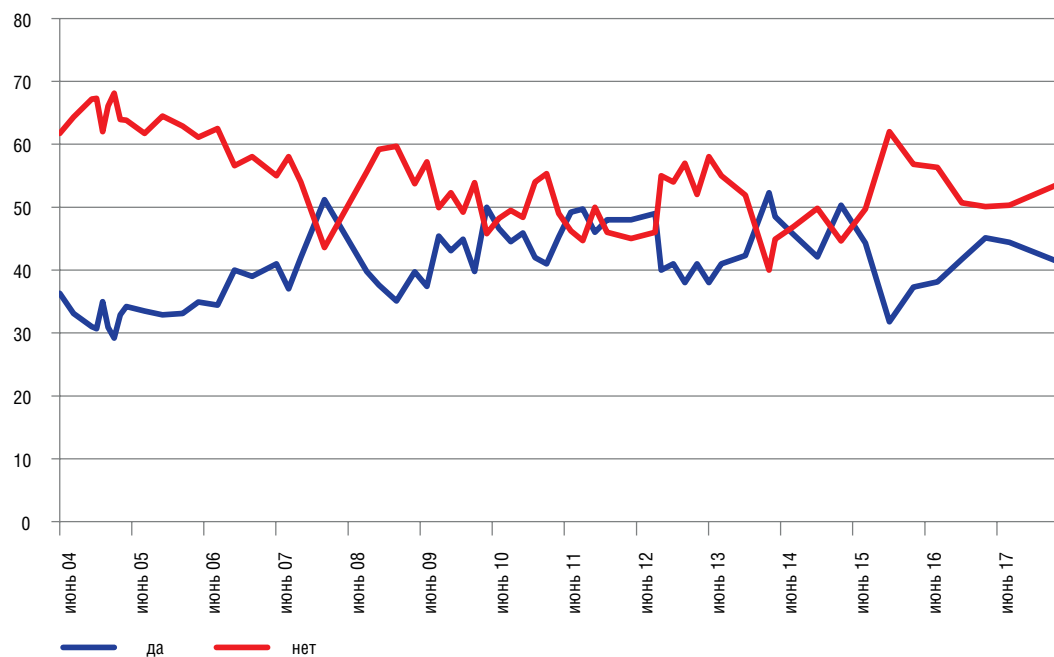

График 13
«ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ?»

институциональной системы, ориентированной на нужды и интересы граждан, гражданского общества, примитивностью социальной системы, то есть инерцией тоталитарного «общества-государства».

Смысловой горизонт существования респондентов, предельно ограниченный в 1990–1991 годы имеющимися в их распоряжении ресурсами, постепенно расширялся к концу десятилетия; после начала реставрации централи-

зованного управления он остается стабильным на протяжении всего путинского правления. Если в момент развала советской системы почти четыре пятых опрошенных пребывали в состоянии дезориентированности и растерянности, то с середины 2000-х ситуация изменилась: число «дезориентированных» заметно сократилось до чуть больше половины опрошенных, а к 2014 году (пику коллективной эйфории) – до 44%; напротив, доля тех, кто считал, что они

График 14

«ВЫ СМОТРИТЕ В НАСТУПИВШИЙ ГОД С НЕУВЕРЕННОСТЬЮ, НАДЕЖДОЙ ИЛИ ТРЕВОГОЙ?»

Таблица 1

УЧИТЫВАЯ НЫНЕШНЮЮ СИТУАЦИЮ, НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ С УВЕРЕННОСТЬЮ МОЖЕТЕ ГОВОРИТЬ О СВОЕМ БУДУЩЕМ?

	1990–2017	1990	1991	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
На много лет вперед		1	2	2	3	4	4	3	3	5	4	4
На ближайшие пять-шесть лет		3	3	6	11	14	15	11	13	11	17	15
На ближайшие год-два		17	14	34	34	31	32	36	40	33	37	38
Я не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы		61	63	53	48	47	45	47	37	46	37	38
Затруднились ответить		18	18	5	5	5	5	4	7	5	5	5
Число опрошенных		2500	2800	1600	1600	1600	800	800	800	1600	1600	1600

могут планировать свою жизнь «на ближайший год-два», увеличилась с 17% в 1990 году до 38% к 2017-му; доля «полных оптимистов», готовых рассчитывать свою жизнь на «много лет вперед» в сочетании с более реалистичными «оптимистами» (планирующих «на пять-шесть лет»), выросла в сумме с 4% до 19–21% ко второй половине 2010-х. Напротив, доля «растерянных» россиян («не знающих, что с ними будет даже в ближайшие месяцы», вместе с множеством «затруднившихся с ответом») сократилась с 79 до 43%. Другими словами, массивы адаптировавшихся к социальной реальности установившегося авторитарного режима и дезадаптированных сравнялись уже к середине 2000-х, хотя само равновесие было еще очень неустойчивым. После кризиса 2008–2009 годов соотношение «уверенных в себе» и «тревожных» респондентов, составлявшее долгое время примерно 1:2, сменилось в 2017 году положитель-

ным трендом, как показывает табл. 2. Фактором роста чувства удовлетворенности жизнью, спокойствия и уверенности (в том числе, вторичным образом, и в себе самом) является не собственно изменение доходов (или не только они), но возвращение к давней модели власти, в знакомые рамки административного управления, «освобождение» от неопределенности индивидуального выбора.

Безосновательные «надежды», или утопизм массовых ожиданий, являются оборотной стороной глубоко укоренных в русской культуре, а потому кажущихся «иррациональными» государственно-патерналистских ориентаций. В обычной жизни они практически не осознаются, выступая как априорные, «само-собой-разумеющиеся» представления о власти, своего рода метафизика традиционалистского или архаического понимания государства, его обязанностей заботиться о народе. Функция та-

Таблица 2
С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ...

	В свое собственное будущее					На будущее России				
	2013 V	2014 XI	2015 V	2016 V	2017 VI	2013 V	2014 XI	2015 V	2016 V	2017 VI
Скорее спокойно, с уверенностью	32	33	42	42	50	29	33	39	39	46
Скорее с беспокойством, опасениями	59	56	47	49	44	58	55	50	50	45
Затруднились ответить	9	10	11	8	7	13	12	12	11	9
Число опрошенных	800	1600	800	1600	1600	800	1600	800	1600	1600

ких убеждений заключается в том, чтобы нейтрализовать хронически негативный опыт повседневности, преобладающий в общественном сознании, путем переключения оценок настоящего времени и практического положения в другой план, в условное время «желаемого» или «уповаемого» состояния, перевести воображаемые результаты своего возможного действия в модальность «отложенного удовлетворения». Это соединение настоящего и ожидаемого времени удовлетворения и есть механизм «русского терпения», рациональность пассивного выживания, кристаллизованный коллективный опыт насилия.

Генетически такие механизмы позитивной разгрузки фрустрации являются рудиментами коммунистического воспитания, веры в «светлое будущее», без которой установки государственного патернализма проявлялись бы гораздо слабее¹. В целом обе составляющие —

¹ В более глубоком понимании такое отношение к действительности является особенностью наследия русского православия, влиянием пришедшего из Византии исихазма. Вера в спасение через покаяние стала причиной подавления и отсутствия институциональных практик систематического, последовательного и методического контроля верующими своих действий, включая духовную сторону существования, незначимость (для всех, кроме монашества) психологического и морального самодисциплинирования и воспитания себя на протяжении всей жизни. «Не согрешишь — не покаешься» или «не согрешишь — не спасешься», «Пред Богом приятнее грешник с покаянием, нежели праведник с гордостью» (Макарий Оптинский). Такая установка (путь к спасению лежит не через внутреннюю борьбу личности с грехом, а через признание неизбежности греха как условия покаяния и соответственно необходимости церкви как условия спасения, а фигуры священника как магического пургенизатора) блокировала перспективу массовой этической рационализации и формирование личности современного типа — рационального и ответственного человека. В более общем плане такие механизмы способствовали консервации сильнейшего разрыва массовой этики и групп, носителей рафинированной культуры и религиозности. Традиция открывала возможность многократно грешить и каяться, снимая тем самым жесткие ограничения для индивидуального совершенствования, «облагораживания», интернализации этического контроля (социализации, совести). Подчинение же церкви государству (и превращение его в Третий Рим, в гаранта коллективного благоче-

негативная оценка настоящего и ожидания лучшего будущего — образуют рамку восприятия реальности, то есть нормы соотношения (согласования) различных эмпирических обстоятельств. *Иллюзии (ожидания желаемых состояний и благ, необоснованные реальными обстоятельствами) — самый прочный материал социального порядка, отношений людей с властью в авторитарных или тоталитарных системах господства*². Хотят одного, но соглашаются на другое.

Не следует путать этот тип поведения с социальным инфантилизмом. Социальный инфантилизм («наученная беспомощность») проявляется лишь в специфических ситуациях, а именно при выходе индивида в неизвестную ему, непривычную плоскость отношений (например, общегражданских вопросов внутренней или внешней политики). В таких случаях обычный человек, обыватель, попадает в контекст проблем, далеких от его повседневных дел и забот, абстрактных, отвлеченных, неинтересных вопросов (с его точки зрения, то есть не затрагивающих практических интересов благосостояния, социального продвижения), но как бы требующих от него какой-то значимой реакции (которой у него нет). Другими словами, это ситуации, когда от бывшего советского человека ожидается (предполагается) правовое, финансовое или политическое поведения в соответствии с декларируемыми нормами и правилами современных институтов — демократии участия и ответственности, защиты судом прав

стия, в надзирателя за поведением обывателей) отделило Россию от эволюции западного христианства, обеспечило сакрализацию власти, сознание особости России и необходимости ее изоляции от Европы. См.: *Зильберман Д.Б.* Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Издательство И. Лимбаха, 2014. Теоретически примерами альтернативного развития могут служить протестантизм во всех его разновидностях или русское старообрядчество, более суровое по своей регулятивной силе, ставшее основой русского капитализма.

² *Левада Ю.* Человек обыкновенный. С. 373.

и достоинства человека и т.п., институтов, *которых нет в его действительности*. Подобные коллизии редко возникают в его обыденной, рутинной жизни с ее привычным и знакомым набором социальных ролей, акторов, объемом и формами произвола, насилия, коррупции, что позволяет учитывать их и приспособиться к власти. Но этот рутинный опыт партикуляристского взаимодействия с одними и теми же партнерами, акторами, неприменим — в силу недостаточности или неадекватности — для новых, неизвестных ранее обывателю условий или правил поведения в обстоятельствах, когда нужно действовать в соответствии с более общими генерализованными институциональными нормами «общества», а не партикулярных групп или общностей. Подобные требования расходятся с его привычными ориентирами, нормами поведения, партикуляристскими взаимосвязями, калькуляцией жизни «от зарплаты до зарплаты», от дня ко дню.

Возникающие коллизии снимаются мнимой рутинизацией отношений с властью — переносом на власть партикуляристских представлений о том, как должна вести себя власть в отношениях с подданными, которые моделируются по образцам распределения семейных ролей или нормам взаимодействия в малых группах (среди соседей, членов бригады или рабочего коллектива, дедовщины в воинской части). Предельный уровень ценностно-нормативной регуляции ограничен не могущими быть рационализированными в этой среде этическими соображениями о материальной справедливости. Тем самым имеет место банализация (или архаизация) представлений о мотивах участников взаимодействия во всех случаях, выходящих за рамки ограниченной компетенции обывателя, — в «высокой» политике, включая и международные отношения. Определения таких ситуаций взаимодействия (в высших кругах руководства или межгосударственных отношений) редуцируются до примитивной склоки на коммунальной кухне, что делает их понятными и объяснимыми, принуждая к безальтернативной идентификации со «своими» против «них». То, что власть (администрация) может использовать двойную тактику в отношениях с подчиненными — как формальную рациональность (формальную справедливость соответствия своих решений действующим законам, регламентам, инструкциям, то есть отвечать чисто бюрократическими средствами управления, которые недоступны обычным людям), так и материальную справедливость («входить в положение людей»), — делает обы-

вателя совершенно беспомощным и незащищенным перед властью, ставя его в положение зависимого и неполноценного субъекта. Он по понятным причинам не может оперировать формальными средствами институциональной защиты (суд, полиция, работодатель всегда будет на стороне силы, власти), но может тихо саботировать любые распоряжения власти, вынуждая ее идти на компромиссы (но только в том случае, если сопротивление — неисполнение, волокита, халтура, отказ — имеет массовый анонимный характер). В частном индивидуальном порядке (по одиночке) такое сопротивление произволу в неправовом, непредставительском государстве невозможно и нерезультативно, но оно реально проявляется в виде диффузного и неиндивидуального уклонения людей от следования приказам и распоряжениям администрации. Последствиями таких способов управления властью оказывается *сохранение квазитрадиционализма* массового сознания, двоемыслие и массовый оппортунизм, в том числе коллективное подавление условий выделения субъекта действия, недопустимость, неприличие заявленной личной ответственности, отсутствие гратификации за личную позицию или даже резкое осуждение подобных действий¹. Ограничение бюрократического произвола и насилия власти достигается только при рутинном, всеобщем, безличном, и потому не наказуемом неисполнении распоряжений власти. В этом причина неэффективности тоталитарного государства или государства путинского режима. Жалобы и сетования по поводу гипертрофированного роста количества чиновников и падающей результативности административного управления, неисполнение указов президента и т.п. — все это оборотная сторона недемократической государственной системы, отсутствия представительства и независимого суда, свободных СМИ.

¹ Недавние события дают нам массу примеров подобного неприятия — массовая реакция («пиарятся!») на действия А. Навального или самовыдвижение К. Собчак кандидатом в президенты, на персональные выступления с протестами (против мусорных свалок, бездействия и безответственности, лжи администрации после пожара в Кемерово) или, в более общем виде, подозрительное отношение к работе НКО и правозащитникам. Любая индивидуально выраженная моральная позиция, если она не ассоциируется с действиями власти, вызывает резкое отторжение. То, что допустимо, нормально в демагогии Жириновского или для Путина, оказывается недопустимым, неприемлемым для обычного человека. Отношение меняется лишь со смертью «выступающего», как бы ценой жизни подкрепляющего ценности своей позиции. Для цинического общества ставки «настоящей правды» запредельно высоки, поэтому злобная или нарочитая буффонада политиков и телепропагандистов воспринимается с обязательным дистанцированием и релятивизмом.

Поэтому отказ от собственной ответственности за положение дел в месте, где живет человек, в городе или стране, то есть отказ от участия в «политике», соответственно от контроля за властью теснейшим образом связан с воспроизводством политической культуры и определенной модели человека, с системой самозащиты от произвола и активацией традиционализма¹. Это отчуждение от общественных проблем обеспечивает не только сохранение внутреннего баланса самооценок, психологическую защиту от чувства неполноценности, зависимости, унижения, но и эквивалентно уступке или передаче права принятия решений администрации любого уровня, от местной до центральной.

Это безропотное «рулите нами» предполагает ничем конкретно не подкрепленное (идеологическое) представление о том, что «они» (начальство) будут стараться что-то сделать нужное или важное для «нас всех». На этом (навязанном сверху, а потому очень условном, ограниченном отношениями господство — подчинение) тезисе о благих намерениях начальства держится легитимность власти и администрации разного уровня. Такое представление («власть должна...») является важнейшим компонентом общественного порядка, скрепляющим самые разные плоскости социального существования. Поскольку эта сфера вынесена за рамки ответственности и дееспособности обывателя, отношения этого рода никак не артикулированы в повседневном языке, а потому не поддаются рефлексии обычного человека, его возможностям их рационализации. Эти представления лежат ниже уровня коллективного или массового понимания (это область коллективного бессознательного, как сказал бы психоаналитик). Поэтому такие компоненты массового сознания безусловны, они воспроизводятся так, как воспроизводятся все традиционные формы поведения, — через подражание, внушение, целостно и некритично, но именно поэтому они обладают особой силой и значимостью. Если в своем ближайшем кругу человек сознает себя вполне дееспособным и ответственным субъек-

¹ «...Главный «секрет» работающей демократии заключается в способности граждан сочетать собственные (личные, семейные) обязанности с гражданскими (региональными, общенациональными) — притом как в обычных, так и в чрезвычайных обстоятельствах. Отечественная специфика — и беда — в том, что слишком долго подобное сочетание достигалось преимущественно принудительно, а потому воспринималось населением как зло, которого следует по возможности избегать». См.: *Левада Ю.* О «большинстве» и «меньшинстве». — *Левада Ю.* Ищем человека... С. 352.

том, то по отношению к политике в стране в целом, к «общему делу» он воспринимает себя как существо отчужденное и социально зависимое, неполноценное или недееспособное (табл. 3—6, графики 15—19)².

Отсутствие представлений о целях и направлении политики руководства страны восполняется иррациональностью веры в значимость и верность его курса при отказе участия и ответственности самих людей за последствия. Однако важно подчеркнуть, что это «отсутствие» не означает «пустоты», дефицита ясных знаний (которые могли бы порождать потребность восполнения и соответствующую мотивацию действий). Напротив, в российском массовом сознании эта сфера наполнена смыслом, другое дело, что эти представления не могут быть компонентами мотивации действия (если не считать отказ от действия тоже поведением), они не предполагают собственного участия индивида в событиях этой сферы, ответственности и интереса к проблемам, выходящим за рамки повседневной компетенции обывателя, то есть не предполагают собственной включенности в проблематику власти, распределения ресурсов, принятия решения и ответственности за их последствия. Эти представления могут быть сведены к давней советской формуле «начальство лучше знает». Это не пустота и не отсутствие³.

Такое отношение оказывается возможным, только если сами представления о намерениях, действиях, интересах власти глубоко архаичны, «нуминозны» и не подлежат критической оценке, они окружены или защищены своего рода табу на свое обсуждение (через чувство дискомфорта, нежелательности поднимать подобные темы). Технически (с социологиче-

² Отграничение «ближнего» круга социальной жизни от «дальнего» отделяет сферу непосредственного влияния или воздействия человека, то есть того, что он способен изменить, от сферы (институтов, организаций, авторитетов), к которым он может лишь приспособиться. Иными словами, область его непосредственного личного действия и область его «зрительского» соучастия в процессах и событиях, на которые он влиять не может. Вне пределов своего профессионального или специализированного, статусного и тому подобного действия любой и каждый человек выступает как «человек обыкновенный» и в «больших» делах принимает участие как «зритель». Такое разделение подкрепляется принципиальным отличием информационных источников, которыми человек пользуется: в первом случае это собственный опыт, во втором — все более могущественная масскоммуникативная сеть. См.: *Левада Ю.* «Человек обыкновенный» в двух состояниях. — *Левада Ю.* Ищем человека... С. 367.

³ В данном случае слово «отсутствие» представляет собой перенос, проекцию на массовое сознание нормативных или догматических представлений групп, претендующих на статус и функции элиты, навязывающих свое понимание того, как надо было бы думать и вести себя в подобных обстоятельствах людям «массы».

ской точки зрения) такого рода представления транслируются средствами коммуникации, которые не контролируются повседневными опытом и возможностями респондентов, а именно работой идеологических структур (образовательными учреждениями, выступлениями политиков, ТВ-пропагандой, занимающими в общественном мнении статус более авторитетных инстанций, чем статус обычного человека). Помимо этого такого рода коммуникации сопровождаются массовыми государственными церемониалами и празднествами, электоральными кампаниями, они поддержаны институтами оправдания и защиты власти, ее легитимации, не имеющими никакого отношения к проблемам обычных людей. Их эффективность определяется не отдельными аргументами и примерами, а непрерывностью воздействия, что в каком-то плане повторяет целостность традиционных механизмов воспроизводства образца — действия, в котором нельзя выделить целевые или инструментальные компоненты; как всякая традиция или обычай, они воспроизводятся целиком (равно как и социализация к ним точно так же повторяет весь образец действия, обучение происходит в процессе самого действия).

Поэтому такой иррационализм в определенном смысле «искусственный». Симптомом «иррационального» отношения к власти (этого «нео-», «псевдо-» или «квазитрадиционализма») является неверие в прагматический смысл выборов, то есть отношение к ним не как к механизму смены власти или контроля за ней, а как к определенному церемониалу, инсценировки

чужого по сути политического механизма, заимствуемого у «нормальных стран». Опросы общественного мнения раз за разом фиксируют непонимание конкретных политических целей, которые преследует руководство страны, и связанное с этим отсутствие ответственности за происходящее в стране. Несмотря на всеобщий характер самоидентификации россиян в качестве «патриотов», участвовать в политике люди не хотят, что говорит о том, что эти области значений никак не пересекаются между собой. Даже «Крым» не становится здесь значимым фактором — рост доли «сознательных» и «ответственных» респондентов нельзя признать значительным (таковых в 2009-м — 7%, в 2014-м — 15%, затем идет спад — см. табл. 3). Особенно контрастно эта неспособность к политической ответственности или субъективному нежеланию отвечать за действия руководства страны выглядит в сравнении с моральным отношением к своей семье, где абсолютное большинство опрошенных могут и считают необходимым лично отвечать за возникающие проблемы и их решения (табл. 5 и 6; графики 15–19).

Таким образом, в сознании подавляющего большинства россиян частные и публичные сферы жизни четко разделены пониманием собственных ролей в них, пределов компетентности, опасности перехода из одной области социального существования в другие. Каждая из этих сфер обусловлена разными ценностями, разным пониманием социального человека — коллективного, идеологического резонера, персонажа, живущего в мифологическом пространстве и времени «героической борьбы

Таблица 3

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В СТРАНЕ?

	2006	2009	2014	2015	2016	2017
	X	VI	III	XI	VI	I
В полной мере + в значительной степени	9	7	15	13	11	11
В незначительной степени + совершенно не чувствую	82	84	77	87	86	89
Затруднились ответить	8	9	7	4	4	4
N = ...	3000	950	1600	1600	1600	1600

Таблица 4

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?

	2004	2006	2009	2015	2016	2017
	IV	X	VI	VII	VI	I
В полной мере + в значительной степени	91	94	92	93	93	91
В незначительной степени + совершенно не чувствую	8	5	7	7	7	8
Затруднились ответить	1	2	1	0	1	<1
N = ...	3000	950	1600	1600	1600	1600

График 15

«ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ДВИЖЕТСЯ НАША СТРАНА, КАКИЕ ЦЕЛИ ПОСТАВЛЕНЫ ПЕРЕД НЕЙ НЫНЕШНИМ РУКОВОДСТВОМ?»

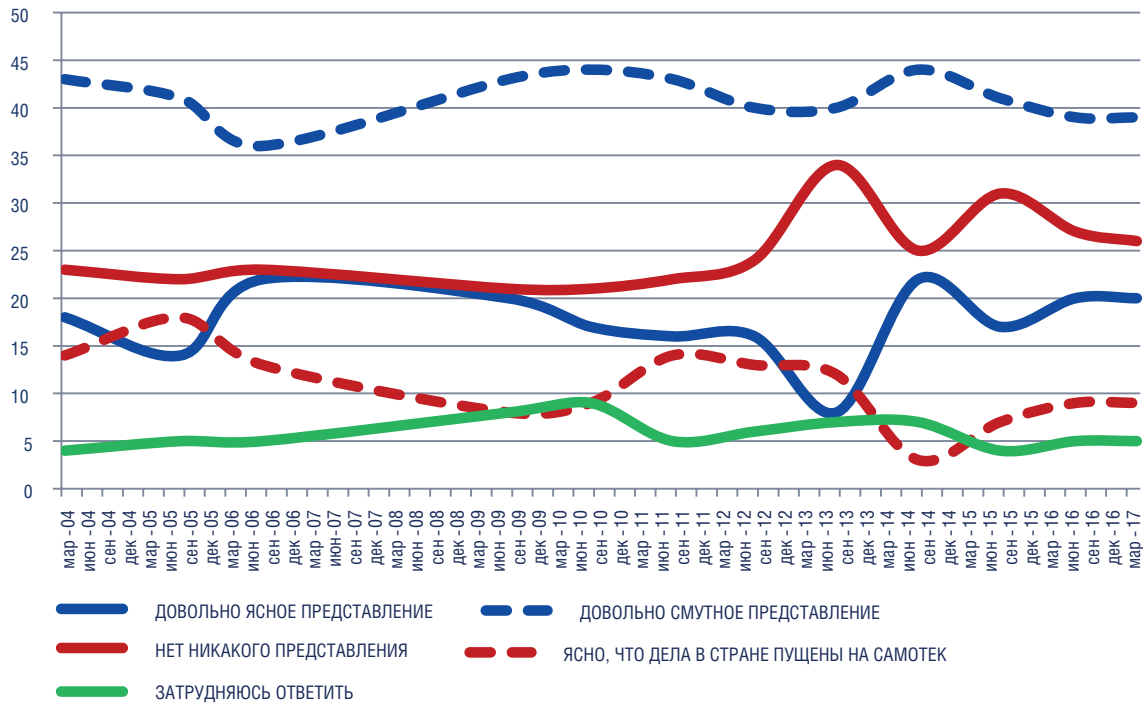
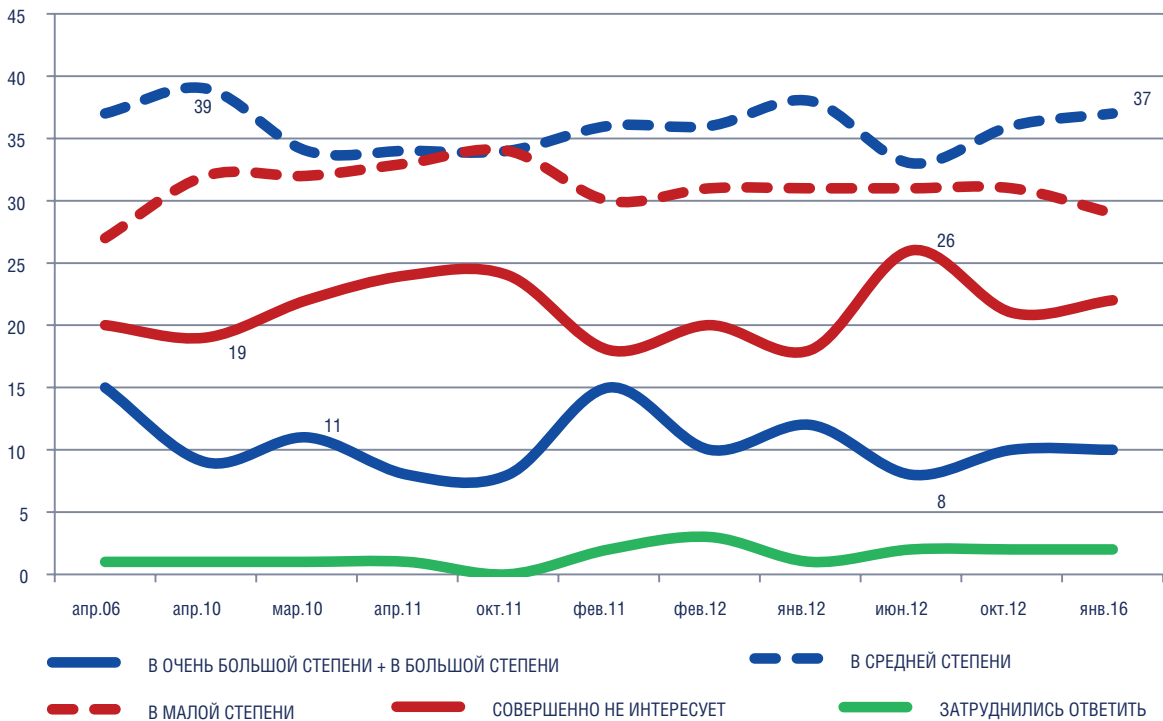

График 16

«В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?»

с врагами», и обывателя, «маленького, простого человека», атомизированного реалиста, живущего сегодняшним днем, озабоченного только проблемами благополучия и безопасности своего ближайшего окружения, не помышляюще-

го ни о «высоком» — героических деяниях, ни об изменениях как власти, так и других людей, не верящего в возможности совершенствования мира и облагораживание людей. Поэтому в общественном мнении доминирует смиренный

График 17

«ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ?»

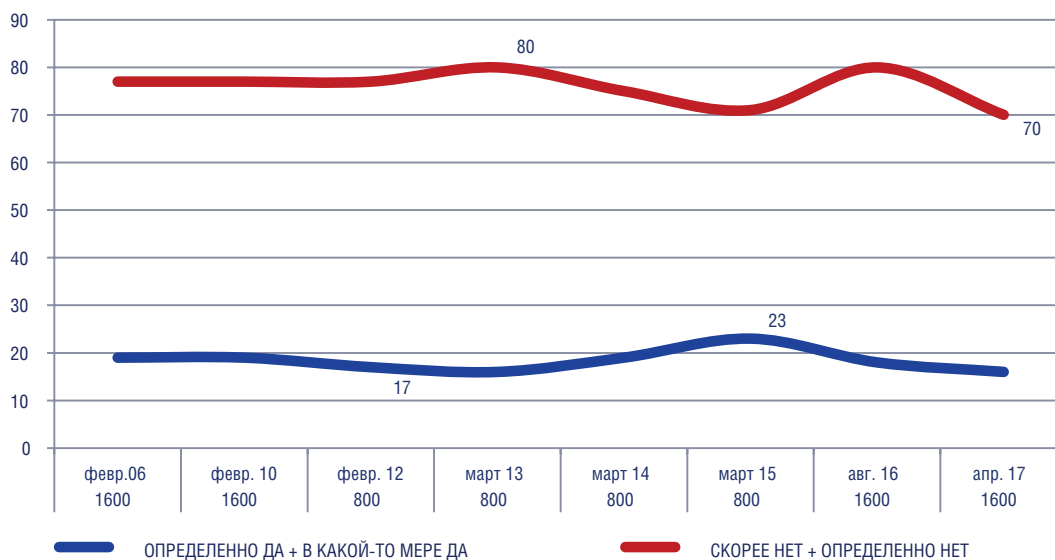

Таблица 6

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ВЛИЯТЬ НА ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАНЕ?

	2006 II	2007 X	2010 II	2012 II	2013 III	2014 III	2015 III	2016 VIII	2017 IV
Определенно да	2	3	2	1	3	1	3	1	3
В какой-то мере да	13	21	12	14	10	12	15	11	12
Скорее нет	39	31	34	39	35	38	39	38	31
Определенно нет	45	41	51	42	49	47	40	49	51
Сумма «не могут»+ «з/о»	85	76	86	85	87	87	82	88	85
Затруднились ответить	1	1	1	4	4	3	4	1	3
N = ...	1600	1600	1600	800	800	800	800	1600	1600

График 18

«КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЗАСТАВЛЯЮТ ЛИ РЕГУЛЯРНЫЕ ВЫБОРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВО СТРАНЫ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ХОТЯТ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ?»

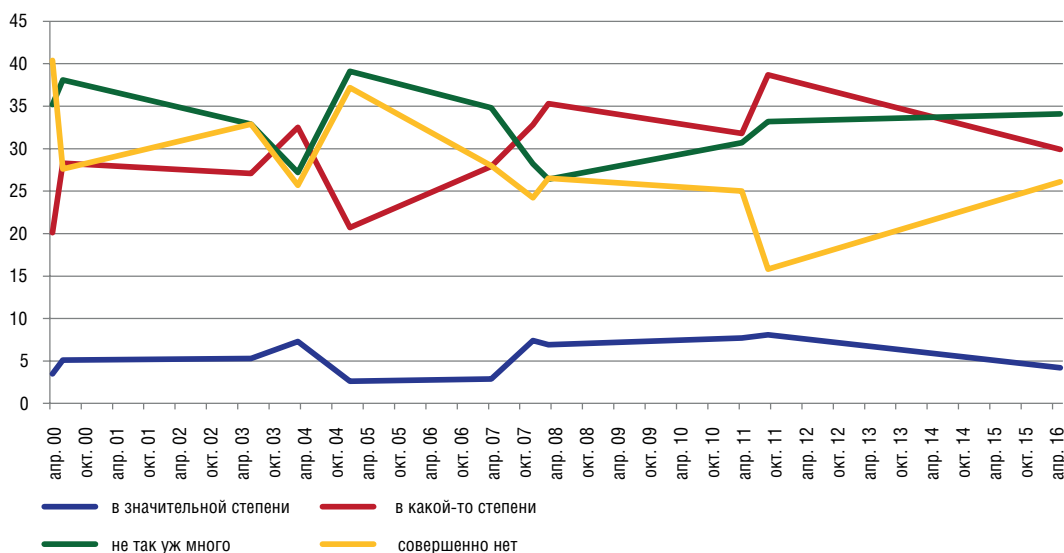
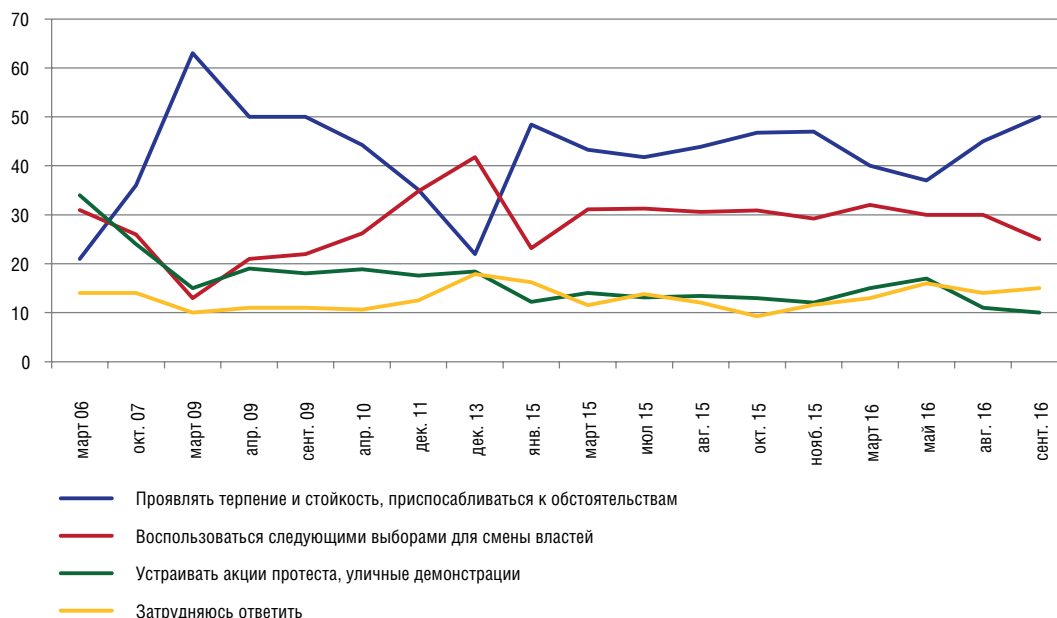

График 19

«КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬСЯ К ПРОБЛЕМАМ, С КОТОРЫМИ ЛЮДИ СТАЛКИВАЮТСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?»

тон пассивной адаптации: надо терпеть и приспосабливаться к обстоятельствам (график 19). За последние 10 лет лишь в один период мнение о том, что нужно воспользоваться следующими выборами для смены негодной власти, оказалось мнением относительного большинства: это был период 2011–2013 годов – время массовых антипутинских демонстраций протеста в крупных городах.

Условия сохранения властной вертикали: баланс иллюзий, gratification и страхов (квази-) традиционалистского сознания. Каждая фаза коллективного возбуждения провоцирует оживление и выход на передний план массовых иллюзий, упований и необоснованных надежд на улучшения жизни («счастье»), веры в лидера – вождя или спасителя, способного привести к нему¹. Это не отдельные ожидания каких-то конкретных результатов от действий политиков, а проявление особой установки массового сознания, являющейся «активацией» целого пласта культуры, хранящей значения и память о событиях экстраординарной, не повседневной жизни. Мы можем судить об этом процессе (выходе на поверхность взаимосвязанных утопических представлений) только по отдельным симптомам – по появлению разного рода радикалов давних мифов о золотом веке или конце света, признаков хтонических

или потусторонних, сверхъестественных сил, метафизических врагах коллективной общности и т.п. Важно подчеркнуть, что сами мифологические структуры сознания (бинарность, диалектическое переворачивание причины и следствия, смена объясняющих оснований и объясняемого предмета, конспирология, демонизация, симпатическая магия и проч.) внешне принимают вполне секулярную форму политических или публицистических высказываний. Их истинность или ложность не подлежат верификации, поскольку у профанного общественного мнения нет и не может быть необходимых средств их анализа и проверки. Это задача и дело специалистов, ученых, в нашем случае – полностью оттесненных от публичного пространства и сознательно лишенных авторитета пропагандой. Мифологическая структура мышления оказывается порождающей матрицей, которая притягивает к себе и наматывает на себя «факты» и «доказательства»². Как бы дико и абсурдно это ни выглядело для секулярного сознания носителей европейского просвещения – российской интеллигенции, получившей естественнонаучное образование, приходится принять эти проявления массового сознания

² Таковы тиражируемые версии о планах ЦРУ по разрушению СССР (сговор Горбачева с Рейганом, предательство, продажа Советского Союза), демонизация Березовского, ранние упования на Горбачева или Ельцина, перенесенные затем на Руцкого, Лебеда, позже на Путина. Огромная коллекция подобных предрассудков и мифов собрана В.А. Шнирельманом в его книгах. См., например, его последнюю по времени монографию «Колена Дана» (2017).

¹ См.: Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях. С. 364–379.

как факт современной российской идеологической жизни, пронизанной ТВ, социальными сетями, широко тиражируемой демагогией политиков¹.

Любое состояние коллективного возбуждения порождается сочетанием переживаний общей угрозы, страха и чувства открывшейся причастности к более высокому порядку символического существования национальной или групповой общности, соответственно переживанию гордости, единства судьбы, коллективной веры. В этом плане присутствие пусть и слабо выраженных надежд на то, что «завтра будет лучше, чем сегодня», указывает на существование повседневного механизма, стерилизующего причины беспокойства, дезориентации, фрустрации, вызванных неопределенностью ситуации и чувством беспомощности индивида. Ослабление тревоги может производиться либо переносом их на безличные социальные силы, многократно превосходящие возможности частного действующего субъекта, либо через введение еще более ужасных угроз – войны, стихийных бедствий, нищеты, болезней и подобных иррациональных факторов, девальвирующих конкретные ситуативные причины и факторы беспокойства (по схеме: «все можно перетерпеть, лишь бы не было войны», «лишь бы дети были здоровы» и т.п.). В любом случае, актуальная острота настоящей проблемы снимается путем освобождения индивида от ответственности («а что я могу тут сделать?») либо рассеянием угрозы, перевода источника тревоги

во вневременное пространство метафизических сил и субстанций (например, тысячелетнее «государство», вечного противника России – Америку, Англию, Германию и т.п. или еще более «научнообразные» объяснения геополитического или расово-цивилизационного толка через культурно-исторические «архетипы», генетические коды и проч.). Вневременности этих сущностей соответствуют фаталистические или традиционалистские, антииндивидуалистические реакции: «как-нибудь все обойдется», «надо потерпеть», «бог дал, бог взял» и т.п.

Компенсация этой ущербности, зависимости и бесперспективности собственной жизни производится через идентификацию с символами коллективных ценностей, а именно чувством принадлежности к «Великой державе» при полном абсентеизме, нежелании участвовать в общественной или политической жизни и отсутствии представлений о целях и характере политического развития страны (график 15). Если в 1992 году 80% опрошенных считали, что «русские – такой же народ, что и другие» (только 13% опрошенных продолжали верить в особое предназначение или миссию русских в мировой истории), то уже к концу 1990-х такого мнения придерживались лишь 36%, а большинство, 57%, вернулось к идее «российского величия» (к 2017 году эти показатели составляли 32 и 64% соответственно; табл. 6, график 20).

Собственно, это именно то, чего ждут и настоятельно требуют от власти обыватели, чем удовлетворяются даже в условиях снижения ка-

Таблица 6
С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В ЭТОЙ ПАРЕ ВЫ БЫ МОГЛИ СКОРЕЕ СОГЛАСИТЬСЯ?

	1992	1999	2016	2017
	IV	III	X	XI
Русские – великий народ, имеющий особое значение в мировой истории	13	57	57	64
Русские – такой же народ, как и другие	80	36	34	32
Затруднились ответить	7	7	9	4

¹ Нет сомнения, что многое сопротивляется признанию этих процессов одичания или варварства еще недавно, казалось бы, атеистического населения. Но если вспомнить ажиотаж вокруг Кашпировского, Чумака, Джуну, популярность телевизионных передач с участием разного рода колдунов, экстрасенсов, ежедневных астрологических прогнозов, миллионных очередей к привозным «мощам» и «поясам богородицы», многолетнюю работу православных телеканалов, «Территорию заблуждения» Прокопенко, передач о разных таинственных явлениях, пришельцах, НЛО, геомагнитном оружии, «памяти воды», генетическом или психологическом зомбировании в геополитических целях и прочей вульгаризированной мистике, вспомнить «Гибель империи» Шевкунова или «Анатомию протеста» на НТВ и тому подобную продукцию, ежедневно поступающую к зрителю, то все это выглядит уже не столь странным, как кажется на первый взгляд.

чества жизни. Это то, чем Путин купил лояльность основной массы населения, что обеспечило ему восстановление утраченной в 2011–2013 годы поддержки. Именно этим ожиданиям восстановления авторитета России как супердержавы и отвечает имперская риторика и крымская политика Путина (табл. 7 и 8, график 14).

Как видно из табл. 8, самые значительные достижения Путина заключаются в давно ожидаемом «возвращении миссии и статуса “Великой державы”», повышении доходов населения (при некотором сомнении, проявляемом, по

Таблица 7

С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В ЭТОЙ ПАРЕ ВЫ БЫ МОГЛИ СКОРЕЕ СОГЛАСИТЬСЯ?

	1992 IV	1999 IV	2008 VIII	2016 X	2017 XI
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86	76	82
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6	17	13
Затруднились ответить	13	13	8	7	5
<i>N = ...</i>	2000	2000	1500	1600	1600

График 20

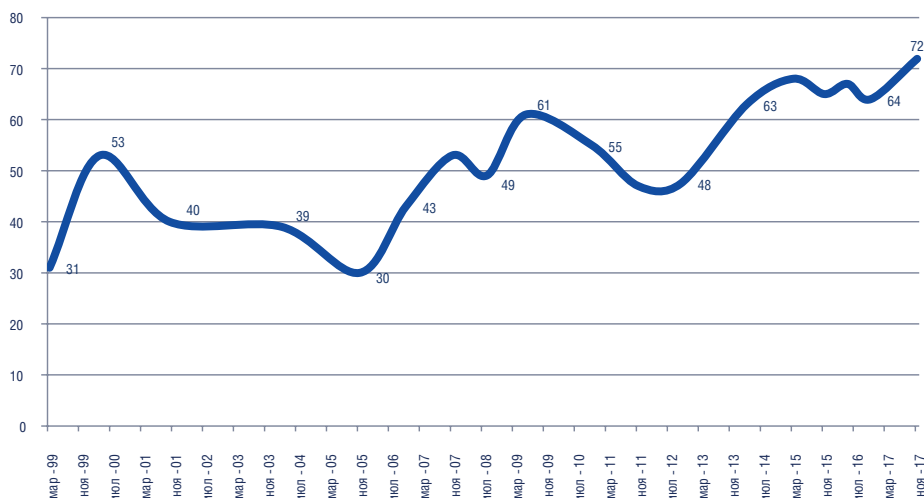
ДОЛЯ РОССИЯН, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ РОССИЮ «ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ»

Таблица 8

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ЗА ГОДЫ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ?

	2010 VIII	2013 II	2014 III	2015 III	В среднем по одному замеру
Вернуть России статус великой уважаемой державы	36	36	51	49	43
Повысить зарплаты, пенсии, стипендии и пособия	43	28	25	29	31
Преодолеть сепаратистские настроения, удержать Россию от распада	-	24	27	32	28
Стабилизировать обстановку на Северном Кавказе	12	17	25	34	22
Справиться с последствиями кризиса 2008 года	-	19	19	29	22
Удержать Россию на пути реформ	22	22	16	24	21
Обеспечить сближение между странами СНГ	20	16	13	16	16
Продолжить реформы, но с большим вниманием к социальной защите населения	22	9	12	14	14
Обеспечить укрепления закона и порядка	17	11	9	18	14
Преодолеть кризис в экономике, остановить спад производства	18	14	12	10	13
Вернуть простым людям средства, которые были ими утеряны в ходе реформ	11	5	3	5	6
Обеспечить справедливое преодоление доходов в интересах простых людей	5	3	2	4	4
Ничего из перечисленного	6	9	6	5	7
Затруднились ответить	5	8	10	6	7

Ранжировано по средним значениям.

крайней мере, в среде нижнего среднего социального слоя), стабилизации ситуации на Северном Кавказе, преодоление сепаратизма; неудачи — отсутствие справедливости (справедливого распределения доходов, расслоение российского общества), отказ от компенсации потерянных сбережений, обеспечение законности и порядка: отношений с бывшими республиками. Другими словами, то, что для политика в демократических странах составляет главный капитал политической поддержки, в России отходит на задний план и оказывается второстепенной проблемой.

От аналитика такая двойственность системы координат массового сознания требует определенной, довольно сложной оптики и более рафинированного понятийного языка интерпретации, поскольку внеповседневное состояние массы означает внезапную *примитивизацию массового сознания*, резкое упрощение и единообразие понимания происходящего. А это значит, что в отличие от ответов на вопросы повседневного и практического свойства, на которые респондент может отвечать в соответствии со своим опытом, практической рациональностью и компетентностью, в тематике ответов на вопросы более общего порядка, политических проблем, гораздо в большей степени проявляется коллективная природа общественного мнения. Коллективные представления радикально отличаются от индивидуального опыта и норм мышления. Индивидуальное сознание многократно сложнее массового.

И патриотическое воодушевление праздничных колонн на шествиях или ненависть к врагам на митингах протеста, чувство гордости, пробуждаемые зрелищем военных парадов, и слепая паника толпы обеспечиваются радикальным упрощением конструкций действительности путем сведения к образам и действиям персонажей «давно прошедшего времени», их мотивам, их возможностям нарушения обычных норм поведения ради предельных ценностей всего коллективного целого — народа, Родины, «братства товарищей» и т.п. При этом все соображения обычного порядка существования — материального обеспечения, субъективности, рациональности (взвешивания цель — средства, цена — качество) — отступают на задний план или вообще не принимаются во внимание. Этот момент, ментальная и логическая процедура нейтрализации повседневных интересов и потребностей («взятия в скобки»), самого контекста будничного существования воспринимаются и осознаются как апелляция к

«высокому», восхождение к высшим значениям (коллективной) жизни.

Собственно, ценности и не могут быть выражены иначе, чем посредством упразднения, опустошения, освобождения от контекста повседневной реальности и характерных для нее интересов, стратегий и норм действия. Поэтому вне зависимости от ценностного знака подобных состояний — воодушевления, гордости или коллективного мазохизма — имеет место подавление способности к критической рефлексии, дистанцированному взгляду на самих себя со стороны. Это не прямое целевое действие, а побочный эффект переживаний коллективных ценностей, самих ценностных состояний — эйфории, гнева, экстаза, любви, паники, глубокой депрессии или стыда. Моменты полного слияния индивида и толпы синонимичны наступлению временной прострации и интеллектуального ступора, деградации способности к критической рефлексии, а в случае их длительности — общей депрессии и стойкой дезориентации.

«Победа в Великой Отечественной войне 1945 года» после распада СССР и девальвации ценностей революции (и 1917 года, и революции как историософской идеи) образует центр символических структур национальной идентичности русских. Поэтому семантика Победы стала не только главным ресурсом легитимности режима, мотивированного интересами сохранения власти и блокирования каких-либо институциональных реформ, но стержнем организации государственной идеологии. Речь сейчас не о цинической эксплуатации значений войны, а о структуре и функциях символического наследия. Как всякий праздник, День Победы сочетает торжество коллективной силы и память о мертвых. В обязательных праздничных заклинаниях — «никто не забыт, ничто не забыто» — составляющая скорби опускается или носит формально-обязательный, демонстративно-публичный и почти принудительный характер¹. Дело тут не только в лицемерии, но и в воспроизводстве порядка ритуала. Такая апелляция к мертвым (как и посещение кладбища в первое воскресенье после Пасхи) оказывается единственным средством для утра-

¹ Само действие скорбного поминания 22 июня (минута молчания или соответствующие эквиваленты — преклонение демонстрантами коленей, склонение знамен и т.п.) — изобретения довольно позднего времени, даже в 1980–1990-е этого не было. Они, как и другие кремлевские церемониалы и как бы лейб-гвардейские «потешные» мундиры, стали появляться вместе с Путиным. Поэтому движение «Бессмертный полк», рожденное «снизу», из массовой потребности в трансцендентном, очень быстро было перехвачено властями и превращено в пропагандистское действие.

тившего всякие метафизические основания общества подчеркнуть свою связь со сферой высокого, сакрального. Обрядоверие скорби, имитация переживаний скорби, ее театрализация посредством трансляции ТВ на всю страну оказываются самым действенным актом активирования пустых значений трансцендентного. Упоминание смерти (смысл и значение которой в современной русской культуре утрачены¹) является риторическим переключателем сознания из повседневного плана забот и интересов в трансцендентальный, заставляющий смотреть на происходящее с точки зрения мифа, целостностей», как сейчас говорят, «больших нарративов», которые отсутствуют в обычной жизни маленького человека².

Единство общности достигается причастностью каждого отдельного индивида к особым **состояниям** – переживанию содержания коллективного мифа (условного, то есть никогда в таком виде не бывшего прошлого). Суть (функция) мифа заключается в объяснении генетической связи прошлого и настоящего (а также настоящего как залога будущего), иначе говоря, обоснование легитимности институтов такой власти. Ее отличие от современных демократических систем заключается в том, что она символически репрезентирует не интересы частных лиц (даже вместе взятых – «в единстве разнообразия»), а идеологическое целое – «интересы государства» (являющегося синонимом правящей клики или конфигурации кланов), «православного народа», «Руси», империи (= Великой державы) и т.п. Если де-

¹ В логике анализа Л. Седова смерть в России – это «абсолютный проигрыш» индивида, никакой идеи спасения, потустороннего вознаграждения и т.п. здесь нет. См.: *Седов Л.* Типология культур по критерию отношения к смерти // Синтаксис. Париж. 1989. № 26. В существование жизни после смерти, Царства Небесного в 1991 году верили 29–31%, в 2017 году – 45–47% (со всей определенностью лишь 20%). См. также: *Общественное мнение 2017.* С. 146. Табл. 16.23.

² Молодые люди на фокус-группах в «Левада-Центре» о «Бессмертном полке», Параде 9 мая повторяют самые общие слова, которые слышат по ТВ. Они говорят, что это нужно для переживания «связи с предками», «памяти поколений» и т.п. Другими словами, если в культуре шестидесятников память о войне, как считается, была условием внутренней моральной работы, предшественником десталинизации и поиском выхода из тоталитаризма, то сегодня память о войне играет совершенно другую роль – суррогата трансцендентности, восполнения символических или ценностных дефицитов. Вся военная (лейтенантская) проза, кино и публицистика советского времени строилась на сопоставлении себя в настоящем (то есть готовых ко всякого рода сделкам со своей совестью) с экзистенциальным опытом военного поколения, которое, в соответствии со стереотипами того времени, было готово жертвовать собой ради спасения страны, без колебаний, расчетов и каких-либо компромиссов. Сегодня тематика «войны» – это разработка оснований общественной солидарности с властью, легитимация режима Путина.

мократии построены на принципах *представительства* интересов разных групп населения, соответственно не имеющих никакой иной легитимности, кроме истории делегирования неотчуждаемых прав отдельных людей или их групп (партий) политикам, парламенту, то такие «традиционализирующие» режимы, как путинизм или исламистские государства Ближнего Востока, имитируют, точнее, создают заново искусственную «традицию», провозглашая идеологию национального и/или религиозного возрождения, возвращения к почве, корням, духовным скрепам и проч. Ряд таких режимов очень длинный: сюда относятся как разновидности диффузного европейского фашизма в межвоенный период (от Испании и Португалии до Италии, Венгрии, Румынии, отчасти Польши или балтийских стран), так и германский нацизм³.

Сама по себе способность к массовому возбуждению предполагает предварительный длительный период социализации к мифологическому наследию, длительную работу с символическим материалом, в ходе которых население усваивает элементарные нормы традиционализирующейся культуры или занимается присвоением мифологического наследия прошлого. Поэтому массовое возбуждение не возникает на пустом месте, не начинается с чистого листа⁴. Моменты переживания «высокого» смыслового содержания мифа должны быть подготовлены деятельностью других системных институтов режима господства (системой образования, СМИ, церковью, политическими партиями), но производятся они только посредством соответствующих массовых ритуалов – в ходе демонстраций, торжественных церемоний, клятвами верности заветам предков, культом мертвых или «пятиминутками ненависти», разоблачениями заговора врагов, пароксизмами политических страстей на ток-шоу, церковными церемониалами, речами иерархов и т.п. Их сюжетное содержание повторяет в настоящем ключевые или поворотные события прошлого, имеющие отношение к важнейшим, драматическим значениям коллек-

³ Советский тоталитаризм в этом плане отличался от перечисленных выше, поскольку подавал себя как итог развития всемирной истории, всего человечества. Его архаизм был более сложного рода и существенно менялся на разных этапах эволюции режима – от идеологической утопии (архаического представления об обществе равных) до консервативной идеи реставрации империи в виде соцлагеря.

⁴ В этом плане частые разговоры, что первично – пропаганда или движение снизу, запросы самого народа, массы, – бессмысленны; процессы такого рода всегда представляют собой социальное взаимодействие разных сил и определенной, кризисной ситуации.

тивности. Поэтому стереотипные апелляция к Отечественной войне, революции, сражениям прошлого, казням (расстрелу царской семьи), активирующие или затрагивающие шаблоны репрезентации коллективного целого (народа, государства, империи), должны быть регулярными для того, чтобы систематически снижать или уничтожать ценности субъективности, приватности, интересов отдельного человека или группы.

В ослабленном виде такие сюжеты исторических травм ежедневно разыгрываются современными СМИ, прежде всего телевидением, обладающим особой суггестией движущегося визуального образа.

Без ритуалов коллективной мобилизации массовое возбуждение не возникает. Пропаганда не создает новых представлений, она лишь активирует (и заново интерпретирует применительно к контексту текущих событий) слои давно сложившихся стереотипов и спящих предрассудков, образующих несознаваемые пласты национальной культуры, соединяя настоящее с фиктивным и воображаемым прошлым. В нашем случае (крымский синдром мобилизации) ресурсом такого рода являются коллективные представления советского времени, времен холодной войны или даже еще более раннего времени, казалось бы, давно исчезнувшие.

Триггером мобилизации всякий раз выступает внешний фактор страха, кризис, дефицит ясности понимания и выбора стратегии действий, на фоне которых только и могут начать

работать соответствующие коллективные процедуры производства возбуждения — эйфории или ненависти.

Утрата будущего разрушает определенность структур повседневной жизни, порождая массовую дезориентированность и множество необоснованных упований. Симптоматика «утраты уверенности в завтрашнем дне» может вызываться не только экономическим кризисом и ухудшением качества жизни (резким падением доходов, утратой работы и т.п.), но и политическими причинами: усилением репрессий, подавлением или значительным сокращением сферы общественных дискуссий. Все, что ослабляет возможности и средства рационализации текущих событий — ужесточение цензуры с нарастанием агрессивной демагогии, скандалы с авторитетными политиками, стойкое скрытое недоверие общества к власти или доминирующим источникам информации, — становится факторами быстрой смены эмоциональных состояний и архаизацией массового сознания.

В общем списке поводов для беспокойства можно выделить два основных вида источников (точнее, два типа обоснований) массовой тревожности.

Страхи первого рода имеют видимость вполне конкретных причин (болезни детей, старость, криминогенная обстановка, нестабильная экономическая ситуация и т.п.). Сюда еще могут быть включены навыки установления причинно-следственных цепочек и функ-

Таблица 9

ИЕРАРХИЯ СТРАХОВ. ДОЛЯ УТВЕРДИТЕЛЬНЫХ ОТВЕТОВ В СРЕДНЕМ ЗА 1996–2017 ГОДЫ В ОДНОМ ЗАМЕРЕ

Ответы: «Испытываю постоянный страх/боюсь...»	%
болезни детей, близких	74
болезни, мучений	50
мировой войны	44
бедности, нищеты	43
нападения преступников	41
произвола властей, беззакония	39
безработицы, потери работы	39
стихийных бедствий	36
смерти	35
потери сбережений	29
публичных унижений, оскорблений	28
старости	28
СПИДа	25
возврата к массовым репрессиям	25
ужесточения политического режима	21

Пересчитано по: Общественное мнение 2017. С.19–22. Табл. 2.4–2.18.

циональных отношений взаимосвязи между разного рода явлениями, событиями или последствиями действий акторов; другими словами, в таких обстоятельствах возможны акты психологической рационализации или рационального объяснения происходящего людям.

В отличие от них тревоги и страхи второго рода (стихийные бедствия, мировая война, произвол власти, потеря работы, СПИД, публичные унижения и т.п.), проявляемые гораздо большим числом людей, чем собственно «группы риска», как правило, не могут быть связаны с какими-то причинами и последствиями. Они принципиально непредсказуемы, иррациональны, непознаваемы. Этот вид фоновых страхов образует своего рода модус, тональность восприятия и интерпретации происходящего общественным мнением. Такого рода неопределенные и трудно локализуемые страхи являются «бессознательными» механизмами удержания того, что люди считают особо ценным в своей жизни или особо значимым. Они служат признаком отсутствия (то есть *не-возникновения*, подавления или временной приостановки действия) институциональных средств для публичной артикуляции и рационализации, рефлексии и обсуждения причин, обстоятельств и возможностей действия для решения тех или иных социальных или личностных проблем. Они симптом того, что разрушается (или уже разрушена) нормативная структура социального взаимодействия. В таких ситуациях (подавления или паралича авторитетных групп или мнений) респонденты лишены возможности выражения своих интересов или представлений о том, что для них действительно важно и ценно. Диффузные и как бы асоциальные страхи и тревоги, наряду со столь же безосновными или иррациональными надеждами (иллюзиями), размывают горизонт понимания происходящего для обычного человека, не обладающего специальными компетенциями и знаниями экспертов или технической рефлексии интеллектуальной и культурной элиты¹. И именно эти состояния и становятся предпосылкой манипуляции массами пропагандой и демагогией властей.

¹ Такое положение дел в какой-то мере является непреднамеренным результатом самой идеологической политики Кремля: навязывание консервативных взглядов, идеологии традиционализма (или даже возрождение архаики и явного обскурантизма) парализует интеллектуальные возможности населения, его способности к отстаиванию своих прав, сопротивлению административному произволу, рационализации ситуации и предвидению, возможности расчета и к планированию своего будущего, что, в свою очередь, активизирует архаические пласты культуры.

Включение модуса «надо потерпеть» меняет всю систему временных ориентаций и оценок индивида (или общественного мнения, то есть групповых представлений), определяющих возможные стратегия действия. Их смена объясняется тем, что в массовом сознании в этот момент нет представления о силах, которые могли бы переломить негативный тренд и стагнацию в экономике и обществе: ни правительство, ни региональные власти, по мнению россиян, не в состоянии вывести страну из кризиса. Хотя число социальных конфликтов (трудовых споров, забастовок, акций обманутых дольщиков, «мусорных» протестов и т.п.) за последние два года заметно увеличилось, но, не будучи представленными на федеральных каналах ТВ, они как бы не существуют в реальности. Даже будучи известными населению, подобные сведения не становятся значимыми социальными фактами, оказывающими влияние на общественное мнение.

То, что мы называем социальной беспомощностью, является результатом адаптации к институциональному насилию и длительного воздействия пропаганды. Вытесняемое из сознания средовое принуждение означает отчуждение лишь от общественной повестки, но не полную пассивность населения. Поэтому отказ от включенности в общественные дела или отсутствие интереса к тематике общих проблем страны не совсем верно называть апатией общества. Скорее это перенос ангажированными, оппозиционно настроенными группами элиты своего разочарования поведением народа на всю массу населения, которому приписывают несвойственные мотивы действия и интересы.

Усиление репрессий против активистов, общественных организаций, журналистов, блогеров² или отдельных представителей высшей бюрократии, цензура в сочетании с навязываемым «Величием державы» поддерживают «стабильность» общества, что, собственно, и является целью новейших технологий господства и управления массовым сознанием.

Образ нынешнего российского государства в глазах населения сочетает в себе черты «стационарного бандита» (по выражению Мансура Олсона и Мартина Макгира) и патерналистской власти, обязанной «отечески заботиться

² За последние пять лет в России число дел по «экстремизму» выросло в три раза. [Электронный ресурс]. https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml. Большая часть из них – дела против людей, переполнивших нежелательные с точки зрения прокуратуры материалы.

о простых людях и защищать их». Неисполнение правительством своих обязательств не меняет массовых представлений о том, как должна вести себя власть или как должно быть устроено государство. (В этом заключается ошибка российской оппозиции, считающей достаточным для делегитимации режима указать на дефекты или неэффективность политики руководства.) Нормативные представления такого рода являются конститутивными для коллективной идентичности россиян, поэтому они *более значимы, чем собственные трезвые оценки* фактического положения вещей, допустимые лишь для сферы частного, непубличного высказывания. Падение реальных доходов населения объясняется массовым сознанием просто: если денег на социальные нужды нет, то это означает, что их разворовали те, кто им, населением, управляет. В том, что в России государственную власть представляет коррумпированное чиновничество и олигархи, давно убеждено большинство населения; критические выступления А. Навального не порождают новых представлений, а лишь подкрепляют это глубокие убеждения масс, придавая им статус публичности, не затрагивая вместе с тем представлений о неизменяемости социального порядка. Накапливающееся раздражение, вызванное коррумпированностью и испорченностью власти, ее наглостью и безобразиями, остается диффузным, неартикулируемым, поскольку возможности контроля над ней все более сокращаются и стерилизуются репрессиями

и судебским произволом. Однако именно это застойное недовольство, как ни парадоксально, является условием периодической коллективной мобилизации, компенсирующей все недостатки режима или, по крайней мере, временно отодвигающей претензии населения к ней в сторону.

«Крымская ситуация» (как и война с Грузией в 2008 году) в этом плане снижает негативные оценки власти (число недовольных властью сократилась в сравнении с началом 2000-х почти на треть), ослабляет критичные установки по отношению к руководству страны, но не меняет их принципиального характера (табл.10-14, графики 15 и 21).

В 2006 году доля тех, кто преисполнен «гордости за нынешнюю Россию», составляла 48%, после Крыма это показатель вырос до 69–70–67% (2014, 2015, 2017). Сегодня, в разгар конфронтации с Западом и пароксизма коллективного патриотического самоудовлетворения, 83% опрошенных гордятся тем, что живут в России, несмотря на недовольство своей жизнью, властью (но не политическим режимом, который воспринимается как безальтернативный). Это заметно выше средних показателей за многие годы (они держатся на уровне 62%). Неправильно полагать, что «гордятся» страной «несмотря на...», вопреки сознанию реального положения дел. Это не «гордость вопреки», а функциональное дополнение к пониманию реального положения дел – функция «патриотизма» такого рода как раз и заключается в том,

Таблица 10

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКОЙ МЕРЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ РОССИИ ПОРАЖЕНЫ СЕЙЧАС КОРРУПЦИЕЙ?

	2016 II	2017 III
Коррупция полностью поразила органы власти России сверху донизу	25	32
Органы власти России в значительной мере поражены коррупцией	51	47
Органы власти России поражены коррупцией, но в незначительной мере	13	13
В государственном аппарате России практически нет коррупции	1	1
Затруднились ответить	10	7

N = 1600

Таблица 11

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО СЕЙЧАС В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ ВОЛНУЕТ ОКРУЖЕНИЕ ПУТИНА: ПРОБЛЕМЫ СТРАНЫ ИЛИ ЛИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

	2005 I	2007 I	2008 I	2012 I	2013 IV	2016 I	2017 IV
Проблемы страны	31	48	56	40	33	44	49
Личные материальные интересы	55	36	29	41	52	38	35
Затруднились ответить	14	16	15	19	15	18	16
N = ...	1600	1600	1600	800	800	1600	1600

График 21

«КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?»

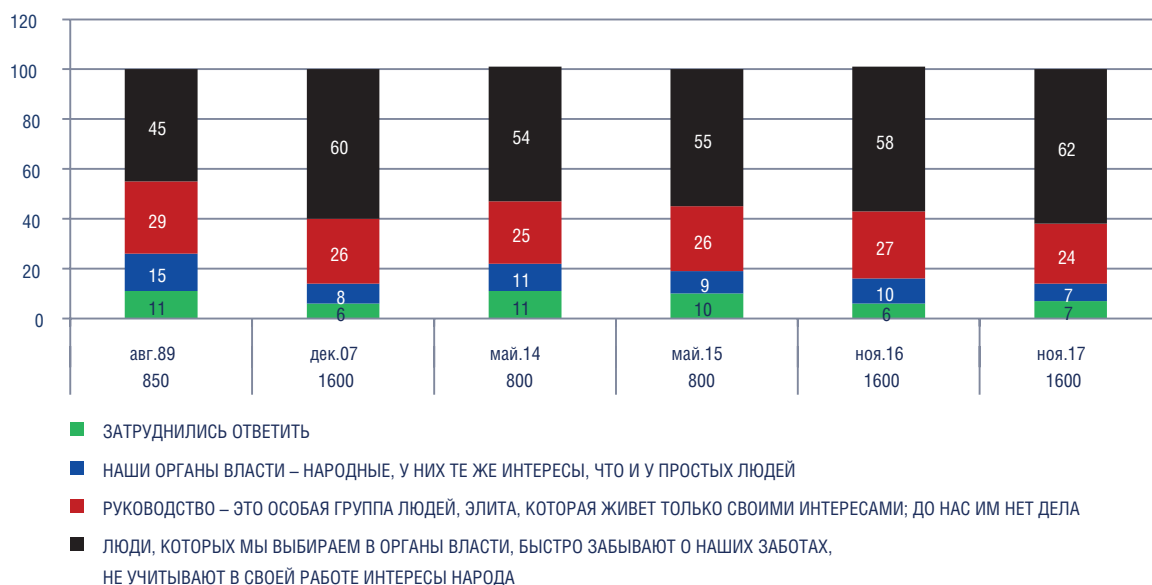

Таблица 13

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РУКОВОДИТЕЛЯМИ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ СЕГОДНЯ ИНТЕРЕСАМИ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КАК ВЫ, И ЕСЛИ НЕТ, ТО ПОЧЕМУ?

	2001	2016
Считаю, что власть руководствует интересами таких людей, как я	7	15
Власть в России в принципе не приучена уважать таких людей, как я, считаться с нашими интересами; ей нужны лишь наши голоса на выборах да налоги, которые мы платим	34	24
Власти в России не нужны такие люди, как я; ее интересуют совсем другие люди, их интересами она и руководствуется	14	15
Власть в России не несет никакой ответственности перед такими людьми, как я; она от нас не зависит и нам не подконтрольна	16	14
Жизнь в России так устроена, что власть сама, без нас определяет интересы таких людей, как я; нам ничего не остается	20	19
Такие люди, как я, еще не научились руководствоваться собственными интересами, осознавать и отстаивать их; мы сами виноваты в этом	7	9
Власть в России и не должна руководствоваться интересами таких людей, как я; она руководствуется интересами государства	2	4

N = 1600, в % к числу ответов в каждом замере

чтобы вытеснить саму мысль о характере власти и государственного насилия, качествах власти¹.

Институциональные последствия крымской мобилизации. Социальные последствия событий 2014–2016 годов (в первую очередь резкое повышение «курса» институтов, использующих

¹ Здесь напрашивается параллель с «религиозным возрождением» – экспансией государственного православия, расширения влияния РПЦ при поддержке режима и характер его принятия обществом: распространение обрядоверия, поверхностной религиозности, дополняющей более глубокий массовый цинизм, в том числе направленный на самих верующих или священнослужителей.

ценности насилия для усиления собственного влияния) для переформатирования массового сознания, вполне сопоставимы с последствиями таких событий, как расстрел парламента в 1993 году, который потянул за собой усиление влияния армии и спецслужб, первую чеченскую войну и оборвал в конечном счете слабый тренд демократизации России и становления правового государства.

Крымская волна мобилизации закрепила цикл институциональных изменений 2012–2017 годов, последовавших в ответ на массовые протесты в крупных городах и ослабление ле-

Таблица 14

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ПРЕПЯТВИЕМ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ?

	1998 VIII	2016 IV
Коррупция властей	43	49
Власть, думающая только о себе, игнорирующая интересы общества	26	27
Неисполнение на местах принятых законов, указов, саботаж чиновников	34	26
Незаинтересованность, равнодушие людей к происходящему в стране	18	17
Отсутствие продуманной программы развития страны	14	17
Клановые интересы властных группировок, их борьба за влияние	9	16
Недостаток инициативных, предприимчивых людей	8	14
Противоречия интересов центра и регионов, субъектов Федерации	9	14
Некомпетентность нынешней власти	9	13
Высокие цены на нефть	11	9
Люди, которые не любят Россию, не верят в ее будущее	8	8
Влияние спецслужб на политическую жизнь страны	1	4
Не вижу особых препятствий	15	10
Затруднились ответить	7	6
<i>N</i> = ...	1500	1600

гитимности Путина. Речь идет об ужесточении законодательства, судебной и правоприменительной практике, направленной против любых форм самоорганизации общества, неподконтрольных Кремлю или региональным властям, о расширении полномочий политической полиции и спецслужб (и так наделенных чрезвычайными правами действовать вне рамок Конституции и законов), установлении монополии цензуры (Роскомнадзора) и администрации президента над информационным пространством. Символом этих изменений стало создание мощной военизированной структуры — Росгвардии (по оценке А. Гольца, по численности сопоставимой со всеми сухопутными войсками России), получившей специальную задачу и особые полномочия бороться с «массовыми беспорядками» (то есть с любыми выступлениями недовольных политикой властей) всеми средствами, включая разрешение стрелять в людей. По сути, это кульминация паранойи режима в отношении угрозы «цветных революций», повторения «майданов» в России.

В правовом плане такие изменения означали кастрацию Конституции и приведение ее к состоянию юридической ничтожности, поскольку не работают более 50 (из 137) ее основных статей, прежде всего тех, что определяют порядок формирования власти, разделения властей, свободы и права человека, контроль общества над властью¹. Как результат — дегра-

¹ Представитель Минюста на суде, в котором рассматривалось дело о внесении «Левада-Центра» в реестр иностранных агентов, на вы-

дация законодательной деятельности и полная зависимость судебной системы от администрации президента или от соответствующих региональных властей. Реальное отношение россиян к суду описано в целом ряде работ специалистов «Левада-Центра»².

Наиболее важные последствия этого состояния заключаются в размывании *массовых представлений о социальной норме*, в первую очередь *правовой нормы*. Исчезает граница между допустимым и возможным, становится неясным, что такое правонарушение и преступление, когда оно касается действий высокопоставленных чиновников и политиков. Но если нет социальной нормы «правила социального поведения», то нельзя говорить об универсальных в своей значимости социальных институтах, составляющих каркас коллективного существования, определяющих устойчивость социального порядка, предсказуемость действий других, ресурсы доверия и будущее. Нет закрепленных и воспроизводимых образцов, на которые могут ориен-

ступление нашего адвоката, указавшего, что действия Минюста (в его претензиях к работе Центра) нарушают основополагающие статьи Конституции РФ (такие как свобода слова, распространение информации и т.п.), заявила, что государство *имеет право ограничивать конституционные права граждан*; вы (юристы «Левада-Центра») неправильно воспринимаете статьи закона. Только «мы» (Минюст, прокуратура, то есть государственные служащие) можем правильно понимать нормы законов и адекватно их интерпретировать.

² Итоговый вариант отчета этих исследований см.: *Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А.* Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3–4.

тироваться и ориентируются действующие лица, вне зависимости от своих мотивов, нет соответственно возможности учитывать потенциальные санкции за несоблюдение норм и, напротив, графикацию за добропорядочность и честность поведения. Откат или рейдерский захват чужого бизнеса — это преступление или норма поведения тех, у кого для этого достаточно сил, влияния, авторитетных властных позиций? Вынесение неправосудного решения судьями — это обычай или преступление? Каким образом у людей, причастных власти, возникают состояния, в сотни раз превышающие их суммарные годовые заработки за все время их госслужбы? Откуда среди наших депутатов столько долларовых миллионеров, почему приход во власть означает стремительное обогащение? (Едва ли все они такие же гении предпринимательства, как Билл Гейтс.) Кто определяет «объективность» соответствующих квалификаций социального действия как нарушения нормы?

Как выясняется, никто не может ответить на эти вопросы. И не потому, что нет специалистов, придерживающихся точки зрения объективности права, а потому что ответ известен, но неприемлем. Мало кто из россиян задумывается над этими вопросами. Поэтому неверно называть это состояние правовым нигилизмом или «аномией» в классическом дюргеймовском смысле. Более адекватным было бы признание такого положения своеобразной социальной нормой — нормой вменяемой бездумности, социальным запретом на рационализацию самой этой сомнительной дилеммы — права и несправедливости или справедливости и несправедливости. Ссылки на то, что люди боятся об этом говорить, не более чем суесловие и социальная (интеллектуальная и моральная) неспособность думать.

Логически из этого состояния можно сделать (и делают) два вывода. Первый, часто встречаемый в публицистике «разочарованных»: мы имеем дело с аморальным обществом (населением) людей, лишенных чувства собственного достоинства, отнятого у них вместе с собственностью и возможностями защиты своих прав и интересов репрессивным государством, массовой плазмой дезориентированных и не верящих ни во что людей, скрепленных силовыми структурами государства, удерживаемых только страхом наказания. Второй — условное общество (население) предельно фрагментировано. В каждом сегменте (семья, производственная сфера, взаимодействия с начальством и коллегами на работе, поведения в присутственных местах, отношения с ад-

министрацией и представителями государства и т.п.) складываются свои понятия и правила, своя партикуляристская этика, свои нормы лояльности и солидарности, частные и ситуативные формы социального контроля, специфические вознаграждения и штрафы, наказания.

Ни то, ни другое умозаключение в своей чистоте неверны и нереалистичны, хотя, бесспорно, они схватывают некоторые черты нашей социальной реальности. Ошибка заключается в том, что обе конструкции социальности предполагаются статичными, тогда как в обычной жизни соединяется и то, и другое, чередуясь в последовательности поведения или внешних обстоятельств.

Решение этой дилеммы состоит в описании самих изолированных ситуаций (нормативных контекстов, когда репертуар социальных ролей предписан и жестко определен по числу участников и манере исполнения) и поиске механизмов переключения (операторов, условий и стимулов перехода от одного кода правил понимания и действия к другому) от одного режима понимания характера людей (и норм поведения) к другому (к другим нормам и правилам взаимодействия).

Мобилизация невозможна без массовизации (социальной одномерности сообщества) — изначальной или искусственно созданной пропагандой или другими чрезвычайными обстоятельствами и социальными институтами. Это может быть военный призыв в случае введения военного или особого положения, атмосфера страха, созданная масштабными арестами в ходе репрессивных кампаний, чрезвычайное положение из-за стихийных бедствий, катастрофы, массовый принудительный «энтузиазм» больших политических акций, вроде освоения целины, строительства БАМа и проч. Такой тип мобилизации принципиально отличается от становления массового общества, возникающего в ходе европейской или американской модернизации. В последнем случае речь идет о формировании универсалистских институтов (правового государства, представительской политической системы, свободной прессы, всеобщего образования и избирательного права, независимого суда, гарантий частной собственности, свободного рынка и проч.), поддерживаемого населением и обеспечивающего повседневность частного индивида — налогоплательщика и гражданина. Напротив, массовизация тоталитарного государства предполагает упразднение субъективной автономности и соответствующих прав индивида, огра-

ничение или уничтожение тех оснований, на которых держалось своеобразие частной повседневной жизни, наследование собственности, безопасность от административного произвола, свобода выбора работы, места жительства, образа жизни, самостоятельность и ответственность в выплате налогов и проч. Мобилизация путинского типа вызывается нейтрализацией значимости повседневных норм и ценностей частной, обычной жизни, наступающей под действием агрессивной пропаганды, педалирующей тему врага. Достижение такого состояния становится возможным только при появлении чрезвычайных обстоятельств, факторов угрозы всему целому (воображаемому, апеллятивному целому – целостности государства, существованию нации, духовным традициям, православной вере и т.п.), экономическом кризисе (невозможности вести обычный образ жизни, угрозы потеря работы и т.п.).

Власть и общество. Сложившийся за четыре выборных цикла (1999–2016) порядок «управляемой демократии» или манипуляций электоральными процессами (контроль над вертикальной мобильностью и селекцией во власть) привел к окончательному формированию закрытого коррумпированного политического класса, обеспечивающего эксклюзивный характер институционального господства. Эта система обладает иммунитетом по отношению к любым попыткам общественного контроля над властью, обеспечивает подчинение экономики интересам обогащения правящего класса. Создание непрозрачных (то есть не подлежащих контролю соответствующих государственных органов) госкорпораций и их постепенный переход в частное управление, государственное рейдерство, административный и судебный произвол обернулись подавлением малого и среднего бизнеса (то есть того реального сектора экономики, который ориентирован на запросы потребителя, общества, а не власти). Доля его практически не растет последние 20 лет, в отличие от теневого сектора и неформальной занятости. Расширение участия государства в экономике¹ (военные и полицейские

¹ Как сообщали выступающие на Гайдаровском экономическом форуме в январе 2018 года, в 1998 году государство контролировало 26–27% всех финансовых активов России, сегодня – 71%. Хотя формально государству принадлежит гораздо меньшая доля активов (разные источники называют разные цифры от 11 до 29%, в докладе ЦСР – 46%), в действительности оно контролирует основной объем экономической деятельности. Всерьез нельзя считать «ЛУКОЙЛ», «Мечел» или аналогичную крупную компанию «частной» – ни один их шаг невозможен без согласования с администрацией президента или его окружением.

расходы, увеличение административной ренты, коррупция) стало причиной угнетения экономического роста, стагнации. Ожидать выхода из этого состояния в обозримом будущем не имеет смысла. Эти изменения в различных сферах общественной и политической жизни закрепили многочисленные «достижения» путинского правления, идущие с 2000-х годов, но получившие свое идеологическое обоснование лишь в последние три-четыре года. Оно стало развитием тех положений, которые впервые открыто прозвучали в Мюнхене в феврале 2007 года в речи Путина, положившей начало открытой политике конфронтации с Западом и отказу от демократии как программы национально-государственного развития и свободной рыночной экономики.

В отличие от подавляющего большинства наших «экспертов», российских политологов и социологов, массовое сознание трезво оценивает природу российской власти: по мнению большинства россиян, Путин опирается на силовиков (прежде всего на политическую полицию, спецслужбы, генералитет), олигархов, высшую бюрократию, и выражает интересы именно этих институтов (график 22, 23). Картина массовых представлений россиян о структуре институтов в точном смысле представляют собой синтез репрессивных структур и олигархии, иерархической власти, по существу – тоталитарной системы господства. Это (вкуче со стерилизацией возможностей выражения недовольства) определяет массовый конформизм и оппортунизм социальной элиты. Выражение недовольства допустимо, но только против отдельных бюрократов, а не против «национального лидера» и вождя нации. Поэтому идет перенос раздражения с «царя на бояр».

Однако такая структура легитимации власти, если рассматривать ее в большой временной перспективе, должна быть неустойчивой и хрупкой. Она внутренне содержит силы своего разрушения, наступающего при явном ослаблении символических опор (нужен лишь символический признак слабости власти, ее геополитического поражения). Как на симптом этого можно указать на высокую долю мнений «устали ждать выполнения своих обещаний» (график 24). Но именно поэтому возрастает и потребность режима во все более частных патриотических «мобилизациях», вздрючках, процессах против тех, кто «оскорбляет чувства верующих» (примерно та же апеллятивная конструкция мобилизации, что и с Крымом). В отличие от мнимой угрозы «международного тер-

ролизма», которая плохо работает, внутренние факторы мобилизации имеют более сложные структуры консолидации, затрагивающие, в отличие от «уличного терроризма», не ценности повседневного существования, а гораздо более значимые архаические структуры культуры и соответственно потребность в сакральном, высоком. То, что в конечном счете массовое со-

знание готово довольствоваться суррогатами трансцендентальных ценностей — веры, морали, достоинства и проч., — указывает на воспроизводящую зависимость России от Запада, от главных центров мирового развития.

Дело не только в переживании общности, единства с другими, «такими же, как ты». Мобилизация создает это чувство единства ценой

Таблица 15

КАКУЮ РОЛЬ В ЖИЗНИ РОССИИ ИГРАЮТ СЛЕДУЮЩИЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ? (по пятибалльной шкале)

	2001 I-II	2007 I	2012 I	2016 I	2017 I
Президент	3,9	4,2	3,9	4,6	4,6
ФСБ, спецслужбы	3,2	3,8	3,6	4	4
Вооруженные силы, армия	3,3	3,5	3,4	4	4
Администрация президента	2,9	3,6	3,5	3,9	4
Правительство	3,5	3,5	3,6	3,7	3,8
Олигархи, банкиры, финансисты	3,8	3,7	3,6	3,7	3,7
Прокуратура	2,9	3,4	3,3	3,5	3,6
Совет Федерации	3	3,2	3,1	3,5	3,5
СМИ	3,5	3,5	3,4	3,5	3,5
Суды, судебная система	2,8	3,2	3,2	3,3	3,5
Государственная дума	2,8	3	3	3,3	3,5
Полиция	—	—	3,1	3,3	3,4
Губернаторы	3,4	3,3	3,2	3,7	3,4
Директора крупных предприятий	3,3	3,2	3,1	3,2	3,3
Церковь	2,9	3,3	3	3,3	3,1
Политические партии	2,7	2,7	2,8	2,9	3,1
Интеллигенция	2,5	2,6	2,4	2,6	2,7
Профсоюзы	1,9	1,9	1,9	2	2,2
N = ...	1600	1600	800	800	1600

График 22

«НА КАКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ ОПИРАЕТСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?»

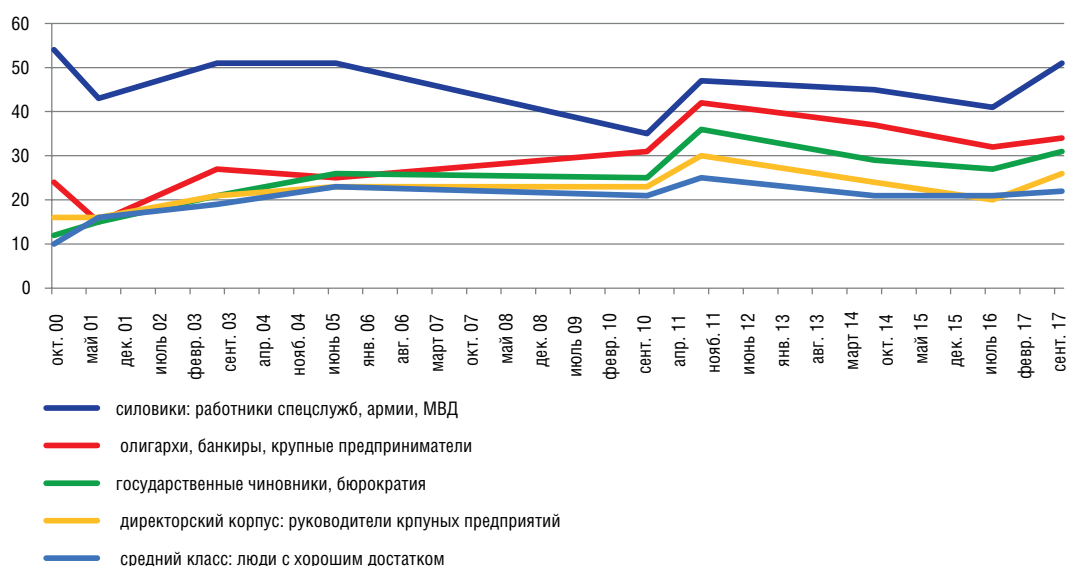

График 23

«ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?»

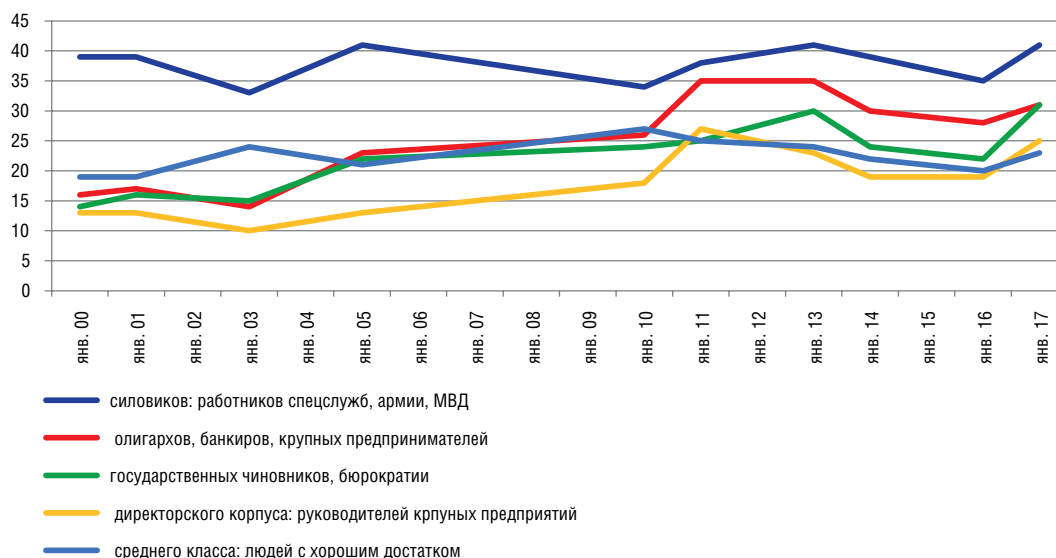
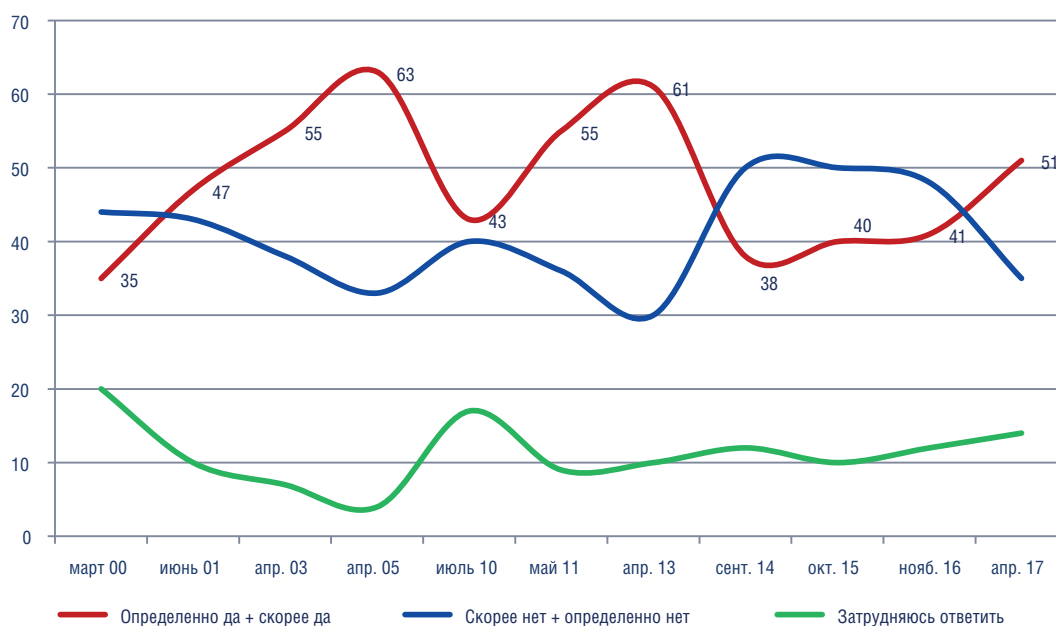

График 24

«СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ УЖЕ УСТАЛО ЖДАТЬ ОТ В. ПУТИНА КАКИХ-ТО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СДВИГОВ В НАШЕЙ ЖИЗНИ?»

удаления нормативных барьеров, различий (культурных, социальных, экономических, региональных и т.п.), образуя одномерность престижного и авторитетного «мы». Усиливающаяся идеологическая эксплуатация чувство причастности к Великому народу (или единения с Великим народом) снимает, уничтожает всякую мысль о гетерогенности общества («единства в разнообразии») и необходимости, обязательности, значимости репрезентации различных интересов, а значит, и саму идею демократии, то есть ответственности власти перед

обществом за свои действия. Возрождение «Великой державы» упраздняет сам вопрос о социальной дифференциации, создавая виртуальное или мифологическое пространство целостности величия недоразвитой, но амбициозной страны (не общества!), не могущей тягаться с ведущими мировыми государствами.

Конфронтация с Западом и антизападная политика — риторика врага, войны, милитаризма, героической славы Империи и ее колониальных войн, дискредитация западных ценностей и моделей — вытесняют из массового

сознания потребность в контроле над властью, ее произволом, саму мысль о правовом государстве и о демократии, противоречащих духу авторитарного правления. О понятиях неотчуждаемых прав человека говорить не приходится, они никогда не были значимы в России.

Если в 1994 году (перед началом первой чеченской войны) 41% опрошенных считал, что у России есть враги, то уже в 2003-м (на второй волне антиамериканизма) таких было 77%, весной 2014-го — 84%; затем по мере спада мобилизации этот показатель стал постепенно снижаться и к декабрю 2017-го достиг 66%, но уже в мае 2018-го, после реакции на очередную серию публикаций компрометирующих докладов и введения новых санкций против российских чиновников и компаний, опять поднялся до 78%¹. Понятие «функция врага», практически по К. Шмитту, становится конститутивным для понимания характера государства и политической деятельности. Поддержание населения в состоянии хронического возбуждения и мобилизационной готовности способствует вытеснению либеральных, правовых представления из массового сознания. Антизападная риторика в сочетании с защитным самоизоляционизмом (у нас «особый путь», «Россия — особая цивилизация», равная по значимости Западу или превосходящая его по силе своей духовности и морали и т.п., — все

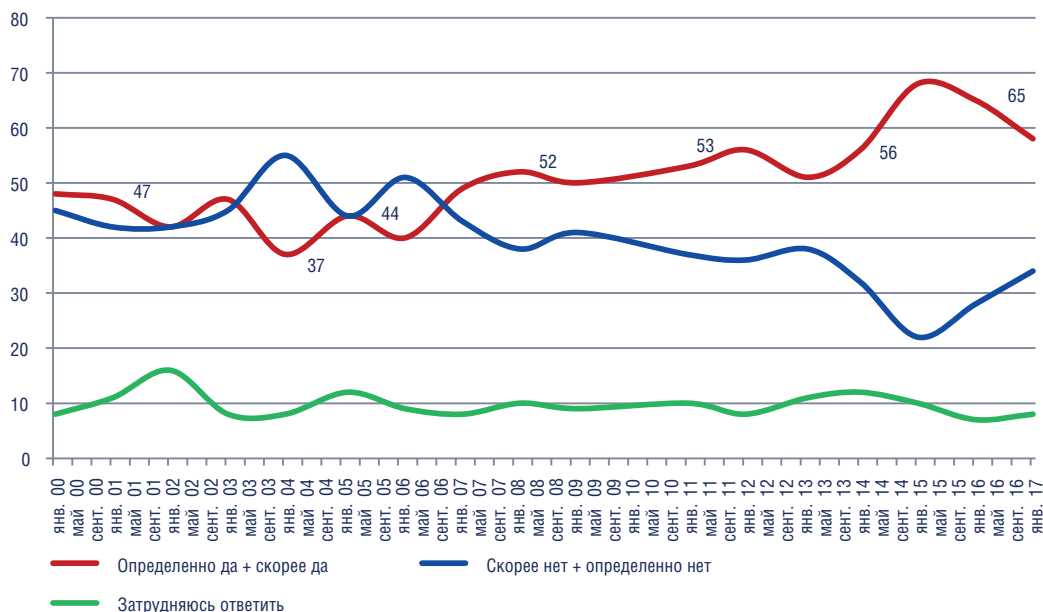
эти представления по мере укрепления режима Путина стали разделять абсолютное большинство россиян, чего не было до этого) уничтожает идею «общества», истории страны, заменяя ее традиционализмом и мифологией «Великой державы» (график 26).

Можно сказать, что усилия кремлевских политтехнологов и пропагандистов увенчались успехом: общественное мнение — по крайней мере, на словах и, я думаю, временно — выражает согласие с тем, что «Россия не является страной европейской культуры». Этот декларируемый самоизоляционизм все же носит очень двусмысленный характер — повседневный образ жизни городского населения, элементы молодежной культуры, семейной или сексуальной морали и т.п. не так уж сильно внешне отличаются от образа жизни европейцев. Другое дело — все, что касается гражданского и политического самосознания, здесь можно говорить лишь о первых подступах к современности, к модерности современного общества.

Дистанцирование и отчуждение от развитых стран облегчается благодаря навязыванию представлений о том, что Запад (развитые страны демократии) относятся к России с презрением и страхом (последний якобы вызван «растущей мощью России»). Пропаганда подняла давний пласт стереотипов и мифов, глубоко укоренных в русской культуре: представления

График 25

«КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СЕЙЧАС ВОЕННАЯ УГРОЗА РОССИИ СО СТОРОНЫ ДРУГИХ СТРАН?»

¹ Друзья и враги России. Пресс-выпуск «Левада-Центра» от 4 июня 2018 года. [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>

График 26

«СКАЖИТЕ, ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ: «РОССИЯ – ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАНА?»»

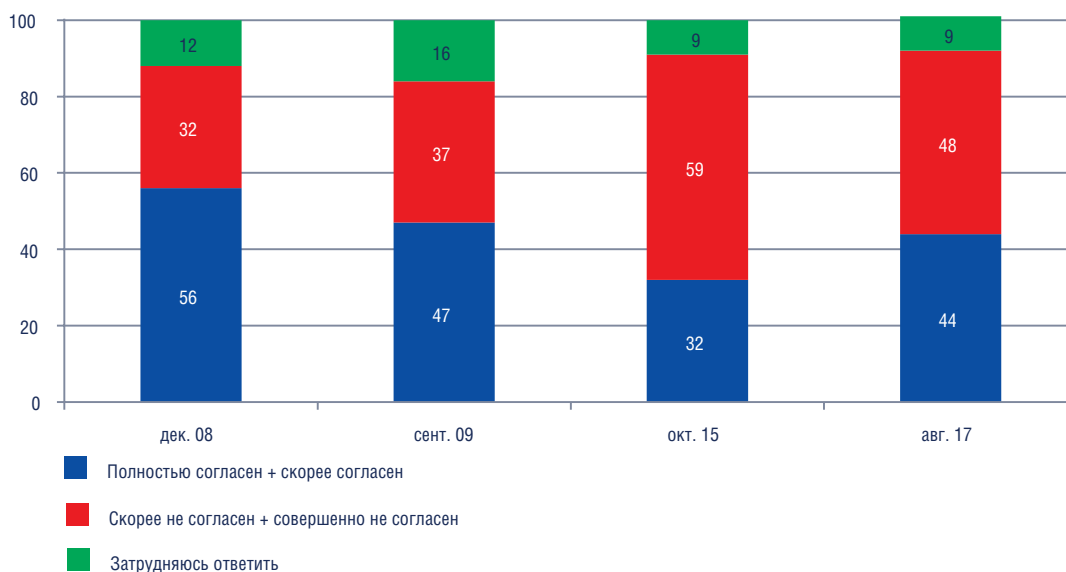
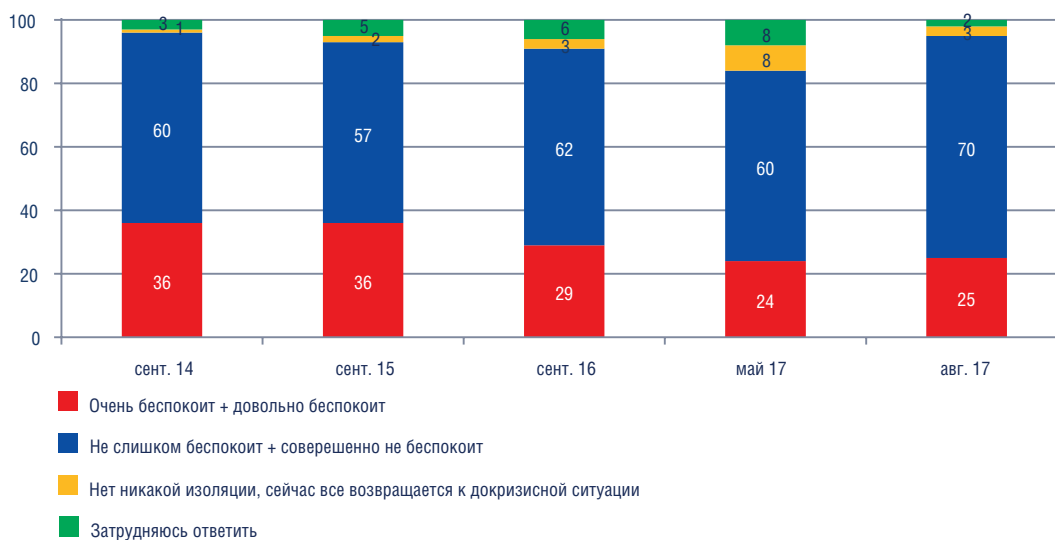

График 27

«БЕСПОКОИТ ЛИ ВАС, ЧТО РОССИЯ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА ОКАЗЫВАЕТСЯ ВО ВСЕ БОЛЬШЕЙ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ЗАПАДНОГО МИРА?»»

о собственной отсталости от Европы, варварстве, крепостничестве.

Но эффект антизападной демагогии заключался в том, что собственные русские комплексы, характерные для любой страны «догоняющей модернизации», были приписаны европейским странам. Этот типичный взгляд на себя чужими глазами является крайне важной составной частью русской национальной идентичности. Садомазохистские переживания собственной неразвитости и варварства (самоназвания типа «совок» и им подобные здесь лучшие примеры) никогда не получают публичного выражения, санкций авторитет-

ного мнения, это всегда двусмысленная игра с самими собой, чаще принимающая приватный или иронический характер, снимающая остроту травмы и фрустрации неполноценности. Но пропаганда разрывает этот модус игры, приписывая собственные негативные или амбивалентные представления о самих себе значимым Другим, странам, обществам, выступающим во многих отношениях в качестве авторитетного источника образцов подражания. А подмена ведет к тому, что те же самые оценки, но исходящие от авторитетных Других, воспринимаются массовым сознанием как оскорбительные.

Это важнейшее обстоятельство позволяет понять, почему нет сопротивления навязываемому тотальному господству: устанавливается внутреннее соответствие между сознанием зависимых и униженных людей, не имеющих другой структуры идентификации, кроме идеи «Величия державы», империи, а значит, готовности к насилию, принуждению, навязыванию другим странам своей воли и интересов. Других средств коллективного самопознания, кроме идентификации с символами институтов насилия, апроприированных властями предрассудками, нет, они подавлены или дискредитированы.

«Общество» внутри государства. Такой перенос негативного опыта насилия, усвоенного частными субъектами (сознание естественности произвола, привычной собственной ущемленности или незащищенности), на символические структуры, монополизирующие право выступать от имени целого, и оправдание себя через идентификацию с ними, приводит к тому, что насилие признается в качестве единственного механизма самоутверждения и коллективной идентичности¹. Поэтому имперские символы и представления (гордости, чести) играют здесь ключевую роль, оттесняя все прочие значения и интересы или оставляя их в зоне подсознания,

График 28

«СЛЕДУЕТ ЛИ РОССИИ В БУДУЩЕМ СТРЕМИТЬСЯ К ВСТУПЛЕНИЮ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ?»

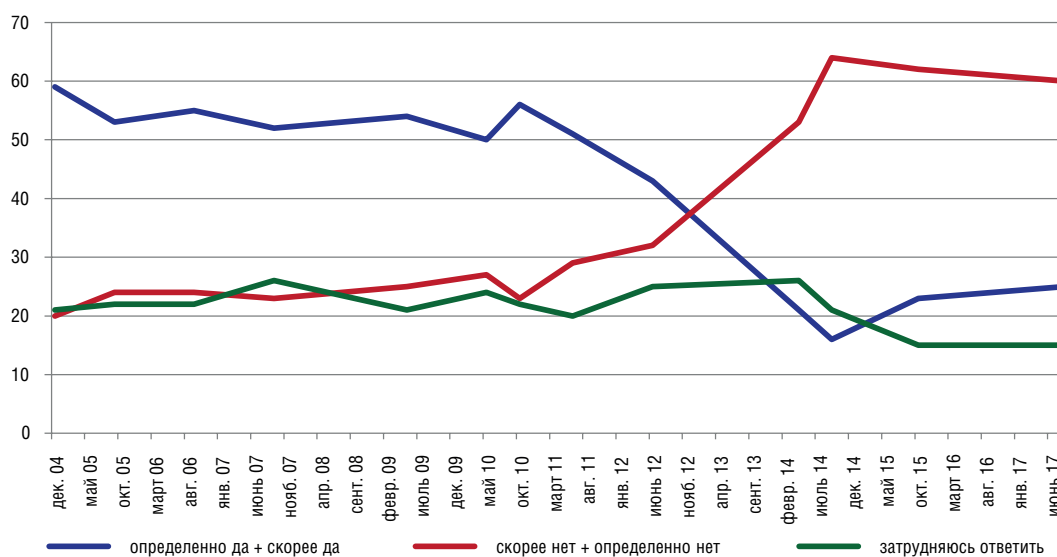
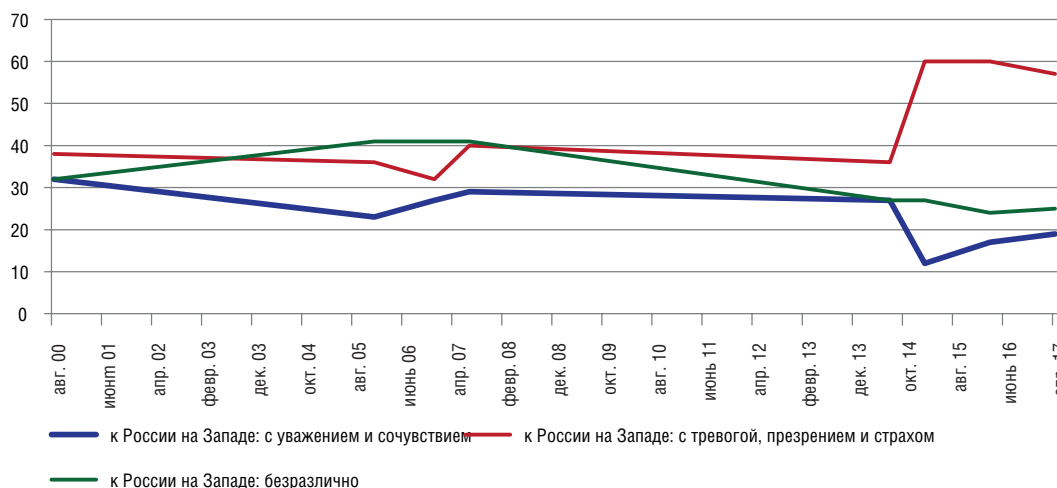

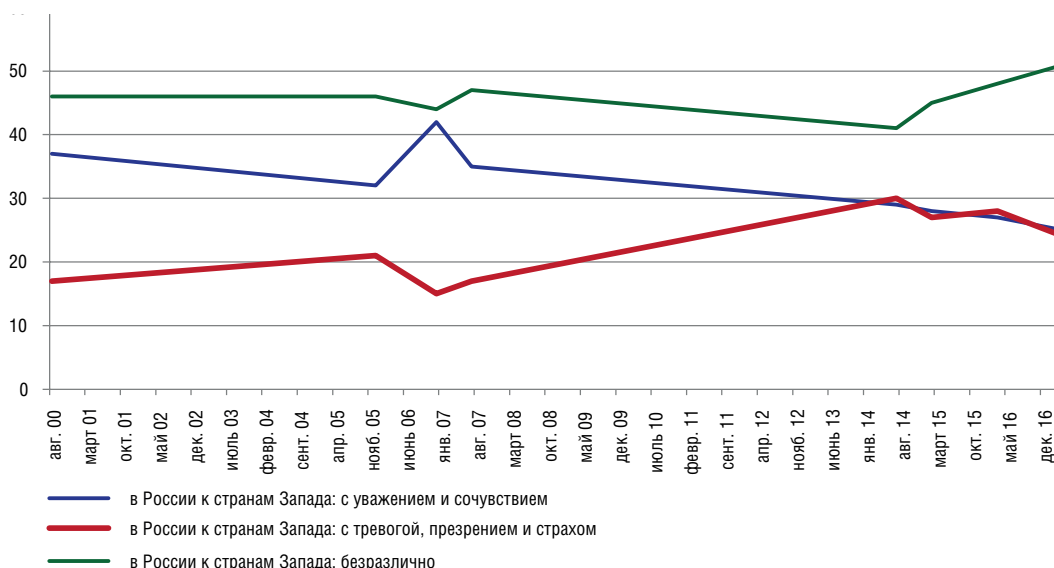
График 29

«КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТНОСЯТСЯ...»

¹ Об этом свидетельствует и заметный рост консервативных и традиционалистских (мачистских) установок в сфере сексуальных или семейных отношений.

График 30
«КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТНОСЯТСЯ...»

двоемыслия, разделенного барьером «мы – они».

Крайне важно учитывать в данном контексте саму длительность воздействия пропаганды и обработки общественного мнения. Не говоря о военной пропаганде и воспитании советского времени (БГТО – для пионеров, ГТО – для комсомольцев, военных играх типа «Зарница» и т.п.), оказывавших влияние на молодые поколения на протяжении десятилетий, отметим только один момент: *из 26 лет постсоветского существования Россия 18 лет вела войны* (1994–1997 – первая чеченская война, 1999–2008 – вторая чеченская война: активная фаза – три года, остальное стыдливо названо КТО), русско-грузинская война в 2008 году, аннексия Крыма в 2014-м, «гибридная» война в Донбассе с перспективными планами присоединения «Новороссии», война в Сирии и множество мелких военных конфликтов. Предчувствие гражданской войны и столкновения разных партий, расстрел Верховного Совета в 1993 году считать не будем.

Символическая идентификация с «Великой державой» (мифами воинской славы, колонизации, доместикации «диких народов», замещающими неприглядную историю государственного насилия, крепостничества – до-революционного и колхозного) ослабляет или полностью снимает претензии частных лиц к власти. Они в этом контексте рассматриваются как несерьезные, «не важные» с точки зрения «интересов целого» проблемы и интересы отдельных групп («меньшинства») или

людей. Но тем самым устраняется представление о сложности и разнообразии социальной структуры, полноправности частных интересов, подавляется их значимость. В некоторых случаях это позволяет администрации или пропаганде выставлять акторов подобных акций (например, участников «Болотной», критиков в социальных сетях) в роли «смутьянов», «экстремистами»¹, асоциальными элементами, иностранными агентами или врагами народа. Понятной становится и та легкость, с которой массовое сознание принимает заданные пропагандой представления об НКО или о других формах гражданского общества как организациях, ведущих скрытую коммерческую деятельность, но прикрывающих свои эгоистические цели рассуждениями об общественном благе и о благотворительности.

«Величие силы» – обратная сторона массовой зависимости от власти (ее сублимация или изживание, переработка дискомфорта от собственной ущемленности и социальной неполноценности, недееспособности в актах виртуальной романтизации насилия, представляемого ежедневно в бесконечных телесериалах об Отечественной войне, войне в Чечне, в образах агентов госбезопасности,

¹ В 2017 году за «экстремизм» были осуждены 1225 человек (но только в 24 случаях в опубликованных текстах судебных решений были указаны конкретные основания осуждения по этой статье. Другими словами, вынесение обвинительного приговора носит произвольный и бездоказательный характер). [Электронный ресурс]. https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/29/76970-stydno-skazat?utm_source=push

«интеллигентных» членах «ментовского братства», борцов с «врагами», преступниками и просто «плохими людьми». В ходу и более сложные проекции «слабого Я» на Путина, армию, на имперскую историю страны, но они требуют специального разбора. Демонстрация силы в самых различных формах и образах, будучи перверсией повседневной униженности обычных людей, их комплексов, снимает у них хроническое напряжение и фрустрацию. Поэтому оживление государственно-патерналистских установок и иллюзий, характерных для брежневского социализма, становится выражением усиливающейся общей зависимости населения от государства, включая и экономическое. Ресентиментный перенос агрессии и моральной несостоятельности на виртуального и мифологического Другого, врага, антипода снимает необходимость участия в общественно-политической жизни, разгружая тем самым людей от ответственности. За нежеланием что-либо делать вне зоны обычных рутинно-повседневных занятий стоит не страх, как многие думают, а табу на снижение (вменяемых властью) коллективных символов и значений «высокого».

Я бы здесь подчеркнул нетривиальность выводов А. Левинсона о том, что неформальные структуры отношений, складывающиеся вокруг формальной бюрократии, — это не просто адаптация к репрессивному государству; это и есть само «общество» в его российском варианте¹. Подчеркну, что речь идет не о массе населения, а о специфической форме самоорганизации населения².

Если принять его тезис, то получается, что мы имеем дело с двумя формами или типами обобществления, на первый взгляд напоминающие тённисовское деление на *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*, а именно: *формальные институциональные структуры и неформальные отношения*, возникающие только как адаптация к авторитарному государству. Поэтому они не имеют ничего общего с исходно традиционалистскими структурами, их нельзя интерпретировать в сугубо тённисовском духе.

¹ Такие выводы сделаны им в выступлениях на семинаре КГИ в декабре 2017 года и в «Мемориале» в начале февраля 2018-го, а также в статье: Левинсон А. Заметки о бюрократии в социальной структуре современного российского общества // Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4. С. 48–73.

² «Общество» в социологическом смысле определяется как система устойчивых социальных отношений, основанных на взаимных интересах и солидарности (без оси «господство – подчинение»). В нашем случае «общество» возникает внутри государства, применительно к отношениям господства, но не включая их в свой собственный состав.

Структуры первого типа ближе всего к описанному К. Шмиттом тотальному государству-суверену, присваивающему экстраординарные полномочия определения значений всего «целого» (а значит, толкования того, что есть «политика», конституированная по отношению к «врагу»), что есть в этом случае «право» и как его понимать. Структуры второго типа возникают как обживание неизбежного в этом случае произвола в виде многообразных форм коррупционных, блатных, солидарных и т.п. неформальных отношений и связей. Такое *Gesellschaft* далеко от бюрократических институтов правового государства (или полицейского государства в духе кайзеровской Пруссии), которые имел в виду Ф. Тённис. Структуры второго типа не имеют генетической связи с «общиной» или аффективными аскриптивными образованиями традиционного или семейного рода. Это довольно уродливые (с точки зрения современного плюралистического общества), но действенные и воспроизводящиеся социальные структуры, возникающие вокруг формальных, тоталитарных или пост-тоталитарных, институтов. Другими словами, это симбиоз адаптивного коррупционного «общества» с деспотической властью, «общества», зависящего от власти и распределения властных ресурсов, поскольку его собственные источники самообеспечения ограничены (нечто вроде лианы и дерева, которое она оплетает и которое ее питает). Получается, что самостоятельных оснований для существования «общества» никогда не имело и не имеет в настоящем. Такому сообществу нужен внешний панцирь в виде государства, придающий форму заменитель, скелет.

Патриотическая мобилизация, основанная на конфронтации с Западом, аннексии Крыма, ностальгическом имперском ресентименте, дала возможность россиянам вновь почувствовать себя значительными. Легко считать, что «Крымнаш» — всего лишь наркотик, подсунутый населению кремлевской пропагандой, что это не настоящие ценности, а суррогаты. Труднее понять, что российская идентичность строится не столько на культивируемой гордости за огромность территории, «неисчерпаемые природные богатства» или военную мощь державы, сколько на способности к переворачиванию собственных недостатков и комплексов неполноценности в достоинства и превосходство над другими. Эта особенность — внутренняя зависимость от достоинств других (специфика «негативной идентичности») — характерна для всех

стран «догоняющей модернизации». Она есть выражение их нерасторжимой связи с современными центрами цивилизации, с развитыми странами, без ненависти и агрессии к которым нельзя выразить ценность самих себя (особенно если никаких достижений, кроме торговли нефтью и газом, нет).

Антизападный ресентимент консолидировал основную массу населения России весной 2014 года, обозначив вектор вторичного тоталитаризма. На латентный вопрос, вызванный распространенными чувствами стыда и неудовлетворенности устройством российской жизни, россияне отвечали самим себе: да, Госдума – это не парламент, судебная система не является самостоятельной ветвью власти в структуре институционального разделения властей, власть принадлежит людям аморальным, бесчестным, мошенникам (в смысле лишенным какой бы то ни было ответственности перед гражданами). Но такова жизнь, и не нам под силу менять ее порядок. Особых иллюзий относительно нравственности и порядочности политического класса нет, но нет и особого возмущения его действиями. Социальное напряжение стерилизуется и снимается действием определенных механизмов, которые оппозиция обычно не хочет принимать во внимание, поскольку признание их значимости вступает в противоречие с ее собственными ценностями и идентичностью. Да, воруют, иногда наказывают высокопоставленных чиновников, но не потому, что последние слишком много хапнули, а потому, что показали себя недостаточно лояльными начальству или перешли дорогу кому-то из ближайшего окружения президента. Их не жалко, жалко себя. Политика представлена телевизором, она далека от повседневных проблем обычного человека. Люди полагают, что если они будут вести себя смиренно, то «политика» (полиция) может схватить кого-то другого, а не их. Это не страх, каким он был при Сталине, это то, что стало обычаем, нормой поведения и сознания, это социальный регулятор, близкий к тому, как действует механизм табу в архаических культурах.

Рутинизация террора завершилась пониманием, что такое «приличия» при авторитаризме (касающиеся не только манеры поведения, но и подобающего образа мыслей и даже жизни массового человека, с его институционализацией в качестве структуры двоемыслия).

Получается, что власть говорит о ценностных вещах – об обидах, о войне, страхе, зависти, об агрессии, о национальной чести и гордости, а оппозиция, главным образом,

об инструментальных вещах – об эффективности управления, о правомочности тех или иных решений администрации, законности и т.п., которые в условиях понимания массой безальтернативности структур господства воспринимаются как пустая риторика, раздражающая своей бестактностью и очевидной неуместностью. И дело здесь не меняет то обстоятельство, что люди ясно отдают себе отчет в лживости и лицемерии властей, выступающих от имени коллективных ценностей, что власть принадлежит демагогам и циникам. Хуже всего, что и «демократы» исходят из столь же нигилистического представления о человеке как «собрании материальных потребностей», а не как о социальном существе, руководствующемся собственными представлениями об идеальном и чести. Различия в структуре сознания и понимания природы человека у какого-нибудь Пушкина или Марии Захаровой из российского МИДа или у Милова, Сатарова, Яковенко, Шульман и т.п. малозначимы. И те, и другие были в разное время причастны к власти, их различает лишь цвет групповых идеологических флажков, но не идеи, не культура. Их представления о человеке (его ценностях и достоинстве) одинаково вульгарны и плоски.

Экономический детерминизм мышления, характерный для российских социально или политически ангажированных интеллектуалов, – не только остаток советского образования, усвоения марксистского обществоведения, но и результат поверхностного усвоения западных практик демократии. Логика рассуждений такого рода проста: снижение уровня жизни ведет к росту массового недовольства, которое, в свою очередь, оборачивается общественными протестами и выступлениями против правительства и руководства страны, вынужденного в силу этого отдать власть новой команде. «Улица еще скажет свое слово». Эти взгляды разделяют и сами власти, проявляющие чрезмерное применение силы после 2011 года, подавляющие любые выражения критики или нелояльности в отношении путинского режима. Однако ни в каком виде само по себе массовое недовольство, вызванное падением уровня жизни, не являлось серьезным фактором политических изменений. К середине 1990-х годов доходы населения составляли 45% от уровня 1990 года, последнего для советской власти. Массовые оценки положения дел были самыми негативными за весь период социологических наблюдений, но недовольство очень слабо отражалось на характере политического

режима. Разочарование в политике демократов вызвано не только затянувшимся периодом отсрочки обещанного благоденствия, но и явными социальными последствиями проведенных реформ: все тяготы переходного периода падали на основную массу населения, основные выигрыши от них получили группы, непосредственно связанные с властью, — высший и средний слой бюрократии, аффилированный с ней бизнес, особенно возглавляемый выходцами из спецслужб (из бывшего КГБ), получившими в распоряжение не ограниченные правовыми рамками институциональные ресурсы насилия (экстраординарные по определению функций секретной политической полиции). Положение Сечина, Черкесова, Патрушева, Фрадкова, Якунина и других приближенных к Путину могут быть лучшей иллюстрацией этого тезиса.

Условность легитимности путинского порядка задана не столько хроническим сознанием несправедливости социального порядка, общественного устройства России, сколько внешними обстоятельствами и способностью режима к периодическому объявлению чрезвычайного положения, мобилизации населения к его защите. Сама по себе эта условность не должна рассматриваться как слабость или угроза распада путинского режима. «Задетость» чувства собственного достоинства людей порождена не столько проявлением неуважения к ним со стороны властей (обычная вещь, не могущая стать источником волнений), сколько *осознанием гражданами своей оскорбленности тем, что власть утратила право на их уважение*. (Эффект крымской мобилизации я временно «беру в скобки».) Это гораздо более серьезная вещь, чем можно полагать.

Стабильность социального порядка держится на массовых представлениях, что иерархия в обществе каким-то образом соотнесена с распределением человеческих достоинств и заслуг. До известной степени баланс удерживается благодаря структуре двоемыслия, характерного для любых тоталитарных систем, установлению табу на перенос частных мнений о «властях предержавших» (мнений, обычно лишенных всяких иллюзий и преимущественно негативных) в публичное пространство, установлению барьеров «мы — они» между разными плоскостями оценок. Такого рода запрет сохраняется благодаря тому, что государственная власть в авторитарных или тоталитарных системах правления присваивает монопольное право говорить от имени большинства, назначив себя в качестве единственного, безальтернативного хранителя

общественных благ, морали, истории, культуры. Двоемыслие поддерживается до тех пор, пока сохраняется узурпация средств репрезентации групповых интересов и представлений. Легитимность социального порядка размывается в тот момент, когда у людей возникает понимание, что «царь подменный», «самозванец», что люди, занимающие высшие, то есть самые авторитетные, социальные позиции в общественной иерархии, не соответствуют принятым представлениям об их заслугах, о достоинствах и добродетелях. Чувство оскорбленности возникает из-за того, что из-за подобной неадекватности символических «репрезентантов» под сомнение ставятся сами коллективные ценности, определяющие и коллективную идентичность, и основания для самоуважения тех, кто гордится тем, что «он — часть всего национального целого». До поры до времени идеальная картина должного соответствия статуса и человеческих качеств сохраняется, если возмущение переносится с первых лиц на нижележащие уровни господства и управления, как мы это наблюдаем в социологических опросах, проводимых «Левада-Центром» (графики 17–20), или компенсируется отдельными символическими достижениями в манифестации значимости или приоритетности коллективных ценностей в проводимой ими политике («Крым — наш»).

Дело не в бедности одних и наглости, бьющем в глаза богатстве других. Бедность, как говорят социологи, — не абсолютное, а «относительное понятие». Дело в «объективном отсутствии заслуги» у одних и «несправедливости судьбы» у других, субъективно переживаемой как обида и травма. Иначе говоря, речь идет о символических вещах, а не о величине зарплаты и метражах жилой площади. Два слова о символах: символы — это знаки знаков, то есть регуляторы других систем отношений — представлений общности разного рода и уровня (групповых, институциональных, нормативных — правовых, моральных, этнонациональных, политических, партийных, религиозных, исторических, классовых, региональных, субкультурных и т.п.). Социальная роль символов заключается в первую очередь в том, что они определяют ресурсы легитимности власти, обеспечивая консолидацию элит, поддерживающих сложившийся политический порядок (нормы и правила доступа к власти или замещения ключевых позиций управления), систему обеспечения интересов (признания заслуг или достоинств, вознаграждения элит), следовательно, и порядок взаимодействия властных элит с другими

группами населения. Это и образует символический капитал власти или то, что называется «режимом», то есть порядок отношений власти и общества, механизмы групповой или институциональной солидарности, массовой идентичности. Символы связывают политические мифы, оправдывающие порядок господства через апелляцию к идеологической конструкции тщательно препарированного прошлого (нарративы национальной истории, легендарного наследия, рассказов о величии страны или других оснований для коллективной гордости и самоуважения членов сообщества), при определенных обстоятельствах (внутрикорпоративной борьбе за власть) они меняют соотношения или интерпретации мифов.

Реверсное движение страны следует рассматривать как реакцию становящегося все более авторитарным (а значит, стремящегося освободиться от контроля общества и тем самым

обеспечить сохранение своих позиций господства) режима на стремление бывших советских республик и восточноевропейских стран – членов соцлагеря к интеграции в структуры Европейского союза и Североатлантического оборонного альянса (возникшего как институт коллективной защиты от угрозы послевоенного сталинского экспансионизма). Присоединение балтийских стран к ЕС (после Польши, Чехии и др.) должно было облегчить проведение внутренних институциональных реформ и формирование правового, демократического государства и закрепить их необратимость. Стремление повторить этот путь Грузией и появление аналогичных планов у украинского руководства вызвали острую негативную реакцию у последующего руководства, принципиально иного по социальному составу и образу мыслей, что вылилось в массированные кампании и акции по дискредитации этих стран. После 2004 года

Таблица 16

КАКИЕ ПЯТЬ СТРАН ВЫ НАЗВАЛИ БЫ НАИБОЛЕЕ НЕДРУЖЕСТВЕННО, ВРАЖДЕБНО НАСТРОЕННЫМИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ?

2006–2018	'06	'07	'09	'10	'11	'12	'13	'14	'15	'16	'17	'18
США	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78
Украина	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49
Великобритания	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38
Латвия	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26
Польша	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	21
Литва	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23
Германия	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17
Эстония	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15
Грузия	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8

График 31
ОТНОШЕНИЕ К США

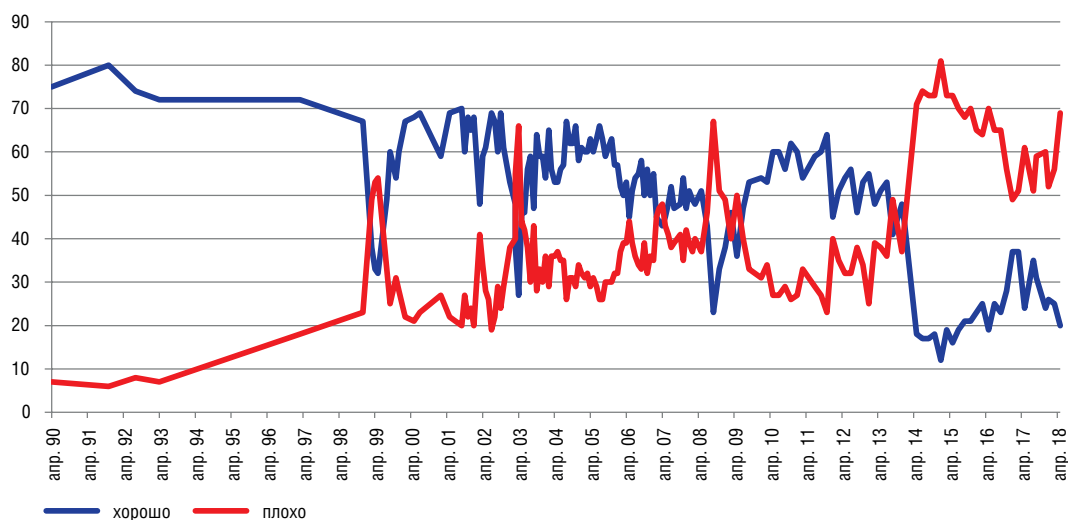

График 32
ОТНОШЕНИЕ К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ

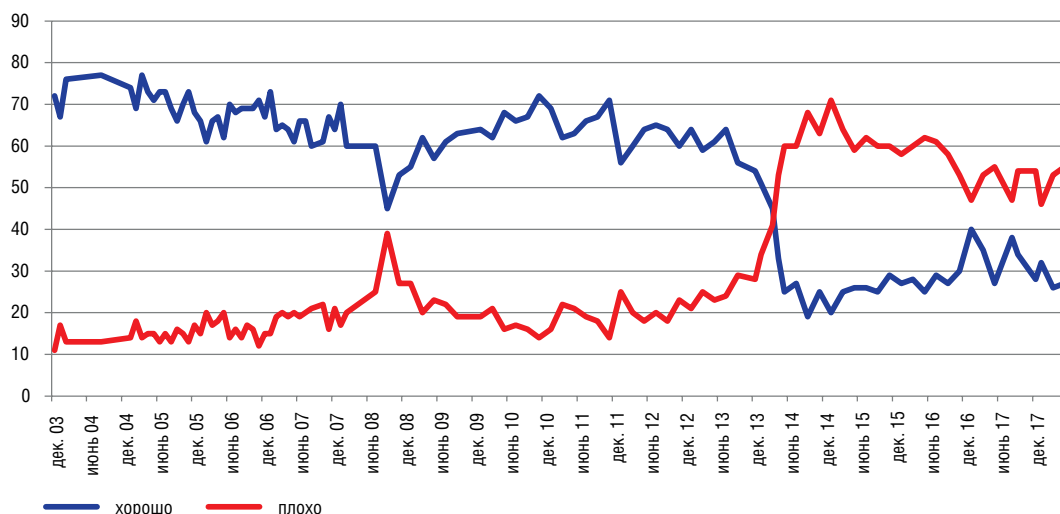
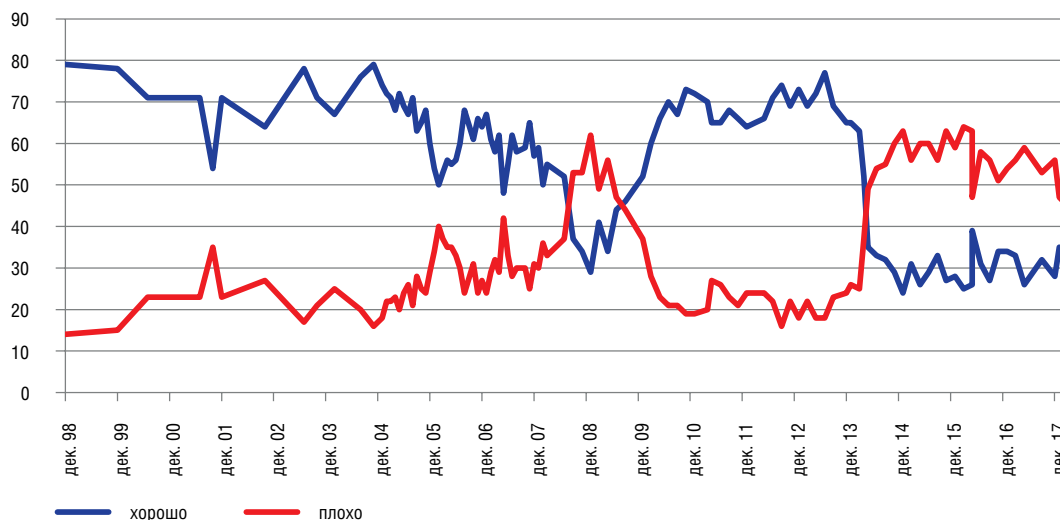

График 33
ОТНОШЕНИЕ К УКРАИНЕ

на первых позициях в списке «врагов» оказываются Латвия, Литва, США, Грузия, Польша, а затем — Украина и США¹.

Респондентам предлагалась карточка со списком стран, и они могли назвать несколько стран; ответы ранжированы по убыванию по 2018 году. Приводятся ответы о странах, которые упомянуты хотя бы в одном опросе 10% и более.

На графике 33 можно видеть, как нарастают вспышки антиукраинских настроений, поднимаемых волнами пропагандистских кампаний после каждого цикла выборов на Украине: первая волна (2001) еще довольно слабая и быстро закончившаяся, следующая уже более сильная

(«оранжевая революция»); далее последовали «газовые войны» как попытки шантажа, острая реакция на позицию украинского руководства, выступившего с критикой России в русско-грузинской войне и пригрозившего разорвать договор об аренде военно-морской базы в Севастополе, и, наконец, антимайдановская война, не закончившаяся и по настоящее время.

До 2007 года не прослеживается связей между путинским рейтингом и антизападными настроениями, но после эти корреляции приобретают отчетливый характер (графики 34, 35).

Поражение Грузии в августовской русско-грузинской войне 2008 года привело к установлению российского протектората над значительной частью грузинской территории (Абхазия, Южная Осетия), что сделало невозможным вступление Грузии в НАТО и сближе-

¹ Друзья и враги России. Пресс-выпуск «Левада-Центра» от 14 июня 2018 года. [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>

График 34
ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ПУТИНА И НЕГАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К США

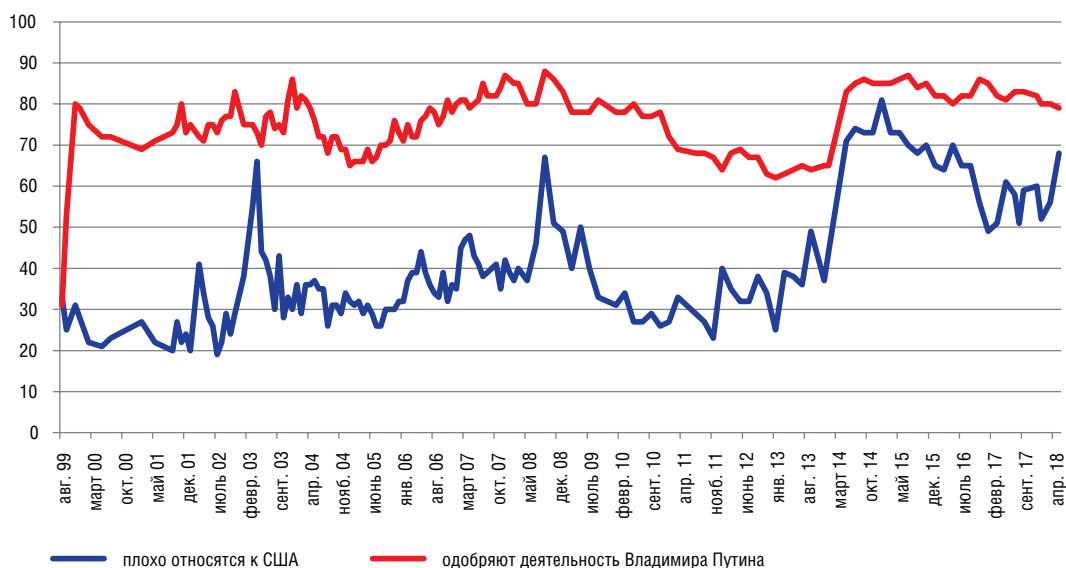
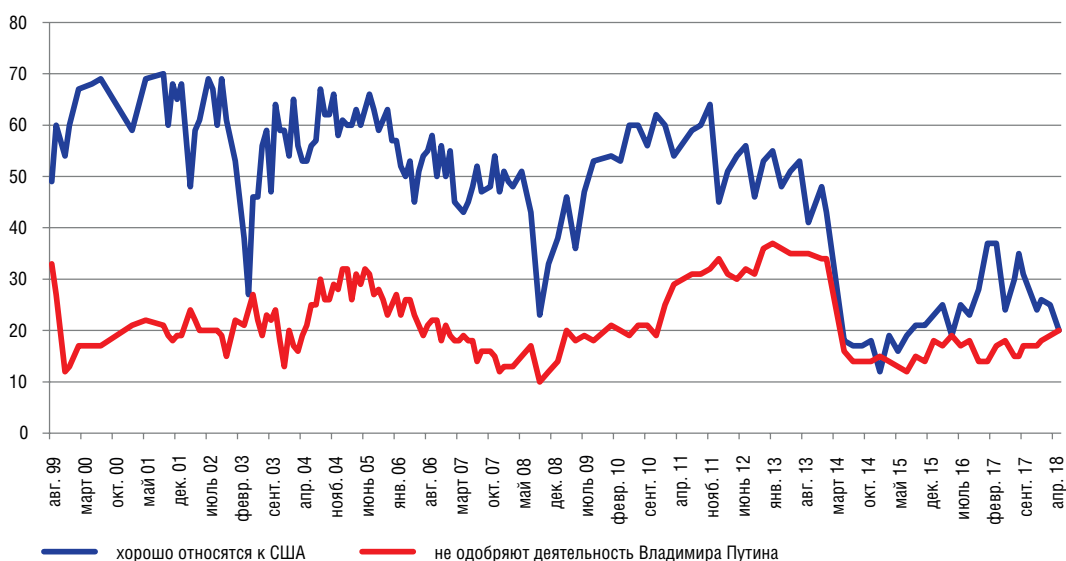

График 35
НЕОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ПУТИНА И ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К США

ние ее с ЕС¹. Сразу после этого антигрузинская пропаганда ослабла и позже совсем прекратилась (представление о Грузии как о враге России снизилось с 62% в 2009 году до 9% в 2017 году). Этого нельзя сказать о балтийских республиках, враждебное отношение к которым хотя и ослабло за тот же период, но сохраняется примерно на одном и том же уровне (к Латвии: с 49% в 2005 до 23–25% в 2014–2017; к Литве — с 42 до тех же 24%; к Эстонии — с 60 в 2007 до 16% в 2017).

¹ Нерешенные территориальные проблемы кандидатов в эти организации блокируют вступление в них. Еще раньше, при Ельцине, такая тактика была опробована в Молдавии, расколотой на территории, управляемые Кишиневом, и зависимое от России Приднестровье.

Заключение. Идеалы демократии и правового государства были отвергнуты российским обществом и дискредитированы, их заменили «стабильность», «особый путь» России, национальные традиции и «духовные скрепы» (в переводе на неидеологический язык — идеализированная модель государственного крепостничества, обновленный образ «морально-политического единства партии и народа» советского времени). По существу, в 2014–2017 годы мы имели дело с успешным реваншем тех социальных сил, которые потерпели поражение в августе 1991-го. Преемники гэкачепистов в какой-то степени учитывали опыт неудавшегося путча, поэтому они (в сравнении с

номенклатурой КПСС) старались расширить социальную базу своей поддержки, а частично создали ее заново.

Но в перспективе это не означает уничтожения ценностей Запада (ассоциируемых с западной культурой, цивилизацией, демократией), а их временное ослабление (взятие в скобки). Никаких других ценностных ориентиров развития страны, представлений о желаемом состоянии общества, кроме западных моделей эволюции, нет. Поэтому, несмотря на конфронтацию, в обществе остается внутренняя потребность «нормализации» отношений с западными странами, желание этого и готовность одобрить любые шаги по ослаблению конфронтации и напряженности в отношениях между Россией и США, ЕС. Ни Китай, ни Иран и т.п. не могут

заменить западные страны в качестве ориентира развития. В этом — границы политики неорационализма и навязывания православного фундаментализма. «Духовные скрепы» никогда не будут особенно значимы, они не могут полностью устранить аттрактивности западной культуры и социального строя. Систему держит ограниченный характер идеологического и репрессивного давления на общество, которое уравнивается цинизмом и неисполнением приказов центра или их условным выполнением. Путинский режим (из-за собственной интеллектуальной нищеты и аморализма) не в состоянии выдвигать новые идеи, определять ориентиры развития страны, но он может неопределенно долго гасить ресурсы и открывающиеся возможности такого движения.

Сергей НИКОЛЮК

Настя Рыбка и столкновение цивилизаций

Очередной победе Владимира Путина на президентских выборах предшествовала серия скандалов, каждый из которых «у наших партнеров» привел бы к отставкам в высших эшелонах власти. Статистически значимо отразились бы и на электоральном результате первого лица государства. Но это «у партнеров». В России же подобные скандалы развиваются по иной логике. В частности, лишение российских спортсменов первого командного места на зимней Олимпиаде в Сочи из-за применения мельдония и неоднократное упоминание в докладе комиссии Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) имени министра спорта РФ Виталия Мутко не только не привели к его отставке, но, судя по назначению его заместителем председателя правительства РФ по вопросам спорта, туризма и молодежной политики, напротив, способствовали карьерному росту. Высокий пост чиновник сохранил и после запрета российским спортсменам выступать под национальным флагом на Олимпиаде-2018 в южнокорейском Пхёнчхане.

Еще один пример скандала, оставшегося без последствий, – фильм основателя Фонда по борьбе с коррупцией Алексея Навального «Яхты, олигархи, девочки: охотница на мужчин разоблачает взяточника», снятый в жанре документального расследования и обнародованный на YouTube 8 февраля 2018 года. Основой для фильма стали книга «Дневник по соблазнению миллиардера, или Клон для олигарха» и публикации в Instagram фотографий и видеороликов девушки из эскорт-агентства Насти Рыбки (урожденная Анастасия Костина, по второму мужу Вашукевич).

В фильме утверждается, что в 2016 году вице-премьер российского правительства Сергей Приходько отдыхал за границей на яхте одного из богатейших олигархов России Олега Дерипаски в компании девушек из эскорт-агентства. Навальный оценил такой «групповой» отдых как взятку. Кроме того, в фильме утверждается, что в собственности у Приходько находятся поместье и квартиры, стоимость которых несопоставима с заработками чиновника и его жены.

Официальной реакции на изложенное в фильме не последовало, что не помешало очередному разоблачительному ролику Навального войти в разряд топовых на YouTube. За два месяца его просмотрели 7,1 млн человек. Рекорд популярности фильма «Он вам не Димон» (16 млн за первый месяц и 26 млн за год), в котором рассказывается о предполагаемом имуществе председателя правительства РФ Дмитрия Медведева, преодолеть не удалось. Тем не менее, согласно мартовскому опросу «Левада-Центра», доли ничего не слышавших о фильмах респондентов отличаются только на девять процентных пунктов – 62% vs. 71% (табл. 1).

Учитывая наличие «клубнички» в фильме о совместном отдыхе олигарха и вице-преьера, разумно было бы ожидать увеличения вклада слухов (межличностного общения) в распространение информации, так как пересказывать знакомым интимные подробности всегда проще, чем сведения, полученные из реестров и кадастров. Это предположение подтверждается в табл. 1 как по вертикали, так и по горизонтали. Если отношение ответов в третьей строке к первой («Что-то слышали о нем, но без подробностей» / «Сами видели его») для «Димо-

Таблица 1

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О ВЫШЕДШИХ В ИНТЕРНЕТЕ ФИЛЬМЕ ФОНДА ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО «ОН ВАМ НЕ ДИМОН» О КОРРУПЦИОННЫХ СХЕМАХ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА И ФИЛЬМЕ, В КОТОРОМ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР ПРИХОДЬКО ОБВИНЯЕТСЯ В КОРРУПЦИОННЫХ СВЯЗЯХ С ОЛИГАРХОМ ДЕРИПАСКОЙ И НАРУШЕНИИ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ЧИНОВНИКА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	«Димон»	«Рыбка»	Р/Д
Сами видели его	7	5	0,71
Сами не видели, но знакомы с его содержанием	11	8	0,73
Что-то слышали о нем, но без подробностей	20	17	0,85
Ничего не слышали о нем	62	71	1,15

на» составило 2,86, то для «Рыбки» – 3,4. Соответственно отношения по строкам (0,71 для Интернета и 0,85 для слухов) свидетельствуют о преимуществе слухов перед Интернетом при распространении информации о фильме «Рыбка» перед фильмом о «Димоне».

Тем не менее слухи в качестве источника информации в данном случае являются производными от просмотров фильмов в Интернете, что иллюстрирует зависимость распределения ответов от социально-демографических характеристик респондентов. Если среди младшей возрастной группы (18–24 года) ничего не слышали о «Рыбке» 68%, то среди старшей (55+) – 75%; среди респондентов с высшим образованием – 62%, а с образованием ниже среднего – 83%, среди способных покупать товары длительного пользования – 57%, среди тех, кому денег не хватает даже на питание, – 82%; среди москвичей – 45%, среди жителей села – 78%.

Несложно заметить, что уровень неосведомленности оказался напрямую связан с частотой выхода в Интернет. А пользуются мировой «паутиной» ежедневно чаще люди молодые, образованные, материально обеспеченные, проживающие в больших городах. Ограничусь данными по москвичам и жителям села. Если среди первых в марте 2018 года ежедневно выходило в Интернет 70%, то среди вторых – только 38%.

Уровень неосведомленности, пусть и не столь существенно, как в случае зависимости от частоты пользования Интернетом, оказался привязан к политическим предпочтениям респондентов. Поэтому среди тех, кто считает, что дела идут в правильном направлении, он выше, чем среди придерживающихся противоположной точки зрения, – 74,4% vs. 61,2%. Все логично: политические предпочтения выступают в роли информационных фильтров, пропускающая в первую очередь информацию, подтверждающую уже сложившуюся «картину мира».

Преимущество «клубнички» перед реестрами и кадастрами демонстрируют и ответы на вопрос «Как вы считаете, соответствует ли дей-

ствительности содержащаяся в этих фильмах информация?» (табл. 2). Доля респондентов, не поверивших в изложенные в фильмах факты, в случае с «Рыбкой» оказалась 2,3 раза ниже (7% vs. 16%).

Среди младшей возрастной группы в правдивость «Рыбки» не поверил только 1% респондентов, среди старшей – 8%. По остальным социально-демографическим группам разброс при выборе первого варианта ответа уложился в интервал от нуля до трех процентных пунктов.

Реестры и кадастры «отыгрались» при ответе на вопрос о типичности подобных коррупционных схем для высших должностных лиц государства. Если в случае с «Димоном» при распределении ответов вариант «Типичное явление, проявление разложения российской власти» выбрали 75% респондентов, то в случае с «Рыбкой» – только 48%. Разногласий не возникло по варианту ответа «Единичный случай, нетипичный для высшего руководства страны» (12% vs. 14%). Что касается затруднившихся с ответом, то при оценке «Рыбки» их доля оказалась в 3 раза выше (13% vs. 38%).

При желании высокую долю затруднившихся с ответом в случае с фильмом «Рыбка» можно усмотреть как определенный позитив. В современной России взятки чаще дают деньгами, чем натурой. А это свидетельствует о победе рыночных отношений над архаичным натуральным обменом.

6 апреля 2018 года суд в Сеуле приговорил бывшую президента Южной Кореи Пак Кын Хе к 24 годам тюрьмы по обвинению в коррупции. Двумя месяцами ранее подруга экс-президента Чхве Сун Силь получила 20 лет тюрьмы. Пользуясь дружбой с президентом, она предлагала руководителям южнокорейских корпораций перечислять многомиллионные пожертвования своим некоммерческим фондам в обмен на поддержку со стороны государства.

В отличие от Украины, для отстранения от власти коррумпированного президента «революции достоинства» не понадобилось. На южнокорейском Майдане обошлось без силового

Таблица 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ДЕЙВИТЕЛЬНОСТИ СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ЭТИХ ФИЛЬМАХ ИНФОРМАЦИЯ

(в % от числа тех опрошенных, кто слышал о фильмах)

Вариант ответа	«Димон»	«Рыбка»
Я уверен(а), что все это неправда	16	7
Это похоже на правду, хотя достоверность этих обвинений оценить сложно	45	45
Я уверен(а), что все это правда	27	30
Затруднились ответить	13	18

противостояния. Импичмент президенту был объявлен в полном соответствии с конституционной процедурой. Правда, для ее начала потребовались массовые акции протеста.

Импичменты глав государств в «странах первого мира», разумеется, не проходят по ряду ординарных событий. Тем не менее угроза отстранения от власти, подобно дамочковому мечу, постоянно висит над головами демократически избранных политиков. Шаг вправо, шаг влево от Конституции — этого достаточно для запуска процедуры импичмента. За примерами далеко ходить не надо. В XX веке под угрозой досрочного прекращения полномочий оказались два американских президента — Ричард Никсон в 1974 году по делу Уотергейта (ушел в отставку до окончания срока) и Билл Клинтон в 1998–1999 годы по делу о лжесвидетельстве и препятствии правосудию в связи с взаимоотношениями с Моникой Левински.

Свежий пример краха политической карьеры — отставка главы Национального собрания Норвегии Улемика Томмессена из-за допущенного им перерасхода бюджетных средств, выделенных на реконструкцию зданий норвежского парламента. Поводом для отставки послужило не обвинение в коррупции, а перерасход государственных средств, возникший «из-за некачественного планирования ремонта». Среднестатистическому россиянину признать подобную причину отставки топ-политика убедительной, пожалуй, было бы непросто. Да и в чем, собственно, убеждать? Власть везде одинакова, в этом уверены почти 40% россиян (табл. 3). Если власти западных стран и реагируют на обвинения в коррупции, то исключительно под давлением общества и независимых СМИ. Отсутствие же такого рода давления в России приводит к тому, что только 17% респондентов в марте 2017 года были уверены, что ни президент, ни премьер-министр не замешаны в коррупции, тогда как со справедливостью обвинения в

адрес премьер-министра соглашалось 30%, а 38% считали, что в коррупции замешаны все руководители страны. Однако к массовым акциям протеста отсутствие должной реакции властей на фильм-расследование ФБК «Он вам не Димон» не привело. В Москве, например, 26 марта количество участников несогласованной акции, по оценке полиции, составило 7–8 тыс. человек

Государственная пропаганда, по мнению журналиста Андрея Архангельского, целенаправленно приучает россиян к мысли, «что точно так же, как есть некое многомиллионное российское “мы”, которое думает и поступает всегда одинаково, так и остальной мир состоит из таких же монолитных “мы”, коллективных сущностей, обладающих неизменными свойствами. Это попытка сделать мир простым и похожим на нас. Тем самым язык превращает индивидуумов в вещи, в субстраты, в заранее запрограммированные функции — как герои соцреализма или нынешних российских сериалов, чьи функции написаны у них буквально на лбу»¹.

В мире «простом и похожем на нас» смысл за человека определяет государство, и уже в силу этого в нем нет места для «Илона Маска, или Марка Цукерберга, или Павла Дурова, а есть только единое безликое “мы”». В мир «похожий на нас», в мир, в котором «власть везде одинакова», респонденты с высшим образованием верят чаще тех, чьи университеты ограничились уровнем «ниже среднего» (42% vs. 36%), а москвичи — чаще жителей села (48% vs. 35%).

Необходимо отметить, что для представителей социальной периферии оценка реакции властей западных стран на коррупционные скандалы оказалась непосильной задачей, что привело к значительному расхождению долей затруднившихся с ответами: 23% vs. 43% для респондентов крайних уровней образования и 8% vs. 35% для москвичей и жителей села.

Таблица 3

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАК ОБЫЧНО РЕАГИРУЮТ ВЛАСТИ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ НА ПОДОБНЫЕ СКАНДАЛЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	МАРТ 2018
Власть везде одинакова, она стремится замалчивать такие факты	39
Власть под давлением общества и независимых СМИ вынуждена начинать расследования	30
Затруднились ответить	31

¹ Архангельский А. Заблокировать самих себя. [Электронный ресурс]. <https://storm100.livejournal.com/4905506.html>.

Через одиночество к звездам

9 апреля 2018 года помощник президента, автор концепции «суверенной демократии» Владислав Сурков опубликовал в журнале «Россия в глобальной политике» заявку на очередную концепцию. Заявка оформлена в виде статьи «Одиночество полукровки (14+)»¹.

Статья начинается с резюме: «Россия четыре века шла на Восток и еще четыре века на Запад. Ни там, ни там не укоренилась. Обе дороги пройдены. Теперь будут востребованы идеологии третьего пути, третьего типа цивилизации, третьего мира, третьего Рима...»

Знакомые слова, но насколько третий Рим Суркова является аналогом Третьего Рима инока Филофея (ок. 1465–1542)? Возможный ответ на этот вопрос содержится в книге трех российских авторов «История России: конец или новое начало?»: «Тревожное чувство вселенского одиночества не покидало Русь на всем протяжении московского периода. Внешне имперская, но лишенная имперского пафоса формула “Москва – Третий Рим” – реакция на одиночество и неуверенность, их идеологическая компенсация: Русь – единственная, кому удалось сохранить подлинную веру в мире, погрязшем в грехе. Поэтому только ей уготовано спасение, только она войдет в Царствие Небесное после скорого Второго Пришествия»².

Во второй половине XVI века одиночество и неуверенность толкнули Русь к прямому силовому противостоянию с католическим Западом в Ливонских войнах, закончившемся поражением, террором (опричниной) и Смутой.

Отсчет своего варианта строительства Третьего Рима Сурков начинает с 2014 года, который ознаменовал «завершение эпического путешествия России на Запад, прекращение многократных и бесплодных попыток стать частью западной цивилизации, породниться с “хорошей семьей” европейских народов». Впереди эпоха 14+, впереди «сто (двести? триста?) лет геополитического одиночества».

Приверженность идеологии третьего пути не помешала помощнику президента рассуждать о культурных особенностях России на языке айтишников: «При внешнем подобии русской и европейской культурных моделей у них несхожие софты и неодинаковые разъемы (выделено нами. – С.Н.). Составиться в общую систему им не дано». Как не дано и описать соб-

ственное своеобразие, не прибегнув при этом к языковым заимствованиям.

Каковы исторические перспективы одиночества? Вглядываясь в будущее из окна кремлевского кабинета, Сурков разглядел два варианта: прозябание «бобыля на отшибе» и счастливое одиночество «лидера ушедшей в отрыв альфа-нации». Выбор «от нас зависит», но автор пророчеств заканчивает свою статью мощным оптимистическим аккордом: «Будет интересно. И звезды будут».

Разумеется, проблема третьего (особого) пути родилась не сегодня. Ее популярность в российском обществе подтверждают опросы «Левада-Центра». В частности, за период с апреля 2000 года по март 2015 года при ответе на вопрос «По какому историческому пути должна идти Россия?» вне конкуренции оказался вариант: «Идти по своему собственному пути» – 53% (среднее значение). Доля отметивших вариант «По общему для современного мира пути европейской цивилизации» составила 21%, незначительно опередив вариант «Вернуться на путь, которым двигался СССР», – 18%³.

Главную особенность движения по своему собственному пути респонденты видят в ценностном отличии от Запада – 37% (среднее значение за период с января 2008 года по ноябрь 2016 года), далее следует «Отличие экономической модели» – 32% и «Идеология “осажденной крепости”» – 17%⁴.

Но каков источник такого распределения ответов? Перед нами типичный продукт пропаганды или популярность особого пути в общественном сознании имеет под собой объективное основание? Следует отметить, что среди российских интеллектуалов, сторонников европейского выбора, теория особого пути, мягко говоря, популярностью не пользуется. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с материалами круглого стола «“Особый путь”»: самобытная дорога или цивилизационный тупик», организованного фондом «Либеральная миссия» в июле 2017 года⁵.

Ограничусь одной цитатой, позаимствованной из выступления содокладчика на круглом столе, экономиста Дмитрия Травина: «... людям очень хочется чувствовать себя особыми, не такими, как другие. И даже когда национальным

¹ [Электронный ресурс]. <http://globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>.

² Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008. С. 201.

³ Лекция Кирилла Рогова в клубе «Открытая Россия». «Демократия – это вообще очень плохое слово». [Электронный ресурс]. <https://openrussia.org/media/707769/>.

⁴ Там же.

⁵ Фонд «Либеральная миссия». «Особый путь»: самобытная дорога или цивилизационный тупик. [Электронный ресурс]. <http://www.liberal.ru/articles/7177>.

символом оказывается Чебурашка или вот этот страшный Ждун с хоботом, общество с радостью это воспринимает. Да, вот мы такие, мы необычные, мы особые, мы не такие, как все!

Тезис, который я хочу сегодня предложить, состоит в следующем. В действительности никакого особого пути не существует, но есть желание общества представлять, что мы идем особым путем. Модернизация в разных странах Европы осуществлялась по одним примерно стандартам».

Отказываясь искать особый путь в экономике, Травин одновременно признает наличие соответствующих массовых заблуждений, которые «представляют собой, по всей видимости, форму психологической защиты общества в момент фрустрации».

С точки зрения теории локальных цивилизаций

Не отвергая роль психологического фактора, предлагаю сменить оптику и посмотреть на проблему особого пути с точки зрения теории локальных цивилизаций. Начну с определения, позаимствованного у культуролога, специалиста по цивилизационному анализу Игоря Яковенко: «Теория локальных цивилизаций базируется на идее о том, что в ходе общеисторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых (выделено нами. — С.Н.), отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определенной, весьма значительной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни»¹.

Из приведенного определения следует, что понятия «локальная цивилизация» и «особый путь» являются, по существу, синонимами. Подкреплю данную мысль примером, который привел классик цивилизационного анализа Арнольда Тойнби².

Иллюстрируя определение цивилизации как «умопостижимое поле исторического исследования», Тойнби в качестве примера приводит путь, пройденный Великобританией:

а) установление индустриальной экономической системы (в последней четверти XVIII века);

б) установление ответственного парламентского правительства (с последней четверти XVII века);

в) морская экспансия (начавшаяся в третьей четверти XVI века пиратством и постепенным развитием мировой торговли, обусловленным открытием тропических стран);

г) Реформация (со второй четверти XVI века);

д) Ренессанс (с последней четверти XV века);

е) установление феодальной системы (с XI века);

ж) обращение англичан в религию западного христианства (конец VI века).

Какое из приведенных событий можно считать автохтонным? Ответ очевиден: несмотря на относительную географическую изоляцию, насладиться чувством «геополитического одиночества» островное государство так и не сумело. «Действующие силы истории, — поясняет Тойнби, — не являются национальными, но проистекают из более общих причин. Взятые в своем частном национальном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и поэтому их должно рассматривать только в масштабах всего общества»³.

Тойнби отказывает Великобритании в праве на «особый путь» в истории. А теперь расширим свой горизонт до цивилизационного масштаба. Что из приведенного списка было характерно для исламского мира? Христианство? Ренессанс? Реформация? При желании для российской цивилизации⁴ что-то наскрести можно, например парламентаризм. Но что общего парламентаризм российского разлива имеет с парламентаризмом западноевропейским?

Каждая цивилизация идет своим особым путем, и утверждение Травина о том, что «модернизация в разных странах Европы осуществлялась по одним примерно стандартам», данному выводу не противоречит, если не выходит за границу «развитых стран Европы».

Но ничто не мешает нам выйти за эти границы. В качестве главного докладчика на круглом столе в фонде «Либеральная миссия» выступил еще один противник «особого пути» России, правовед Александр Оболонский. В его трактовке идеологема «особого пути» в современной России представляет собой «одну из основ политической легитимации авторитарного режима»⁵, те есть играет исключительно инструментальную роль.

¹ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. [Электронный ресурс]. http://fileskachat.com/file/30650_0b3e4edbd47b979295818f2f034a9fe0.html.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2001. С. 27.

³ Там же. С. 30.

⁴ Фонд «Либеральная миссия». «Особый путь»: самобытная дорога или цивилизационный тупик. [Электронный ресурс]. <http://www.liberal.ru/articles/7177>.

⁵ Там же.

Однако примером из прошлого Оболенский скорее иллюстрирует «особый путь» России, чем опровергает его наличие: «Петровские реформы начала XVIII века я предпочитаю называть псевдомодернизацией, ибо задачей императора было не изменение, а укрепление все того же деспотичного людоедского режима за счет использования придуманных на Западе технологий. Идея была взять инструменты, прежде всего военного характера, но отнюдь не перенять дух, их породивший, — поощрение свободы и инициативы индивидов».

Иными словами, в ответ на модернизацию, которая «в разных странах Европы осуществлялась по одним примерно стандартам», в России при Петре I прошла псевдомодернизация. Развивая данную мысль в качестве редактора и одного из авторов книги «“Особый путь” страны. Мифы и реальность», Оболенский подчеркивает, что «модернизация — это не просто реформы, даже самые широкие, и не их совокупность, а другое — изменение инварианта системы отношений в паре “человек — власть”, “человек — общество”. При всем разнообразии отношений на практике они реализуются в двух противоположных традициях — социоцентризме и персоноцентризме»¹.

Но в этом и состояла основная особенность российского «особого пути». Вместо того чтобы содействовать обществу в освоении ценностей персоноцентризма, Петр и все его последователи вплоть до наших дней поступали с точностью до наоборот. В XX веке эта особенность позволила совершить безбуржуазный (!) переход от аграрной экономики (аграрного общества) к экономике индустриальной (индустриальному обществу). За особость этого перехода пришлось заплатить миллионами жизней.

Экономику рейтингами не обманешь

Формальным критерием перехода от аграрного к индустриальному обществу является превышение доли трудовых ресурсов, занятых в промышленности, над долей, занятых в сельском хозяйстве, а перехода от индустриального к постиндустриальному обществу — превышение доли занятых в сфере услуг над долей занятых в промышленности.

В РФСР критерий первого перехода был достигнут в начале 1950-х. В 2017 году три четверти россиян проживали в городах. Что касается структуры занятости населения, то в 2016 году в сфере услуг трудилось 61,9%, в

¹ Фонд «Либеральная миссия». «Особый путь» страны. Мифы и реальность / Под общей ред. А.В. Оболенского. С. 16.

промышленности — 28,7% и в сельском хозяйстве — 9,4%².

Таким образом, по критериям, фиксируемым официальной статистикой, перемены в России не противоречат мейнстриму. Однако рост росту рознь. В эпоху четвертой промышленной революции, в эпоху экономики знаний конкурентоспособность государств определяется не количеством магазинов и парикмахерских в шаговой доступности, а вкладом науки и образования в ВВП. И здесь России похвастаться нечем. Если за период с 2005 по 2017 год доля торговли в ВВП увеличилась с 16,6 до 19,1%, то образования, напротив, снизилась с 9,1 до 8%. Стоит ли после этого удивляться, что по количеству патентных заявок, поданных по процедуре РСТ (Patent Cooperation Treaty), «вставшая с колен» Россия в 2017 году не смогла приблизиться даже к средним по размеру европейским странам, не говоря уже о странах-лидерах: США — 56 595, Япония — 45 239, Китай — 43 239, Россия — 596³.

Согласно многолетним наблюдениям в рамках проекта Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), последовательный переход от аграрного к индустриальному и постиндустриальному обществу невозможен без изменения в системе ценностей: в первом случае от традиционных к секулярно-рациональным, во втором — от ценностей выживания к ценностям самовыражения. «Распространение ценностей самовыражения превращает процесс модернизации в процесс человеческого развития, порождая гуманистическое общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям. Эта трансформация оборачивается рядом важных социальных последствий. Одно из них состоит в том, что этот процесс способствует построению и развитию демократических институтов» (Рональд Инглхарт)⁴.

Но Россия как отдельная локальная цивилизация выбрала «особый путь» и на стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Этот путь заключается в сознательных усилиях по блокированию политической элитой распространения ценностей самовыражения в обществе, так как автоном-

² Россия в цифрах — 2017. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf.

³ Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности. World Intellectual Property Indicators 2017 [Электронный ресурс]. http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2017.pdf.

⁴ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. С. 219.

ный, самодостаточный человек опасен для поддержания социальной и политической стабильности. Этот парадокс легко можно объяснить с помощью перефразированной пословицы, отражающей квинтэссенцию «особого пути» на современном этапе развития российской цивилизации: «Что немцу хорошо, то русскому смерть».

Экономику формальными показателями и рейтингами не обманешь. При двукратном превышении доли занятых в сфере услуг над занятыми в промышленности уровень корреляции курса российского рубля и доходов федерального бюджета с ценами на нефть по расчетам экономиста Андрея Мовчана составляет 98%¹. Это значит, что российская экономика по сути своей представляет одну большую компанию по добыче и транспортировке природных ресурсов, в которой непосредственно трудится около 15 млн человек, а остальное население, занятое преимущественно в сфере услуг, занимается прямым и косвенным перераспределением природной ренты. Экономика знаний при этом, естественно, не формируется.

При такой структуре занятости спрос на носителей ценностей самовыражения со стороны экономики минимален, что и подтверждается количественными и качественными характеристиками трудовой эмиграции. Приведу пример, позаимствованный из отчета Комитета гражданских инициатив «Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века»². Россия в 2013 году оказалась мировым лидером по числу иностранных ученых, работающих в Германии, опередив Китай и Индию, – 3672, 3576 и 2947 человек соответственно.

Если безбуржуазную модернизацию (псевдомодернизацию) на этапе индустриализации еще можно было провести «сверху» за счет активного заимствования западных технологий, то успешное освоение постиндустриального этапа требует массового субъекта, без которого не только исключено создание собственной оригинальной продукции, способной конкурировать на международных рынках, но даже невозможно массовое производство на основе копирования.

Когда каждые два года количество транзисторов на единице площади кремниевых кристаллов удваивается (закон Мура), для про-

изводства очередного поколения микросхем необходимо копировать не только их конструкции, но и полную линейку технологического оборудования, что требует копирования целой машиностроительной отрасли. И все это необходимо делать в крайне сжатые сроки.

Данный пример иллюстрирует окончание почти 400-летнего этапа догоняющей модернизации в истории российской цивилизации. Уровень технологической сложности, достигнутый мировыми лидерами, не может больше воспроизводиться культурой, в которой традиции социоцентризма преобладают над традициями персоноцентризма.

«Есть Путин – есть Россия»

Большое видится на расстоянии. То, что еще недавно оценивалось как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века», сегодня начинает восприниматься в качестве очередного этапа в эволюции российской цивилизации. Ее базовые характеристики стали проступать в 2014 году после «Крымнаш», что позволило аналитическому сообществу воскресить, казалось бы, навсегда оставшуюся в прошлом тему тоталитаризма, разумеется, с добавлением префикса «нео».

По мнению политолога Владимира Пастухова, «неототалитаризм является злокачественной разновидностью авторитаризма, его перерождением, которое стало возможным в XX веке, когда, с одной стороны, миру явилась массовая личность, а с другой стороны, появились технологии управления массовым сознанием. Это своего рода возврат к “высокотехнологическому средневековью”, своего рода эволюционная редукция»³.

Приведу основные характеристики классического тоталитаризма, позаимствованные из лекции социолога Льва Гудкова⁴:

– сращивание партии и государства, обеспечивающее полный контроль над государственной системой и всеми социальными процессами в обществе;

– чрезвычайная роль тайной политической полиции, которая действует вне правовых рамок и обеспечивает и принуждение общества, и репрессии в отношении недовольных или потенциальных оппонентов;

– формирование эсхатологической миссионерской идеологии, обещавшей построение но-

¹ Мовчан А. Новые Известия. Виноват ли в пожаре капитализм? [Электронный ресурс]. <https://newizv.ru/article/general/28-03-2018/andrey-movchan-vinovat-li-v-pozhare-kapitalizm>.

² [Электронный ресурс]. https://drive.google.com/file/d/0Bwf1q8m_RQgMaThoSEJKb0pfMw/view.

³ Пастухов В. Ловушка неототалитаризма. [Электронный ресурс]. <http://polit.ru/article/2015/03/21/trap/>.

⁴ Гудков Л. Как возвращается тоталитаризм. [Электронный ресурс]. <https://republic.ru/posts/57349>.

вого общества, включало в себя два компонента: архаическое представление об идеальном общественном устройстве и критику западной демократии как гнилой и продажной;

– активное педалирование идеи заговора, внутреннего и внешнего врага, которое совместно с политической полицией обеспечивает консолидацию и принудительное подчинение общества режиму;

– персонификация нового порядка через культ вождя;

– огосударствление экономики, подчинение экономических процессов политическим целям, прежде всего экспансии и милитаризации;

– полный контроль над СМИ и превращение их в орудие пропаганды.

Из перечисленного для современной России не актуально, пожалуй, только сращивание партии и государства, что не мешает Кремлю посредством властной «вертикали» повышать степень тотальности контроля. Последнее ноу-хау – требование к избирателям направлять фото бюллетеней для голосования руководителям по месту работы.

Отдельно следует отметить неудачу с неоднократными попытками сформировать миссионерскую идеологию. Все они в конце концов свелись к патриотизму как разновидности изоляционизма. Но о каких претензиях на «Третий Рим» может идти речь в условиях утраты мессианской идеологии? Ее отсутствие – верный знак исчерпания цивилизационной динамики. Запертые в осажденной крепости не в состоянии претендовать на закрепление двуглавого орла на фоне земного шара, как это в свое время проделал СССР с серпом и молотом. Удержание в зоне своего влияния за счет силовых акций и политики «нефть в обмен на поцелуй» нескольких осколков «союза нерушимого» – это все, на что может сегодня претендовать «Третий Рим».

Утрата цивилизационной динамики наглядно проявляется и в безуспешных попытках выстроить современное государство. «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» – с таким популярным определением можно согласиться. Оно выглядело бы весьма органично и в Европе в эпоху, предшествующую Вестфальскому миру (1648). Однако уже к концу XVII века «в отличие от всех своих предшественников во все времена и где бы то ни было, – поясняет военный историк, профессор Иерусалимского университета Мартин Кревельд, – государство не идентично ни пра-

вителям, ни тем, кем они правят; оно является не человеком и не сообществом, но невидимой сущностью, известной как корпорация»¹.

Первая серьезная попытка построить в России такую невидимую сущность была предпринята в начале XX века, вторая – в конце. Первая завершилась советским тоталитаризмом, вторая разворачивается на наших глазах в виде неототалитаризма.

Государство, функционирующее по до-вестфальскому принципу «Есть Путин – есть Россия», не может быть ответственным перед обществом, и записью в Конституции «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (статья 3) ситуацию не исправить. И дело тут не в том, что не с кого спросить. Проблема глубже – некому спрашивать. Фильмами о Насе Рыбке и Димоне не разрушить посткрымский консенсус с его 86% одобрения Путина. В среднесрочной перспективе не грозят консенсусу и локальные акции протеста. В большинстве случаев их участники всячески стремятся избежать политизации собственных действий. В полном соответствии с концепцией «особого пути» недовольные реагируют не на нарушение законов, а на нарушение справедливости при распределении ресурсов, что в большинстве случаев оформляется в виде жалоб их главному распорядителю в стране.

Немного Хантингтона в заключение

Российская стратегия человеческого бытия просуществовала более тысячелетия, распространив влияние на территорию, измерять которую лучше всего не километрами, а часовыми поясами. Не исключено, что именно территория (пространство по Николаю Бердяеву) и стала тем камнем преткновения на пути перехода от экстенсивной к интенсивной культуре, от исторической статики к исторической динамике.

Российская цивилизация далеко не единственная, испытывавшая непреодолимые трудности на этом пути. Ее товарищ по несчастью – исламская цивилизация.

Справившись с выполнением формальных критериев модернизации (индустриализация, урбанизация, высокий уровень грамотности, образованности и социальной защищенности населения), российская цивилизация спасовала перед массовой вестернизацией (заимствование

¹ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 510.

западноевропейского образа жизни и западных ценностей). Попытка же вестернизации узкой прослойки элиты, старт которой был дан еще при Алексее Михайловиче (вторая половина XVII века), закончилась катастрофой 1917 года, так как две культуры, подобно двум медведям, не смогли ужиться в одной «берлоге». Таким образом, модернизация, не соединенная с вестернизацией, обернулась стратегическим тупиком, и выход из этого тупика через очередную попытку построения очередного «Третьего Рима» невозможен.

То, что мы сегодня наблюдаем, — это попытка скрестить рыночную экономику с пост-тоталитарной политикой. Если судить по четвертому переизбранию Путина, то со своей главной задачей (удержанием власти) правящая клика пока справляется. Цена успеха — превращение России в нефтяную корпорацию, продолжительность жизни которой коррелирует с ценами на нефть примерно так же, как и доходная часть федерального бюджета.

Но насколько локальность локальных цивилизаций сохраняет свою актуальность в мире, в котором объем мировой торговли достиг 40% мирового ВВП? По мнению философа Александра Рубцова, сегодня «Запад настолько пропитался Востоком, а Восток настолько вестернизирован, что выпавшие из этого симбиоза и в самом деле выглядят одинокими чудаками, если не хуже, застрявшими в прошлом веке, если не раньше»¹.

Да, это так, если под Востоком понимать страны рисовой культуры, пять из которых за последние 40–50 лет совершили рывок из третьего мира в первый (Япония, Республика Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур). Но успехи Востока — это успехи Востока. Одиноким чудакам, в число которых входит и Россия, от этого не легче.

Сможет ли Россия пропитаться Западом? Не уверен, что на этот вопрос сегодня можно дать однозначный ответ. Для такой пропитки обществу придется отказаться от ценностей

выживания в пользу ценностей самореализации, но после 2014 года активно идет противоположный процесс. «Химики» из Кремля своим внешним врагам предложили «новичок», а собственному населению — державность. «Но великая держава — это ведь не просто символ, а еще и определенная внутренняя политика разрушения групповых связей, это направленные, хотя и не тотальные репрессии, образовательная и культурная политика, действия, ведущие к резкой примитивизации социальной структуры»².

Кроме России и ее цивилизационных сателлитов, Белоруссии и Украины, все православные страны или уже формально стали частью западнохристианской цивилизации, вступив в Евросоюз, или готовятся в него вступить. Разумеется, до полной смены цивилизационной идентичности потребуется смена как минимум двух-трех поколений, но процесс пошел, и он необратим.

Книгу «Столкновение цивилизаций» Самуэль Хантингтон заканчивает следующим парадоксальным утверждением: «В нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций являются наибольшей угрозой миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самым надежным средством предупреждения мировой войны»³.

Современная глобальная политика — это политика цивилизаций, и когда культурная несовместимость блокирует сотрудничество, цивилизации сталкиваются, генерируя угрозы не только для себя, но и для всего человечества. К счастью, не все так безнадежно. Ни исламская, ни российская цивилизации сегодня не в состоянии предложить «особый путь» в качестве альтернативы вестернизации. Их вынужденную имитацию верховенства закона и признание на уровне деклараций первичности прав и свобод граждан по отношению к государству следует рассматривать в качестве проявления несамодостаточности альтернативных Западу цивилизаций.

¹ Рубцов А. Геополитическое одиночество как поза. [Электронный ресурс]. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/04/16/766754-geopoliticheskoe-odinochestvo.

² Гудков Л. Фонд «Либеральная миссия». Рождение гражданской нации: условия, преграды, перспективы. [Электронный ресурс]. <http://www.liberal.ru/anons/7226>.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 532.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГОВ

Татьяна ЛЫСОВА

Пользование интернет-услугами и факторы, влияющие на их разнообразие¹

Цифровые технологии все в большей мере проникают в повседневную жизнь. Об этом свидетельствует распространение Интернета, персональных компьютеров, мобильных телефонов и т.д.² Исследования показывают, что все большие категории населения сталкиваются с принятием решений, основанным на использовании или развитии технологий. Например, отношение потребителей к технологиям влияет на то, как совершаются покупки, а именно что, когда и где покупают, а также на выбор способа оплаты покупок³.

Не только исследователи заявляют о важности цифровых технологий, это признают и на государственном уровне. В 2017 году Правительство РФ утвердило Программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой приоритет отдается повышению цифровых компетенций российского населения, а также обеспечению информационной безопасности.

Данная работа посвящена изучению факторов, влияющих на уровень пользования Интернетом. В частности, мы рассмотрим, какие показатели влияют на количество интернет-услуг, для пользования которыми необходимо предоставить личную информацию (например, номер

банковской карты, паспортные данные и пр.).

Как отмечают исследователи, сейчас корректнее изучать цифровое неравенство не через доступ к Интернету, а через полноту и разнообразие использования новых технологий в целом и Интернета в частности⁴. Авторы прогнозируют, что разрыв в доступе к Интернету со временем исчезнет, но разрывы в цифровых компетенциях и вариативности обращения к Интернету увеличатся.

Возраст считается одной из главных детерминант использования Интернета⁵. Молодежь не только чаще пользуется Интернетом, но делает это более разнопланово, нежели старшее поколение. Таким образом, возраст является сейчас одной из главных причин цифрового неравенства, измеряемого через полноту и разнообразие использования цифровых технологий.

Несмотря на то что технологии все сильнее затрагивают каждого человека, не все люди позитивно воспринимают их и их влияние на жизнь. Некоторые испытывают дискомфорт и даже тревогу в связи с развитием технологий и их повсеместным распространением, в то время как другие относятся позитивно к этому феномену, обращая внимание на выгоды и удобства,

¹ Статья написана по результатам выступления на XII Всероссийской научной конференции памяти Юрия Левады «Современное российское общество и социология».

² Цифровая экономика: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьяненко и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 16.

³ Mohr J., Sengupta S., Slater S. Marketing of High Technology Products and Innovations. New Jersey: Pearson Education, 2010. P. 233. Pearson G., Young A.T. Technically Speaking: Why All Americans need to know more about technology. Washington, DC: National Academy of Engineering, National Academy Press, 2002. P. 68.

⁴ DiMaggio P., Hargittai E. From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use As Penetration Increases, 2001. [Online]. Дата обращения 18 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. <https://pdfs.semanticscholar.org/4843/610b79d670136e3cdd12311f91f5cc98d2ee.pdf> Van Deursen A., van Dijk J. The Digital Divide Shifts to Differences in Usage // New Media Society, № 16(3). 2014. P. 509. Brandtzaeg P.B., Heim J., Karahasanovic A. Understanding the New Digital Divide – A Typology of Internet Users in Europe // International Journal of Human-Computer Studies, № 69. 2011. P. 124.

⁵ Zillien N., Hargittai E. Digital Distinction: Status-Specific Internet Uses // Social Science Quarterly, № 90(2). 2009. P. 288.

которые предоставляют новые технологии¹. Более того, фактор отношения к технологиям влияет не только на их использование, но и на его интенсивность.

Исследования показывают, что и межличностное, и институциональное доверие оказывают значительное влияние на то, как люди пользуются Интернетом. Например, фактор доверия влияет на совершение покупок онлайн², пользование банковскими услугами³ и совершение финансовых транзакций онлайн в целом⁴. Институциональное доверие играет принципиальную роль при принятии решения, открывать ли различным организациям личную информацию (адрес, телефон, номер кредитной карты и пр.)⁵. Таким образом, фактор доверия является важным предиктором при обращении в Сети к услугам, пользование которыми требует предоставления личной информации.

Чувство контроля над собственной жизнью в настоящем и будущем также связано с использованием цифровых технологий. Люди, которые планируют будущее, оказываются более активными пользователями Интернета и других цифровых технологий, чем люди, которые не ощущают контроля над своей жизнью⁶. Различия есть и в стилях пользования Интернетом. Люди, обладающие чувством контроля над событиями в жизни, с помощью Интернета дополняют свои ежедневные активности или достигают определенных целей, а не чувствующие контроля чаще всего используют Сеть для замещения повседневных активностей (например, общения).

Исследователи отмечают, что есть и обратная связь между интенсивностью пользования Интернетом и оценками перспектив в будущем: чем разнообразнее человек пользуется

Интернетом, тем оптимистичнее он смотрит в свое будущее. Такая связь объясняется тем, что более активное пользование Интернетом дает целый ряд преимуществ (материальных, статусных и информационных), которые помогают легче и быстрее достигать поставленные цели⁷.

Исследовательская модель и гипотезы

На основе литературы можно выделить следующие гипотезы о связи различных факторов с разнообразием пользования интернет-услугами, которые требуют от пользователя предоставления личной информации:

- возраст имеет обратную связь с показателем разнообразия обращения к услугам в Сети, которые запрашивают личную информацию о пользователе;
- отношение к цифровым технологиям, использование которых уже распространено в быту, положительно связано с разнообразием пользования интернет-услугами;
- уровень институционального доверия также положительно связан с разнообразием пользования интернет-сайтами, пользователям которых необходимо предоставить личную информацию;
- еще один фактор, имеющий позитивную связь с показателем разнообразия пользования Интернетом, — степень уверенности в завтрашнем дне.

Эти гипотезы позволяют построить тестируемую модель, демонстрирующую связь между выделенными факторами и показателем разнообразия пользования интернет-услугами, обращение к которым требует предоставления личной информации.

Методология исследования

Для статистической оценки связи между факторами использовался метод моделирования структурными уравнениями (structural equations modelling, далее — SEM), задачей которого является проверка на эмпирических данных построенной теоретической модели. Данный метод позволяет проверять гипотезы о взаимосвязи как латентных, так и наблюдаемых переменных. SEM измеряет силу этих связей и дает представление о качестве построенной модели и основывается на предположении о нормальном распределении изучаемых переменных (однако модель можно также тестировать,

¹ *Edisson S.W., Geissler G.L.* Measuring Attitudes Towards General Technology: Antecedents, Hypotheses and Scale Development // *Journal of Targeting, Measurement and Analysis of Marketing*, № 12(2). 2003. P. 139.

² *McCole P., Ramsey E., Williams J.* Trust Considerations on Attitudes towards Online Purchasing: The Moderating Effect of Privacy and Security Concerns // *Journal of Business Research*, № 63. 2010, P. 1022.

³ *Yousafzai S. Y., Foxall G.R., Pallister J.G.* Explaining Internet Banking Behavior: Theory of Reasoned Action, Theory of Planned Behavior, or Technology Acceptance Model // *Journal of Applied Social Psychology*, № 40(5). 2010. P. 1196.

⁴ *Best K.* Living in the Control Society: Surveillance, Users and Digital Screen Technologies // *International Journal of Cultural Studies*, № 13(1). 2010. P. 16.

⁵ *Jayawardhena C., Kuckertz A., Karjaluoto H., Kautonen T.* Antecedents to Permission Based Mobile Marketing: an Initial Examination // *European Journal of Marketing*, № 43 (3–4). 2009. P. 488.

⁶ *Hoffman D.L., Novak T.P., Schlosser A.* Locus of Control, Web Use, and Consumer Attitudes Toward Internet Regulation // *Journal of Public Policy and Marketing*, № 22(1). 2002. P. 42.

⁷ *Звоновский В., Меркулова Д., Соловьева Ю.* Сегментация российских пользователей Интернета // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 2(120). 2015. С. 107.

если данные распределены ненормально с помощью определенного метода оценки модели).

Особенностью SEM является то, что исследователь, основываясь на теории, самостоятельно задает индикаторы латентных переменных, а также указывает, какие связи (ковариационные, регрессионные) требуется протестировать между переменными. При анализе методом SEM параметры оцениваются с помощью минимизации разницы между наблюдаемыми ковариациями и теми, которые подразумеваются моделью.

Чтобы упростить задачу определения латентных факторов с помощью измеряемых индикаторов, перед проведением анализа с помощью SEM можно провести эксплоративный (или разведывательный) факторный анализ.

В данной работе для проверки данных на нормальность и выбросы, а также для реализации эксплоративного факторного анализа, использовалась программа IBM SPSS Statistics 20, для реализации SEM — пакет lavaan версии 0,4–0,8 программы R версии 3.3.1.

В качестве способа презентации результатов SEM будет использоваться путевая диаграмма. Основные элементы путевой диаграммы:

- овалы, в которых представлены латентные переменные;
- прямоугольники — наблюдаемые переменные;

Таблица 1

ЛАТЕНТНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ И ИХ ИНДИКАТОРЫ

Отношение к цифровым технологиям (шкала 1–4: полностью не согласен — полностью согласен). Формулировка вопроса: «Давайте поговорим о таких цифровых технологиях, как Интернет, мгновенный обмен сообщениями, мобильные телефоны и пр. Скажите, пожалуйста, в какой степени вы согласны или не согласны с тем, что цифровые технологии...»

Q25A. Упрощают поиск новых друзей

Q25B. Делают людей более ленивыми

Q25C. Изолируют, отдаляют людей друг от друга

Q25D. Заставляют людей впустую тратить время

Q25E. Дают возможность развивать свои навыки и способности

Q25F. Сближают людей с близкими друзьями и родственниками

Q25G. Делают повседневную жизнь более удобной

Q25H. Позволяют делать многие дела быстрее

Институциональное доверие

Q22. Различные компании и организации иногда сохраняют информацию о ваших действиях для своих целей или из-за законодательных требований (например, компании-«поисковики» (Яндекс, Google), социальные сети, банки и др.). В какой мере вы доверяете тому, что эта информация может быть использована только вам на пользу, а не причинит вреда? (шкала 1–4: совершенно не доверяю — полностью доверяю)

Q23. В целом вы одобряете или не одобряете сбор государством данных о телефонных разговорах или использовании Интернета для борьбы с преступностью и терроризмом? (шкала 1–4: совершенно не одобряю — полностью одобряю)

- однонаправленные стрелки обозначают регрессионные связи (стрелки направлены на зависимые переменные, на стрелках указываются регрессионные коэффициенты);

- двунаправленные стрелки — ковариационные связи (на стрелках указаны коэффициенты корреляции).

Описание данных

Выборка и переменные

Для анализа были использованы данные опроса 2400 человек, проведенного «Левада-Центром» в 2017 году. Для проведения опроса была спроектирована многоступенчатая стратифицированная выборка, репрезентирующая взрослое (от 20 до 59 лет) городское население РФ. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию, размеру населенного пункта.

На основе литературы были выявлены следующие латентные конструкты, которые измерялись с помощью разных показателей в рамках опроса (латентные конструкты и их измерения представлены в табл. 1):

- отношение к цифровым технологиям, использование которых распространено в повседневной жизни (Интернет, мобильная связь, мгновенный обмен сообщениями и пр.). Фиксировалось как негативное восприятие таких цифровых технологий, так и позитивное;

- институциональное доверие. В рамках данного опроса фиксировалось доверие к тем институтам, которые собирают информацию о пользователях с помощью Интернета и других цифровых технологий (государство, банки, социальные сети и пр.).

Также в рамках опроса собирался ряд непосредственно измеряемых переменных:

- возраст;
- субъективная оценка возможности планировать будущее (шкала 1–4: стараюсь не думать о будущем – пытаюсь планировать будущее настолько, насколько это возможно);
- степень беспокойства за сохранность данных в Интернете (шкала 1–4: совсем не беспокоюсь – очень беспокоюсь);
- количество интернет-услуг, которыми пользовался респондент и которые требуют предоставления личной информации (от 0 до 9).

Перед проведением основного анализа целесообразно посмотреть на распределения ответов респондентов, участвовавших в данном опросе, чтобы понять распространенность тех или иных взглядов среди российского городского населения.

Для того чтобы понять, к каким интернет-услугам, собирающим личную информацию о пользователях, обращались жители российских городов, респондентам был предложен заранее подготовленный список таких услуг. Особенность услуг, отобранных для данного списка, состоит в том, что они, во-первых, бесплатны для пользователей (те не платят комиссию за

обращение к ним) и, во-вторых, требуют предоставления личной информации (номера банковской карты, паспортных данных, фактического адреса, номера мобильного телефона и пр.).

Чаще всего горожане используют Интернет для решения практических задач: онлайн-банкинг, записи к врачу, вызова такси (табл. 2). Еще одна популярная услуга, к которой обращались в Интернете, – дополнительный заработок, не требующий особых усилий или временных затрат либо желание найти более дешевый товар: 40% пользователей Интернета за последний год покупали/продавали товары через бесплатные доски объявлений («Авито», приложение «Юла» и пр.). Каждый пятый горожанин, пользующийся Интернетом, организовывал свой досуг с его помощью. Гораздо менее распространены практики найма через доски объявлений для выполнения бытовых работ, каршеринг или организация своего рабочего места в коворкинге.

На основе этого вопроса был построен показатель количества интернет-услуг, которыми пользовался респондент за последний год. И хотя возможно, что у обращения к каждой услуге в Сети существуют свои предикторы, данная работа сосредоточена на изучении разнообразия использования услуг, предлагаемых в Интернете, и основывается на предположении, что люди выигрывают от обращения к большому количеству услуг¹.

Пользование различными услугами в Сети распространено среди городского населения

Таблица 2

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ ЛИЧНО ДЕЛАЛИ ХОТЯ БЫ ОДНАЖДЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ? (% от числа пользующихся Интернетом)

Совершали банковские переводы через Интернет, пользовались услугами онлайн-банкинга	49
Покупали/продавали товары на сайте «Авито» (Avito.ru), в приложении «Юла» и т.п.	40
Искали через Интернет или записывались к врачу, на медицинскую услугу, покупали лекарство	40
Вызывали такси через интернет или приложения («Убер» (Uber), «ГетТакси» (GetTaxi), «Яндекс.Такси» (Yandex.Taxi), «Такси Максим» (Taxi Maxim) и т.п.)	38
Покупали билеты на развлекательные или спортивные мероприятия через такие сайты, как «Тикетленд» (Ticketland), «Кассир.ру» (Kassir.ru), официальные сайты театров, концертных залов и пр.	22
Организовывали путешествие или отдых через Интернет (покупали билеты, страховку, бронировали жилье и пр.)	19
Нанимали кого-либо для выполнения работы по дому через «Авито» (Avito.ru), «Юду» (YouDo) и т.п.	6
Брали автомобиль в аренду через каршеринг (аренда автомобиля на короткий срок с поминутной или почасовой оплатой)	3
Работали в коворкинге (общее офисное пространство с почасовой оплатой за аренду рабочего места)	2
Не делали ничего из перечисленного	21

¹ Hargittai E. Digital Na(t)ives? Variation in Internet Skills and Uses among Members of the "Net Generation" // Sociological Inquiry, № 1(80). 2010. P. 99.

в возрасте от 20 до 59 лет (рис. 1): 43% опрошенных пользуются одной – тремя услугами, четырьмя и более – каждый пятый. Самыми активными пользователями являются молодежь, обеспеченные и москвичи: чуть более четверти молодых людей, каждый третий обеспеченный и житель Москвы пользуются четырьмя и более услугами. Реже всего подобными услугами или Интернетом вообще пользуется старшее поколение (47% респондентов в возрасте 45–59 лет), наименее обеспеченные (48%) и жители малых городов (42%).

Среди городского населения в возрасте от 20 до 59 лет распространено положительное отношение к цифровым технологиям, использование которых уже стало обыденным

в повседневной жизни (Интернет, мобильная сеть, смартфоны и пр.). Почти 90% респондентов выразили согласие с утверждениями: «цифровые технологии делают жизнь удобнее» и «цифровые технологии позволяют делать многие дела быстрее». Гораздо менее распространены негативные взгляды на цифровые технологии: две трети респондентов сообщили о том, что цифровые технологии «делают людей более ленивыми». Чуть более половины согласились с утверждениями о негативных последствиях использования цифровых технологий – тем, что цифровые технологии вынуждают людей тратить время впустую и способствуют изоляции людей друг от друга.

Рисунок 1
УРОВЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-УСЛУГ (% от числа всех опрошенных)

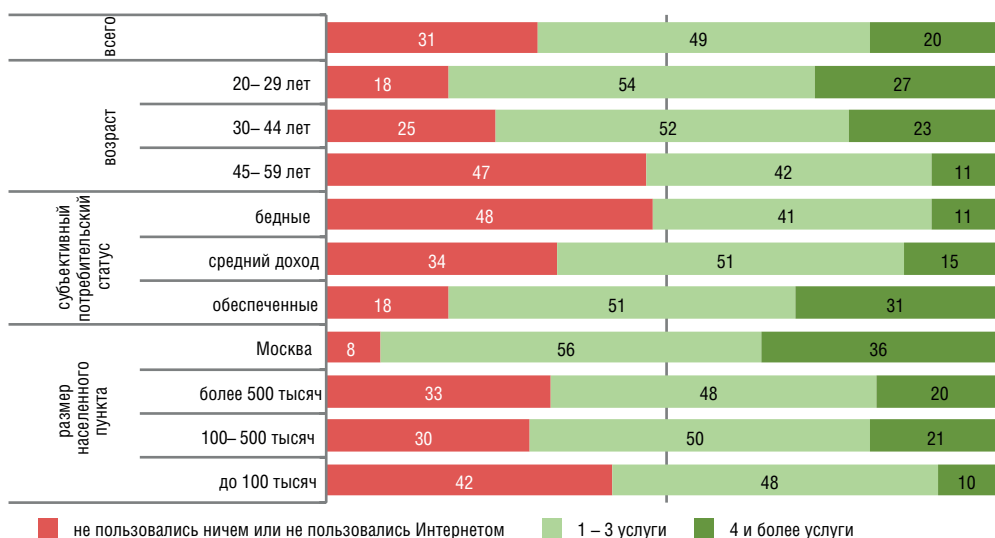

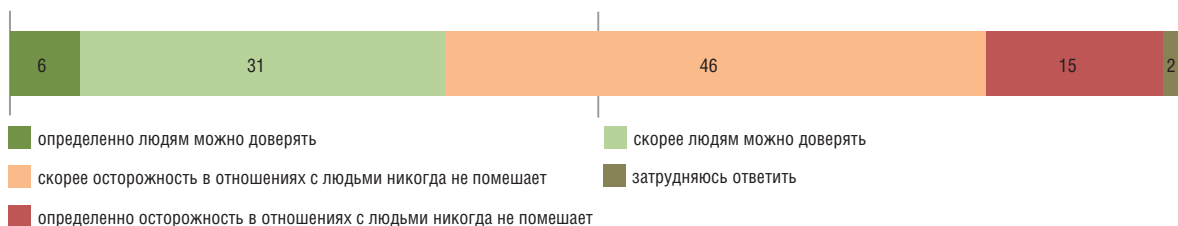
Рисунок 2
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ... (% от числа всех опрошенных)

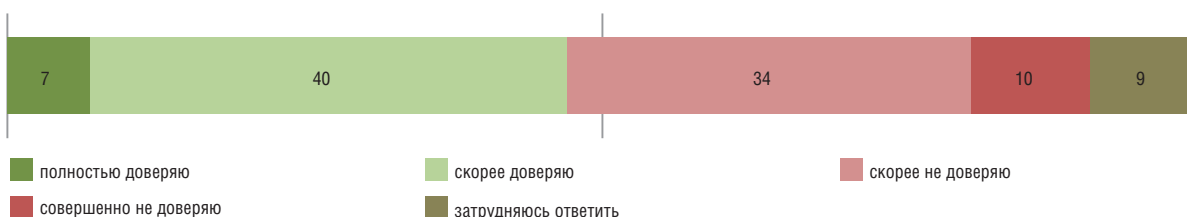
Рисунок 3

ПРОБЛЕМА МЕЖЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ (% от числа всех опрошенных)

«Одни говорят, что людям можно доверять, другие – что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает. Какая из этих точек зрения вам ближе?»

«Различные компании и организации иногда сохраняют информацию о ваших действиях. В какой мере вы доверяете тому, что эта информация может быть использована вам на пользу, а не причинит вреда?»

«В целом вы одобряете или не одобряете сбор государством данных о телефонных разговорах или об использовании Интернета для борьбы с преступностью и терроризмом?»

«Беспокоитесь ли вы об информации, которая о вас есть в публичном доступе в Интернете? Если да, то насколько сильно?»

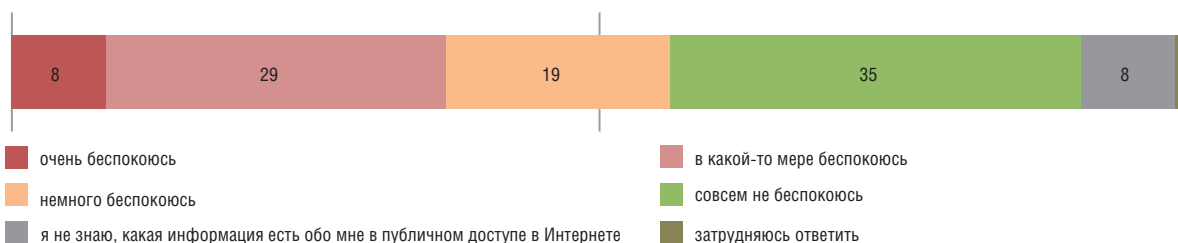
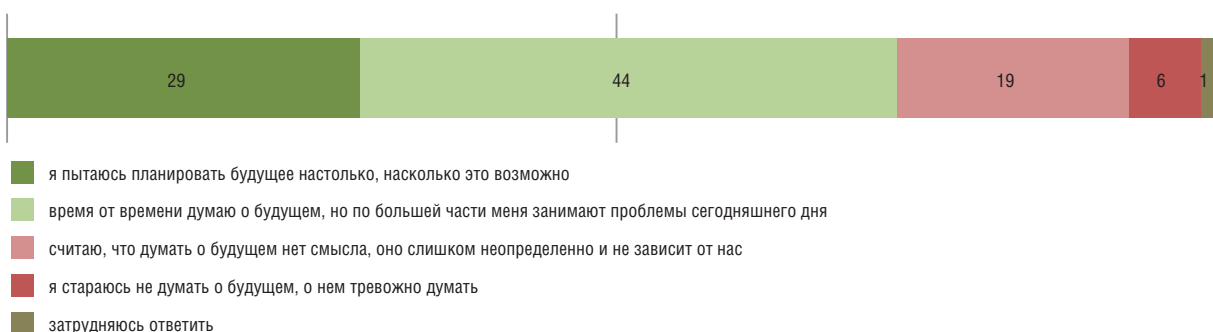

Рисунок 4

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О БУДУЩЕМ ВАМ ЛИЧНО БЛИЖЕ ВСЕГО? (% от числа всех опрошенных)

В России довольно низкий уровень межличностного доверия: с утверждением, что людям можно доверять, согласились чуть более трети респондентов. На этом фоне примечательно, что половина горожан в возрасте от 20 до 59 лет верят, что различные организации, собирающие информацию о них, используют эти данные добросовестно. Еще больше доверия россияне выражают государству: почти 60% относятся с одобрением к тому, что оно собирает данные о телефонных разговорах или об использовании Интернета для борьбы с преступностью и терроризмом. Более половины опрошенных заявили, что не беспокоятся о защите информации, которая размещена о них в публичном доступе в Интернете.

Около трети российского городского населения пытаются планировать свое будущее настолько, насколько это возможно. Чуть менее половины россиян уделяют основное внимание проблемам сегодняшнего дня. Пятая часть городских жителей в возрасте от 20 до 59 лет вообще не чувствуют контроля над своим будущим, либо считая себя фаталистами, либо испытывая тревогу при планировании будущего.

Проверка данных на нормальность

Перед проведением основного анализа необходимо проверить, что данные распределены нормально и отсутствуют выбросы, поскольку от этого зависит выбор метода оценки модели в SEM.

Была проведена проверка на одномерную и многомерную нормальность распределения с помощью показателей асимметрии (смещение пика кривой распределения в ту или иную сторону от средней оценки) и эксцесса (уплощение или вытягивание пика кривой распределения). Как показала проверка на одномерную нормальность, большинство переменных распределены нормально (показатели асимметрии и эксцесса находятся в диапазоне от -2 до 2 , что считается приемлемым для проведения дальнейшего анализа¹), кроме индикаторов *Q25G* и *Q25H*, у которых показатели эксцесса оказались $3,539$ и $3,226$ соответственно. Проверка данных на многомерную нормальность проводилась путем регрессирования каждой переменной на все остальные и анализа остатков на асимметрию и эксцесс. Данный тест показал, что если в регрессии в качестве зависимых стояли *Q25G* или *Q25H*, то эксцесс остатков этих регрессий также был больше двух ($4,873$ и $5,089$ соответственно).

¹ Brown T.A. *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*. New York, London: The Guilford Press. 2006. P. 155.

Выбросы определялись как оценки, отличающиеся от выборочного среднего на $+/-3$ стандартных отклонения. Многомерными выбросами (определяемыми на регрессиях) считались значения показателя рычага (leverage), которые превышали $0,5$. Одномерные и многомерные выбросы не были обнаружены.

Поскольку не все показатели оказались распределены нормально, чтобы избежать слишком раздутых показателей χ^2 , занижения оценок индексов соответствия теоретической модели эмпирическим данным и стандартных ошибок, предлагается оценивать модель методом робастного максимального правдоподобия (robust ML, MLM)².

Для анализа с помощью метода SEM в статистическом пакете *R* анализировалась матрица вариаций и ковариаций (табл. 3).

Эксплоративный факторный анализ

Чтобы упростить задачу определения латентных факторов, перед реализацией SEM был проведен эксплоративный факторный анализ. Для осуществления факторного анализа использовалось наклонное вращение (oblique rotation) промакс. Этот вид вращения позволяет факторам коррелировать друг с другом, что дает представление о взаимосвязи латентных факторов. Для анализа результатов факторного анализа рассматривалась матрица паттернов, показывающая отношение между фактором и переменной при контроле влияния других латентных факторов на переменную.

Факторный анализ был проведен на переменных *Q25A – Q25H*, характеризующих отношение к цифровым технологиям. В табл. 4 не демонстрируются факторные нагрузки меньше $0,2$. Первый латентный фактор объясняет вариацию переменных, характеризующих позитивное восприятие цифровых технологий и позитивный опыт их использования. Второй – вариацию переменных, которые фиксируют негативные оценки технологий. Корреляция латентных факторов – $0,084$ (статистически не значима).

² Brown. Ibid. P. 380.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИКИ И ПАРНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

	Среднее	Стандартное отклонение	q22	q23	q25A	q25B	q25C	q25D	q25E	q25F	q25G	q25H	q33	q02
q22	2,73	1,000												
q23	2,61	1,288	,344**											
q25A	2,00	1,002	,161**	,089**										
q25B	2,20	1,058	-,022	,020	,090**									
q25C	2,40	1,061	-,077**	-,002	,045*	,487**								
q25D	2,39	1,046	-,066**	,002	,006	,467**	,455**							
q25E	2,02	,996	,119**	,066**	,407**	,041*	,027	-,012						
q25F	2,07	1,029	,129**	,088**	,364**	,023	-,059**	-,011	,432**					
q25G	1,80	,911	,129**	,079**	,395**	,036	,002	-,046*	,465**	,467**				
q25H	1,80	,949	,136**	,087**	,401**	,061**	,047*	-,033	,484**	,405**	,632**			
q33	2,09	,927	,113**	,122**	,188**	,053**	,023	-,018	,160**	,120**	,132**	,174**		
q02	39,94	11,511	,074**	-,008	,191**	-,031	-,060**	-,050*	,098**	,093**	,091**	,090**	,155**	
q27count	1,9450	1,86548	-,135**	-,094**	-,196**	-,022	,005	,079**	-,221**	-,149**	-,212**	-,239**	-,208**	-,281**

N = 2417 человек

*p ≤ 0,05 (двухсторонний)

**p ≤ 0,001 (двухсторонний)

Таблица 4
МАТРИЦА ПАТТЕРНОВ

	Компонента	
	1	2
Q25A	,662	
Q25B		,804
Q25C		,807
Q25D		,800
Q25E	,759	
Q25F	,728	
Q25G	,824	
Q25H	,798	

Метод выделения: метод главных компонент

Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера

Вращение сошлось за 3 итерации.

Также в один фактор были объединены две переменные, которые измеряли степень доверия государству и другим организациям относительно сбора пользовательской информации с помощью новых технологий. В табл. 5 представлены факторные нагрузки.

Таблица 5
МАТРИЦА КОМПОНЕНТ

	Компонента
Q22	,828
Q23	,828

Метод выделения: метод главных компонент

В результате факторного анализа и анализа литературы были выделены следующие факторы и индикаторы, вошедшие в модель:

1.1. цифровые технологии приносят больше пользы в повседневной жизни;

1.2. цифровые технологии приносят больше вреда в повседневной жизни;

2. уровень институционального доверия;

3. возможность планирования будущего;

4. возраст;

5. уровень пользования интернет-услугами.

Приведенные здесь названия носят условный характер и будут далее использоваться на рисунке для обозначения анализируемых переменных и латентных конструкторов.

Анализ с помощью SEM

Чтобы получить более полное представление о соответствии теоретической модели эмпирическим данным, модель оценивалась

по нескольким критериям: значение χ^2 и его статистическая значимость, CFI (comparative fit index), TLI (Tucker-Lewis index), RMSEA (root mean square error of approximation) и его 90%-ный доверительный интервал, SRMR (standardized root mean square residual).

В литературе предлагаются следующие правила для оценки модели:

- значение χ^2 должно быть статистически незначимым;

- значения CFI и TLI в промежутке 0,90–0,95 указывают на приемлемую модель, значения CFI и TLI $\geq 0,95$ — на хорошую¹;

- RMSEA $\leq 0,05$ (и показатель статистически значим), 90%-ный доверительный интервал RMSEA $\leq 0,08$ ²;

- SRMR $\leq 0,08$ ³.

Модель связи показателя, характеризующего уровень пользования интернет-услугами, с различными факторами

Оценка модели

На рис. 5 представлена путевая модель с результатами оценки тестируемой модели (на стрелках указаны стандартизованные регрессионные и ковариационные коэффициенты). Наблюдаемые переменные, на основании которых были выделены латентные факторы, не показаны для удобства представления результатов (факторные нагрузки на наблюдаемые переменные и не стандартизованные регрессионные коэффициенты представлены в прил. 1).

Поскольку модель оценивалась методом MLM, на рисунке показаны робастные оценки индексов. Все коэффициенты указывают на хорошее соответствие модели эмпирическим данным, кроме статистически значимого показателя χ^2 , что говорит о том, что предсказанная моделью матрица корреляции статистически значимо отличается от матрицы корреляций эмпирических данных. Однако в литературе указывается, что большой размер выборки ($N > 400$) почти всегда приводит к статистически значимому значению χ^2 ⁴. Поэтому с учетом того, что другие индексы указывают на хорошее соответствие, можно сделать вывод о том, что данная модель хорошо описывает эмпирические данные.

¹ Bentler P.M. Comparative Fit Indices In Structural Models // Psychological Bulletin, № 107. 1990, P. 240.

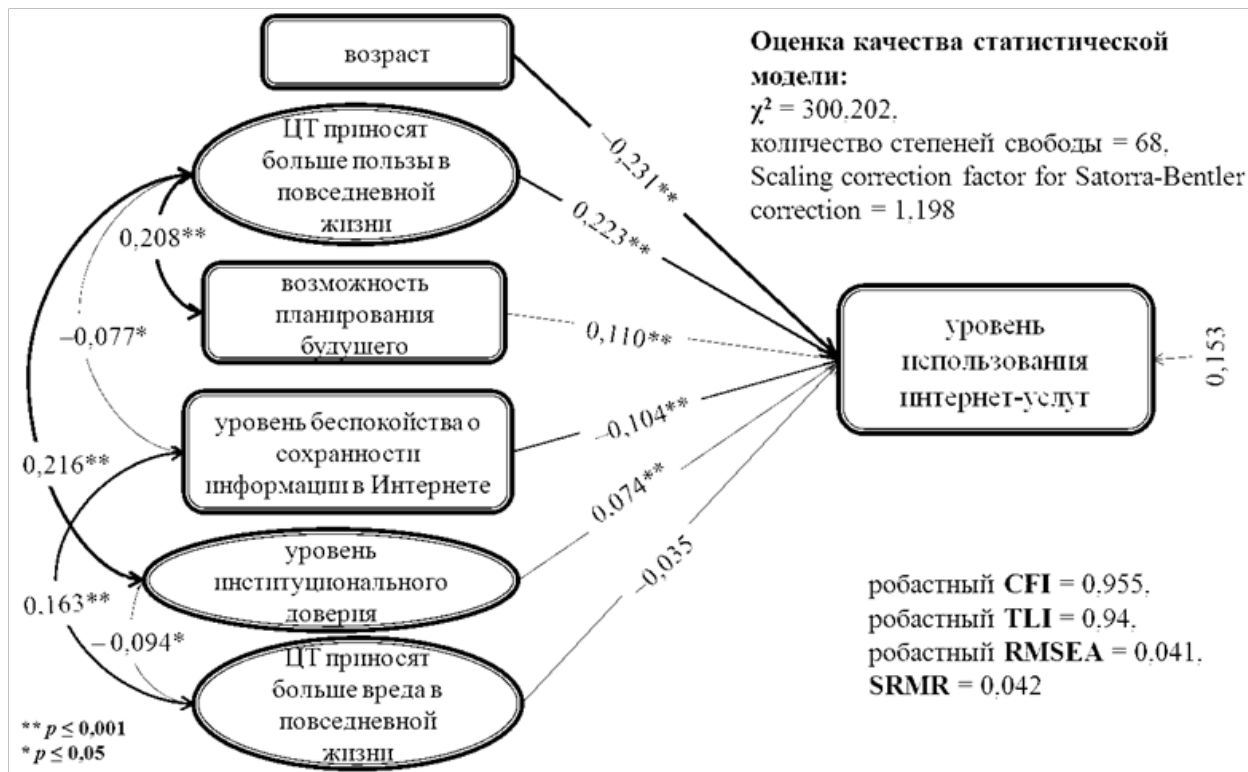
² Browne M.W., Cudek R. Alternate Ways Of Assessing Model Fit. In K.A. Bollen & J.S. Long (Eds.). Testing structural equation models. Newbury Park, CA: Sage. 1993. P. 158.

³ Hu L., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // Structural Equation Modeling, № 6. 1999. P. 48.

⁴ Brown. Ibid. P. 155.

Рисунок 5

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАКТОРА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕГО УРОВЕНЬ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-УСЛУГАМИ, С РАЗЛИЧНЫМИ ПЕРЕМЕННЫМИ

Все регрессионные коэффициенты статистически значимы, кроме коэффициента, характеризующего связь между фактором «цифровые технологии приносят больше вреда в повседневной жизни» и показателем уровня пользования Интернетом.

Независимые переменные описывают 15,3% вариации зависимой переменной.

Обсуждение результатов

Анализ с помощью SEM подтвердил, что возраст имеет обратную связь с показателем уровня использования интернет-услуг. «Цифровое поколение» пользуется Интернетом более разнообразно, не боясь предоставлять личные данные, в сравнении с людьми, родившимися до распространения цифровых технологий. Таким образом, это свидетельствует о наличии в России цифрового неравенства, измеряемого через разнообразие использования Интернета, и одно из его направлений – поколенческий разрыв. Однако исследователи предполагают, что возрастная разница в пользовании Интернетом имеет временный характер, поскольку, во-первых, произойдет естественная смена поколений и, во-вторых, нынешнее старшее поколение начинает пользоваться Интернетом

все разнообразнее – для общения, просмотра видео, прослушивания музыки и т.д.¹

Использование интернет-услуг, требующих предоставления личной информации, положительно связано с фактором, характеризующим позитивное восприятие цифровых технологий. Таким образом, люди с положительным опытом использования цифровых технологий и стремящиеся извлечь выгоду из них, пользуются интернетом более разнообразно. Очевидно, для таких людей в первую очередь важно удобство, а вопросы безопасности и недоверия играют меньшую роль, о чем свидетельствует отрицательная корреляция показателя позитивных установок в отношении цифровых технологий с показателем степени обеспокоенности о сохранности данных и положительная – с уровнем институционального доверия.

Высокий уровень доверия организациям (как государственным, так и частным), собирающим и обрабатывающим информацию о пользователях, повышает разнообразие используемых интернет-услуг, для обращения к которым требуется предоставить личную информацию. Однако связь между уровнем доверия организациям и количеством интернет-услуг, которыми

¹ Van Deursen. Ibid. P. 521.

респондент пользовался за последний год, слабая. Следовательно, доверие не является слишком важным фактором повышения разнообразия пользования интернет-сервисами.

В то же время беспокойство относительно сохранности данных, которые размещены в публичном доступе в Интернете, снижает количество услуг, которыми пользуется респондент при условии, что ему надо предоставить личную информацию. Таким образом, для наиболее разнообразного использования цифровых технологий и их большего распространения необходимо выстраивать доверительные отношения с пользователем и обеспечивать сохранность его данных.

Примечательно, что опыт обращения к интернет-сервисам, которые просят пользователя предоставить личную информацию, оказался статистически не связан с фактором, характеризующим негативное отношение к цифровым технологиям, которые используются в повседневной жизни. Очевидно, что для жителей российских городов в первую очередь важны выгода и удобство от использования тех или иных услуг, предоставляемых с помощью Интернета, в связи с чем фактор негативного отношения не оказывает влияние на разнообразие сетевых услуг, которыми пользуется респондент.

Люди, планирующие и не планирующие будущее, по-разному вовлечены в обращение

к интернет-услугам. Так, количество услуг, которыми пользуется респондент, растет, если он старается планировать будущее, и падает, если он полагает, что у него нет возможности планировать будущее или если ему тревожно думать о будущем. Видимо, люди, чувствующие контроль над своим настоящим и будущим, легче и полнее осваивают новые технологии, активнее включают их в свою повседневную жизнь.

Для будущего анализа представляется уместным разбить использование Интернета по группам услуг. Можно выделить следующие группы: развлечения, (само)развитие и (само)образование, утилитарные услуги (онлайн-банкинг, вызов такси, совершение покупок и пр.). При этом важно учитывать, сколько времени человек тратит на ту или иную группу услуг. Исследования показывают, что менее образованные и материально благополучные слои населения тратят больше времени в Интернете на развлечения, в то время как более образованные и обеспеченные чаще прибегают к утилитарным и образовательным услугам¹. Такие исследования позволят узнать, какие факторы влияют на обращение к различным группам сервисов, предлагаемых сейчас в режиме онлайн в России. Это даст представление не только о количественном, но и о качественном измерении пользования Сетью.

¹ Van Deursen. Ibid. P. 520.

Приложение 1

ФАКТОРНЫЕ НАГРУЗКИ, РЕГРЕССИОННЫЕ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ В МОДЕЛИ

Confirmatory Factor Analysis

Latent variables	Manifested variables	Estimate	Std. Err	z-value	P(> z)	Std. lv	Std. all
TechPositive	Q25A	1,000				0,585	0,585
	Q25E	1,165	0,055	21,259	0,000	0,682	0,687
	Q25F	1,091	0,056	19,440	0,000	0,639	0,622
	Q25G	1,074	0,054	19,759	0,000	0,629	0,692
	Q25H	1,110	0,054	20,467	0,000	0,650	0,686
TechNegative	Q25B	1,000				0,743	0,702
	Q25C	0,988	0,047	21,167	0,000	0,734	0,693
	Q25D	0,932	0,044	21,094	0,000	0,692	0,662
Trust	Q22	0,837	0,093	8,999	0,000	0,837	0,837
	Q23	0,491	0,060	8,224	0,000	0,491	0,415
Regression							
Depended variables	Independed variables	Estimate	Std. Err	z-value	P(> z)	Std. lv	Std. all
Experience	TechPositive	0,701	0,072	9,771	0,000	0,223	0,223
	TechNegative	-0,087	0,057	-1,529	0,126	-0,035	-0,035
	Trust	0,137	0,043	3,192	0,001	0,074	0,074
	Worry	-0,162	0,029	-5,635	0,000	-0,105	-0,104
	Future	0,219	0,037	5,884	0,000	0,110	0,110
	Age	-0,037	0,003	-12,819	0,000	-0,231	-0,231
Covariances							
Depended variables	Independed variables	Estimate	Std. Err	z-value	P(> z)	Std. lv	Std. all
TechPositive	Trust	0,127	0,023	5,477	0,000	0,216	0,216
	Worry	-0,053	0,018	-2,988	0,003	-0,077	-0,077
	Future	0,113	0,016	7,175	0,000	0,208	0,208
TechNegative	Trust	-0,070	0,023	-2,981	0,003	-0,094	-0,094
	Worry	-0,142	0,023	-6,298	0,000	-0,163	-0,163

Есения БОНДАРИК

Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе

Конституция 1993 года, а также принятый в 1991 году Закон о средствах массовой информации создали легальную основу и обеспечили правовые гарантии свободы слова и свободы СМИ в России. Однако средства массовой информации, получив свободу и гласность, столкнулись с отсутствием системного подхода к новому типу общества¹. С одной стороны, после распада Советского Союза российская медиасистема трансформировалась в условиях демонтажа коммунистической системы и появления новых политических и экономических институтов: свободные выборы на всех уровнях, рыночная экономика, гласность, деидеологизация и др. С другой стороны, для этого периода характерно сочетание закрепленных Конституцией принципов, норм, правил, то есть институтов с частой их нереализованностью и неприменимостью на практике.

На первом этапе институциональных реформ (начало 1990-х) присутствие государства (как собственника) в российских медиа значительно снизилось в результате приватизации государственной собственности. Во всех сегментах медийной среды (телевидение, радио, печать, информационные агентства) были созданы многочисленные частные медиакомпании. Предполагалось, что коммерческая составляющая и ориентация на рыночную децентрализованную модель станут основными барьерами для проникновения государства в сферу деятельности СМИ². Но формирование новой системы сопровождалось появлением экономических проблем, обусловленных издержками радикального реформирования. К концу 1992 года даже самые крупные изда-

ния стали нести значительные убытки, в результате чего возникла необходимость в поиске источников финансирования. Крупнейшие медиахолдинги были приобретены группами с особыми интересами (то есть олигархическими группировками). Появление независимых от государства СМИ сопровождалось попытками установить контроль над медийным пространством. В обмен на использование средств массовой информации, которые поддерживались бизнес-элитами, государство предоставляло новым владельцам экономические, имиджевые и репутационные преимущества³. В связи с этим складывающиеся взаимоотношения между акторами в медийной среде стали опираться на нормы и практики, которые де-факто заменяли формальные правила. Постепенно формировалась институциональная система (как в медийной, так и в других сферах), далеко превышающая свое предназначение. Функциональная слабость формальных институтов обеспечила неформальным практикам значительное пространство для развития⁴. Все это отразилось на реализации ряда конституционных принципов (в том числе на таких принципах, как свобода слова, распространения информации) не только в 1990-е, но и в настоящее время.

В результате сегодня в России, как отмечает А.Н. Медушевский, существует значительный разрыв между символическим и инструментальным значением Конституции. Возникают ситуации, когда символическое значение Конституции представляет собой определенную совокупность ценностей и принципов, которые приняты обществом или как минимум демократическим движением, но при этом инстру-

¹ Москвин Д.Е. Трансформация политической системы России: институциональный аспект: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д.Е. Москвин. Екатеринбург, 2007. 169 л.

² Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems Beyond the Western World. University of California, San Diego. 2011. P. 119–140.

³ Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems Beyond the Western World. P. 119–140.

⁴ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // ПОЛИС. 2002. № 1.

ментальная реализация Конституции отходит в сторону от этих ценностей, реализуя в целом концепцию авторитарной модернизации. Особое место в этой трансформации конституционных принципов принадлежит неформальным правилам регулирования отношений общества и власти, которые сегодня являются одной из главных причин конституционных дисфункций в стране¹.

В настоящее время существует несколько подходов к определению того, что представляют собой неформальные практики. Д. Норт отмечает, что неформальные правила и их содержание не поддаются точному описанию. Он доказывает, что, если формальные правила могут быть изменены за короткий промежуток времени путем принятия политических или юридических решений, то неформальные ограничения, которые представляют собой общепринятые условности и кодексы поведения, «менее восприимчивы к человеческим усилиям»². Согласно социологическому подходу Р. Мертон, неформальные правила являются либо результатом несовершенства формальных норм, либо выступают в качестве механизма их совершенствования и повышения эффективности³. В.В. Радаев рассматривает неформальные правила как процесс деформализации формальных правил и постепенное их включение в структуру неформальных отношений⁴. А.Н. Медушевский определяет неформальные практики⁵ как негласные и не оформленные, но устоявшиеся отношения между чиновниками и лицами, работающими в различных сферах жизни общества, где реализуются важнейшие права человека⁶.

¹ Медушевский А.Н. (Ред.). Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад: Институт права и публичной политики, 2014. С. 38.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

³ Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М.: Аспект-пресс, 2000.

⁴ Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. Препринт: WP1/2001/01. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 42 с.

⁵ Вместе с тем А.Н. Медушевский отмечает, что не все неформальные практики, например, являются неконституционными. Так, существенные ограничения того или иного конституционного принципа (например, принцип плюрализма, принцип свободы слова) оказалось возможным провести законами, не вступающими в формальное противоречие с конституционными нормами.

⁶ Медушевский А.Н. (Ред.). Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. С. 45.

С.Ю. Барсукова выделяет три группы неформальных практик. К первой автор относит неформальные практики, которые обеспечивают гибкость и продуктивность формальных институтов ввиду наличия пробелов в формальном регулировании некоторых областей общественно-политической и социально-экономической жизни⁷. Ко второй относятся неформальные практики, которые не противостоят существующим формальным правилам, но которые используют различного рода законодательные нормы для реализации договоренностей неформального характера (например, неформальные договоренности для получения дополнительных субсидий). Третью составляют неформальные практики, которые игнорируют нормы, закрепленные на формальном, законодательном уровне⁸.

В постоянном формировании, установлении и воспроизведении неформальных практик (которые представляют собой набор стереотипных правил), по мнению М.В. Подхомутниковой, значительную роль играют различные социальные и культурные регуляторы, такие как ценности, политические ориентации, предпочтения при взаимодействии различных субъектов. Основной целью данных практик является получение власти и возможное увеличение ресурсов со стороны субъекта публичной политики, что не является обязательным условием⁹.

Рассмотрев данные подходы к пониманию неформальных практик, можно сделать вывод о том, что неформальные практики – это, во-первых, в большинстве случаев негласные правила, не имеющие своего легального закрепления, во-вторых, это постоянно воспроизводимые правила, которые ставят своей целью либо получение власти, либо увеличение ресурсного потенциала. Вместе с тем неформальные практики не всегда носят неконституционный характер. Исходя из этого под неформальными практиками воздействия на СМИ мы будем понимать постоянно воспроизводимые стереотипные, не урегулированные зако-

⁷ На наш взгляд, позиция, что данные практики обеспечивают гибкость и продуктивность формальных институтов, является спорной. Идея демократического и правового государства предполагает, что пробелы, существующие при формальном регулировании, должны восполняться посредством внесения соответствующих легальных изменений, а не путем замены пробелов неформальными правилами.

⁸ Барсукова С.Ю. Неформальные способы реализации формальных намерений, или Как реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК» // Препринт: WP4/2007/02. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 56 с.

⁹ Подхомутникова М.В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010. С. 13.

нодательными нормами, правила поведения, которые обусловлены ценностными, социальными, культурными и иными регуляторами и которые имеют своей целью оказание влияния на СМИ со стороны властных субъектов для получения власти, увеличения объема властного ресурса¹ или для повышения управляемости в обществе, включая воздействие на общественное мнение и сознание. В современной России сложилась ситуация, когда мы можем говорить не только о неформальных практиках воздействия на СМИ, сами средства массовой информации готовы осуществлять неформальное взаимодействие в отношениях с властными субъектами. В связи с этим можем использовать не только категорию «воздействие», но и понятие «взаимодействие». То есть под неформальными практиками взаимодействия между СМИ и властью (властными субъектами) мы будем понимать либо неформальные соглашения и договоренности (или даже неформальные контракты), либо правила поведения, которые не имеют под собой формально-правовой основы и которые также обусловлены ценностными, социальными и иными ориентациями названных субъектов, целью которых является извлечение максимальной выгоды каждым из названных субъектов.

Необходимо отметить, что неформальные практики воздействия на СМИ представляют собой достаточно сложное явление, которое трудно поддается не только анализу, но и оценке. Основная проблема заключается в вычленинии и доказательном исследовании места этих мощных, но трудноуловимых практик. Учитывая почти полное отсутствие литературы по вопросам неформального воздействия на СМИ и в целом закрытость данной информации, в рамках исследования в период с апреля 2014 по май 2015 года нами для выявления реального механизма воздействия неформальных практик на СМИ в современной России было проведено 12 экспертных интервью со специалистами в области масс-медиа. В качестве экспертов были привлечены представители средств массовой информации (главный редактор Meduza, шеф-редактор Forbes, редактор Forbes.ru, выпускающий редактор «Коммерсанта», заместитель шеф-редактора «Коммерсанта», бывший заместитель генерального директора «РИА Новости»², редактор «Вечерней Москвы», ре-

дактор «РБК», руководитель отдела «Общество» Агентства городских новостей «Москва»), а также три специалиста в области медиаисследований. Выбор метода экспертных интервью в данной работе был обусловлен тем, что эксперт, обладая специализированным (то есть экспертным) знанием, способен восполнить пробелы в «сложных ситуациях».

Благодаря этому нами были выявлены следующие формы неформального воздействия на СМИ со стороны властных субъектов: «неформальная цензура» (informal censorship), «мягкая цензура» (soft censorship) и «самоцензура» (self-censorship).

Понятие «неформальная цензура» сегодня фактически отсутствует в отечественной политической литературе, в то время как в зарубежной встречаются все три категории. Гэри Маркс³ в работе «Цензура и секретность. Социальные и правовые перспективы» указывает, что необходимо разделять прямые методы цензурирования со стороны государства и неформальную цензуру, включающую самоцензуру и практики исключения той или иной информации (тех или иных сообщений) из материалов источников массовой информации, в том числе СМИ. Агнес Кис⁴ в работе «Цензура между двусмысленностью и эффективностью: правила, доверие и неформальные практики в Румынии (1949–1989)» выделяет «формальную цензуру», «неформальную цензуру», «самоцензуру». Дорис Грабер⁵ использует понятия как «формальной», так и «неформальной цензуры».

Наибольшее число вопросов вызывает именно понятие «неформальная цензура». Например, по мнению некоторых экспертов, понятие «неформальная цензура» является некорректным. «Цензура в России запрещена Конституцией и другими законами. Сегодня цензуру понимают по-разному, при этом часто подменяют одни понятия другими. Однако всегда надо уметь разделять, например, право главного редактора решать, какие материалы будут опубликованы, а какие нет, от цензуры, о которой говорится в законе. Даже если рассмотреть скрытые попытки оказать влияние или давление на редакции СМИ кем-либо со стороны тех, кто имеет властный ресурс, то

¹ Необходимо отметить, что увеличение объема властного ресурса, а также повышение управляемости в обществе являются важным элементом неформальных практик воздействия на СМИ.

² В настоящее время международное информационное агентство «Россия сегодня».

³ Marks G.T. Censorship and Secrecy, Social and Legal Perspectives. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, 2001 // URL: <http://web.mit.edu/gtmarx/www/cenandsec.html>.

⁴ Kís A. Censorship between ambiguity and effectiveness: rules and trust and informal practices in Romania (1949–1989) // URL: <http://stage1.ceu.edu/sites/pds.ceu.hu/files/attachment/basicpage/478/agneskis.pdf>.

⁵ Graber D. Styles of Image Management During Crises: Justifying Press Censorship // URL: <http://das.sagepub.com/content/14/5/539.abstract>.

это все равно не подпадает под определение той цензуры, про которую говорится в статье 29 Конституции. Поэтому понятие «неформальная цензура» является не совсем корректным», — отметил один из опрашиваемых специалистов в области масс-медиа. Цензура как государственный контроль за содержанием СМИ у нас в истории существовала, были и государственные цензурные органы. Самоцензура — да, всегда существовала и наверняка есть, но это желание автора продать свое произведение. Цензура корпоративная — да, есть, это тоже можно назвать, но скорее всего это понятие необходимо связывать со сферой PR, а не с областью политического. Цензура владельца — это, собственно, бизнес-интересы владельца, а не контроль за содержанием», — отметил один из экспертов во время экспертного интервью при вопросе о том, что он понимает под «неформальной цензурой». Иными словами, исследуя неформальные практики воздействия на СМИ в современной России, мы можем говорить только о «государственной цензуре» (то есть цензуре в ее классическом понимании, которая, например, существовала в Советском Союзе) либо о «корпоративной цензуре» или самоцензуре. «Я в принципе не понимаю, что такое неформальная цензура. Однако в Советском Союзе цензура не была закреплена на законодательном уровне, а, наоборот, была под запретом. Так, в 50-й статье Конституции 1977 года закреплялись свобода слова, печати. Эти же гарантии были закреплены и в Конституции 1936 года. Вместе с тем свобода слова, свобода мнений подвергались жесткому контролю со стороны государства на всех уровнях осуществления власти. Из этого следует, что законодательное недопущение цензуры не является гарантией ее фактического отсутствия со стороны властных субъектов. Поэтому при законодательном запрете цензуры, на наш взгляд, употребление понятия «неформальная цензура» допустимо как противопоставление понятию «формальная». Как отмечает А.Г. Рихтер, в юридическом же смысле цензура может быть только предварительной. В правовом, а не в обыденном понимании она может быть только государственной. В то же время нормы о свободе массовой информации (а значит, и о свободе СМИ) и о запрете цензуры не должны восприниматься как невозможность любого ограничения этой свободы со стороны государства. С точки зрения социологии под цензурой понимается более широкое явление, а именно вся система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. По формам

контроля она может быть предварительной и карательной (или последующей)¹, общей и ведомственной. Требования со стороны редактора или частного владельца в отношении журналистов «собственных» СМИ часто называют цензурой, однако с точки зрения права она таковой не является, а значит, не противозаконна². Так, один из экспертов в ходе интервью отметил: «Формальная институционализация цензуры в России запрещена — об этом свидетельствует ряд законодательных норм. Однако в стране активно используются различные попытки цензурирования в отношении СМИ. Вместе с тем необходимо разграничить цензуру, связанную с воздействием на продукт СМИ, будь то текст, видео, изображение, звук с целью изменить его содержание, и цензуру, связанную с воздействием на владельца СМИ с целью того, чтобы он при формулировании своей политики учитывал позицию власти. Данные явления в той или иной форме можно зафиксировать в любой стране. Вопрос заключается в степени радикальности и частоты использования названных практик». Другой эксперт также подтверждает наличие «неформальной цензуры» в России: «В результате проведенных опросов среди журналистов больше 50% из них утверждает, что в России существует цензура (имеется в виду “неформальная цензура”), в частности, 40% журналистов придерживаются позиции, что цензура есть, причем осуществляется она постоянно. Другая часть представителей масс-медиа — 42% — на вопрос о наличии цензуры в России ответили “встречается”».

Иными словами, 82% работников масс-медиа подтверждают наличие «неформальной цензуры». Несмотря на то что понятие «неформальной цензуры» сложно поддается операционализации и концептуализации, мы можем предложить следующее его рабочее определение. В качестве «неформальной цензуры» (в отношении СМИ) мы можем рассматривать один из способов неформальных практик воздействия на СМИ со стороны государственных органов, должностных лиц, а также иных субъектов, обладающих властными полномочиями, — способ, который представляет собой требование от редакции средства массовой информации предварительно согласовывать сообщения и материалы, а также наложение запрета на распространение сообщений и мате-

¹ Цензура, которая существовала в царской России (Устав 1828 г. и Временные правила 1862 г.) и которая рассматривала издания (в том числе и печать) до опубликования.

² Рихтер А. Правовые основы журналистики, 2009. [Электронный ресурс] // Режим доступа: journet.net/files/5session/рихтер-2009.doc

риалов, их отдельных частей, которые не подкреплены какими-либо легальными, то есть законными основаниями (данное определение дается в рамках темы политического контроля над СМИ).

Что касается «мягкой цензуры» (soft censorship), данное понятие исследователи связывают с косвенным финансированием СМИ. Так, в докладе Центра международной помощи средствам массовой информации «мягкая цензура» определяется как «практика воздействия на СМИ путем финансового давления, а также награждения СМИ или лояльных (дословно “дружественных”) журналистов правительству»¹. «Государственный бюджет и возможность распределения денег для существования СМИ, предоставление (или не предоставление) государственных субсидий, льгот, привлечение “капитала друзей” продолжают играть ключевую роль в установлении системы управления содержанием в средствах массовой информации и их подчинения. Особенно это касается тех каналов, изданий и отдельных журналистов, для кого вопрос выживания и обогащения был наиболее важным», — объясняет один из экспертов. Как отмечает А.Г. Рихтер, злоупотребление государственными субсидиями, дотациями и монопольными услугами до сих пор продолжает быть действенным механизмом политического контроля над СМИ². «В России журналистское сообщество больше заботит его экономическое благосостояние, чем свобода слова. В результате, используя экономические рычаги, российские власти успешно консолидировали контроль над средствами массовой информации, особенно над национальными телеканалами, которые являются основными источниками новостей для большинства населения, и превратили их в инструменты государственной пропаганды», — подводит итог один из участников экспертного интервью.

По данным Media Sustainability Index (MSI), уровни заработной платы в российских СМИ значительно различаются. Анализ, проведенный на основании данных, предоставленных службами занятости в России, показал, что средняя зарплата журналиста по стране составила от 20 000 до 25 000 рублей в месяц. По Москве средняя зарплата журналистов за 2014 год составила около 45 000–50 000 рублей. В то же время в федеральных государственных СМИ

¹ Don Podesta. Soft Censorship: How Governments Around The Globe Use Money To Manipulate The Media. 2009 // URL: http://cima.ned.org/sites/default/files/CIMA-Soft_Censorship-Report.pdf.

² Рихтер А. Запрет цензуры и защита принципасвободы массовой информации на постсоветском пространстве // ВЕСТНИК ВГУ. Серия. Филология. Журналистика. 2007. №1. С.213.

уровень зарплат намного превышает среднюю отметку. Кроме субсидий, льгот и дотаций еще одной распространенной формой «мягкой цензуры» стали договоры на информационное обслуживание территорий. «Стоимость информационного обслуживания может составлять 100 000–200 000 рублей в год и выше. Так же как и учредительство, данная практика применяется на всех уровнях власти: уровень магистратов, городских советов, региональных органов власти. Например, интересен кейс Калининградской области, где есть специальный отдел, который распределяет финансирование по местным изданиям. Это, в свою очередь, предполагает, что СМИ, с которым будет заключен договор на информационное обслуживание, не сможет публиковать материалы критического характера, что противоречит принципу свободы слова. Договоры на информационное обслуживание представляют собой достаточно эффективную и действенную практику контроля над СМИ, так как подразумевается не только негласный запрет на публикацию критических материалов, но также может устанавливаться частота публикаций, объем материалов, имена тех лиц, которые будут упоминаться», — поясняет один из специалистов в области исследований масс-медиа. Практика заключения договоров на информационное обслуживание территорий постепенно распространилась и на столицу — после 2010 года, с «падением режима Лужкова», московские издания и телеканалы лишились независимости от центрального управления, и для них вопрос финансово-экономического благополучия стал первостепенным³. Отметим, что данная практика напрямую в законодательстве нигде не прописана, однако сегодня почти нет ни одного средства массовой информации, которое не было вписано в документально-договорную модель информационного обслуживания власти или бизнеса. Как отмечает один из экспертов, если провести анализ документов, содержащих правила об аккредитации СМИ в разных организациях, то окажется, что во всех документах (300 единиц) будут нарушены нормы Закона «О средствах массовой информации» и Конституции РФ. Это косвенно указывает на то, что в стране проводится сегрегация конкретных изданий по принципу «предоставление информации по собственному желанию». Необходимо также отметить, что существенную роль в финансовом обеспечении СМИ играет реклама. По данным Ассоциации

³ Gatov V.V. Working papers on Russian censorship and propaganda practices (1989–2015). University of Southern California, Center of Communication leadership and Policy, 2015.

коммуникационных агентств России (АКАР), совокупный годовой доход в медиасекторе от рекламы составил в 2011 году 263 млрд рублей (около 8,8 млрд долларов), в 2013-м — 328 млрд рублей (5,7 млрд долларов); в 2014-м (январь — сентябрь) — 242 млрд рублей (4,2 млрд долларов). В связи этим нередко давление на владельцев может осуществляться со стороны рекламодателей. По данным экспертных интервью, рекламодатель, не желая ассоциироваться с негативными новостями или болезненными для общества процессами, может влиять на редакционную политику, настаивая на изменении повестки в сторону позитивного контента (если у него достаточно большой пакет заказов). Еще один способ — «защитить» в рекламный контракт программу лояльности с обязательством блокировать негативную информацию или, наоборот, публиковать пресс-релизы компании. «Попытка воздействовать на СМИ путем использования различного рода рычагов экономического характера достаточно распространенная практика в наши дни. При этом и здесь есть свои нюансы. Так, воздействие или влияние на издания со стороны рекламодателей может осуществляться как с использованием мягкого, так и жесткого давления. Мягкий вариант, например, предполагает стремление рекламодателя создать себе в СМИ соответствующий имидж или увеличить узнаваемость бренда за счет более частого упоминания названия своей компании в позитивном ключе. Жесткий вариант предполагает ситуацию, когда рекламодатель под давлением властей отзывает компанию из издания, предпочитая потерять деньги, но сохранить хорошие отношения с властями», — отметил один из экспертов.

Кроме субсидий, дотаций, льгот, договоров на информационное обслуживание, рекламных контрактов еще одной специфической практикой косвенного финансового воздействия на СМИ является проведение различных вариантов ведомственных и национальных конкурсов для средств массовой информации, на освещение тех или иных событий или мероприятий, связанных с деятельностью того или иного ведомства (Минюст, Минобороны, Минтранс, Минэнерго и др.). «Через понятие необходимости обеспечения своего издания финансами в сознании сначала редакторов, а затем журналистов были заданы установки, которые можно выразить тезисом о необходимости СМИ обеспечить себе свое собственное существование», — объясняет один из экспертов.

Следующей неформальной практикой в области регулирования медийного пространства

является «самоцензура». «Самоцензура» тесно связана с понятием журналистской этики. Если исходить из определения Оксфордского словаря, то под «самоцензурой» мы можем понимать ситуацию, когда журналист (или иной работник либо представитель СМИ) ограничивает себя с целью избежать критики или получения предпочтений либо какого-то материального или нематериального поощрения¹. «Самоцензура» — это, с одной стороны, добровольное ограничение автором или редакцией СМИ самих себя с целью реализации основных этических принципов журналиста, соблюдения правил и норм. С другой стороны, это наложенные ограничения на публикацию тех или иных материалов самими журналистами, редакторами и другими работниками с целью исключения вероятных или возможных негативных последствий для себя либо с целью получения материальных или нематериальных благ. «В качестве нематериальных благ можно отметить включение представителей СМИ (редакторов изданий, журналистов и т.д.) в различного рода структуры, например, Совет по правам человека, Общественную палату, участие в определенных формальных и неформальных пулах», — приводит пример один из экспертов. Еще один эксперт, рассматривая «самоцензуру» как нарушение принципа свободы слова, отмечает: «Определить, что могло подвигнуть того или иного сотрудника СМИ на нарушение — глупость, некомпетентность или страх лишиться работы, — достаточно сложно. Об этом можно говорить только постфактум, когда молодые журналисты, нанимаясь в издание N после работы в государственных СМИ, искренне удивляются, что можно писать обо всем, что нет стоп-листов и запретных тем, к которым они заранее были готовы». Это объясняется тем, что сегодня публичная сфера России испытывает влияние государственных структур, стремящихся монополизировать медиaprостранство. В 2011 году в России сложилась ситуация, в которой политический режим столкнулся с крайне нежелательной формой критики — протестами. Властными субъектами была сделана попытка задать в публичной сфере соответствующие фреймы (посредством как формальных, так и неформальных практик), которые смогли бы обеспечить поддержку не только со стороны населения, но и большей части СМИ. В результате была сформирована модель, в которой власть является главным ньюсмейкером. Как отмечают эксперты, в приоритете оказались

¹ Oxford Dictionary. 2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/self-censorship>.

мотивы, интересы, реакция власти, а не читателя. Само журналистское сообщество устанавливает определенные рамки, нормы, блоки и схемы, которые являются фильтром для формирования или изменения повестки дня. «В приоритете реакции власти вместо реакции читателя. Сами журналисты и иные представители СМИ в своем сознании устанавливают ряд ограничителей. Сегодня российская власть добилась того, что СМИ научились ее понимать и чувствовать», — подводит итог один из участников экспертного интервью. Если, например, проанализировать способы подачи информации о чрезвычайных ситуациях в России и за рубежом, то можно сделать следующий вывод: в России освещение чрезвычайных событий всегда пропускается через постановку проблемы «что сделала власть», в то время как за рубежом прежде всего подаются факты о чрезвычайной ситуации, а затем о действиях властей. Здесь эксперты отмечают, что характер подачи материала почти полностью происходит через фильтр «самоцензуры» со стороны журналистов. «Подобная ситуация связана с тем, что в определенный период в рамках телевизионного информационного пространства долгое время доминировал тренд, что все события необходимо было связать с президентом страны. Любое событие подавалось через деятельность президента. Это было сформулировано на уровне общих принципов с редакторами и продюсерами первых каналов. Это не цензура. По факту эти сюжеты не смотрят, не одобряют. В ряде случаев не обязательно, чтобы корреспондент показывал лояльность или обожание», — поясняет участник экспертного интервью.

Следующим механизмом воздействия на СМИ в России является устойчивая практика осуществления неформального административного давления на СМИ или учредителей, которое в значительной степени позволяет властным структурам монополизировать медийное пространство. Однако учредительство можно отнести и к механизмам формально-правового регулирования деятельности СМИ, так как вопросы учреждения в России подробно регулируются и регламентируются законодательством. Здесь важно рассмотреть, кто является субъектом учредительства и какое положение он занимает в системе власти (занимает ли вообще), каковы его формальные и неформальные отношения с представителями властных структур и т.д. Как отмечает один из экспертов, 80% крупнейших российских СМИ на всех уровнях управления (федеральный уровень, региональный, уровень местного управ-

ления) косвенно связаны с властью. Например, по мнению экспертов, владельцы крупных СМИ готовы обеспечить стратегическую лояльность в обмен на неприкосновенность основного бизнеса. Еще одной особой и одновременно эффективной практикой неформального воздействия посредством учредительства стало создание ведомственных корпоративных медиа, которые полностью контролируются ведомствами или бизнесом, аффилированным с государством. По данным одного из экспертов, таких СМИ в стране около 50 000. «Практики цензурирования в большинстве случаев представляют собой влияние на сам контент (тексты новостей, статей и т.д.), который публикуют СМИ. Однако российская власть ориентируется и на создание своего контента. Для власти намного проще создавать свои корпоративные медиа, чем осуществлять цензуру “нелояльных” или “оппозиционных” к ней СМИ», — делает вывод эксперт.

Необходимо отметить, что в последние годы в России свое распространение получила концепция «имплантата», которая впервые появилась в 1990-е в период доминирования олигархических структур. Под «имплантатом» здесь понимается сотрудник, который имеет «полномочия» от владельца, что позволяет последнему в той или иной мере не только контролировать редакционные процессы, но и влиять на содержание материалов. В целом, как отмечают эксперты, использование «кадровых фильтров» (увольнения, назначения, переназначения) в отношении СМИ стало одним из основных механизмов неформальных практик воздействия на СМИ в современной России. Основной целью использования «кадровых фильтров» является назначение на ключевые позиции в области информации журналистов, лояльных действующему политическому режиму¹. Применение «кадровых фильтров» наиболее характерно в отношении центральных (федеральных) СМИ с большим охватом аудитории. Еще одной разновидностью неформальных практик воздействия на СМИ эксперты называют «внеправовое давление». Как отмечает А.Г. Рихтер, «внеправовое давление» является одной из «наиболее уродливых форм воздействия на СМИ». Оно подразумевает применение силовых и теневых способов воздействия на СМИ, включая шантаж, угрозы и пр.²

¹ Gatov V.V. Working Papers on Russian Censorship and Propaganda Practices (1989–2015). University of Southern California, Center of Communication Leadership and Policy, 2015.

² Рихтер А. Запрет цензуры и защита принципа свободы массовой информации на постсоветском пространстве // ВЕСТНИК ВГУ. Серия. Филология. Журналистика. 2007. №1. С. 211.

«Самые жесткие формы неформальных практик – это прямые угрозы от властей (зачастую региональных) – обещание неприятностей и проверок (от налоговой до пожарной) из-за определенной публикации, требование убрать публикацию из Сети (между тем жесткая модерация повестки после публикации по определению цензурой не является)», – подчеркивает один из экспертов. К данному виду неформальных практик относят не только угрозы и шантаж в отношении журналиста, но и, например, ограничение доступа к технологическим ресурсам (недопущение возможности печати в какой-либо типографии, отключение электроэнергии в здании, где расположено СМИ, и др.). Более мягкой формой «внеправового давления» является дискредитация «нелояльного», «оппозиционного» издания другими авторитетными СМИ или же его сознательная дезинформация со стороны субъекта, являющегося источником этой информации¹. Подобные ситуации были характерны для СМИ, где собственником являлось иностранное лицо. Примером является еженедельник «Метро», издаваемый в Санкт-Петербурге. По данным одного из экспертов, властные субъекты не могли оказать прямого неформального воздействия на это СМИ из-за его собственника. В результате была применена модель дискредитации данного СМИ со стороны других масс-медиа, в отношении которых государственная власть имела рычаги прямого или косвенного неформального воздействия.

На основе проведенных экспертных интервью мы можем отметить, что в настоящее время невозможно понять реальный статус СМИ (не только формально-правовой, но и статус *de facto*) в современной России без учета механизма осуществления неформальных практик. Вместе с тем необходимо отметить, что та ситуация, в которой оказались российские СМИ, не является исключительно результатом целенаправленного постоянного воспроизводимого контроля над масс-медиа со стороны власти. Особую роль сыграла экономическая несостоятельность, которая способствовала стремлению самих СМИ заключать те или иные гласные или негласные соглашения и договоренности с властью или бизнесом. Третьим фактором является пассивность самой аудитории. Конституция или ее ценности не приняты определенной частью общества или, во всяком случае, не выполняют интегрирующей роли в обществе.

¹ Однако данная практика, как отмечают эксперты, не получила широкого распространения в России.

Как отмечает один из участников экспертного интервью, «свобода слова в России не является приоритетной ценностью для большинства граждан. Социальные пособия, экономическая стабильность и другие подобного рода ценности и свободы ценятся намного выше. Большинство людей не видят связи между свободой слова, свободой СМИ и реализацией других прав и свобод». По данным социологических опросов «Левада-Центра», проведенных в июне 2013 года, только 18% россиян выступают против любой цензуры, оставшаяся часть респондентов либо придерживаются принципа ограничения распространения материалов того или иного содержания (26%), либо полностью выступают за цензуру со стороны государства². Подобная ситуация объясняется тем, что на данный момент в России проблема свободы слова не является первостепенным вопросом³.

При рассмотрении тематики данного исследования необходимо учитывать влияние традиций в сфере информационной политики, сложившихся (и все еще частично сохранившихся) во времена царской России и Советского Союза. Например, партийность прессы, возникнув в начале XX века, сохранялась в СССР, где все СМИ были рупором одной-единственной партии – КПСС. На опыт зарубежных СМИ российские масс-медиа начали опираться лишь после распада Советского Союза⁴. Но, как известно, находясь в условиях стихийных преобразований всей общественно-политической и социальной жизни государства, возникнув в условиях слабого гражданского общества, не располагая достаточными финансовыми и денежными ресурсами для дальнейшего обеспечения своей деятельности в качестве свободных и независимых, СМИ в России сначала попали в сферу влияния олигархических групп (в 1990-е), а затем государственных структур (начиная с 2000 года), что предопределило характер их дальнейшего развития.

² Несмотря на то что проведенное исследование касалось цензуры в отношении книг и фильмов сомнительного содержания, полученные результаты можно спроецировать и на сферу деятельности средств массовой информации. Вопрос цензуры непосредственно касается потребности населения в свободе слова – принципа, который составляет базу функционирования СМИ в современных демократических государствах.

³ Против любой цензуры выступает 18 % россиян. // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2003 – 2014 гг. Против любой цензуры выступает 18 % россиян. URL: <http://www.levada.ru/26-07-2013/protiv-lyuboi-tsenzury-vystupaet-18-rossiyan>

⁴ Жукова Н.А. Сравнительный анализ роли СМИ в политическом процессе России и США (1991 – 2008 гг.): автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / Н.А. Жукова. – Москва, 2008. – 23 с.

Елена Бердышева
Анна Соколова

Измерения страдания в социальных науках: случай онкологических заболеваний

#РакДурак¹ и ценность жизни человека в современном обществе

В условиях второго эпидемиологического перехода злокачественные новообразования находятся в передовице причин смертности. По данным Всемирной организации здравоохранения, онкологические заболевания являются второй причиной смертности (после сердечно-сосудистых заболеваний) в развитых странах, в том числе и в России.

В 2015 году от заболеваний этой группы в мире умерло 8,8 млн человек, и, по оценкам экспертов, в ближайшие два десятилетия эти цифры увеличатся вдвое².

В соответствии с официальной статистикой в России ежегодно диагностируется более 500 тыс. новых случаев онкологических заболеваний, каждый день рак поражает примерно 1500 человек³. В 2016 году на учете находились 3,51 млн россиян с онкологическими диагнозами, т.е. 2403 человека на каждые 100 тыс. населения⁴. Ежегодно эта цифра увеличивается на 500 тыс. человек. Нарастание частоты онкологических заболеваний обещает демографические, экономические и социальные шоки. Рак — это проблемы с выживанием населения, высокая экономическая нагрузка на общество (например, в 2010 году мировые издержки, связанные с раком, были оценены в 1,6 трлн долларов), усиление социального неравенства, не говоря об участии самих больных, которые, как свидетельствуют исследования, сталкиваясь с онкодиагнозом, подвергаются социальному

дисконтированию и редуцируются до своего недуга⁵.

Пугающая статистика распространения онкозаболеваний не укрывается от массового сознания. Судя по популярному кинематографу, самый убедительный способ показать глубокое, экзистенциально преобразующее героя страдание состоит в том, чтобы продемонстрировать факт постановки самому герою или кому-то из его близких онкологического диагноза. Именно такой опыт, похоже, является одной из сильных метафор страдания в современном общественном сознании. В это же время люди, лично столкнувшиеся с онкологическим диагнозом и справляющиеся с ним, говорят, что сопряженное с данным заболеванием страдание по интенсивности совпадает со многими другими негативными переживаниями в их жизни. Как описывает свой опыт борьбы с раком психолог и писатель Наталья Покатилова: «Те испытания, которые выпали на мою долю, не сильно тяжелее, чем ваши. Болеть раком — не страшнее, чем жить с мужем-алкоголиком, плакать из-за того, что тебя бросил парень, или переживать тотальное одиночество. Что бы с вами ни происходило, помните, что все остальные, даже больные раком, чувствуют все то же самое, только на другую тему»⁶.

Социологии трудно обоснованно реагировать на подобные контринтуитивные заявления. За неимением соответствующего концептуального аппарата мы с трудом говорим о страдании индивидов, которых изучаем.

Вместе с тем представители социологии медицины сегодня предпринимают активные усилия, чтобы включить страдание человека

¹ Хэштэг, часто используемый в социальных сетях онкобольными, активно борющимися за свою жизнь.

² [Электронный ресурс]. <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs297/en/>

³ [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr2-2.xls; <https://www.no-onco.ru/onkologiya/statistika-raka-zabolevaemost-smertnost-vyzhivaemost.html>

⁴ Каприн А.Д., Стравинский В.В., Петрова Г.В. (ред.) Состояние онкологической помощи населению России в 2016 году. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена, филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России.

⁵ *Bovine F.* Sick Person as an Object. In: Bourdieu. P. et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life.* Cambridge Polity Press, 1999.

⁶ [Электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=X-fyusyNK_k

в диагностический язык доказательной медицины и актуализировать его как предмет внимания и клинической заботы¹. Сюжет именно с онкологическими заболеваниями в профессиональном дискурсе возникает не случайно. Целый ряд работ, считающихся поворотными в данной теме, написан социальными исследователями, имеющими личный опыт столкновения с онкологическим диагнозом. Как признаются некоторые из них, этот опыт послужил для них стимулом к проблематизации страдания как социального, а не частного акта². К такой же исследовательской позиции призывал и П. Бурдьё, настаивающий на том, что признание моральной значимости того, как люди на практике проживают физическую, экономическую и социальную депривацию, дает социологам шанс на то, чтобы оценить и вес, и тяжесть социального мира³.

В данной работе путем обобщения результатов различных социальных исследований опыта столкновения с онкологическими заболеваниями развивается идея о необходимости комплексной оценки страданий и потерь, которые несут индивид и общество в ходе текущей войны с раком. Интегративной рамкой для построения такой оценки выступает социология оценивания (*valuation studies*). Основной постулат последней состоит в том, что независимо от того, в какой логике происходит оценивание, оно всегда представляет собой коллективный акт производства такого социального порядка, который в данном обществе и в данном историко-культурном контексте видится желательным, предпочтительным по сравнению с прочими. «То, что беспокоит акторов, осуществляющих оценивание, всегда вскрывает то, что находится на кону»⁴. Таким образом, предлагаемая в данной работе комплексная оценка последствий онкологических заболеваний позволяет приблизиться как к пониманию масштабов сопряженных с ними страданий, так и к неявному вопросу о том, что является «нормальным уровнем» жизни, здоровья и благополучия человека в современном обществе.

¹ Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2004.

² Frank A. *The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics*. Chicago University, 1995.

³ Bourdieu P. et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life*. Cambridge Polity Press, 1999.

⁴ Dussauge I., Helgesson C.-F., Lee F., Woolgar S. On the Omnipresence, Diversity and Elusiveness of Values in the Life Sciences and Medicine. In: Dussauge I., Helgesson C.-F. and Lee F. (eds.) *Value Practices in the Life Sciences and Medicine*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Структура рассуждений в данной статье такова. Сначала приводится краткий обзор проблематики страдания, как она сегодня представлена в социальных науках. Далее обобщаются данные экономических, социологических и психологических исследований, проблематизирующих эффекты онкологических заболеваний для индивидов и общества. Демонстрируется, что наряду с прямыми и косвенными финансовыми издержками в экономических работах предпринимаются попытки учесть психосоциальные потери, связанные с онкологическими заболеваниями. Однако эти потери операционализируются в экономических исследованиях весьма произвольно и могут быть дополнены обширной социологической и психологической литературой, связывающей феномен болезней с вопросами социального порядка.

Проблематика страдания в социальных науках

В силу принципа свободы от оценки на протяжении XX века социология в целом не проявляла большого внимания тому, «насколько болезненным может быть опыт пребывания в социальном мире»⁵. Позиция беспристрастности и вытекающий из нее стиль коммуникации позволили эффективно снять проблему морального и политического значения социологического исследования, попутно дистанцировав социологию от политики гуманитаризма и нужд тех, «чья жизнь становится разменной монетой в борьбе за власть и привилегии»⁶. Такая теоретическая установка способствовала тому, что социологи мало интересовались той «моральной калькуляцией», которая осуществляется в современной европейской культуре при решении вопросов о том, какое страдание заслуживает внимания, а какое может быть легитимно проигнорировано. Она же препятствовала формированию соответствующей терминологии. Тем более что измерение страдания представляет собой методологическую проблему в силу отсутствия соответствующих референтов⁷ и того, что «страдание сопротивляется репрезентации в языке»⁸. Сегодня по-

⁵ Bourdieu P. et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life*. Cambridge Polity Press, 1999. P. 4.

⁶ Gouldner A. *The Sociologist as Partisan: Sociology and the Welfare State* // *The American Sociologist*. 1968. No 3. P. 103–116.

⁷ Bouvine F. *Sick Person as an Object*. In: Bourdieu P. et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life*. Cambridge, Polity Press, 1999. P. 596.

⁸ Wilkinson I. *Health, Risk and 'Social Suffering'* // *Health, Risk & Society*. 2006. No 8(1). P. 1–8.

добная дистанцированность социологов от проблематики страдания грозит нечувствительностью исследователей к основам современной европейской культуры, коим является установка на максимально возможное избежание страдания индивида¹.

В исторический период, когда в центре социальной жизни находилась религиозная картина мира, столкновение индивида с болью и страданиями интерпретировалось как прикосновение Бога, как знак Провидения. В XVI веке страдания еще рассматривались как способ интернализации вины и наказания грешного человека и вместе с тем как инструмент переплавления грехов, возвращающий к праведности². Однако во второй половине XVII века идея Бога была гуманизирована. Милостивость Бога, страдающего вместе со страждущими, окончательно освободила его от ответственности за причинение человеку боли и страданий и способствовала переносу источника человеческих невзгод в посюсторонний мир³. Трагические события XX века окончательно закрепили в культуре идею того, что не существует такого Бога, которому может быть атрибутирована интенция причинения человечеству страданий такого масштаба⁴. Секуляризация общества, рост индивидуализма, акцентуация моральной составляющей, культурное признание значимости высокочувствительного эмоционального комплекса современного человека, повышение качества жизни в совокупности с успехами современной медицины и развитием обезболивающих способствовали тому, что внимательность к человеческому страданию стала рассматриваться как выбор, а источником человеческого страдания стали считаться социальные, экономические и политические обстоятельства⁵. Уменьшение страданий стало формальным аргументом легитимации политических решений и социальных реформ⁶, а идея непереносимости для современного человека бессмысленного и бесполезного страдания, как своего, так и чужого, кристаллизовалась в культуре⁷.

¹ Ibid. P. 3.

² Левинас Э. *Время и Другое. Гуманизм другого человека*. СПб.: ВРФСШ, 1998.

³ Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*, Cambridge, Polity Press, 2004. P. 29–30.

⁴ Там же.

⁵ Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*, Cambridge, Polity Press, 2004.

⁶ Boltanski L. *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

⁷ Левинас Э. *Указ. соч.*

Согласно словарю Ожегова, этимологически понятие «страдание» связано с напряжением, тяжким трудом, мучением, лишениями и болью. Именно такие категории, как будет показано далее, являются квинтэссенцией экономических, социологических и психологических исследований, в которых на методологическом языке этих наук оцениваются последствия онкологических заболеваний для индивида и общества. Последовательно рассмотрим взгляды на страдание каждой из этих наук.

Потери от онкологических заболеваний: экономические, социологические и психологические оценки

*Экономика рака: между бюджетными ограничениями и эффективностью общественных фондов*⁸

Не до конца еще разрушенная социологическая традиция противопоставления враждебных миров социального и экономического отражает доминирующую в современном европейском обществе установку об абсолютной ценности человеческой жизни. В медицинском контексте это означает установку на спасение человеческой жизни любой ценой, точнее, не обращая внимание на цену. И потому предложенная М. Фуркад идея о том, что иногда, если рынки не существуют, их нужно выдумать, чтобы выразить социальные ценности в универсальных стоимостных единицах⁹, все еще видится социологам весьма смелой.

В это же время в экономической теории, точнее в экономике здравоохранения, такое направление исследований, как анализ стоимости болезни (cost of illness analysis), уже более полувека как рутинизированно. Легитимации этой идеи способствовал возникший в 1950–1970-е годы в американской системе здравоохранения практический запрос на оптимизацию бюджетных затрат. Рост государственных расходов на здравоохранение длительное время рассматривался как один из важнейших признаков повышения уровня жизни населения. Уровень финансирования здравоохранения из общественных источников в некоторых раз-

⁸ Авторы выражают большую признательность старшему научному сотруднику Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики НИУ ВШЭ Елене Селезневой за ее консультацию по части полноты описания потерь от онкозаболеваний, фиксируемых в современной экономической науке.

⁹ Fourcade M. *Price and Prejudice: On Economics and the Enchantment (or Disenchantment) of Nature*. In: Beckert J., Aspers P. (eds). *The Worth of Goods. Valuation and Pricing in the Economy*. New York: Oxford University Press, 2011. P. 41–62.

витых странах достиг 8–13% ВВП¹. Однако в условиях перехода системы здравоохранения США к стадии доминирования менеджеров опубликованная К. Эрроу статья «Неопределенность и экономика медицинской помощи в обществе благосостояния»² оказалась весьма актуальной. Она способствовала рождению такой дисциплины, как экономика здравоохранения, а заодно и усвоению полем здравоохранения логики экономической теории как инструмента достижения эффективности и обоснования соответствующих оптимизационных реформ.

Основная задача, которую решает экономическая наука, когда оценивает последствия распространения онкологических заболеваний, восходит к ее первоначальной ориентации на служение государству в плане управления хозяйством. Как следствие, большую обеспокоенность тут вызывают макропотери государственного бюджета, возникающие из-за того, что экономически активное население в условиях смертельной болезни не просто нуждается в медицинской помощи, но еще и выбывает с рынка труда, перестает участвовать в круговороте рыночной экономики в качестве потребителя и недоплачивает налоги. Вдобавок к этому столкнувшиеся с болезнью дети, пенсионеры, вдовы и сироты увеличивают нагрузку на социальный бюджет. Впрочем, экономические оценки обращены и на последствия заболеваний на микроуровне домохозяйств и отдельных индивидов.

Запрос на экономические оценки эффектов заболеваний обосновывается целым рядом аргументов. Среди них, во-первых, потребности социальной политики в части обоснования финансовых приоритетов в сфере здравоохранения, во-вторых, необходимость контроля структуры и объема финансируемой государством медицинской помощи, в-третьих, задача контроля экономической нагрузки, связанной с высокими рисками инвалидизации онкобольных, в-четвертых, необходимость отслеживания социальной отдачи (social return) от общественных инвестиций на медицинские исследования, что особенно актуально в странах, где государство подотчетно гражданскому обществу, и, в-пятых, необходимость совершенствования протоколов лечения как прогрес-

¹ Арустамян Г.Н. Клинико-экономический анализ и его роль в управлении качеством медицинской помощи // Государственное управление: Электронный вестник. 2011. № 29. С. 13.

² Arrow K. Uncertainty and the Welfare economics of Medical Care // The American Economic Review. 1963. No 53. P. 941–973.

сивной формы оказания медицинской помощи населению³.

В целом ряде экономических работ, преимущественно 1980-х годов, предпринимаются попытки составить максимально полный список издержек, сопряженных с опытом онкологического диагноза, составить и оценить их в деньгах. При этом прямые издержки оцениваются на базе действующих рыночных цен, тогда как косвенные меряются в терминах потери производительности из-за выбывания заболевших.

К прямым издержкам от заболеваний в экономической литературе принято относить расходы, которые сопряжены с оказанием медицинской помощи медицинскими учреждениями и домохозяйствами в связи с заболеваниями, начиная с этапа диагностики и заканчивая уходом за больными в терминальной стадии. К этой же категории относятся и транспортные издержки, связанные с получением медицинской помощи.

Дискуссия о косвенных издержках возникает на фоне того, что, сталкиваясь с серьезным заболеванием, индивид перестает участвовать в производственной деятельности. Более того, он перестает быть потребителем, что наносит ущерб и создает упущенные выгоды для экономики в целом.

Для оценки косвенных издержек применяются главным образом два подхода.

Во-первых, это подход человеческого капитала, хорошо известный читателям по исследованиям стоимости жизни⁴. Здесь предполагается, что заработок индивида отражает его продуктивность и ценность как члена общества.

Во-вторых, это опросный метод на основе проективных методик, оценивающих масштабы затрат, которые потенциально готовы понести граждане во избежание тех или иных негативных событий, в данном случае болезни.

Экономическая оптика позволяет зафиксировать, что социальный урон от смертельных заболеваний не ограничивается трудностями, с которыми сталкиваются непосредственно заболевшие и государство, в котором они живут. Болезнь одного из членов сообщества в той или

³ Шамшурина Н.Г. Показатели социально-экономической эффективности в здравоохранении. М: МЦФЭР, 2005.

⁴ На русском языке см., напр.: Карабчук Т.С., Никитина М.В., Ремезкова В.П., Соболева Н.Э. Как оценить стоимость человеческой жизни? // Экономическая социология. 2014. № 15 (1). С. 89–106; Карабчук Т.С., Моисеева А.А., Соболева Н.Э. Исследование зарубежных методик и отечественных практик определения экономического ущерба, наносимого гибелью в результате ДТП // Экономическая социология. 2015. № 16 (5). С. 77–101.

иной степени отвлекает от социальной жизни сообщество в целом. Столкновение с онкологическим диагнозом актуализирует то, что можно было бы обозначить как «круги горя». В отдельных экономических исследованиях предлагаются проекты количественной оценки диаметра этих «кругов» на основе анализа возрастного распределения заболевших и оценок размера социальных сетей (супруги, дети, родители, друзья, коллеги), центром которых они могут являться и представителей которых может затронуть их болезнь. Кроме того, в экономических исследованиях, сопряженных с планированием социальной политики, невольно ставятся проблемы социетального характера. В частности, здесь раньше, чем в социологических исследованиях, появляются данные о том, что смертельные заболевания вносят вклад в число разводов, вероятность и продолжительность вдовства и сиротства¹. Проблематизируется и вопрос о том, что родственники, заботящиеся о больных в процессе прохождения онкологического лечения, также оказываются временно менее эффективными на рынке труда².

Исследователи экономики здравоохранения сходятся во мнении, что «оценить личную катастрофу в деньгах едва ли представляется возможным», но все равно предпринимают попытки скалькулировать последствия онкологических заболеваний, в том числе на уровне индивида. Примечательно, что здесь представители экономической науки берут на себя задачи, которые до недавнего времени игнорировались социологами. Так, экономические работы не упускают из вида того, что смертельные заболевания несут издержки, которые в данных текстах обозначаются как «психосоциальные». К ним авторы относят потерю части тела, боль, скорбь по поводу приближающейся смерти, вынужденную экономическую зависимость, социальную изоляцию, упущенные карьерные выгоды, семейные конфликты, суицидальные порывы. Предполагается, что психосоциальные издержки способны увеличивать как прямые, так и косвенные издержки от заболевания. И хотя эти издержки операционализируются весьма произвольно, в целом нельзя не заметить, что для экономического анализа

понятие качества жизни человека является значимым оценочным критерием, в том числе и на этапе принятия практических решений в области онкомедицины.

В европейской практике оценку медицинских технологий и вмешательства сегодня нельзя представить без того, чтобы при рассмотрении затрат на получение одного дополнительного года жизни не предпринимались бы попытки отследить ее качество³. Коэффициенты QALY (quality-adjusted life years) и DALY (disability-adjusted life years) неизменно входят в соответствующие экономические расчеты. Содержательные шкалы для оценки качества жизни в клинично-экономических моделях формируются на основе социальных опросов. При этом одной из методологических проблем в данном контексте является то, что разговор о качестве жизни с человеком, которому поставлен диагноз, на сегодняшний день считающийся смертельным, является очень чувствительным. Нередко это ведет к тому, что оценки качества жизни строятся на основе результатов проективных опросов людей, которые не являются пациентами. Негативные последствия таких выборок с точки зрения валидности широко обсуждаются. Особенно на фоне данных методологических исследований, демонстрирующих, что оценки тех или иных аспектов качества жизни здоровыми индивидами и индивидами, имеющими медицинский диагноз, различаются, причем известно, что оценки, данные здоровыми индивидами, могут быть существенно занижены⁴.

Итак, обобщая данные экономических исследований, сфокусированных на различных последствиях столкновения с онкологическим диагнозом, можно увидеть, что индивидуальные потери от заболевания связываются здесь с утратой человеком целого ряда социально значимых функций.

Онкологический диагноз потенциально означает выбытие индивида как носителя человеческого капитала, как налогоплательщика, как участника производственных процессов и, что не менее важно, как потребителя произведенного общественного продукта.

Для экономических исследований, стимулируемых обеспокоенностью за эффективность распределения государственного бюджета и об-

¹ *Karraker A., Latham K.* In *Sickness and in Health? Physical Illness as a Risk Factor for Marital Dissolution in Later Life* // *Journal of Health and Social Behavior*. 2015. No 56 (3). P. 420–435.

² *Grunfeld E., Coyle D., Whelan T. et al.* *Family Caregiver Burden: Results of a Longitudinal Study of Breast Cancer Patients and their Principal Caregivers* // *Canadian Medical Association Journal*. 2004. No 170 (12). P. 1795–1801.

³ *Prieto L., Sacristán J.* *Problems and Solutions in Calculating Quality-Adjusted Life Years (QALYs)* // *Health and Quality of Life Outcomes*. 2003. No 1. P. 80.

⁴ *Ubel P., Loewenstein G., Jepson C.* *Whose Quality of Life? A Commentary Exploring Discrepancies between Health State Evaluations of Patients and the General Public* // *Quality of Life Research*. 2003. No 12 (6). P. 599–607.

шественных фондов, онкодиагноз индивида означает его потенциальное превращение в объект медицинской помощи и социальной поддержки.

При этом, как подмечают экономические исследования, спрос на социальную поддержку и эффекты выбытия не ограничены самим онкобольным, но могут быть расширены до его социального окружения, несущего экономическую нагрузку, возникающую в связи с необходимостью заботы о больном или с его уходом из жизни. Индивидуальная драма также признается экономической наукой, причем учитывается не только в терминах материальных потерь в связи с уходом с рынка труда и т.п., но и в контексте психологических и социальных вызовов, встающих перед онкобольными. Категория качества жизни индивида не чужда экономической теории, хотя и проблематизируется ею не столько как социокультурный, сколько как политический концепт.

Вместе с тем именно в экономических исследованиях ставится вопрос о том, что направление общественных средств на борьбу с одними заболеваниями, например с онкологией, отвлекает эти средства от борьбы с другими заболеваниями. Именно экономическая оптика позволяет поставить вопрос о том, какой ценой современному обществу дается инновационное развитие.

Как мы попытались показать, экономические исследования стоимости болезни зачастую выходят за границы поставленных перед ними политических задач, невольно затрагивают проблемы социального порядка, социальных эффектов онкологических заболеваний. Тем не менее вопросы возникают как побочные и не получают необходимой проработки. Примечательно, что для социологов эти вопросы также остаются второстепенными, нормативная сторона экономических решений в области борьбы со смертельными заболеваниями все чаще рефлексировается философами и специалистами в области биоэтики. В это же время некоторые социологические наработки в отношении болезни как социально и культурно укорененного феномена могут сослужить хорошую службу в концептуализации страданий и потерь, сопряженных с онкологическими заболеваниями. Эти наработки и находятся в фокусе следующего раздела данной работы.

Социология: рак как социальная смерть

Хотя социология до недавнего времени не проблематизировала страдание как предмет непосредственного исследования, идея о том,

что эпидемиологическая ситуация всегда имеет социетальные последствия, не является для нее открытием. Еще со времен Т. Парсонса социологической теории известно, что дискурс о любой болезни в своей основе всегда скрывает осмысление основ социального порядка в той мере, в какой для стабилизации этого порядка принципиально важны культурные границы между нормой и патологией¹. В этом контексте особенно важным оказывается вопрос о социальной категоризации болезни. От такой категоризации зависят как реакция общества на носителей недуга, так и вектор государственной социальной политики в отношении данного заболевания.

В применении к ситуации нарастания онкологических заболеваний подобная постановка вопроса позволяет зафиксировать целый ряд потенциальных выборов, которые стоят перед современным обществом. Скрытые дилеммы окнополитики находятся за пределами данной работы. Тем не менее вкратце можно сказать, что основную роль в данном контексте сыграет то, какой социальный маркер будет присвоен онкологическим заболеваниям. Антрополог М. Вейсс, анализируя представления об онкозаболеваниях среди врачей, младшего медицинского персонала и студентов-медиков, сталкивающихся с ними, обнаруживает, что в восприятии медиков рак стимулирует развитие новой культуры отношения к болезни. Усиливающийся поток онкологических диагнозов подводит медиков к тому, чтобы интерпретировать его как пандемию, свободную от «контекстуальности места, статуса и тела»². Рак — заболевание, с которым может столкнуться каждый, универсальная угроза, порожденная достижениями в области продления человеческой жизни, повышения материального благополучия населения и т.д. Природа онкологических заболеваний, как подчеркивает М. Вейсс, гомологична постмодернистскому этапу развития общества. Если, например, за сердечными приступами скрыта метафора «фордистского тела», то есть тела как машины, к которой применяются принципы централизованного контроля и у которой может отказать «двигатель», то онкологические заболевания отсылают к телу как метафоре позднего капитализма, где в условиях глобализации все процессы взаимосвязаны и нарушения в одном из звеньев цепи порож-

¹ Timmermans S., Haas S. Towards a Sociology of Disease // *Sociology of Health and Illness*. 2008. No 30. P. 659–676.

² Weiss M. Signifying the Pandemics: Metaphors of AIDS, Cancer and Heart Disease // *Medical Anthropology Quarterly*. 1997. No 11 (4). P. 470.

дают слом всей системы¹. Онкология видится неизбежным бичом современности. И, если в некоторых странах, в том числе в России, рак скорее интерпретируется как смертельный приговор, в более благополучных системах здравоохранения сегодня выстраивается курс на работу с онкологией как с хроническим заболеванием. И обе эти интерпретации имеют социальные последствия.

С дисфункциональностью болезни отдельного индивида общество обычно примиряет ее временный и недобровольный характер. Однако в случае с хроническими заболеваниями дисфункциональность становится нормой в пределах продолжительного периода времени. В контексте хронического заболевания роль больного начинает работать по-другому. Она перестает быть временным пристанищем с целью преодоления болезни. Хронические заболевания становятся частью жизни, и адаптация к ним требует выработки новых стратегий поведения².

Переход от интерпретации онкологии как смертельного приговора к интерпретации рака как хронического заболевания можно считать оптимистичным. Однако важно понимать, что данный смысловой поворот не является единственно возможным. Некоторыми инсайдерами он даже интерпретируется как ангажированный определенными группами интересов³. Отношение к раку как к хроническому заболеванию потенциально означает отказ от поиска способов его предотвращения и профилактики. Такой культурный вектор может особым образом структурировать приоритеты в области научных исследований (например, поиск методик лечения, а не излечения). Он поддерживает и стимулирует сложившуюся инерцию фармацевтического рынка, а также рынка диагностических технологий и оборудования, сказывается на интересах институциональных акторов, работающих в организационном поле онкологической помощи (страховые компании, медицинские учреждения, врачи).

Сложности, с которыми практикующие медики сталкиваются в лечении онкологических заболеваний, меняют лицо современной доказательной медицины. На протяжении XX века она была ориентирована скорее на симптоматическое лечение физического тела. Распространение же рака в развитых обществах стимулирует переход к холизму, к развитию

интегративного подхода, когда хирурги кооперируются с психологами, а, например, медитативные практики включаются в протоколы лечения, оплачиваемые страховыми компаниями. Так, под давлением раковой статистики происходит размывание границ традиционной и альтернативной медицины, а в поле онкологической помощи появляются новые институциональные акторы, например, организации, занимающиеся паллиативом.

Обстановка с онкологическими заболеваниями меняет не только медицину и экономику, но и само общество. И невозможно игнорировать, например, социальное неравенство, нарастающее вследствие распространения раковых диагнозов. В случаях, когда лечение онкологических заболеваний не может быть покрыто ни страховой медициной, ни общественными фондами, его дороговизна становится проблемой самого пациента. При этом анализ данных имеющейся в США федеральной статистики банкротства (*federal bankruptcy records*) свидетельствует, что люди с онкодиагнозом в 2,65 раза чаще демонстрируют финансовую несостоятельность (*rate of bankruptcy*) по сравнению с теми, кто не имеет онкозаболевания⁴.

Исследования, фиксирующие ситуацию в США, стране с относительно благополучно развитой системой онкологической помощи, свидетельствуют, что 40–85% пациентов прекращают работать на время получения онкологического лечения, что составляет от 45 дней до полугода⁵. Многие пациенты по состоянию здоровья с трудом возвращаются к работе и через годы после окончания лечения⁶. Исследования пациентов, перенесших рак груди, показывают, что в течение пяти лет после прохождения лечения доход этих людей упал в среднем на 3,6 тыс. долларов. В это же время в контрольной группе, представленной людьми без онкодиагноза, доходы не падали, а росли, в среднем на 1,8 тыс. долларов⁷.

Помимо ухода онкопациентов в бедность актуализируется целый ряд этических вопро-

¹ Weiss M. Op. cit. P. 470.

² Charmaz Kathy. Good Days, Bad Days: The Self in Chronic Illness and Time. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1991.

³ Куомо М. Откровения онколога о раке. М.: Эксмо, 2013.

⁴ Ramsey S., Blough D., Kirchoff A. et al. Washington State Cancer Patients Found to be at Greater Risk for Bankruptcy than People without a Cancer Diagnosis // *Health Affairs*. 2013. No 32 (6). P. 1143–1152.

⁵ Short P., Vasey J., Tunceli K. Employment Pathways in a Large Cohort of Adult Cancer Survivors // *Cancer*. 2005. No 103 (6). P. 1292–1301.

⁶ De Boer A., Taskila T., Ojajarvi A., van Dijk F., Verbeek J. Cancer Survivors and Unemployment: a Meta-Analysis and Meta-Regression // *JAMA*. 2009. No 301 (7). P. 753–762.

⁷ Chirikos T., Russell-Jacobs A., Cantor A. Indirect Economic Effects of Long-Term Breast Cancer Survival // *Cancer Practice*. 2002. No 10 (5). P. 248–255; Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. NY: Freeman, 1997.

сов, связанных с положением индивида в медиализированном обществе. Так, известны случаи, когда пациенты отказываются от рекомендованного лечения, не желая возлагать на семью связанную с этим нагрузку. Подчас речь даже может идти о том, что онкодиагноз становится поводом для самоубийства индивидов, продолжительность жизни которых могла оказаться высокой, несмотря на поставленный диагноз¹. Недоступность онкологического лечения для отдельных пациентов отражается и на профессиональной ситуации лечащих онкологов, которые либо жертвуют клиническими рекомендациями по экономическим причинам, либо и вовсе берут на себя роль спасателей семьи от разорения².

Подключение социологической теории к осмыслению последствий распространения онкологических заболеваний позволяет увидеть, что данный диагноз потенциально коррелирует не только с экономической, но и с социальной депривацией индивидов.

С социологической точки зрения болезнь индивида отсылает не только к физиологическим и психологическим состояниям, но и к способности индивида выполнять свои социальные обязательства, социальные роли. Ключевой особенностью болезни как девиации является, по Парсонсу, ее ненамеренный характер, что и позволяет больному укрыться от санкций за ролью больного. Однако различные болезни обладают неодинаковой легитимностью в обществе³. В ряде случаев пациент теряет право на сочувствие, а его неспособность выполнять социальные роли наталкивается на осуждение.

Легитимность заболевания отчасти производна от того, как в обществе мыслятся его причины и предпосылки, его связь с образом жизни и поведением⁴. Социальные представления о причинах (cause) заболеваний могут отсылать как к рациональным предикторам (например, привычки в питании, образ жизни, окружающая среда, физиологические процессы в организме), так и к моральным категориям «греха», «кармы»⁵. В таком свете весьма ожида-

емыми видятся результаты исследований, свидетельствующие, что онкопациенты пытаются найти «справедливость», каким-либо образом оправдать свой онкодиагноз или, наоборот, отрицают заболевание с опорой на моральные аргументы, так как считают себя достойными людьми и не видят повода для столь тяжелого наказания⁶.

Несмотря на высокую распространенность и представленность в различных социально-демографических группах, онкологический диагноз пока еще ассоциирован с рисками стигматизации⁷.

Во-первых, эти риски проистекают из многообразия научных объяснений природы онкологических заболеваний. При этом версия, будто рак является инфекционным заболеванием, которым можно заразиться при контакте с больным, до сих пор не опровергнута окончательно, по крайней мере, на уровне публичного дискурса. Соответствующие опасения, возникающие у окружающих, могут становиться причиной радикальной социальной изоляции людей, столкнувшихся с онкологическим диагнозом.

Во-вторых, возможность стигматизации раковых заболеваний проистекает из того, что в публичном дискурсе отдельные виды рака прочно ассоциируются с неодобряемыми моделями самосохранительного поведения. Рак легких, к примеру, прочно ассоциируется с курением. Как следствие, раковые больные испытывают давление и осуждение со стороны окружающих вне зависимости от наличия привычки курить; обвинение жертвы (victim blaming) основывается на фундаменте массовой культуры, изображающей курильщиков в социальной рекламе как больных людей, «заслуживших» свою болезнь⁸. Подобные установки, транслируемые СМИ, наносят удар межличностному доверию, в котором так нуждаются онкопациенты, особенно на самых первых этапах проявления болезни. Например, курящие люди с диагнозом «рак легких», догадываясь о причинах своего недомогания, затягивают диагностику из-за

¹ Hem E., Loge J., Haldorsen T. and Ekeberg O. Suicide Risk in Cancer Patients from 1960 to 1999 // *Journal of Clinical Oncology*. 2004. No 22 (20). P. 4209–4216.

² Weinstein M. Should Physicians be Gatekeepers of Medical Resources? // *Journal of Medical Ethics*. 2001. No 27. P. 268–274.

³ Frank A. Illness as Moral Occasion: Restoring Agency to Ill People // *Health*. 1997. No 1 (2). P. 131–148.

⁴ Conrad P. The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2007.

⁵ Van Haaren M., Reyme M., Lawrence M., Menke J., Kaptein A. Illness

Perceptions of Leprosy-Cured Individuals in Surinam with Residual Disfigurements – “I am cured, but still I am ill” // *Chronic Illness*. 2017. № 13 (2). P. 1–11.

⁶ Zlatin D. Life Themes: A Method to Understand Terminal Illness // *Omega*. 1995. No 31 (3). P. 189–206.

⁷ Fife B., Wright E.R. The Dimensionality of Stigma: A Comparison of its impact on the Self of Persons with HIV/AIDS and Cancer // *Journal of Health and Social Behaviour*. 2000. No 41 (1). P. 50–67.

⁸ Chapple A., Ziebland S., McPherson A. Stigma, shame, and blame experienced by patients with lung cancer: qualitative study // *British Medical Journal*. 2004. No 328 (7454). P. 1470–1473.

страха осуждения со стороны близких¹.

Третья причина, по которой онкологический диагноз может обещать стигму пациенту, связана с социальными представлениями о нормальности тела². Состояние тела подлежит социальной регуляции. Те или иные телесные атрибуты могут быть желательными в определенных социальных полях и контекстах, в которых происходит взаимодействие агентов. Параметры тела могут функционировать как валюта или ценный ресурс, обеспечивающий дополнительные «награды», т.е. оборачиваться физическим капиталом, коррелирующим и с культурным, и с социальным капиталами индивида³. Утрата физического капитала, таким образом, может негативно сказываться на позициях индивида в социальных отношениях, приводить к обретению статуса неполноценной (discounted) личности. В результате больные, чье тело внешне не несет однозначных сообщений о наличии онкологического заболевания, сталкиваются с меньшими негативными последствиями в рамках социального взаимодействия, чем, например, пациенты, которые потеряли волосы из-за химиотерапии⁴. Не только окружающие, но и сами пациенты девальвируют себя: исследования фиксируют чувство стыда, которое часто возникает у женщин, переживших мастэктомию при лечении рака молочной железы. Видя, что их тело (body image) теперь не соответствует общепринятым представлениям о красоте, они ощущают утрату женственности (femininity) и желанности, т.е. эротического капитала⁵.

Таким образом, главное и самое огульное последствие, с которым сталкиваются онкобольные, — социальная изоляция. Экономическая теория говорит, что онкобольные выпадают из общественного процесса, но лишь из социологической перспективы становится понятно, что такие индивиды потенциально теряют все. При этом важно понимать, что дистанцирование от больных с онкологическим диагнозом нередко связано не со страхом заразиться или с осуждением, а с дефицитом практик взаимодействия с человеком, столкнувшимся

со смертельной болезнью. Успехи медицинской науки способствовали тому, что современное западное общество в XX веке показало большой прогресс по части игры в бессмертие, упрятав смерть в больницы и сделав вид, что ее больше нет⁶. Стало казаться, что главное — удержать границу между чистотой и опасностью и риски как повод для экзистенциальной тревоги будут повержены⁷. Без развития более осмысленного, взрослого и в конечном счете более уважительного отношения к смерти возникает опасность геттоизации раковых больных.

Пока же современному обществу сложно взаимодействовать с онкобольными. Пытаясь нормализовать ситуацию, оно пытается конструировать нормы, регулирующие в том числе и эмоциональные реакции онкобольных. Примечательны исследования, проблематизирующие статус «выжившего после рака» (cancer survivors). Не только медиа, но и благотворительные организации, и организаторы кампаний по повышению осведомленности об онкологических заболеваниях активно используют образ «воина, победившего рак». «Воины» вдохновляют других пациентов на борьбу с недугом, но такой образ, представленный в СМИ, несет не только пользу. Ограничивая опыт переживания онкологического заболевания такими определениями, как «война», «борьба», «преодоление», общество лишает пациентов с онкологическими заболеваниями и тех, кто находится в стадии ремиссии, права на отличные от данного образа чувства: бессилие, злость, покорность и т.д. Пережившие рак индивиды могут воспринимать собственное выздоровление не как борьбу, а как удачное избавление и спасение, отказываясь определять себя как «выживших» (survivors). Термин «выживший» (survivor) вызывает отторжение у тех индивидов, у которых была диагностирована онкология, так как отделяет «выживание» от просто «жизни», обявывая носителей статуса «выживших» следовать определенной стратегии поведения во время болезни и после выздоровления⁸.

Даже преодоленный опыт столкновения с онкодиагнозом влечет негативные социальные эффекты: к примеру, среди детей младшего школьного возраста, переживших онкологиче-

¹ Там же.

² Lupton D. The Imperative of Health: Public Health and the Regulated Body. London: Sage, 1995.

³ Crossley N. In the Gym: Motives, Meaning and Moral Careers // Body & Society. 2006. No 12 (3). P. 23–50.

⁴ Rosman S. Cancer and stigma: Experience of patients with chemotherapy-induced alopecia // Patient Education and Counseling. 2004. No 52. P. 333–339.

⁵ Bloom J., Kessler L. Emotional Support Following Cancer: a Test of the Stigma and Social Activity Hypotheses // Journal of Health and Social Behavior. 1994. No 35 (2). P. 118–133.

⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. С.В. Оболенской (общ. ред.), предисл. А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

⁷ Price K., Cheek J. Avoiding death: The ultimate challenge in the provision of contemporary healthcare? // Health Sociology Review. 2007. No 16 (5). P. 397–404.

⁸ Dyer K. "Surviving is not the same as living": Cancer and Sobrevivencia in Puerto Rico // Social Science & Medicine. 2015. No 132. P. 20–29.

ское заболевание, наблюдаются худшие оценки и поведение в школе, чем у их сверстников, а также меньшее число близких друзей¹, отмечается низкий уровень доверия к друзьям, отсутствие восприятия их как «доверенных лиц» (confidants).

Еще один актуальный сюжет для социологического осмысления связан с тем, что развитие современных диагностических технологий способствует тому, что страдания индивидов, потенциально связанные с онкологическими заболеваниями, могут актуализироваться задолго до встречи с этим диагнозом, например, у здоровых индивидов, находящихся в определяемой медицинской статистикой зоне риска столкновения с онкодиагнозом. Фиксируемые технологиями предрасположенности такого рода во многом носят перформативный характер. При этом на уровне медиализированной современной культуры они могут связываться как с образом жизни (что поддается управлению индивида), так и, например, с генетикой, менеджмент которой весьма затруднен. Один из примеров последствий избыточной онконастороженности является, скажем, так называемый эффект Джоли, отсылающий к опыту американской киноактрисы, решившейся на двойную мастэктомию из-за наличия у нее мутантных генов BRCA1 и BRCA2, повышающих риски заболеть раком молочной железы. У данного случая были позитивные последствия в форме повышения общественного внимания к проблеме профилактики рака. Однако принятие индивидами решений такого рода не только повышает частоту не всегда обоснованных медицинских вмешательств, многие из которых сами по себе имеют негативные последствия для здоровья, но — в случае с женщинами — потенциально может сказываться, например, на фертильном поведении. Распространение подобных установок в обществе приводит как к излишнему оптимизму и нежеланию проходить обследования, способные установить онкологическое заболевание на ранней стадии, так и к неоправданному пессимизму, когда риск развития у себя рака оценивается выше реального значения, что создает мощное психологическое давление. Сказанное приближает нас к необходимости рассмотрения данных психологических исследований, проблематизирующих ущерб и страдания от столкновения с онкодиагнозом в настоящем или будущем.

¹ Barrera M., Shaw A., Speechley K., Maunsell E., Pogony L. Educational and Social Late Effects of Childhood Cancer and Related Clinical, Personal and Familial Characteristics // *Cancer*. 2005. No 104 (8). P. 1751–1761.

Психология: онкодиагноз как преобразующая травма

Некоторые исследования в психологии проблематизируют отдаленные социальные эффекты онкологических заболеваний, сопряженные с психологическими вызовами, которые они ставят перед индивидами. Рак интерпретируется психологической наукой как радикальная перемена в жизни индивида, которая требует от него решительных действий² и максимальной мобилизации эмоциональных ресурсов³.

Помимо социальных, экономических и физиологических последствий онкологические заболевания оказывают сильный эффект непосредственно на психологическое состояние пациентов. И психологическая наука располагает развитым инструментарием для измерения субъективных оценок качества жизни.

Например, для оценки здоровья и самочувствия населения используется общий показатель субъективного самоощущения (subjective well-being). Данный индекс состоит из трех основных компонентов: оценки (evaluation), опыта (experience), «движения к счастью» (eudemonic)⁴. Респондентам предлагается оценить удовлетворенность жизнью в целом, свое здоровье, работу и т.д. Удовлетворенность жизнью коррелирует со множеством факторов — доходом, семейным статусом, демографическими признаками, состоянием здоровья, и в среднем различается по странам. Вместо показателя «удовлетворенность» нередко используют показатель «счастье»: их концептуализация и операционализация схожа, как и средние значения⁵. Компонент «опыт» шкалы субъективного самоощущения измеряет не общую жизненную ситуацию, а эмоциональное состояние индивида в определенный период времени, его реакцию на переживаемые события. И люди, имеющие серьезные заболевания, проходящие или недавно прошедшие онколечение, показывают наиболее негативные оценки именно в этом блоке. Если общая удовлетворенность жизнью онкобольных может оставаться более или менее стабильной при сохранении таких показателей, как, например, семейный статус, то эмоциональный опыт в полной мере отра-

² Dyer K. "Surviving is not the same as living": Cancer and Sobrevivencia in Puerto Rico // *Social Science & Medicine*. 2015. No 132. P. 20–29.

³ Carver C., Pozo C., Harris S. et al. Good Days, Bad Days: The Self in Chronic Illness and Time. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1991.

⁴ Dolan P., Layard R., Metcalfe R. Measuring Subjective Well-being for Public Policy. London: The Office for National Statistics, 2011.

⁵ Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being // *The Journal of Economic Perspectives*. 2006. No 20 (1). P. 3–24.

жает эффекты жизненных потрясений. Последствия онкологического или иного серьезного заболевания обнаруживаются на более усредненном показателе удовлетворенности жизнью, причиной чему являются психологические эффекты, в частности тревожность, чувство изоляции и депрессивное состояние¹. Наконец, показатель «движение к счастью» отражает психологические потребности индивида, нужные для достижения большего уровня удовлетворенности жизнью и отражающие отношение к различным видам деятельности.

Специальные шкалы субъективного самоощущения учитывают специфические показатели, характерные для пациентов, находящихся в процессе лечения или сразу после окончания лечения. При анализе состояния онкобольных в качестве положительно значимых факторов эмоционального состояния психологами признаются забота со стороны семьи пациента, соответствие ожиданий и достижений, баланс недомогания и здоровья, наличие социальной поддержки, в том числе со стороны близкого круга общения, уверенность в преодолении болезни, трансцендентные представления; в качестве отрицательных факторов в модель закладываются такие обстоятельства, как нехватка социальных контактов и наблюдаемая отрицательная динамика состояния здоровья².

Если экономика и социология в сильной степени сфокусированы на последствиях онкозаболеваний, то психологическая наука проявляет интерес к самому опыту проживания рака. Именно поэтому значимым для оценки ситуации психологами оказывается показатель GSE — General Self-Efficacy. Он относится к адаптивной стратегии борьбы с болезнью, что сочетает борьбу путем изменения внешней ситуации (problem-focused coping) и активную борьбу, направленную на источник стресса³. В индекс GSE входят такие показатели, как бойцовский дух, фатализм, когнитивное избегание, тревожность, ощущение безнадежности и бесполезности, а также эмоциональное, физическое и социальное функционирование⁴. Основное отличие индекса GSE от показате-

ля субъективного самоощущения в том, что он опирается на стратегии поведения, присущие именно адаптивной стратегии борьбы с болезнью, и измеряет самоощущение в условиях преодоления болезни.

Резюмируя основные психологические последствия онкологических заболеваний для пациента, можно выделить две основные группы. Первая включает чувство одиночества и изоляции, причем не только реальное, но и воображаемое, отсутствие поддержки и принятия со стороны окружения. Выпадение из обычной жизни на период болезни ведет к трудностям с адаптацией в коллективе, проблемам с поведением и сложностям с доверием по отношению к близким людям. Высокий уровень стресса у пациентов в совокупности с необходимостью мобилизовать эмоциональные ресурсы и воспроизводить оптимистичное отношение приводит к эмоциональному истощению и выгоранию.

У пациентов, для которых опыт тяжелого заболевания остался в прошлом, по наблюдению психологов, все равно сохраняется заикленность на состоянии болезни. Пациенты в стадии ремиссии испытывают трудности в том, чтобы поверить в собственное излечение и установить контроль над своим телом, выйти из состояния вины, стыда и стигмы. Один из важнейших факторов, влияющих на психологическое и физическое состояние пациента, — поддержка со стороны ближайшего и широкого окружения. От качества поддержки, от количества поддерживающих людей зависит динамика выздоровления и представления онкобольного о будущем. Особое значение имеет настрой медицинского персонала, с которым сталкивается больной. Он играет значительную роль в формировании картины самоощущения больного, и поэтому важно отойти от концепции медикоцентризма и уделять больше внимания психологическому состоянию пациента и его отношениям с ближайшим окружением на всех стадиях развития болезни.

В завершении «психологического» блока нельзя не упомянуть то, что для многих практических направлений психологической науки тот факт, что онкозаболевания все еще ассоциированы с достаточно скорой кончиной человека, не является парализующим. Работая с психологическими эффектами онкозаболеваний, они подчеркивают тот факт, что столкновение с онкодиагнозом, сопровождающееся активизацией экзистенциальных страхов, может быть для индивида преобразующим опытом, способствующим личностной интеграции и об-

¹ Dolan P., Layard R., Metcalfe R. Measuring Subjective Well-being for Public Policy. London: The Office for National Statistics, 2011.

² Chandra P., Chaturvedi S., Channabasavanna S. et al. Psychological Well-Being among Cancer Patients Receiving Radiotherapy: A Prospective Study // Quality of Life Research. 1998. No 7 (6). P. 495–500.

³ Lo Buono V., Corallo F., Bramanti P., Marin S. Coping strategies and health-related quality of life after stroke // Journal of Health Psychology. 2017. No 22 (1). P. 16–28.

⁴ Rottmann N., Dalton S., Christensen J., Frederiksen K., Johansen C. Self-efficacy, adjustment style and well-being in breast cancer patients: a longitudinal study // Quality of Life Research. 2010. No 19 (6). P. 827–883.

ретению истинного смысла жизни¹. Нисколько не умаляя масштаба потерь от встречи индивида и общества с раком, представители данных исследовательских направлений указывают, что такой опыт может способствовать пересмотру культурных установок в отношении умирания, смерти и в конечном итоге к ценности самой жизни. Задаваемая этими направлениями культурная динамика открывает возможности, например, для развития систем паллиативной медицинской помощи, для которой качество человеческой жизни вплоть до момента физической смерти индивида оказывается центральной ценностной категорией². Пока что услуги паллиативной медицинской помощи успешно функционируют только в 20 европейских странах, 42% стран вообще не имеют таких услуг, а 32% предоставляют паллиативную помощь в очень урезанном объеме. В последнюю группу входит и Россия³.

Заключение: индекс страдания

В уже упомянутом ранее исследовании М. Вейсс, сравнивающей установки медиков в отношении сердечно-сосудистых заболеваний, СПИДа и рака, респондентам предлагалось нарисовать типичного носителя данных диагнозов⁴. Многие информанты изображали онкопациентов как фигурку без головы. Те, кто рисовал фигурку с головой, отказывали ей в любых внешних признаках, как то: волосы, макияж, одежда, пропорции тела и т.п., объясняя исследователю, что «все эти вещи теряют свое значение перед лицом рака». Основной метафорой рака в данном исследовании оказалась метафора «социальной смерти». По итогам предпринятого в данной статье анализа данных экономических, социологических и психологических исследований, сопряженных с проблемой рака, представляется, что ассоциация онкологических заболеваний с «социальной смертью» в полной мере отражает тотальность потерь, переживаемых индивидами, которые сталкиваются сегодня с этим диагнозом.

Мы попытались препарировать ситуацию, в которой оказываются эти люди, однако вынуждены признать, что переход от описания

измерений страдания к его измерению – амбициозная задача, к решению которой в данном тексте сделан лишь первый шаг. Концептуализируя страдание как социальный акт, социологи получают шанс обоснованно ответить на лежащий на поверхности вопрос, как быть с тем, что страдание все-таки относительно. Изучая комплексы экономических, социальных, культурных, политических, психологических обстоятельств, ведущих к страданию, понимая, как варьируются пределы терпимости к страданию, со временем социологи также смогут рассуждать, какие меры позволяют сводить эти страдания к минимуму.

Печально, но сегодня подобные дискуссии актуализируются скорее за пределами социологии. Так, в 1989 году Комитет по демографическому кризису (Population Crisis Committee)⁵ предпринял попытку составить рейтинг стран на основании показаний международного индекса страданий (International Suffering Index)⁶. Целью рейтинга была оценка благополучия населения. В основе этого индекса лежало предположение, что при измерении на макроуровне степень страдания напрямую связана с уровнями инфляции и детской смертности, темпами роста рабочей силы и городского населения и обратно пропорциональна доходу на душу населения, потреблению энергии и необходимого количества калорий, доступностью питьевой воды, уровням грамотности взрослого населения и личной свободы. В соответствии с данным индексом самый низкий уровень страдания, составивший 4 балла по шкале, был обнаружен в Швейцарии, а самый высокий – 85 – в Мозамбике. В целом международный индекс страдания уступил политическое место иным макропоказателям, меряющим уровень (не)благополучия, например ВВП. Однако сама идея построения такого индекса видится весьма ценной. Вместе с тем эмпирические попытки измерения такого индекса показывают, как сложно обосновать характер связи между различными индикаторами, входящими в его состав. Особенно учитывая, что индекс становится показательным, только когда дает относительные оценки, т.е. накладывается на все методологические перипетии сравнительного исследования.

При попытке построить индекс страдания от столкновения с онкодиагнозом, подобная относительность может быть достигнута при сопоставлении его показаний с показаниями

¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дабкиной. М.: РИМИС, 2008.

² Livne R. Economies of Dying: The Moralization of Economic Scarcity in U.S. Hospice Care // American Sociological Review. 2014. No 79 (5). P. 888–911.

³ Новиков Г.А., Рудой С.В., Вайсман М.А. и др. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Паллиативная медицина и реабилитация. 2008. № 3. С. 5–11.

⁴ Weiss M. Signifying the Pandemics: Metaphors of AIDS, Cancer and Heart Disease, Medical Anthropology Quarterly. 1997. No 11 (4).

⁵ [Электронный ресурс]. <http://www.popline.org/node/348259>

⁶ [Электронный ресурс]. <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803100007646>

пациентов с другими заболеваниями, например с сердечно-сосудистыми, сохраняющими первенство среди причин смертности в развитых странах. Сравнение с сердечно-сосудистыми заболеваниями кажется продуктивным еще и по той причине, что в результате целого ряда социально-политических решений и связанных с ними культурных преобразований (например, возникновение идеологии хэлсизма) достигнуты явные успехи в контроле над этими заболеваниями. Сегодня и онкологические заболевания попадают в зону политической дискуссии. Не случайно финальная речь действующего на тот момент президента США Барака Обамы, представшего перед Конгрессом США 12 января 2016 года, была посвящена началу нового¹ крестового похода против рака².

В России в 2009 году была открыта Национальная онкологическая программа. В 2015-м она была закрыта, по ряду оценок — за неэффективностью³. Однако необходимость в реализации мер по борьбе с онкологическими заболеваниями поддерживается в ходе выполнения майских указов президента Путина, данных в 2012 году. В президентском послании Федеральному собранию 1 марта 2018 года В. Путин объявил о необходимости создания федеральной программы по борьбе с онкологическими заболеваниями. При этом важно отметить, что сегодня российские экономсоциологи располагают некоторыми количественными данными, чтобы верифицировать эти вопросы. Например, в базе вопросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ — лонгитюдного обследования домохозяйств, включающего наблюдения с 1994 года, — с 2015 года появилась переменная о наличии хронических онкозаболеваний, что дает возможность строить оценки экономического положения и субъективного благополучия онкобольных. База данных содержит сведения о наличии работы и характере занятости, среднегодовом уровне заработной платы, фактах продвижения или понижения по службе, количестве рабочих дней, которые респондент был вынужден пропустить из-за

состояния здоровья, а также самооценку экономического благополучия. Для оценки социальных эффектов онкозаболеваний можно использовать переменные изменения семейного положения (распад брака), самооценку по шкале, измеряющей ощущение власти или бесправия, измеряемые РМЭЗ НИУ ВШЭ параметры удовлетворенности жизнью в целом. Психологические эффекты могут быть измерены через следующие переменные: самооценки уровней счастья, одиночества, здоровья, уверенность в возможности найти работу, отличную от нынешней, уровень беспокойства о возможности себя обеспечить, беспокойство о возможной потере работы. Вместе с тем приходится признать, что попытка измерить эффекты онкозаболеваний на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ пока еще сталкивается с серьезными ограничениями. Прежде всего это слишком широкий характер вопроса о наличии онкозаболеваний. Данная переменная не отражает стадию заболевания, его точное название, наличие медицинского диагноза и прописанного лечения, опыт прохождения лечения и количество лет, в течение которых респондент имеет заболевание и знает о нем. В выборке обследования на данный момент крайне мало респондентов с наличием хронических онкозаболеваний (к примеру, в базе по репрезентативной выборке в 2016 году таких респондентов всего 228). Тем не менее РМЭЗ НИУ ВШЭ легитимирует работу с онкобольными как с особой социальной группой. На эту легитимацию в России откликаются некоторые некоммерческие организации, деятельность которых связана с облегчением жизни раковых пациентов. Так, в 2016 году служба психологической помощи «Ясное утро» организовала массовый опрос москвичей, столкнувшихся с онкодиагнозом. Выборка этого исследования насчитывала уже 500 онкобольных⁴.

Представляется, что само включение онкологической проблематики в исследовательскую повестку даст надежду на то, что со временем у социологов, в том числе и российских, появится возможность более осмысленно и чутко реагировать на эмпирическую реальность социальных процессов, которые изучаемые нами люди вынуждены пропускать через себя, подчас буквально.

¹ Нового, потому что еще 45 лет назад, в 1971 г., в Америке была запущена Национальная программа борьбы с раком, основным средством которой было выделение беспрецедентного финансирования фундаментальной науки, в результате чего, как показало время, удалось сделать целый ряд прорывов в области лечения онкологических заболеваний.

² [Электронный ресурс]. <https://meduza.io/feature/2016/01/15/novyy-krestovyy-pohod>

³ Агранат А. 2015. Кто и зачем остановил Национальную программу борьбы против рака? Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1903539.html> Дата обращения: 23.03.2018.

⁴ Гольдман О.Э., Бердышева Е.С. 2017. Система онкопомощи в России: о некоторых результатах мониторинга пациентов в г. Москва // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1-2 (124). С. 152–160.

К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Александр ЧЕПУРЕНКО

О Грушине, Арендт и Леваде

Вступительное слово на 12-й ежегодной конференции имени Юрия Левады

Чем дальше отстоит от нас личность Левады, тем отчетливее его вклад в изучение советского и постсоветского общества и тем больше напрашиваются сравнения его наследия с наследием других выдающихся исследователей, российских и зарубежных.

Поскольку наша конференция проходит в этом году сразу же после Грушинской, то в первую очередь возникает некая переключка Грушина и Левады. Как известно, Б.А. Грушин в последние годы весьма скептически относился к изучению массового сознания, поскольку, в его понимании, несвободное сознание масс изучать не имеет смысла — оно не рефлексивно, а манипулятивно, а потому «сообщает» исследователю ровно то, что он и так знает, если внимательно следит за повесткой государственного телевидения и других каналов манипулирования общественным сознанием.

Между тем, понимая, в каком направлении эволюционирует *homo post-soveticus*, Левада не только не отказывался от исследования общественного мнения, но широким фронтом проводил его, руководствуясь своим принципом «от мнения — к пониманию», в том числе к пониманию внутренних интенций, побуждений, запросов общества, которые надо вышелушивать из ответов на вербально-манипулятивные вопросы. И это позволяло видеть связь происходящего с изменениями запроса со стороны массового сознания — от свободы к стабильности и материальному благополучию и на этой основе прогнозировать общественно-политические тренды. В противном случае он должен был бы посвятить себя уединенному размышле-

нию на основе саморефлексии, то есть превратиться из социолога в социального философа.

Вторая параллель — с Ханной Арендт, исследовавшей после Второй мировой войны истоки тоталитаризма в современном мире. Тут следует оговориться, что предмет у Арендт и Левады разный: в первом случае — ретроспективный анализ того, как стало возможно укрепление тоталитарных режимов в Европе первой половины XX века, у Левады же — анализ того, как и в каком направлении эволюционирует посттоталитарное общество (и массовое сознание). Но некоторые переключки очевидны.

В «Истоках тоталитаризма» (1951) Ханна Арендт в первую очередь задается вопросом, какие социальные слои были носителями тоталитарного режима, почему они его приняли, и отвечает со всей определенностью, говоря о народной поддержке тоталитарных режимов и «неоспоримой привлекательности» этих движений для «элиты общества».

Как и почему две столь различные социальные группы оказались в числе сторонников тоталитарных режимов в XX веке? Арендт называет причины: «Уход обывателя в частную жизнь, его исключительная сосредоточенность на делах семьи и карьеры» как «выродившийся плод буржуазной веры в первенство частного интереса... Атомизированный индивид, порожденный распадом буржуазного класса как такового... посреди развалин своего мира ни о чем так не беспокоился, как о своей личной безопасности, готовый по малейшему поводу пожертвовать всем — верой, честью, достоинством».

Здесь мы видим безусловное сходство с происходящим в постсоветском обществе. Как показал в своих работах начала 2000-х Левада, и постсоветский человек, предмет его исследований и размышлений, — после десятилетия распада прежней общественной системы и эрозии всех социальных норм и идеалов — так же готов был пожертвовать чем угодно взамен на обещания стабильности и умеренного роста достатка.

Что же, однако, оказалось столь привлекательным в тоталитаризме для общественных элит или их значительной части? Здесь, как кажется, у Арендт почти нет объяснений. Она лишь подчеркивала, что попытка некоторых представителей элит оседлать тоталитаризм, сделаться его идейными вдохновителями потерпела сокрушительный провал, потому что «интеллектуальная, духовная и художественно-артистическая инициатива столь же противопоказана тоталитаризму, как и бандитская инициатива толпы, и обе они опаснее для него, чем простая политическая оппозиция... Тотальное господство не допускает свободной инициативы в любой области жизни, не терпит любой не полностью предсказуемой деятельности. Тоталитаризм у власти неизменно заменяет все первостепенные таланты, независимо от их симпатий, теми болванами и дураками, у которых само отсутствие умственных и творческих способностей служит лучшей гарантией их верности». Как мне кажется, иллюстрации этого тезиса Арендт о неминуемом превращении таких элит в инструмент режима в сегодняшней жизни настолько самоочевидны, что не нуждаются в поименном назывании.

Однако, как представляется, Левада глубже в понимании причин того, почему постсоветские элиты оказались лояльными авторитарной «вертикали» власти. Об этом он писал в 2006 году: «Более активные слои общества, в какой-то мере преуспевшие в годы перемен, оказываются и более лояльными к существующей власти и ее носителям... Значительная часть представителей элитарных групп связывает свои надежды с государственной властью и государственной экономикой, с государственной поддержкой науки, образования, здравоохранения и т.д., почти не смущаясь тем, что само государство шаг за шагом... приобретает черты абсолютистского деспотизма. Ожидание милостей от власти и страх их утратить по-прежнему разобщают и губят российские прогрессивные элиты». Перечислил он и отдельные группы в составе госаппарата, которые выступили движущим мо-

тором благоприятных для власти изменений в общественном сознании постсоветских элит.

И, наконец, сегодня хочется вспомнить еще одно совпадение между Арендт и Левадой — совпадение в понимании ключевой роли личной свободы как предпосылки нашей способности рефлексировать по поводу происходящего. «Тяжкий гнет тотального террора не оставляет места для такого рода частной жизни», — писала немецкая исследовательница, — и «разрушает человеческую способность к опыту и мысли так же верно, как и его способность к действию», изолируя людей, делая их одинокими среди себе подобных. «Что мы называем изолированностью или разобщенностью в политической сфере, — поясняла Арендт, — именуется одиночеством в сфере межчеловеческого общения. Изоляция и одиночество — не синонимы. Я могу быть изолированным (то есть быть в ситуации, в которой я не могу действовать, потому что рядом со мной нет никого), не будучи одиноким; и я могу быть одиноким (как в случае, когда ощущаешь себя покинутым всеми, лишенным всякого человеческого сочувствия), не будучи изолированным». От изоляции к экзистенциальному одиночеству — такую перспективу открывал тоталитарный режим для мыслящих людей.

Удивительно, насколько с этой мыслью перекликается высказывание Левады, относящееся к другому контексту: о том, что «в обстановке искусственно раздуваемого страха перед опасностью “мирового терроризма” большинство россиян соглашались отказаться от свободы передвижения и информации, от неприкосновенности личной жизни, то есть согласны вернуться к временам запретов, прослушек, глушилок и прочих прелестей забытого репрессивного порядка».

Последовательный запрет на все формы солидарных действий в публичном пространстве может создать атмосферу изоляции, но полное одиночество возникает только тогда, когда разрушены все каналы межличностного общения, когда отказ от всякого общения становится гарантией выживания. Именно поэтому тоталитарные режимы XX века стремились подавить независимую прессу, а в XXI веке первой жертвой авторитарных государств становятся социальные сети, мессенджеры и другие формы виртуального горизонтального взаимодействия. Если эти действия окажутся успешными, то возможность общения скукожится до тесного мира личных связей, до разговоров на

кухне — Левада все это хорошо помнил по временам брежневского застоя.

Однако островками интеллектуального общения за пределами кухонного застолья остаются университеты — во всяком случае, те из них, которые верны своей миссии исследовать и обучать. В том числе самообучаться через участие в исследованиях и коллективном обсуждении их результатов.

Поэтому когда мы сегодня открываем 12-ю конференцию памяти Юрия Левады, хочется поблагодарить всех ее участников — именно

ваша активность и желание поделиться своими наблюдениями и выводами сделали ее проведение возможным в Вышке, где существует базовая кафедра «Левада-Центра» и где мы стремимся формировать у студентов не только навыки, полезные для профессиональной карьеры, но и общее видение социального контекста и тенденций общественного развития.

Отдельная благодарность — коллегам из «Левада-Центра», нашим сегодняшним спикерам и бесменному организатору конференции Максиму Маркину и его команде.

«Потенциальная революция, которая в XX веке ожидала бы Россию, это не Горбачев, не перестройка, а оттепель»

Беседа Алексея Левинсона с профессором Палом Тамашем (май, 2018)

— Дорогой профессор Пал Тамаш, у вас был интересный разговор с Львом Гудковым о поколениях советских людей¹. Вы выразили готовность более подробно поделиться вашими соображениями о тех, кого называли в СССР шестидесятниками. Поговорим сегодня об этом.

— Давайте начнем с того, почему этот вопрос меня так заинтересовал. Здесь есть два мотива: личностный и более, я бы сказал, научный. Личностный — это то, что я в семидесятые годы в Москве и в Петербурге (Ленинграде того времени) познакомился с ведущими социологами-шестидесятниками (с теми, которые потом стали ведущими). Они были гораздо старше меня. Точнее, они были на 15–20 лет старше меня, и мне было очень интересно, как люди с этим советским опытом смотрят на мир. Это было очень важно, потому что это поколение — в Венгрии ли, в Центральной Европе и так далее — было совершенно четко антисоветским, и вообще отношение к советскому строю они имели негативное, потому что жили в том обществе, в котором жили. А в Киеве, Москве, Ленинграде я впервые в моей жизни встретился с людьми, которые прошли другие варианты социализации, я бы сказал так. Первым из этого поколения я познакомился с Грушиным, потом я познакомился с Заславской, с Шубкиным, потом с питерцами, ходил к ним в гости, главным образом к Фирсову, ну и к Ядову, и к Кону. И, конечно, в менее личностном и в более институциональном виде к Леваде.

В Центральной Европе аналогичного поколения — людей этого возраста с такими взглядами — я не встречал. Я встречался в Центральной Европе с людьми высокоинтеллектуальными из этого поколения. Но с их точки зрения они

жили в четких ограничениях, как в какой-нибудь тюрьме; они так воспринимали это дело, даже когда считали себя социалистами. Иногда хорошо жили, иногда плохо, но отношения к этому тюремному режиму, если могли, не хотели иметь никакого. Иногда, конечно, хорошо жили, иногда процветали, но эта дистанция была обязательной. А здесь (в СССР) этой дистанции не было, это были советские люди, безусловно. Это не значит, что они были политически пропартийно настроены, конечно, нет, но все-таки у вас там эти люди хотели улучшить существующий порядок, коммунизм или социализм. Как они это воспринимали тогда, они хотели делать общество, в котором они жили, лучше. Это общество было их общество; они имели какое-то отношение к нему. Это чрезвычайно важно с точки зрения моего видения. Я хочу подчеркнуть, что в Центральной Европе таких людей, которые хотели бы делать социализм лучше, было мало.

— Простите, но, с одной стороны, был Рожже Гароди, а с другой — был Александр Дубчек...

— Во-первых, Дубчек стал реформатором в очень специфической ситуации. Дубчека постепенно сделала таким внутривнутрипартийная борьба и сложный диалог с советскими руководителями. И, конечно, я с Дубчком не общался. Я общался с людьми польскими, венгерскими, чешскими, которые входили — это было очень важно с точки зрения понимания моего мироощущения и, скажем, советского, даже прогрессивного — в разные партийные структуры, которые курировали общественные науки, создавали всевозможные мультинациональные, межакадемические структуры.

Люди, которых я перечислил, безусловно (в основном это была пропартийная элита, но необязательно), были уже в этой среде, в этом разрезе. Была возможность с ними встретиться.

¹ После выступления Пала Тамаша «Поколение шестидесятников в советской социологии» на пленарной секции 24.04.2018 на конференции памяти Левады в НИУ ВШЭ.

Я стал приезжать в Москву в семидесятые годы, и эти люди были там. Они не сидели в ЦК, но можно было с ними общаться. Таким же образом можно было общаться с чехами и поляками. Конечно, в этих же структурах, в других структурах и так далее, но то, что Дубчек думал о себе — не знаю, чехи 1968 года — это особый срез. Но в основном эти люди не чувствовали себя рабами. Одни это не хотели воспринимать, другие делали вид, что они не рабы, третьи много говорили о том, что они рабы... Были очень разные варианты. То есть это был не их режим, кроме очень небольшой прослойки чешских и словацких интеллектуалов реформ, это, безусловно, так.

— *А в Польше, вы полагаете, сторонников улучшения социализма тоже не было?*

— В конце концов, они были там в пятидесятые годы, но в семидесятые, когда я вырос, таких уже не встречал. Одни были организованными оппозиционерами, другие просто не общались по-русски (тогда я еще не говорил по-польски), говорили не то, что нужно, а то, что они думали. Кстати, уже в семидесятые для меня из собеседников социологического и культурологического характера наиболее интересными были, безусловно, польские. Так что эти люди там были, делали свое дело, пытались вести себя по-научному, насколько это было возможно. Ну, что-то ведь было возможно. Таким образом, это был другой номер, другой вариант, нежели в СССР. Интеллектуалы тогда уже четко ощущали дистанцию между собой и общественным порядком.

Но я считаю не это наиболее важным. (Дело не в том, что я уже тоже стал немолодым человеком, и поэтому тоже ностальгирую по молодости, — нет.) Я думаю, и это моя центральная гипотеза в научном плане, что перестройка и Горбачев опоздали на двадцать лет. Что реально *window of opportunity*, окно возможности, существовало в обновлении, улучшении, модернизации социализма короткое время, примерно от 1954 до 1964 года.

Безусловно, когда умер Сталин, конечно, многие плакали или теперь вспоминают, что плакали, — это так. Но для меня по художественной литературе и по воспоминаниям более старших поколений стала ясной удивительная штука: тогда (после смерти Сталина) огромное количество молодых людей начали верить в то, что, да, ушел диктатор (они его по-другому называли, иногда даже плакали) и теперь есть какая-то возможность для оптимизма, можно что-то делать. Это было целое поколение, я бы

сказал, интеллектуальных комсомольцев — кстати, все люди, о которых мы говорили, они и сами были комсомольскими лидерами того времени — секретарями горкомов, райкомов комсомола, секретарями райкомов партии. И были молодыми людьми. Это не были люди, которые считали, что это не их режим, что они в тюрьме, что у них выхода нет, наоборот, эти люди думали, что можно что-то строить, что можно построить новый мир, новый режим.

Это была удивительная штука, когда Фирсов стал директором Ленинградского телевидения; когда известный украинский экономист Добров стал руководить обкомом комсомола в Киеве, и так далее. Это были люди, которые активно хотели что-нибудь делать. И им каким-то образом — тоже с компромиссами — это разрешили делать, — это можно обсуждать. Это 1954 год, оттепель. Потенциальная революция, которая в XX веке ожидала бы Россию, это не Горбачев, не перестройка, а оттепель.

Можно сказать, что Хрущев плохо справился с поставленной задачей, что он был не интеллектуал. Можно сказать что угодно. Но, так или иначе, в 1964-м его выгнали, и с этим начинается первая, очень типичная контрреволюция российских элит. И фактически с этими элитами вырубилось целое поколение — это люди, о которых мы говорим. Они ушли в науку. Этим они науку усилили. Их необязательно задушили физически, их не отправляли на Колыму. Даже было, что в «Комсомолку» пустили Грушина, и так далее. Из этих людей, которых я знаю, никого на Колыму не отправляли. Но перед ними захлопнули дверь в политику или «интеллектуальную дверь». Иногда и физически, в смысле, тебя отправляли в экономический институт, в маленький сектор, как Леваду, к экономистам и математикам, где ты фактически ничего не мог делать. Были какие-то там семинарские занятия и так далее. Прекрасно! Этим всех не задушили, но интеллектуалов — да. Это для меня наиболее интересная штука: во-первых, посмотреть, каким образом закрывается вообще какое-нибудь *window of opportunity*. Кстати, это очень интересно, потому что я вижу, что перед нашими глазами сейчас оно снова закрывается, идет очередная контрреволюция. Уже другие люди, но все равно в таком культурном плане они не очень отличаются друг от друга, и я думаю, что наиболее интересным моментом здесь является антропология контрреволюции и реакция интеллигенции на контрреволюцию, совпадающая в разных поколениях.

Хочу сейчас сказать не только об этих актуальных вещах. Еще было интересно для меня, каким образом из этих энтузиастов парткомов, крайкомов, обкомов комсомолов и партии люди стали, безусловно, самостоятельными и очень серьезными интеллектуалами.

— *Насчет window of opportunity. Я вспоминаю, что Левада первым выразил такое соображение, что Лаврентий Берия был готов к более радикальным реформам и более радикальной десталинизации, чем Хрущев и те, кто были с Хрущевым. И что поэтому Берия убрали.*

— Может быть. Я тоже слышал — может, не от Левады, от других интеллектуалов в семидесятые годы, — что да, может быть, Берия. Я, конечно, не эксперт по Берии, но мне кажется, то, что, если физически уничтожают второго человека после диктатора власти, это довольно, я бы сказал, наиболее вероятная или понятная версия.

— *Мне кажется, что мы в России недооцениваем события 1956 года в вашей стране, в Венгрии.*

— Я бы сказал так: ни Польша, ни Венгрия (Чехословакия 1968 года — это другой вариант) Россию или советскую светскую интеллигенцию того времени не касались. Там не хотели улучшить социализм, это просто были, я бы сказал, антиколониальные восстания. Сутью этого дела было: русские, прочь отсюда. Всякие русские, от Пушкина до Рокоссовского, там не разбирались. Когда в 1956 году в центре Будапешта на проспекте Ленина горели русские книги, это необязательно партийные брошюры горели, там горели Мамин-Сибиряк, классики XIX века... И я знаю человека, он был военнопленным в России, знал русский и был продавцом в этом же советском книжном магазине. И когда все сгорело, он забрал к себе на квартиру Мамина-Сибиряка.

Советские руководители, включая Политбюро, кстати, в том, что касается Венгрии 1956 года, они очень подробно изучали то, что происходит в Венгрии. Имре Надь, ведущий реформатор, позже премьер-министр, сначала был человеком Маленкова — обо всем этом, в отличие от политиков, у российской гуманитарной интеллигенции никакой информации не было, для нее это было где-то на Луне. Даже то, что сам этот факт восстания и его подавления имел место, не всем им было вполне известно. Но для советского руководства того времени это был чрезвычайно хорошо изученный факт. Во-первых, когда начинались волнения, а потом восстание, Андропов был

послом, который изучал то, что надо было изучать. Во-вторых, в эти дни прибыла партийная делегация, Суслов с Микояном. И они втроем подробно-подробно все это изучали, говорили со всеми возможными людьми, обсуждали, что делать. И они поначалу не вмешивались. Кстати, если у премьера Венгрии того времени — он тоже был партийцем из тридцатых годов, был политэмигрантом в Советском Союзе — было хоть немного поддержки, у отрядов на улице, у офицеров разлагающейся армии таких контактов не было.

Но для них поворотным пунктом было 30 октября, штурм будапештского горкома партии, который закончился линчеванием защитников здания. Я говорил со многими людьми, которые были на этой стороне в венгерском руководстве, и они сказали: «И когда состоялся линч, мы знали, что конец, что нас за это повесят, что здесь никакой альтернативы после этого нет». И тогда Суслов с Микояном сказали, что хватит, невмешательству конец. А в эти же дни Хрущев вел переговоры в Варшаве с другой конфликтующей столицей, и они в конце концов договорились. Но после взятия будапештского горкома компромисс выглядел там поражением, о чем говорить в такой ситуации?

Наши «либералы» — они себя сами называли социалистами, коммунистами, они тогда еще приветствовали мировую революцию. Но наиболее жестокими были расправы именно над ними. Это были классические расправы, расстрелы, повешения. А те, кто с ними имел дело, — это были не московские либералы девяностых годов, которые мечтали о том, как избавиться от наследия сталинизма и так далее. В начале 1957 года были организованы конференции для руководителей соцстран на тему, как реинтегрировать Венгрию в «мировую систему». Страна была не важна, но это была первая страна и даже партия, которая попыталась бежать оттуда. На этих конференциях странным образом наиболее жесткими были китайцы. Чжоу Эньлай, который приезжал два раза в Будапешт в то время, сказал: «Зачем это терпеть? Или есть порядок, или нет порядка». Насколько я понимаю, в конце концов, в значительной степени под влиянием Чжоу Эньлая советские ответственные лица все-таки выбрали наиболее жесткий вариант, хотя некоторые венгры во главе с Яношем Кадаром пытались хотя бы немного сопротивляться. Но не все и не везде, ведь в день восстания погибли партийные работники, линчевали солдат силовых

ведомств, потом пошли расстрелы, расправы и так далее.

Так что да, советские политики сначала следили внимательно, но могу сказать, что выбрали все-таки рутинный путь. Они подавляли колониальное восстание, как подавляли такие восстания викторианские либералы XIX века, когда в Индии восстали туземцы. Для них это было примерно такой же проблемой: что делать с туземцами? Их интересовали не вопросы улучшения социализма, не либерализм, а «что делать с туземцами». Туземцы в основном хотели не гуманный социализм, а венгерский национальный эксперимент. В основном демократический, но в отрядах были кроме демократов и представители старого национализма. У демократов, у социалистов не было сил их вытеснить. Армию практически распустили.

У них были свои эксперты (иногда со знанием венгерского). Через полтора-два десятилетия я знал лично некоторых из них, позже, в восьмидесятые и девяностые, они стали советскими посланцами в Венгрии. С отличным знанием венгерского языка, венгерской истории. Это были, извиняюсь, не дураки. Они точно знали разницу между Прагой 1968 года и Будапештом 1956 года. Физически знали, в тех политических пространствах присутствовали. Но были «москвоцентристами» и не хотели понимать местные коллективные эмоции. От них московская интеллигенция не узнала ничего полезного.

Через десять — пятнадцать лет и в Москве появились интеллектуальные форточки или хоть какая-то вентиляция. Я уже не помню точные годы, но был момент у Грушина, что он мог поехать в пражскую редакцию журнала «Проблемы мира и социализма». Это был международный журнал. И пражская редакция — а я этот журнал знаю — это был не либеральный социалистический журнал. Ну, там были западные коммунисты, итальянские, французские, но все равно довольно доктринерского вида. Этот журнал выходил в разных национальных вариантах, и я думаю, что русскоязычный вариант делался так, чтобы быть комфортным для советской партийной элиты того времени. Вот этот журнал «Проблемы мира и социализм» и Прага того времени, а это с середины шестидесятых годов до середины семидесятых, даже после вмешательства шести стран в Чехословакию, для Грушина — это было светлое пятно, окно в Европу.

Я думаю, что он был человек высокоинтеллектуальный, которого я лично не просто

уважал, а очень любил, он в 1973 году не знал фактически, эмпирически, как выглядит мир. Остальные были в этом плане еще вторичнее.

Я хорошо помню восточноевропейский анекдот того времени. Как выглядел sex-party в Лондоне, в Варшаве и в Москве? В Лондоне встречаются молодые люди, мужчины и женщины, и делают все вместе, всевозможные секс-комбинации. И один снимает это узкоплечной кинокамерой. В Варшаве собираются такие же молодые люди, это же поколение, на вечеринку и смотрят лондонский фильм. И потом в Москве собирается это же поколение молодых людей, и они слушают рассказ кого-то, кто видел этот фильм в Варшаве. Только партийные чиновники и советские международники знали, что картина жизни на Западе, которая получается после того, как проходит через их фильтры, это нереально. Интеллигенция, конечно, знала, что картина во многих отношениях фальсифицирована, но это было общее ощущение, а не конкретное знание по точкам.

— Но если мы говорим о гуманитарной интеллигенции, в частности о социологах, то в эти годы происходило определенное проникновение западной научной литературы в этот сегмент советской общественности. Начали читать и классиков социологии, и классиков философии. Получалось так, что глубоко изолированные от повседневности Запада западную литературу все же в какой-то степени осваивали.

— Да, здесь большой вопрос. Что касается социологов, про них я знаю: безусловно, они брали Парсонса, Мертона, функционалистов шестидесятых годов. Но понимания политической ситуации в западной науке у них не было. И хотя в шестидесятые, в 1966-м, у интеллектуалов Европы, и в Беркли, и где угодно уже шла подготовка к 1968 году, советские социологи об этом мало что знали. Они не знали о сущности происходившего в западной общественной мысли. К ним пропустили прекрасных классиков, глубокий поклон за это, но они шли часто от философии и на эту новую для них социологию смотрели как на теоретическую науку, не как на живую дисциплину о живом обществе. Переводчики или организаторы этого информационного потока невольно вырвали эти тексты из контекста. Если ты читаешь американцев, но ничего не знаешь о революции в Беркли 1968 года, ведь эти тексты родились или обсуждались в кампусах, эти куски теории, будем говорить, о другом. И я еще не говорю о том, что большое теоретическое открытие эпохи, Макс Вебер, это в десятые — двадцатые годы, и аме-

риканцы стали внедрять это для себя в конце тридцатых. А когнитивное поле московское было более поздним, и эти временные сдвиги редко ощущались и еще реже переинтерпретировались на московские структуры семидесятых — восьмидесятых годов.

— *Ваша мысль кажется мне очень важной для нас, потому что действительно и я, и мои коллеги участвовали в этом процессе трансляции классической западной социологии в Россию и оказались абсолютно не готовыми к тому, какая реакция на эту классическую социологию последовала в 1968 году в Сорбонне и в других университетах. Нам это было, скажу, просто непонятно. Что там такое, что их не устраивает? Мы не были готовы к пониманию их постановок социальных проблем. И соответственно новая волна, новая социология, которая пришла после 1968 года, была непонятна, ее требовалось заново изучать, с нуля.*

— Мне кажется, что все это было связано не только с познавательными моментами, не с тем, что перевели не тех, а перевели других, и так далее. (Хотя я думаю, что Маркузе и других перевели очень поздно, их уже не было в живых, когда их стали переводить.) Да, я думаю, дело не в том, что одного классика перевели, а другого классика нет. Мне кажется, это довольно универсальная штука, хотя в каждой стране Восточной Европы это решалось по-разному. Был главный враг для обществоведческой, гуманитарной интеллигенции, чисто в научном плане: им было не партийное государство, а исторический материализм, который был главным интеллектуальным стержнем, опорой режима, и новая социология, насколько я понимаю, самоутверждалась вопреки этому историческому материализму.

— *Самоутверждалась в СССР?*

— Во внутренних властных структурах в разных странах, хотя партийные режимы были реально похожими, реальность была очень разной. В других странах дело шло по-другому. Я помню, каким был первый кабинет социолога, который мне попался на глаза. Это был кабинет Ядова на физическом факультете Ленинградского университета того времени, я это хорошо помню. Вообще, все эти годы, когда шла открытая контрреволюция в Институте социологии (Институте конкретных социальных исследований) в Москве и Питере, все мои контакты, все наши контакты шли через академический Институт истории, естествознания и техники. Это был другой институт, другое отделение Академии наук, другая ду-

ховная атмосфера. Все-таки пожилые физики были лучше, чем пожилые философы. Хотя и те, и другие были иногда членами партии с 1927, 1929, 1931 годов. Но это были совершенно другие люди. И я помню, что потом в течение длительного времени — я думаю, это восьмидесятые годы — Ядов сидел в Питере, в Ленинградском отделении Института естествознания и техники. Там был такой старинный особняк, старое здание на Васильевском острове, и в конце длинного коридорного зала у окна сидел Ядов. И это был его рабочий кабинет. Но физический факультет — это шестидесятые — семидесятые годы, а этот период на Васильевском острове — это уже разгром института в восьмидесятые.

Таким образом, это была наука, которая вышла в родственной естественнонаучной среде. И это очень важно, что она не хотела быть философией или историей в таком марксистском научно-политическом понимании этого слова. И тоже очень важно, что ее ведущие представители, которые выжили и пережили этот период, пытались быть похожими на представителей точных наук. Во-первых, оттуда пошло длительное и стабильное изучение общественного мнения как основное научное направление. Я очень высоко оцениваю то, что вы в «Левада-Центре» делаете, что вы делаете журнал, но я не об этом. Я, читая международную литературу и бывая в разных средах, не знаю институтов кроме вашего института, где на теоретическом уровне и в академическом стиле занимались бы в таком объеме фундаментальными вопросами общественного мнения. Институтов много, сотни, но они не академические. Зарубежные институты занимались политикой и бизнесом. В России того времени это было бы нереально, но все, собиравшиеся в этих структурах, все-таки шли из научной среды, и для них советский научный институт, несмотря на те трудности, о которых говорили, был естественной сферой, средой обитания. А из этой среды много осталось к началу XXI века.

— *Это, конечно, благодаря уникальному стечению обстоятельств.*

— Да, была уникальная ситуация, как создавался институт, это вам гораздо ближе и виднее, но сейчас я не об этом. Я хочу сказать, что здесь образовалась команда, которая сбежала из марксистской философии. Она не выдержала политического давления на социологию того времени и сбежала в такие структуры, которые были родственными. Левада — в Экономико-математический институт, питерцы — в ан-

тропологию и до этого в педнауки. Во все, что было связано с научной работой и не было связано с политикой. И таким образом возникает, как мне кажется, основной вопрос, которым целое поколение новой социологии занималось в течение длительного времени: это социальная структура. Для меня и ВЦИОМ занимался вопросами социальной структуры. Большие вопросы более позднего времени, демократия, гражданское общество, тогда, как я понимаю, были не центральными.

И поэтому понятно, что культурологические игры социологов-французов были тогда неинтересными, неактуальными, неподходящими. Я думаю, что никакого запрета на эти занятия не было.

— *Не было. Я с вами согласен, это было просто непонятно. Более того, нам казалось, что мы занимаемся жизненно важными проблемами, а они занимают второстепенными.*

— Но вы занимались теми проблемами, которыми можно было заниматься в то время. Вопросами социальной структуры власти, вопросами взаимоотношений власти с социальной структурой вы не занимались, потому что так этот вопрос не ставился. Все понимали, что властные структуры связаны с социальной структурой, во ВЦИОМе уже тогда было очень много данных об этом, но в качестве фундаментальной проблемы эти контакты, эти причинные связи в то время почти не ставились.

— *Да. И я бы еще подчеркнул, что ведь и Фуко, и Бурдьё приходят к вопросам о власти, но это другая власть: та власть, которая в языке, которая осуществляется через категориальный аппарат. А тут власть, которая, так сказать...*

— ...сырая и прямая, так что это понятно. Интересным образом и всевозможные еврокоммунисты и другие левые группы, и среди них хорошие интеллектуалы решили проблему интеллигенции и советской власти не трогать. Писали много и умно об этом троцкисты и потом левое крыло западной советологии. Потом можно было уже рассматривать власть и социальную структуру в разных советских ситуациях, но на постсоветскую эпоху странным образом действовали разные трансферты из советской эпохи. Советские табу в основном уже не работали. Но техники ограничения, которые советская власть разрабатывала в семидесятые — восьмидесятые годы, внедряли в актуальные ситуации (когда в общественных науках других сфер они уже исчезли).

— *Да. А скажите, пожалуйста, как вам кажется, почему в Советском Союзе в то же время*

был заметный интеллектуальный подъем в области филологии и семиотики? Кажется, тогда мы вышли на мировой уровень...

— Да, абсолютно. В семиотике — точно.

— *Итак, был вторичный, безусловно, очень неполный, но подъем социологии, о котором мы сейчас говорили. При этом, как мне кажется — может быть, коллеги-философы скажут, что я не прав, — в это время гораздо меньше каких-то достижений в области философии. Разве что Мамардашвили? Почему, на ваш взгляд, философская мысль не смогла вырасти в России?*

— Да, еще Пятигорский. Это, конечно, большой теоретический вопрос, и я вряд ли отвечу на это. На том примитивном уровне, на котором я об этом думаю, ответ несложный: потому что философия была прямой партийной наукой, под прямым партийным контролем. И поэтому все карьерные пути находились под строгим контролем. И, таким образом, если ты не пошел по истории философии или по истории математики, то очень тяжело было что-то сделать.

Есть еще один момент: иногда что-то возникало в небольших центрах. Например, гениальная семиотика институционализировалась в Советском Союзе, конечно, в Эстонии. Причем в эстонском провинциальном — отличном, но провинциальном — университетском городе. Кем? Ленинградским евреем, которого туда распределили. И который, таким образом, не был частью ни эстонской элиты, ни советской элиты. Для него образовалась уникальная ниша. Таким образом, существовала в советское время, короткое время, но все-таки существовала даже отличная местная социология — под Тарту, в Кяярику. Проводились отличные семинары, кстати, с участием Ядова. Здесь очень влияли местные условия в большой советской стране.

Я плохо знаю подробности жизни Мамардашвили, но знаю, что он много ездил, что он долго жил в Грузии, а грузинская среда отличалась от московской. Там были киношники грузинские, было много чего, что было другим. Была отличная социальная психология. Так что можно сказать, что эти великолепные достижения философской, семиотической, гуманитарной мысли были созданы в значительной степени местными условиями.

— *Есть ли у вас какие-то соображения о том, какая разница между московскими и ленинградскими вариантами развития гуманитарной мысли, гуманитарной интеллигенции в тот период, о котором вы говорите?*

— Об этом очень много, подробно и великолепно пишет Борис Докторов, который сейчас в Америке. Он, безусловно, лучший знаток этого времени, этой эпохи, и я бы по этому вопросу консультировался с ним. Но мое ощущение, которое, может, отличается от его, что было два момента. Во-первых, ленинградская интеллигенция того времени была более стратифицирована, чем московская. Их было меньше, они были под сильным местным партийным колпаком, но в основном в вузах, а не в Академии наук. Сначала там было больше отцов-основателей, чем в Москве. Но партийные боссы, прежде всего лично Романов, партийные боссы города каким-то образом лично занимались их преследованием. И многие (Ядов, Здравомыслов, Кон, Харчев) постепенно в разных формах и в разное время покинули город.

Мы очень близко дружили, сотрудничали с Фирсовым — сейчас он в сильном возрасте, — основателем Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он в течение длительного времени как-то выживал с этими партийными договорами от разных институтов общественных наук. Причем на персональном уровне. Его цитировали, не давили, не уничтожали.

И, в конце концов, примерно половина этих ведущих светил питерской общественно-гуманитарной науки спаслись, переехали в Москву. Иногда переехали физически вместе с семьей, со сменой квартиры, иногда — только на заработки, в смысле на какие-то рабочие места. Но Москва считалась более анонимной. Не более демократической, а более анонимной, более крупной, более многообразной и так далее. Там легче было спрятаться.

Так что, я думаю, что основная разница была еще в том, что в Питере не было больших институтов. Основным был питерский университет. Но были ректоры, которые уважали социологов, в больших экономических и технических вузах города, в финансово-экономическом, в политехническом, кораблестроительном, но еще не было этих больших академических структур в социологии. На бумаге они были, но они были гораздо миниатюрнее, чем в Москве. Поэтому это было все-таки направление более университетское — по характеру, по силе, по духу; это также значит, что не было гигантских эмпирических проектов. Фирсов вызвал недовольство среды тем, что он пытался делать большие эмпирические проекты, похожие на аналогичные американские социологические проекты. Важно было еще,

что эти вузовские проекты пытались создавать летние школы. Летом вообще социологическая жизнь в городе [оживала]. Кугель, социолог науки, был настоящим талантом в организации этих мероприятий.

И я думаю, что их среда в Москве была такой же, когда питерцы переехали туда. И через летние школы, сборники контакты остались. Ядов, конечно, создавал школы, Кон участвовал в организации социальных движений.

— Пал, у меня просьба. Поскольку мы — центр Левады, не могли бы вы что-то, что вы считаете нужным и интересным, сказать про Юрия Леваду? Что вы думаете об этом ученом, об этом человеке?

— Во-первых, я думаю, что его золотой век — это девяностые годы. До этого он готовился к этой роли, после этого ну, он писал теоретические монографии до и после, но потом он был уже нездоровым, немолодым, и время уже стало меняться. Но в девяностые, особенно начало девяностых, пока создавался центр, институт и так далее, это было его золотое время. Для меня он самый интересный из этого поколения публичный интеллигент. Я, повторяю, с ним не работал, но мы с ним общались систематически. Раз в два месяца, что-то такое. Мое ощущение было, что это единственный из этого поколения, который не стремился — а может, стремился и не получилось, не знаю — к академической карьере в чистом виде. Это не значит, что он не был академическим ученым, он им был, но он не готовился быть академиком или директором большого академического института. Может, готовился и не получилось, не знаю, но я его таким не видел.

И он в этой роли был бы не самым интересным. Не знаю, получалось ли у него такое, предлагали ли ему это, но факт остается фактом — он для меня был единственным верным источником, насколько в то время вообще были верные источники, о том, куда движется Советский Союз. Прежде всего в том плане, куда движется советское общество. Что будет с советским обществом. Главным образом, куда движется социально-политическая структура Советского Союза и куда движется эта структура в реалиях физических.

Это очень важно, поэтому я хотел бы на минутку остановиться на вашем центре. Базовая формула его в России уникальная — есть публичный социолог крупного масштаба, один из самых известных в стране, который собирает (я, может быть, некорректно упрощаю) для своей теории и концепции данные.

Потому что обычно такого нет: или люди собирают данные, но не очень четко себе представляют, что делать с ними, или человек думает о том, куда двигаются колоссальные пласты общества, но его не интересуют данные, исходя из того, что данные все равно не удастся собрать более или менее целостно, делать с ними нечего, а если даже собирать — они могут ввести нас в заблуждение, и так далее. Это было очень распространенное мнение и в новой российской социологии, и точно в той части мировой социологии, которую интересовала Россия. Зачем с этим возиться, все равно реальные данные не получаются.

А вот Левада был уникальным человеком, который ни на минутку не отказывался от лучших социальных фантазий, был лучшим теоретиком большого порядка. Причем его интересовало будущее, в этом плане это социальная фантастика, но в то же время он пытался шупать данные. И это уникально.

Левада в этом плане был уникальным. У других не было данных. Даже не то что были данные или их не было; у других не было амбиций искать данные. Вообще, это была большая дилемма и в западной социологии, что, если мы делаем социальную теорию, нужна ли для нее социальная эмпирика или нет? И многие считали, что она не нужна, что она только мешает. Потому что данные получаются не те, которые в нашей теории. И поэтому лучше не трогать. Так считали многие немцы, французы, американцы и, конечно, те, которые на Западе занимались Советским Союзом в момент взрыва. Вообще, конечно, это была очень большая смелость со стороны Левады — заниматься замами $n+1$, $n+2$, n в состоянии n . Потому что опять-таки, исходя из традиционных понятий XIX века в социологии, она не в состоянии предсказать будущее. А здесь, хочешь не хочешь, ты предсказал. Ты предсказываешь, что будет завтра после обеда. Так что это была уникальная смелость или уникальная слепота, а может, все вместе. Но то, что это было уникально и что это была смесь всех этих факторов, — это, безусловно, факт. В этом Левада не был похожим на других.

Я бы еще хотел подчеркнуть, что последние советские и первые постсоветские поколения довольно резко отличались друг от друга. И это расслоение пошло и в стратификации российской социологии, поэтому там значительные, необычно резкие культурные перепады, которые делают ее такой интересной. Конечно, это усложняет коммуникацию внутри дисциплины

и политическую среду вокруг социологии. Иногда отсутствует достаточный уровень солидарности вокруг отдельных профессиональных групп, но это делает эту среду еще интереснее.

Здесь вообще возникает довольно интересный вопрос. Есть такой американский советолог украинского происхождения — Юрчак, — который выпустил большую монографию, она вышла в 2006 году на английском, а по-русски это, по-моему, библиотека «Неприкосновенного запаса». Книга о том, как, по его восприятию, выглядело последнее советское поколение. Последнее советское поколение у него — семидесятники. Он мало говорит о шестидесятниках, но он говорит, что у них еще была вера во что-то коллективное, а вот эти люди, которых называют семидесятниками, у них уже коллективизма не было, все идет по линии карьеры и так далее. Он на своих страницах показывает, как это выглядит в различных советских ситуациях. И о том, что шестидесятники выжили в той ситуации, в которой остальные уже были семидесятниками. Когда они пришли во власть, уже в горбачевское время, они уже провели по пятнадцать — двадцать лет в каких-то второразрядных, третьеразрядных институциях, структурах, семинарах и так далее. И когда они пришли к власти внутри социологии после 1991 года, уже было поздно. Эти люди были в положении, когда тебе шестьдесят пять, а ты начинаешь новую любовь с девочкой. И они думали о том, что это тоже прекрасный результат, что они вечно молодые, что даже в семьдесят лет девочка — она наша. Но она такой не была, не могла быть, или если была, то на очень короткое время. И, таким образом, возникали, конечно, всевозможные внутренние противоречия. Может быть, в вашем центре меньше, вокруг Ядова — больше. Даже не то что были конфликты или нет. Эти люди — они все-таки были узниками какой-то коллективной мечты. Не коммунистической, конечно, но какой-то коллективистической. А остальные люди вокруг уже этим не интересовались. Кстати говоря, в чисто социологическом плане наиболее интересной книгой, я думаю, является интервью вокруг Березовского, которую надо перечитывать и перечитывать, это чрезвычайно интересно. Потому что там видно, как возникает следующее поколение интеллектуалов российских. Если мы сказали, что интеллигенция Ядова, Левады — это было определенное поколение, то там появляются совершенно уже новые интеллектуалы. Березовского — на основе того, что я знаю о нем, что я читал о нем — считаю в этом пла-

не абсолютно первоклассным интеллектуалом. Но его интересовало его личное эго. И остальных вокруг интересовало личное эго. Они хотели не новую Россию, они хотели себе миллиарды, даже не миллиарды, они хотели себе власть. Речь не о том, хорошо это или плохо; это другое потребительское отношение. И поэтому наиболее важным для меня является то, что появляется это поколение личного потребления власти. Повторяю, не количество мяса на душу населения или на одну семью интеллигентскую, а вот, так сказать, кусок власти, который нужен был всем этим людям, всем десяти, которые дают интервью. Это чрезвычайно интересно, потому что такие откровения, истории, правильные, неправильные, я как раз таких от шестидесятников не читал, как у этих семидесятников.

Факт остается фактом, что из этого, как мы видим, ничего не вышло. Что это индивидуально-коллективное потребление этих поколений ничего не дало и, в конце концов, то, на чем я хотел бы в этот раз закончить, оно привело к уничтожению вузов и институтов, которые считались авангардом этой эпохи, — актуальное состояние Европейского университета в Санкт-Петербурге, актуальные конфликты этих дней вокруг Шанинки, эмиграция Европейского университета из Минска в Вильнюс и потом внутреннее разложение его институций.

Для академических институтов новая книга интервью Авена о Березовском также интересна здесь для социологической эпохи, потому что там есть интересные подробности о том, как выглядела структура власти в советских экономических институтах того времени. То, что я вспоминаю, будучи мальчиком в это время, я думаю, это ужасно похоже на правду. Я никогда не видел более похожего описания российского академического института, как в этих интервью вокруг молодого Березовского. Так что, безусловно, это, по моим восприятиям, было, но здесь есть еще один момент, на котором я на минутку хотел бы остановиться.

Хочу вернуться к началу нашего разговора, где мы сопоставили Россию и Восточную Европу, вернее, Советский Союз и Восточную Европу. Дело в том, что после перестройки в России эту интеллигенцию, которая считала себя союзником новой власти, все-таки выгнали из власти. Да, у вас во ВЦИОМе был талант к маркетингу, у других этого таланта не было, и они

решили делать новые вузы. Я об этом много говорил моим старшим друзьям, но они меня не понимали, не слушали. Может быть, даже Леваде — я не помню. Я говорил, что «у вас же идет революция, перестраивается общество, все создается новое. А вы будете думать о том, что вы готовите людей для того, что будет через тридцать лет. Это поражение. Это импотенция. Надо делать революцию сейчас, надо помочь революции, надо перехватить власть или помочь тем, которые перехватили». А этого не было. Они по-прежнему мечтали о том, чтобы делать новые университеты, вузы, копировать какую-то американскую, английскую учебную программу, что и делали.

Я не говорю, что-то испортили, в научном плане точно нет, даже наоборот, но при моем огромном уважении и любви к Европейскому университету я хотел сказать: «Это же смешно: вы что, будете в Беркли играть в песочнице?» И они все думали, что да, они будут играть в Беркли или в Оксфорде. Прекрасно, очень хорошо, но мы видим, чем это дело закончилось. И мы видим, чем другие аналогичные штуки заканчивались. Английский диплом Шанина, который остается без сопровождающего российского диплома, аналогичный диплом в Минске, Европейский гуманитарный университет, как они его тогда называли, который уехал сначала в Литву, а потом через пару лет распался. Украинский аналогичный университет, Могиланка так называемая, которая превратилась в узкоукраинскую национальную структуру. Мы видим, что эти структуры не работали, а не работали по той простой причине, что нет в этих странах того «западного типа» общества, для которого эти вузы готовили бы кадры.

— Я вас от души благодарю!

— Спасибо за интерес!

— *Интерес огромный, и я уверен, что такой взгляд, который предлагаете вы на процессы в России, для нас необычайно важен и необычайно интересен. Он не может быть получен изнутри, он может быть получен только со стороны. А то, что это благожелательный, заинтересованный и информированный взгляд, это делает очень ценным то, что станет продуктом нашего разговора. Спасибо!*

— Спасибо, счастливо!

— *Всего доброго!*

От редакции. Мы случайно обнаружили в архиве «Левада-Центра» письмо Б.С. Орлова, адресованное А.Г. Левинсону, с текстом предисловия к «Лекциям по социологии» Ю.А. Левады, которые явно готовились к новому изданию. Мы связались с Борисом Сергеевичем Орловым и с его согласия публикуем это свидетельство о нравах и временах становления социологии в СССР.

Уважаемый Алексей Георгиевич! Поскольку я доберусь до компьютера в ИНИОН в лучшем случае в пятницу, посылаю Вам текст предполагаемого введения к предполагаемому изданию лекций Ю.А. Левады. В тексте изложена суть проблемы. Остальное — по телефону.

С приветом Б.С. Орлов

Борис ОРЛОВ

Как пускали под нож «лекции» Юрия Левады

Юрий Александрович Левада удостоился судьбы тех авторов, произведения которых не просто запрещали (этим в России никого не удивишь), но, по распоряжению начальства, пускали под нож уже изданные. Первым, как известно, в этом списке числился Александр Радищев со своим «Путешествием из Петербурга в Москву», ознакомившись с которыми императрица Екатерина II вынесла предельно краткий вердикт: «Бунтовщик хуже Пугачева». С «Лекциями по социологии» Ю.А. Левады дела обстояли посложнее. Бунтовщиком его никто не называл, но прокремлевские ортодоксы насакивали на него в ходе публичных обсуждений с предельным ожесточением, обвиняя во всякого рода ревизионистских грехах, так что руководство ИКСИ, где он не просто работал, но был секретарем партийной организации, чтобы прекратить всякие разговоры вокруг этих «лекций», приказало все экземпляры в институтской типографии пустить под нож. Я был причастен к изданию этих лекций как руководитель Информационного отдела института, и все этапы подготовки издания, последующих обсуждений, а также проработок проходили на моих глазах. Приказ институтского начальства по уничтожению лекций был выполнен, но еще мудрейший Салтыков-Щедрин подметил, что суровость законов, принимаемых в России, как бы смягчается необязательностью их исполнения. Так было с «Путешествием» Радищева, так было и с «Лекциями» Левады, что и открывает возможность для их переиздания.

Но по порядку. Так получилось, что после моего возвращения из Праги 23 августа 1968 года, куда я был послан корреспондентом «Известий», чтобы освещать события, и был отозван, поскольку не согласился с официальной версией нашего танкового вторжения в Чехословакию, сложилась критическая ситуация, в том числе и для меня, поскольку было очевидно, что с моей журналистской деятельностью покончено. Сложности были и у известинского руководства, которому было не ясно, как со мной поступить. Просто выгнать? Отдать под суд? Но за что? Как журналист я был в газете на хорошем счету и не раз выручал редакцию, когда возникала «дырка» в международной полосе (когда по указанию МИДа снимался какой-то материал) и приходилось срочно писать комментарий, давая отповедь реваншистским высказываниям некоторых западногерманских политиков, особенно Франца Штрауса. Разрядил ситуацию я сам. Убедившись, что никто меня арестовывать не собирается, в беседе с главным редактором Львом Николаевичем Толкуновым я сказал, что хотел бы переключиться на научную деятельность, писать кандидатскую диссертацию и работать в только что создаваемом институте социологии. Лев Николаевич ухватился за это предложение, тут же, при мне, позвонил директору института академику Алексею Матвеевичу Румянцеву и сказал обо мне всякие слова, мол, работник он неплохой, только в критических ситуациях нервы у него пошаливают. Словом, я был принят в только что созданный институт, у которого тогда даже

своего помещения не было, и со временем был назначен заведующим информационным отделом, в котором готовились к изданию работы сотрудников института в местной типографии.

Должен сказать, что в то время — а это был 1969 год, — институт по своему кадровому составу представлял собой, без всякого преувеличения, уникальное явление. Про себя я называл его «островом свободомыслия в застойном болоте». Сотрудники института условно делились на социологов и политологов. Первые группировались вокруг одного заместителя директора, Геннадия Осипова, вторые — вокруг другого, Федора Бурлацкого. Замечу, что сами эти обозначения, мягко говоря, не были в то время в ходу. Социология рассматривалась как буржуазная наука, политология тем более. Официально считалось, что для объяснения и анализа общественных процессов достаточно научной теории исторического материализма. Тот, кто выходил за рамки этой теории, попадал под категорию ревизионистов или даже идеологических диверсантов, подкапывающихся под основы марксизма-ленинизма. Между «истматчиками» (назовем их условно так) и «социологами» шла ожесточенная борьба, иногда выплескивавшаяся на страницы журналов. Социологам приходилось завоевывать свои позиции, начиная с подвального помещения в одном из жилых домов неподалеку от Савеловского вокзала. Когда я шел на первую встречу с Г.В. Осиповым, мне запомнились длинные трубы, тянущиеся под потолком подвала. Я тогда подумал: «Вот с чего начинается советская социология, призванная объяснить, в каком обществе мы живем». С подвальных труб, в которых что-то журчит — то ли вода, то ли еще что-то другое».

Позже удалось переехать в здание бывшего СЭВа неподалеку от станции метро «Профсоюзная», но и тогда, чтобы не раздражать «истматчиков» и стоящий за ними Отдел науки ЦК КПСС, институт официально назывался не социологическим, а Институтом конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР). Иными словами, мы фотографируем то, что видим, безо всякого там анализа. Так что не придирайтесь к нам.

Но «истматчики», у которых был развит идеологический нюх, понимали, что дела обстоят куда серьезнее и что по своему составу институт представляет собой «гнездо ревизионизма». А состав был и в самом деле примечательный: Шубкин, Левада, Грушин, Заславский, Кон, Ядов, Шляпентох, Лапин, Андреева, Колба-

новский, Кордобовский — вот лишь некоторые представители группы социологов. Частым гостем в институте была новосибирский ученый Татьяна Ивановна Заславская. А вот фамилии политологов — Галкин, Амбарцумов, Лисичкин, Карпинский, Араб-Оглы и другие. Такого средоточия интеллекта на ограниченном пространстве одного научного заведения мне не доводилось встречать ни до, ни после. Замечу лишь, что и представители школы «истматчиков», точнее, догматиков, в институте тоже были, и они активно дали о себе знать в более позднее время.

Будем иметь в виду, что все это происходило ровно через год с небольшим после вторжения советских войск в Чехословакию. В стране нагнеталась идеологическая напряженность. Но, что любопытно, именно в это время создавался институт, где собирались ученые, критически мыслящие в области общественных наук. А чуть позже был создан Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР), куда я перешел в начале 1970-х. Предназначение этого института заключалось в том, что его сотрудники прочитывали западную литературу — книги и журналы, — реферировали ее и под грифом «для служебного пользования» рассылали в партийные инстанции и научные библиотеки по всей стране, что в корне противоречило логике существования тоталитарного режима с его железным занавесом. Отмечу, что в застойные времена в обществе, в том числе и в партийных верхах, происходили сложные противоречивые процессы, без учета которых трудно понять, почему именно в руководстве правящей и единственной партии возникла потребность в демократическом обновлении общества, обозначив это намерение такими уклончивыми лозунгами, как «перестройка» и «гласность». Интеллектуальные предпосылки к этому создавались не в последнюю очередь теми, кто работал в ИКСИ с момента его основания.

Вернемся в то время, когда Юрий Левада смог прочитать лекции в Московском университете (не уверен, что сегодня ему это удалось бы). Возникла идея издать их ротاپринтным способом в типографии ИКСИ¹. В этом издании на второй странице был опубликован состав редакционного совета, как бы своего рода круговая порука тех, кто брал на себя от-

¹ Хочу отметить, с каким энтузиазмом готовили «Лекции» к изданию сотрудники отдела, в первую очередь мой заместитель Эмиль Ефимович Цейтлин, который взял на себя литературное редактирование текста.

ветственность за содержание выпускаемых институтом изданий². В какой-то степени это обстоятельство сыграло свою роль, когда, ознакомившись с содержанием изданных «Лекций», «истматчики» подняли шум, и завертелась пропагандистская машина осуждения «ревизионистской деятельности» Юрия Александровича Левады.

Признаться, я впервые был свидетелем того, с какой злобной активностью выступали на обсуждениях в Институте философии, в Высшей партийной школе все эти «истматчики», среди них Константинов, Попов, Митин. Академика Марка Борисовича Митина в кулуарах называли не иначе как Мрак Борисович. И он действительно нагонял мрак на весь ход этих, с позволения сказать, «дискуссий». Но достойно вели себя сотрудники ИКСИ. Энергично и убедительно выступал Федор Михайлович Бурлацкий. Но больше всех по-хорошему меня удивил Александр Абрамович Галкин. Обычно взвешенный и сдержанный, слушая гневную тираду Попова в адрес Левады на обсуждении на специально собранном идеологическом совещании, он громко заметил: «Может быть, милиционера позвать?» Попов от неожиданности оторопел, а зал бурно реагировал. Позже Александр Абрамович рассказывал мне, что на каком-то приеме академик Константинов подошел к нему и сухо заметил, что Галкин на обсуждении вел себя неподобающе и что отныне он ему руки не подаст. «Сочту за честь», — парировал Галкин. Для конца 1960-х ответить так почти самому главному идеологическому начальнику в стране — это был гражданский поступок. Как и поступок самого Левады, который не видел в своих лекциях никакой крамолы и вовсе не собирался каяться.

Как уже было сказано, оставшиеся в типографии лекции Левады решили уничтожить, чтобы как-то ублажить жаждущих крови «истматчиков». Что и было сделано, хотя один экземпляр в двух выпусках я, конечно, припрятал. С него и воспроизводится текст, который читатель держит в руках.

Размышляя сегодня над тем, почему стоило переиздать лекции Левады, я полагаю, что это, прежде всего, документ, свидетельствующий о том, что даже во времена, когда еще не осе-

ла пыль, поднятая гусеницами танков на дорогах Чехословакии в августе 1968 года, в стране были самостоятельно думающие люди, имеющие представление о происходящем в мире. А.И. Солженицын охарактеризовал тех, кто получал образование в стране при Сталине и сразу после его смерти, «образованщиной». Эта характеристика не может быть распространена на всех. Во всяком случае, на тех, с кем я имел возможность общаться в ИКСИ в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Не их вина, а беда, что они родились и воспитывались в условиях тоталитарного режима. Но они находили в себе мужество в непростых обстоятельствах осмысливать происходящее, уходя от пропагандистских догм, и искать выход из создавшегося положения. Одни размышляли в рамках критического марксизма, другие шли дальше. Но именно такого настроения люди подготавливали почву для переосмысления деятельности правящей партии в рамках перестроечного процесса, без которого были бы невозможны политические и экономические реформы начала 1990-х годов. Такой вот сложный и извилистый путь к выходу из тоталитарного режима. И в начале этого пути среди текстов, пробуждающих сознание советского общества, были и «Лекции» Левады, которые привлекли к себе внимание и содержанием, и по факту скандального обсуждения, вернее, осуждения властями.

Тема отдельного разговора: почему сегодня утратили роль властителей дум многие из тех, с кем мне довелось встречаться в ИКСИ, в первые ельцинские годы, почему они не приняли участие в формировании влиятельного демократического движения, оставляя пространство для силовых структур, которые стали определять ход событий в конце 1990-х и в первом десятилетии 2000-х. В этом смысле резко выделялся Юрий Александрович Левада. Он возглавил ВЦИОМ, а когда власти, недовольные объективностью проводимых им опросов, стали давить на него, нашел в себе силы и мужество уйти со своей командой и в непростых, прежде всего финансово, условиях создать собственный аналитический центр. И при нем, и после его смерти «Левада-Центр» стал символом объективного, взвешенного анализа. И в этом смысле Юрий Левада был и остается одним из главных авторитетов российского общества на пути к его гражданскому созреванию. Того самого пути, который прокладывал вместе с другими Ю.А. Левада в самом начале 1970-х своими «Лекциями», с которыми читатель может ознакомиться сегодня.

² Вот состав редколлегии, указанный в первом выпуске «Лекций» (№ 5, 20): В.В. Колбановский, Л.А. Воловик, И.В. Бестужев-Лада, В.Г. Васильев, Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, В.Ж. Келле, И.С. Кон, О.С. Кордобовский, В.Н. Кудрявцев, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Н.С. Мансуров, И.В. Павлов, З.И. Файнбург, В.А. Ядов. Во втором выпуске (№ 6, 20) в составе редколлегии назван и я — Б.С. Орлов.

Авторы номера:

Бердышева Елена Сергеевна — к.с.н., старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Бондарик Есения Владимовна — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Гества Клаус — доктор философии, историк, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла (Германия)

Гудков Лев Дмитриевич — д. ф.н., Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Красильникова Марина Дмитриевна — к. э. н., заведующая отделом изучения уровня жизни, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Левинсон Алексей Георгиевич — к.иск.н., заведующий отделом социально-культурных исследований, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Лысова Татьяна Сергеевна — социолог, Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Мареева Светлана Владимировна — к.с.н., зав. центром, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Николюк Сергей Александрович — социолог, независимый исследователь (Минск)

Орлов Борис Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, ИНИОН РАН

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — к.с.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Соколова Анна Андреевна — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тамаш Пал — профессор, директор Института социологии Венгерской Академии наук

Тихонова Наталья Евгеньевна — д.с.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ханин Владимир (Зезв) — профессор, Университет Бар-Илан и Университет Ариэль, (Израиль)

Чепуренко Александр Юльевич — д.э.н., ординарный профессор, руководитель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SUMMARY

Subjective stratification of Russian society model and its dynamic (by Natalia Tichonova)

The article shows that in the past decade and a half the subjective social structure of Russian society has undergone a cardinal change. Most Russians no longer consider themselves social outsiders and Russian society as a whole has become a mass lower middle class one. Thus subjective stratification in modern day Russia is drastically different from what it was in the 1990-es and the early 2000-s on the one hand and from subjective stratification models of developed countries, where actual middle class dominates instead of lower middle class on the other.

These properties of the social structure of Russian society are very persistent now and practically do not change under the influence of deterioration of the economy. Another characteristic trait of the subjective stratification model in Russia is the increasing overrating in mass consciousness of the role of material wealth in defining social status coupled with the lowered prestige of education, professional skill and career achievements. As a result the main marker defining their social status for Russians is their material wealth and lifestyle.

The article shows that as a whole Russians are largely satisfied with their social status and the share of people identifying as the “low class” is relatively small. However, due to the illegitimacy in the eyes of Russian citizens of the increasing self-reproduction of the major social strata and the gradual disappearance of the “tunnel effect”, for the first time in the past quarter century the idea that the optimal stratification model for Russian society is that of social homogeneity began to dominate in the mass consciousness. Since at the same time human rights are becoming a priority for Russians over the interests of state, such changes could lead to a mass demand for serious changes in key social institutes.

Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities (by Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyk)

The article provides an overview of the recent international reports devoted to the problem of inequality and shows position of Russia in international context in terms of inequality of income, inequality of wealth and inequality of opportunities. It is shown that the differences in the approach to inequality measurement, combined with the use of different data sources, lead to different estimates of its degree and depth. Estimates of income inequality related to the distribution of income among the population as a whole (usually measured using the Gini coefficient) position Russia as a country with high degree of inequality (especially against the background of Western European countries), but not the extreme.

Measurement of inequality by income concentration provides a different picture. On a global background, Russia is characterized by very high rates of income concentration in the hands of the top 1–10% of the population; wealth concentration is even higher, and it positions Russia as a world leader of inequality. The extreme concentration of income and wealth in Russia is usually attributed by analysts of international organizations to the chosen path of transition to a market economy and the specifics of the institutional conditions in the country.

For the purpose of developing socioeconomic policy measures aimed to combat inequality, it should be borne in mind that the concentration of income / wealth and monetary inequality among the general population, although characterizing the extent of inequality in the country as a whole from different angles, are different phenomena, requiring different mechanisms for managing them.

The article also shows that in international practice attempts are made to make a comparative analysis of inequality of opportunities in different countries. However, inequality of opportunities is also usually associated with monetary inequality and is estimated through the influence of individual birth circumstances (gender, socioeconomic status of parents, place of birth) on income inequality. According to the available data, the Gini index on inequality of opportunities in Russia is quite high on the global background, and more than a third of income inequality in the country is attributed to the ascriptive characteristics associated with the circumstances of the birth.

Turning to estimates of non-monetary aspects of inequality, the inequalities in access to education and life expectancy that the United Nations uses to adjust the Human Development Index classify inequalities in these areas in Russia as relatively less profound, especially in education (with respect to income inequality, these estimates, however, are much less optimistic).

In general, inequality really represents one of the key challenges for a new stage in Russia's development, but the possibility of handling it requires a rigorous approach to its definition, measurement and formulation of the goals that need to be achieved.

What do indexes speak of? Potential and limitations of public opinion survey data dynamic comparisons (by Marina Krasilnikova).

Decades of experience at measuring indexes based on public opinion survey data, accrued by Levada Center allows us to analyze their dynamics in various periods in the country's history and compare the worldview and subjective evaluations reflected therein in times of stability and crisis.

The year 2017 became the third in a row when state statistics announced a decrease in the populace's real income. It's this three-year period - 2015-2017 - that we'll take as an example of an unfavorable (crisis) state of the country's economy. Conversely, a three-year period of ten years ago - 2005-2007 was marked by the highest tempo of families' income growth in Russia's newest history. This will be the other period used for comparison.

Both three-year periods were marked by the growth of the Consumer Sentiment Index - an aggregated indicator reflecting the dynamics of people's subjective opinions and evaluations on various aspects of everyday life. Granted, during the first period, ten years ago, the index grew at a somewhat higher degree. However, the more fundamental difference is in the structure and factors

generating the growth of Consumer Sentiment in different time periods.

In favorable years consumer optimism is first of all based on positive evaluations of the conditions on the consumer market, and the estimation of personal ability for active consumption does not fall far behind the overall CSI. In periods of economic upheaval, consumer optimism stems from hypothetical hopes for the future. And the widening gap between the pragmatic evaluation of own circumstances and the expectation of an economic miracle based largely on information from the media, reflects the increasing sense of helplessness and powerlessness, a loss of control over one's own life.

It seems, in our society economic difficulties do not lead to the mobilization of personal resources. Quite the contrary - simultaneously with the background spread of pessimism, a Utopian image of the future is formed and the responsibility for that future is shifted "upstairs" - onto the state, the president, oil prices etc.

The article shows that the populace's subjective evaluations of socioeconomic conditions during periods with considerably different economic index dynamics are very similar. However, the processes behind these rather similar numbers are markedly different. Positive expectations can be formed both due to a predominant certainty in one's own capabilities and as a result of relatively high or low expectation horizon regarding the desired scenarios.

This circumstance, it seems, points to an important trait of the populace's subjective evaluations analysis potential. The data is always historically particular, is tied to and noticeably depends on the social circumstances it was formed in. Despite the attractiveness of analytic work with "long" strings of data, accrued through public opinion surveys spanning years, their historical comparability is limited. However, this does not diminish the importance of mass public opinion surveys for the study of society and predicting upcoming changes therein.

Soviet man. The History and ambivalence surrounding a collective singular form (Klaus Gestwa)

Cultural constructs such as that of the homo sovieticus have helped shape our understanding of the Soviet Union. Svetlana Alexievich's literary anthropology and the sociograms of the staff at the Levada Center draw our historical view of the individuals and society in the Soviet Union more sharply into focus. However, this anthropological type suggests a general validity and homogeneity

that fails to do justice to the diversity and openness of individual and social development in the USSR and in the post-Soviet states.

Presidential elections in Russia and Israel: sociopolitical aspects (by Zeev Hanin)

Analysis of the results of the electoral vote in March 2018 among Israelis that have retained Russian citizenship. The turnout amounted only 8% of voters. Mostly these were retirees. It means that repatriates from the former USSR no longer identify with Russia and its political interests. Russian-speaking repatriates have pretty much integrated into the local society and the leading worldview.

Patriotic mobilization and the consequences thereof (by Lev Gudkov).

The period of mobilization and nationalist euphoria (2014-2016) brought about by anti-western and anti-Ukrainian propaganda is over but the consequences thereof - such as the reduction to late Soviet supremacy practices and the institutional fixation of a non-democratic authority system will persist for a long time. Each phase of collective excitement causes a revival and emergence to the foreground of mass illusions, archaic and baseless hopes for improvement in life (happiness), faith in the leader - chief or savior - capable of bringing it about.

On the outside mythological structures of consciousness take up a rather secular form of political and publicist statements. Their truth or falsehood is not verifiable since the profane public opinion hasn't and is not capable of having the means necessary to analyze and check them.

The non-routine state of the masses means a primitivization of mass consciousness, an abrupt simplification and unification in the understanding of events. The Crimean wave of mobilization that followed the mass protests in large cities and the decrease in Putin's legitimacy, legitimized a tougher stance on legislation, court and regulatory enforcement, aimed against any forms of social self-organization not controlled by the Kremlin or regional authorities and has led to an expansion of political police authority, the establishment of a monopoly of the president's administration censure and control over the mediascape.

Nastya Rybka and the collision of civilizations (by Sergey Nikolyyuk).

Analyzing the reaction of the Russian populace to the information about corruption in the top tiers of Russia's government spreading via social media and the multiple criminal cases opened

against governmental officials publicized via mass media, the author comes to the conclusion that the effectiveness of corruption critique is low since mass political precepts and the propaganda using them block the effect of moral and sociopolitical consequences.

Political preferences act as data filters, letting in first and furthest information confirming the existing 'worldview'. Russia as a separate local civilization undergoing the shift between industrial and postindustrial society chose a "special route" which can be summed up as conscious effort made by the political elite to block all that can aid the spread of intense structural and functional differentiation (value of self-expression in society, autonomy of various social groups).

The main goal of the pro-Putin elite is to uphold social and political stability. It can only be achieved by the inoculation of state patriotism ideology - that is to say - increasing isolationism.

This condition is a symptom of a civilizational dynamic being exhausted. In mid-term the regime and the existing consensus will not be threatened by local protestations. In most cases, their participants strive to avoid any politicization of their activities. In full compliance with the "special route" concept, the dissatisfied react not to the breach of law but to the unfairness of asset distribution, which is expressed by complaints to the country's main distributor thereof.

Use of Internet services and factors affecting the variety thereof (by Tatiana Lysova)

This article examines the extent to which the inhabitants of Russian towns use Internet-services requiring personal information (bank card number, passport data etc). It also includes a statistical evaluation of the effect of various factors on the intensity of use of such online services.

The analysis was performed using exploratory factor analysis (to determine latent factors) and structural equation modeling (to evaluate the theoretic model). The factors with the most influence on the number of services a respondent made use of are age and positive attitude to digital tech. However, other studies predict that the generational gap will disappear with time so other factors influencing the difference in internet use should be examined. The respondents that feel in control of their future use the internet in their everyday practices more actively.

Being sure of the safety of data posted online is conducive towards using more internet-services and is a much more influential factor than institutional confidence level. Although institutional confidence does have a positive influence on the volume of

services used by respondents online, it's not overly important for increasing the variety of Internet-service used.

Freedom of information: informal practices of mass-media regulation in contemporary political process in Russia (by Eсениya Bondarik)

The paper focuses on informal practices of media regulation in the contemporary political process in Russia. Informal practices can influence the information agenda regulation to a greater extent than formal practices, which are restricted by law. Today informal practices is one of the main sources of constitutional dysfunctions in the country. Public authorities use informal practices as the main instrument influencing the media in Russia in the political process. By using informal practices of media regulation governmental authorities can influence the mass media business, change the media policy and as a result determine a framework of Russian mass media system and affect the information policy agenda.

Measuring suffering in social sciences: the case of oncology diseases (by Elena Berdysheva, Anna Sokolova)

The article prompts current ability of social science to see the burden of social world, experienced by individuals. One of the most thrilling threats – cancer diagnosis – serves as an example to highlight the approaches to the assessment of losses and suffering (in the war on cancer), being developed in economic theory, sociology and psychological science. Sociology of evaluation framework is used to see that losses within deadly disease experience point to the categories being used today to describe prosperous life scenario. People with cancer are struggling for their life, and through this experience it becomes

clearer what exactly “normal life in contemporary society” is. The special intention of the article is to draw the attention of the economic sociologists to the problem of suffering, because now many issues that are in dire need of their expertise are arising within the friendly social sciences (economics and psychology), but due to specificity of their scientific tasks do not meet proper attention.

Interview with Pal Tamash (by Alexey Levinson)

The main subject of the interview: “People of 1960-s” in USSR and Eastern Europe. Main difference between the two, according to P.Tamash, lies in the perception of the socialist regime. Soviet liberals hoped it could be improved and liberalized. By the 1970-s their colleagues in Eastern Europe thought it was just a prison not liable to any improvements. P. Tamash believes that Khrushchev's “Thaw” contained real potential for aggregating strong and numerous pro-reformist social forces in the USSR, more powerful than Gorbachev's “Perestroika”. What happened after 1964 P.Tamash calls “counter-revolution”. (The same takes place now, he adds). In his interview P.Tamash also provided important historical details about the Budapest uprising of 1956. For him the repressive measures taken by Soviet government were typical for a metropolis crashing rebellion in its colony. P. Tamash also shares his memories about Yuri Levada, Boris Grushin, Vladimir Yadov, and other Soviet/Russian sociologists.

How Levada's «Lectures» were scuttled (by Boris Orlov)

Memoirs of Boris Orlov, the head of the editorial department of the USSR Academy of Sciences Particular Social Research Institute in 1968-1969 of how the printed copies of “Yury Levada's lectures on sociology” were banned and destroyed in 1969.

